

Юлия Фирсанова

Частица невероятности МС

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Если богатырская сила поет в крови, если в сердце горит пламенный огонь справедливости, а душа чиста, то в жизни всегда есть место подвигу, куда бы ни завела тебя судьба: в обычный подвал многоэтажки или в чащобу близ заколдованного замка.

И что с того, что ты не древний герой со звучным титулом, а студентка с заурядным именем Маша Сазонова? Для неведомых сил, даровавших тебе звание ортэс — ключ и гармонизатор вселенной, — это не важно. И для сил тьмы, решивших устранить помеху, тоже.

Что ж, пусть попробуют. У Маши есть не только неведомая сила, но и вкусные печенюшки! Перед таким искушением не устоит никто, даже сам Черный Властелин.

- [Юлия Фирсанова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Юлия Фирсанова

ЧАСТИЦА НЕВЕРОЯТНОСТИ MS

Пролог

КЛЮЧ К ТАЙНЕ

— Машка, ты конченная идеалистка! — провозгласил Витька, воздев вверх свою банку с газировкой.

— Может, законченная, Витек? — хихикнула Верка, машинально сооротив глазки однокурснику и накручивая кудряшку-завлекалочку на пальчик.

— Не, именно что конченная! — заупрямился парень.

Мария лишь улыбнулась и тряхнула рыжеватой челкой, даже не думая обижаться на ребят. Как говаривал ее дед, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

А парень тем временем продолжал бухтеть:

— Какого... она эту пьянь потащила проверять? Чуть на автобус не опоздали! Вот скажи, Маш, зачем? Лежит себе человек в кустах, радуется жизни, так нет, полезла! Тебе чего, больше всех надо?

— Если человек лежит на газоне, ему может быть плохо, — спокойно обосновала свой поступок Маша.

— Ха, я ж говорю, конченная идеалистка ты, Сазонова! — остался при своем мнении парень. — Если б этот счастливек тебе песню петь с ходу не начал, точно бы на рейс опоздали, и плакал пикничок!

— Какая есть, — пожалала широкими плечами профессиональной пловчихи девушка, отпила яблочного сока из пластикового стаканчика и перевернула шампуры над мангалом.

— Зато Машка шашлыки делает — закачаешься! — вступился за однокурсницу и коллегу по шашлычному делу Лешка, хозяин дачи, куда приехали ребята всей группой на майских праздниках.

— Это да, шашлыки у нее мировые! — вынужденно согласился Витек, покосившись на шампуры, и невольно сглотнул слюну. Там, над пламенеющими углями, уже начало исходить соблазнительным ароматом мясо. — Если бы еще под водочку или пиво...

— Вечером, Вить, но только в меру, а то Лешкины родаки нас сюда больше не пустят, — покосившись на Машку, пообещала староста группы Лидка.

— Я тебе что, алкашня с газона? — возмутился Витька. — И вообще, родаков-то тут нет.

— Зато баба Нюта есть, — скорбно вздохнул Лешка. — Эта старая... хры... леди, короче, бдит, как десять полицаев. Все доложит, всех заложит. У нее... блин, даже бинокль есть, с чердака зырит! Так что до вечера, а там в дом перекочем ужинать и вмажем чуток. Коек в доме хватит. Можно матрасы надуть и раскладушку из сарая притащить.

— Я вечером на остановку пойду, меня можно не считать, — сразу предупредила Маша.

— Ну да, ты ж у нас не только идеалистка конченная, а еще и трезвенница, ладно хоть не язвенница, режим дня нарушать нельзя, — поддакнул Витька.

— Чего ты до Махи докапываешься, Вить? Она спортсменка, у нее режим и все такое. Как на соревнованиях за биохим выступать, так тебя нет, одна Машка плывет-бежит-прыгает, — вступилась за безотказное физкультурное сокровище курса староста.

— Зато я в КВН! — напыжился Витька.

— И на машинке скоро буду, и вышивать... — поддержал приятеля тоном Матроскина Лешка, намекая на недавнюю сдачу прав приятелем, и заржал.

Маша тоже рассмеялась и снова повернула шампуры. Мясной дух щекотал ноздри. Девчонки уже намыли овощей, нарезали салатики, напластали хлеба, сыра, колбасы, но садистски не дали жаждущим одnogруппникам ни кусочка под лозунгом: «Как шашлык будет готов, тогда все! А пока сам не ам и вам не дам! А кто станет спорить, тот вообще без еды останется!»

Мужской части группы осталось только сплотнуть слюну и смириться. Бродить по даче, болтать и дышать свежим воздухом. Нет, первые полчаса по приезде проголодавшаяся молодежь еще шаталась по газонам, время от времени вынимала гаджеты, досадливо хмурилась и снова принималась бродить. На Лешкиной фазенде, вот засада, сеть не ловилась совершенно. Никакая! Будто все операторы разом устроили забастовку. Так что пришлось даже самым преданным поклонникам техники на время оставить любимые игрушки и вспомнить, что можно общаться исключительно друг с другом, и не смайликами, а словами.

— У тебя тут вроде как не низина, а глухо, как в танке, — пожаловался тогда Витька.

— Мы привыкли, — безразлично оправдался Лешка. — Вроде в прошлом году где-то неподалеку вышку ставили, а все равно, сети нет как нет. Батя шутит, что тут аномальная зона, НЛЮ в фундамент чьей-то дачки случайно залили. Если позвонить надо, приходится до дороги чапать, сеть только там появляется, еще можно в лес. Поближе будет. Но там комаров столько, что лучше все же на дорогу. Зато и из жаждущих общения никто не достает!

Так что, приняв странное объяснение, возмущающийся народ погудел, погудел, да и занялся устройством пикника. Мясо удалось, салатики тоже, красное винцо под него, газировка, пиво пошли на ура. Молодежь гудела и веселилась. На возможные доносы бабы Нюты уже никто не обращал внимания.

Маша Сазонова — главная спортсменка группы и спец по шашлыкам — от спиртного (не считая пластикового стаканчика полусухого красного) отказалась. Зато с удовольствием пила любую газировку, яблочный сок и ела за троих. Аппетит у не толстой, но статной и мускулистой девахи был отменным. Впрочем, проголодавшиеся на свежем воздухе одноклассники, вне зависимости от комплекции и пола, от нее не отставали.

Насытившиеся студенты собрались на площадке за дачей Лешки, оттащили в сторону мангалы, развели костер и принялись развлекаться. Пели хором, рассказывали анекдоты, потом нашли применение одной из пустых бутылок — решили играть в «вопрос-ответ».

Первым раскрутил бутылку на пяточке одной из бетонных плит, которыми замостили «шашлычную зону» во избежание пожара, шустрый Витька. При этом он очень уж выжидающе поглядывал на Верку. Видно, хотел что-то спросить у красотки, но горлышко, вот засада, указало на Машку.

Нет, девка она хорошая, даже, пожалуй, симпатичная: волосы светлые с отчетливой рыжиной, глаза каре-зеленые, лучиками. Но прямая Машка, как бревно, которое, небось, вместе с дедушкой Лениным легко перетащила бы от дачи до самого города, даже не вспотев. Рядом с такой девушкой былинному богатырю впору встать, а не обычному студенту. Попросишь конспект или бутерброд — охотно

даст, а чего другого у Машки просить попытаешься — глянет своими чистыми глазищами, и язык не повернется. Вроде простая, как валенок, но чего-то с ней чуток не того. Или она какая-то не такая.

Потому Витька ляпнул вопрос «на отвяжись» первую ерунду, какая взбрела в голову:

— Когда ты последний раз врала, Маш?

Сазонова в ответ не обиделась, скорее удивилась, хлопнула темно-рыжими, густыми, как щетка, ресницами и пожала плечами:

— Не знаю, Вить, я никогда не вру.

— Да ладно, — не поверил парень. — Все врут, Маш, по пустякам, но все и всегда!

— Наверное, — снова пожала плечами странная девушка. — Только я не вру. Зачем?

— Ну... матери, что не пришел вовремя автобус, а сама с подружкой загуляла, преподу, что тетрадку с лекцией дома забыла, а сама и не писала, или угостили какой-нибудь дрянью, а ты хвалишь стряпню... — почесал в затылке Витька, приведя пару-тройку самых распространенных примеров.

Машка же снова хлопнула своими щетками-ресницами и тихо проронила:

— Нет.

Она могла бы добавить:

«Мне так еще дедушка говорил: „Ложь пачкает и унижает, делает слабым, она как дыра в щите. Через нее и тебя ударить могут. Не ври, Машунь, коль можешь, никогда не ври понапрасну. Не можешь сказать обидную правду, смолчи. Одно дело дезинформация врага — на войне все средства хороши, другое — пустая брехня ради сиюминутной выгоды или комфорта“».

Но не сказала ничего. Видела, Витьку не убедишь и не переубедишь. Люди разные и жизнь по-разному видят. Так зачем болтать?

— Ученые установили, что человек врет три-четыре раза в день! — с апломбом продолжил Витька. — Так что ты, Машка, со своим бзиком правдивости в теорию вероятности не вписываешься!

— Ага, ты у нас это... частица невероятности — МС, — вставил с чуть пьяной улыбкой Лешка, уже успевший с приятелями сходить в дом и тайком от старосты начать дегустацию более крепких, чем пиво

и легкое вино, напитков. Он как раз разливал компании остатки красного вина из коробки. — Тебя под стекло и в палату мер и весов или в музей надо!

— Не надо в музей. И вина тоже больше не надо, спасибо, Леш! Лучше я сок допью и пойду автобус или маршрутку ловить. Спасибо за пикник, ребята, было весело и вкусно! — улыбнулась Маша, допила стаканчик с яблочным соком и встала со старенького рюкзака, на котором сидела, приспособив его вместо скамейки или подушки.

Увлеченная компания почти не заметила «потери бойца». Ну не хочет Машка на даче ночевать, ее право. Может, родители шибко лютуют. Вон как у Верки. Ее едва-едва Лидка под свою ответственность отпросила. Меньше народа, больше кислорода! А заодно и свободных спальных мест.

Маша тихо прикрыла за собой калитку, подпрыгнула, поправляя лямки рюкзака, и пружинистым шагом двинула по неширокой гравийной дороге к шоссе. Но не успела девушка сделать и трех шагов, как скрипнула калитка соседней дачи и старческий голос окликнул:

— Деточка, не поможешь?

— Конечно! Что надо сделать, бабушка? — повернулась Маша к вполне благообразной — и не скажешь, что она жалобщица и вредина, — старушке. Ситцевый светлый халатик в мелкую ромашку, голубые калоши, седые волосики, собранные в аккуратный пучок. Словом, типичная бабушка-дачница, а вовсе не старая бяка.

— У меня подпорка сломалась, люк на чердак захлопнулся, не отпирается. Его бы подтолкнуть снизу. Да спина уже не та, чтоб тяжести ворочать, — пожаловалась бабуля.

— Пойдемте, — согласилась Маша.

Маршруток от дачного поселка до города, как объяснил Лешка, летело по дороге много. Одной девчонке попутку поймать — плевое дело. Это для группы пришлось расписание изучать и с автобусом подгадывать. Специально на машинах не поехали, чтобы не ругаться, кому нельзя ни грамма, а кто хоть по горло заливаться может. Маша в пьянке особой радости, как ни старалась, не видела, но поскольку давно уже поняла, что то, что нравится ей, далеко не всегда нравится всем, то с одноклассниками не спорила. Хотят — пусть, а ей стакан красного под мясо, и хватит. Не потому, что трезвость — норма жизни, а просто больше не хочется.

Вслед за бабушкой Нютой девушка прошла по выложенной плитками тропинке с травой, безбожно пробивающейся между стыками. Мощеная дорожка привела к дому из белого кирпича в два этажа. Так вроде было модно строить лет пятьдесят назад. Кирпичная труба подтверждала, что и печка в доме есть.

Разуваться Машке бабушка не велела, лишь попросила кроссовки о половичок у порога вытереть. Домик захламленным или грязным, подобно многим дачкам, не выглядел. Чисто в нем было, как не во всякой городской квартире. По тканому в красную и зеленую веселую полоску коврику девушка прошла до лестницы на второй этаж. Удивленно покосилась на бабулю. Никаких люков, дверь и открытая лестница, соединявшая этажи.

— На чердак, деточка, — повторила бабушка. — Нам выше надо.

Маша пожала плечами и взбежала по ступенькам. Дождалась, пока, привычно жалуясь на артритные колени, поднимется старушка. На втором этаже тоже располагались жилые комнаты, но видно было, что тут давно никто не жил. Одна с двумя кроватями, явно спальня, вторая вроде как кабинет. Во всяком случае, там стояли письменный стол, высокое рабочее кресло и шкаф. Правда, не застекленный, а с плотно прикрытыми створками.

— Вася, муж мой покойный, тут работал, а в спальне детки жили. Только Вася мой уж семь лет как помер, а Киру и Володеньку по другим городам жизнь разбросала, — мимоходом пояснила бабушка и махнула рукой на невысокую приставную лесенку к люку в потолке. Под ней действительно валялась сломанная чурка, когда-то служившая подпоркой.

За каким лешим бабушке с артритными коленками понадобилось лазить на чердак — неужто и впрямь оттуда за соседями с биноклем подсматривала, — Маша гадать не стала. Просили помочь — поможет. А развлечения старушек — это их личное дело.

Девушка положила рюкзачок на пол, залезла на лесенку и оперлась о люк обеими руками. Толкнула на пробу. Люк первые секунды казался тяжеленно-чугунным, не дерево, а бетонная плита, а в следующий миг крышка пошла вверх и откинулась с удивительной легкостью.

— От спасибо! — Старушка обрадовалась так, словно ей не люк на чердак открыли, а выигрышный билет на миллион подарили или

запасную молодость. — Теперь, деточка, пожалуйста, слазь наверх, где-то там у меня ключ от сарая остался. Все обыскала, только там и может быть!

— Хорошо, — улыбнулась Маша, получив ответ на невысказанный вопрос о мотивах бабушки. Какой подгляд, вот нелепость, старушка просто ключи искала! Может, и с биноклем, надеялась пропажу сверху обнаружить!

Сазонова вылезла и встала под стропилами чердака. Огляделась. Вот тут действительно все было так, как положено на даче. Хлам нахламе лежит и хламом прикрывается. Старых вещей — сломанная маленькая скамеечка, старый набор инструментов с банкой кривых гвоздей в придачу, скатка то ли штор, то ли половичков, горка калош, банка с краской, связка старых журналов и стопок газет, разнокалиберные коробки с неопознанным содержимым — имелось вдовосталь.

Не видела девушка только одного. Собственно того, зачем полезла на чердак. Ключа.

— А где ключ? — хотела было спросить Маша у бабушки, оставшейся на втором этаже, да осеклась. На самом видном месте, на гвоздике, висел ржавый ключ на шнурке. Маленькие бороздки и длинный штырек. Но все такое ржавое, что и трогать руками побрезгуешь, чтобы не запачкаться.

Но раз бабулька просила... Может, это не тот ключ? Маша на всякий случай еще разок огляделась, других ключей, подходящих под бормотание старушки: «Ты его сразу увидишь, деточка, если глазки правильно смотрят...», — не обнаружилось.

Пожав плечами, Маша подцепила ключ с гвоздика, стараясь не запачкать джинсы (ржавчина вообще не отстирывается!), и полезла назад. Пусть бабушка сама решает, тот ключик или нет. Только для начала люк надо крепко припереть чуркой из горки рядом, чтобы опять не захлопнулся.

— Этот? — с выжидательной улыбкой встала перед старушкой Маша. Ключ покачивался на веревочке между бабой Нютой и девушкой.

— Этот, внученька, — снова неизвестно чему обрадовалась бабушка, да так, что у нее на глазах, кажется, слезы показались.

Маше даже неловко стало: из-за такого пустяка старушка переживала. А ей пяток минут — и все сделано!

Вручив веревочку с ржавым ключом бабушке, Маша снова умостила рюкзачок на спине и побежала по дороге к шоссе. Сазонова уже не слышала, как бормочет себе под нос бабка:

— Наконец-то, дождалась! Теперь дачку соседу продам и к Володеньке в Казань поеду! Он меня давно звал, да долг не пускал. Слово дадено было у одра смертного — найти замену, туточки ее дожждаться. Наконец-то ключ притянул. И Васеньке спокойно теперь будет! Будь счастлива, девонька! Спасибо тебе!

Домой Маша добралась уже почти к девяти вечера. Дверь открыла своим ключом, но на кухне горел свет. Значит, дедушка решил заглянуть. Долго ли до соседнего дома дойти?

— А, Маша! Явилась не запылилась! — вышел встречать внучку дед Федор. Невысокого росточка, лысый, как коленка, но еще жилистый и крепкий старик.

— Привет, дедуль! — Девушка чмокнула старика в бритую до синевы щеку.

— Как съездила, егоза?

— Хорошо, шашлыки пожарили, поболтали, у костра посидели, — отчиталась Маша.

— Пила? — с чуть наигранной суровостью нахмурился дед.

— Только красное вино, стаканчик, — не стала скрывать внучка. — Сам знаешь, пиво я не люблю, а водку только в компрессах от ушибов употребляю.

— Ну и ладно, — оставил расспросы старик. — Руки мой и на кухню топай. Я яишенку с колбаской и помидоркой как раз сгоношил. Поделюсь!

— Спасибо, дедуль, — улыбнулась Маша, зная, что старик всегда готовит на нее и на себя. Даже если ее нет дома. Так уж повелось. Родители вечно по экспедициям, а заботы о Маше на дедушке Федоре.

Росла Маша поначалу ребенком болезненным, потому дед и решил клин клином вышибать. Не слушая слабого писка обеспокоенных бабушек обоих родителей, сомнений дочери и возражений зятя, сам взялся закалять внучку. В какие мог спортивные секции ее записывал. Ушу, лыжи, волейбол, фигурное катание, плавание... Где только не занималась Мария за двадцать лет жизни.

Медалей не заработала — для этого, как сказал мудрый дед, здоровье бы гробить пришлось, а не копить. Но от болезней Маша избавилась начисто! За последние пятнадцать лет девушка даже не чихнула ни разу, не то чтобы грипповать или иную пакость подхватить.

В умиротворенном молчании — оба были не охотники до пустого трепа — родственники поужинали, и дед стал прощаться.

Проводив его, Маша собралась ложиться. Только для начала стоило разобрать рюкзачок. Вытряхнув из него на диван кучку совершенно необходимых вещей — нож, бутылка с водой, кошелек, телефон, пакет с полотенцем, девушка недоуменно нахмурилась. Среди ее собственных вещей лежал виденный сегодня в первый раз в жизни ржавый ключ. Ржавчины, правда, на нем было куда меньше. Небось, пообтерся о Машины вещи.

Но чистота содержимого рюкзака волновала сейчас девушку в последнюю очередь. В своем здравом уме и памяти Маша никогда не сомневалась, она точно помнила, что вручила ключ старушке. Та никак не смогла бы догнать и тайком засунуть ключ в вещи Марии. Тогда почему ключ оказался тут? Совершенно непонятно!

В мистику Машка не верила, девушкой была трезвомыслящей и практичной. Но своим глазам не захочешь, поверишь! Ключ приехал в город — факт. Значит, что она должна сделать? Не носиться по дому с криками: «Чудо! Странность! Небывальщина!» — а завтра (хорошо, что выходной) поехать и вернуть ключ бабушке Нюте. Пока же для сохранности пусть повисит на связке с прочими ключами.

Решив для себя этот вопрос, Маша подняла находку. Остатки ржавчины при этом осыпались хлопьями или чешуйками. И блеснул не обычный серый или желтый цвет сплава, а какой-то странный, золотисто-красный, как красное золото. Но тут же ключ снова стал обычным, медно-оранжевым.

«Рефлекс от штор!» — осенило Марию. Девушка улыбнулась собственной догадливости и прикрепила ключ бабы Нюты на общую связку.

Закончив дела, сбегала в душ и благополучно заснула. Чистое тело и чистая совесть — вот залог здорового сна. В этот раз, правда, сновидения были несколько более причудливы, чем обычно: Марии снились золотой свет, красно-золотой ключ и бесконечность

светящихся дверей, в каждую из которых нужно было войти. Нет, не потому, что хотелось, а потому, что так надо.

Ночные кошмары девушку никогда не мучили, проснулась она чуть озадаченной, но освеженной и спокойной — в своем обычном состоянии. Никаких пьяных типов на газонах на пути от дома до остановки, на которой останавливался транспорт, ходивший в сторону Лешкиной дачи, с утра не валялось. А раздававшиеся из соседней подворотни звуки — нечто протяжно-завывательное — Маша идентифицировала как пьяную попытку спеть песню. На помощь не побежала. Если людям так хорошо, чего мешать?

Глава 1

ПЕРВЫЙ ШАГ

Все-таки на природе дышится на порядок легче, чем в городе! Маша, довольно улыбаясь, трусила по гравийной дороге от шоссе к даче бабы Нюты. Для себя девушка уже решила: извинится, отдаст ключ и немного погуляет по окрестностям. Раз уж снова выбралась за город, стоит возможность использовать.

Девушка добежала до участка Лешкиной соседки и удивленно хлопнула глазами. На калитке висел здоровенный амбарный замок.

Маша нахмурилась. Дело немного усложнялось. Теперь придется для передачи ключа разыскивать бабушку. В том, что Лешка, даже если он до сих пор отсыпается на даче с друзьями после вечерней гулянки, знает, где в городе живет баба Нюта и как ей позвонить, девушка сильно сомневалась. Но, может быть, его родители в курсе или соседи справа? На дачах было слишком тихо, только птицы вовсю заливались и где-то далеко взлаивала собака. Ребята точно еще спали.

— Ты чего это? — прервал размышления студентки мужской голос, исполненный подозрений. Он раздался со стороны следующей в ряду дачи. — На дачку даже не зарься! Я уже с Комаровой все давно обговорил. Покупаю! Мне, как члену кооператива и соседу, все равно право первого выкупа положено.

Маша обернулась. Тщедушный мужичок неопределенного возраста в застиранной до состояния «когда-то оно было голубым» рубашке распахнул скрипнувшую калитку и, уперев руки в бока, пытался грозно хмурить брови, притопывая серой от пыли галошей.

— Мне дача не нужна. Я вчера бабе Нюте помогала захлопнувшуюся дверь открыть. И ржавый ключ какой-то в мои вещи случайно попал. Вернуть приехала, — честно отчиталась Мария.

— Покажь! — грозно потребовал сосед.

Маша достала связку из рюкзака и встряхнула, показывая чужой ключ.

— Не, это не от ворот и не от дома, небось, от сараюхи какой на участке. Я все-равно менять замки буду, — мельком глянув, успокоился сосед. — Можешь эту ржавую хрень выбросить или, ха-ха,

в цветмет сдать. А бабка сюда больше не явится, она к сыну в Казань переезжать собирается. Дачку мне со всем барахлом продает! Что хотела, вчера забрала. Мы ее в город с узлами подбросили. Завтра прямо с утра с женой моей сделку оформлять поедут. Видать, совсем Володьку спиногрызы замучили, если он гримзу Нютку к себе зовет...

— Спасибо, — растерянно кивнула Маша и машинально взлохматила свои густые короткие волосы. — До свидания!

Сожалений о том, что зря съездила, в душе не было. Прогулялась, и ладно! Девушка снова уложила связку ключей в рюкзачок, закинула его на спину и побежала по дороге, дыша полной грудью. Кроссовки легко пружинили по дороге, сильное тело наслаждалось пробежкой. На миг она даже прикрыла глаза, ловя ласку солнечных лучиков, подсвечивающих сквозь растущие по обочинам между дачами березы. Лепота! — как говорили предки.

Еще несколько минут Маша с удовольствием бежала, пока по левую сторону дороги не показалась площадка для сбора мусора. В Лешкином дачном товариществе мусор даже пытались сортировать. Во всяком случае, четыре контейнера — пищевые отходы, пластик, бумага и металл — на гравийном пятачке имелись. Сазонова порядок уважала. Сразу вспомнился ненужный более ключ. Он точно был металлическим. Маша, спустив с плеча рюкзак, вжикнула молнией. Сунув руку, привычно, на ощупь, постаралась выловить из внутреннего кармашка ключи. Укололась обо что-то, наверное, разогнулось колечко, держащее связку, и вытащила наружу.

Странно! Ржавого или теперь уже частично ржавого нет, даже совсем не ржавого, но чужого ключа на связке не было и в помине. Соскочил?

Маша легко дожала пальцами чуть отогнутую дужку и вслепую пошарила в кармашке. Пусто! Пошарила в сумке. Ключа не было. Присела на корточки, раскрыла рюкзак пошире и изучила содержимое — может быть, где-то в подкладке дырка образовалась и ключ провалился? Нет, подкладка оказалась цела и ключа так и не нашлось. Куда делся — совершенно непонятно. Но так ли это важно? Если его возвращать не надо, пусть. Найдется, наверное, так же неожиданно, как пропал. В мистику Мария, как уже говорилось, не верила абсолютно, но факты признавала. Если вещь пропала, значит, пропала. Да, в конце концов, еще не все физические законы на Земле изучены.

И под какой-то из них очевидно подпадает даже странное поведение чужого ключа.

Пожав плечами, Маша аккуратно застегнула рюкзак и побежала по дороге дальше, к остановке у шоссе.

Свежий утренний воздух, наполненный запахами леса, чуть-чуть дымка (кажется, у кого-то на даче жгли костер, а может, топили печь) наполняли легкие. Дышалось лучше, чем в парке, где обычно бегала девушка. Бежалось тоже легко и приятно. Маша на секунду снова прикрыла глаза от удовольствия и чуть нахмурилась. Перед веками вспыхнула золотисто-красная завеса, кроссовки спружинили не на гравии, а на траве, и сразу же повеяло такой свежестью, чистотой и ароматами множества растений, что в сравнении с этим богатством чистый загородный воздух показался бы не приятней автомобильного выхлопа.

Маша резко остановилась и распахнула глаза. Вокруг был лес. Не дачное редколесье, не парк, не посадка, а натуральный светлый лес с разнотравными полянами и величественными деревьями. Не дубами и не березами. У этих оказались серебристо-белые стволы, странные серебристо-зеленые листья и белые гроздья цветов. А еще на верхушках, если запрокинуть голову посильнее, эти цветы становились гроздьями золотистых плодов. Некрупных, с физалис или помидорку черри. Густой кустарник под деревьями, там, где не было полян, цвел россыпью нежно-фиолетовых цветов — почти сирень, если бы не узкие, как у ивы, листья.

Звонко, мелодично пересвистывались птицы. Но опять-таки Маша не узнала ни одной нотки. Не малиновки, не соловьи — это были не русские птички. И, кажется, вообще не земные.

Додумать мысль о странных растениях и птицах девушка не успела. За кустами раздался судорожный хрип и не то стон, не то кашель.

Мигом оставив рассуждения о похожести и непохожести флоры-фауны, Сазонова ринулась на звук. Кажется, кусты сами разошлись, пропуская ее к телу человека. Ой, нет, не человека. Таких больших зеленых глаз и длинных острых ушей у людей конструкция не предусматривала в принципе. И длинных, но при этом не спутывающихся в неопрятные патлы, а стекающих плащом волос цвета чистого золота тоже. Правда, все это великолепие было грязным

от сока трав, серым от земли и красно-бурым от запекшейся и продолжавшей сочиться из многочисленных ран крови. Кажется, незнакомец умирал.

— Человечка... В Кельдилесье... я брежу. Значит, и в самом деле скоро уйду в чертоги Веалиль. Увижу родных. Жаль только, Фэалину не отомщу. Не успел, не смог.

Маша была сострадательной девушкой, но при этом еще и практичной. Смартфон, извлеченный из внешнего кармана рюкзака, показал полное отсутствие сети. Значит, «скорую» вызвать не получится. Нет, аптечка в рюкзаке у нее, конечно, имелась. Но в ней — только жгут, бинт, пластырь, йодовый карандаш, перекись и пачка активированного угля. Этим помирающего инопланетянина, предположительно эльфа, вылечить никак невозможно. Но вдруг какой-то способ знает сам умирающий?

— Как тебе помочь? — уточнила девушка.

— Никак... Я умираю, человечка, я проиграл... Лес отвернулся от меня... Нет его милости и нет желания продлить мою жизнь. Фэалин победил, — прошептал бескровными губами юноша.

— А почему лес отвернулся? — нахмурилась Маша, присев на корточки рядом с эльфом.

— Он отверг мой путь. Я хотел дать доступ к окраине леса нашим соседям во имя гармонии и света, но сородичи воспротивились. — Эльф говорил коротко, делая паузы между словами, чтобы набрать толику сил. — Дядя не поддержал меня. Был поединок. Я проиграл. Меня выбросило сюда, чтобы я умер у корней меллорнов, дав кровью Владык силу деревьям.

— Угу, понятно. Твои реформы не поддержали, — деловито резюмировала Маша, обобщая сказанное. — Все оказались против, а когда ты принялся настаивать на своем, лес и сородичи обиделись, поэтому тебя решили ликвидировать.

— Воистину, — криво, краешком рта усмехнулся эльф.

— А если ты скажешь лесу, что ошибался, попросишь прощения и исцеления, он поможет? — наобум спросила Мария, не зная, что еще предпринять.

— Не скажу, — упрямо дернул головой умирающий и застонал от боли в ранах.

— У нас никогда таких красивых лесов не было, — тихо промолвила девушка, любуясь природой. — Нет, наши леса, там, куда люди еще не добрались и не испортили, тоже красивые. Но тут даже дышится по-другому. Все вокруг не просто растет, оно живет.

— Как можно испортить лес? — настолько поразился умирающий эльф, что даже на какую-то секунду забыл, что умирает.

И Маша, которой весь год читали курс экологии, обстоятельно рассказала как. Остроухий парень слушал, и его грязно-бледное лицо умирающего из белого становилось все более серым. Ложь эльфы умеют чувствовать инстинктивно. Если дядю горячий паренек не дал себе труда слушать вообще, объясняя все его помыслы жаждой власти, то с этой человечкой не возникло даже тени подозрений во вранье. Потому раненый в полной мере осознал правдивость слов девушки, и его пробрала истинная жуть. От ее слов в одночасье обретало смысл древнее абсолютное табу предков, против которого он, свято убежденный в своей правоте, сражался со всем пылом и глупостью.

Когда девушка замолчала, юный эльф пораженно прошептал:

— Хвала Веалиль, Фэалин остановил меня! Не дал тьме опуститься на Кельдилесье!..

Кажется, на эту реплику ушли последние силы юноши. Издав легкий стон, он прикрыл глаза. И словно в ответ сначала едва слышно, но с каждой секундой все сильнее зашелестела листва. Серебристо-зеленый купол над головами человеческой девушки и эльфа взволновался. Одна из самых низких ветвей ближайшего дерева с серебристо-белой корой сама собой опустилась еще ниже и буквально впихнула в рот юноши золотистый шарик плода. Шокированный эльф закашлялся и машинально сглотнул. После чего израненное тело засветилось снаружи и изнутри золотым сиянием. Раны начали затягиваться на глазах.

Маша восхищенно пялилась на процесс ускоренной регенерации, спровоцированный золотым шариком плода. По-видимому, искреннего раскаяния умирающего эльфа оказалось достаточно, чтобы великий лес принял заблудшего идио... ну, пусть будет идеалиста, и простил. Процесс любования волшебством был нарушен все той же излишне самостоятельной веткой большого дерева. Она встряхнулась, как пес после купания, и на раскрытые ладони Марии упали еще два золотых плода. Один на правую, второй на левую. На миг рукам от ладоней до

самых плеч, а потом и сердцу стало горячо-горячо, но тут же весь жар схлынул, сменившись приятной свежестью и прохладным ветерком. А затем ветка погладила Машку по голове, прямо как дед, с небрежной ласковостью взъерошив волосы, и подтолкнула в место пониже спины.

Сазонова подалась вперед, чувствуя, что падает, и упала в золотисто-красный свет. Когда сияние, мешающее зрению, угасло, девушка снова обнаружила себя стоящей на дачной дороге. Будто и не было никакого волшебного леса и эльфа. Или все-таки были? Маша мысленно пожала плечами, поправила лямки рюкзака и продолжила бег к шоссе. Чего гадать? Будет время, разберется, а сейчас в город надо возвращаться. Завтра снова в университет, праздники кончились. А чудо — если было, пусть живет в сердце, не было — все равно ему там самое место. Свет и красота достойны уголка памяти, даже если они всего лишь фантазия.

Глава 2

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МАШИ

В аудитории до первой пары было шумно и весело: группа делилась впечатлениями о пикнике. Студенты смеялись, переругивались, трепались. Парни и девчонки красовались друг перед другом. Царила обычная и привычная веселая кутерьма. Пока не пришла на семинар Виктория Наумовна, успели поболтать и о планах на каникулы.

Как всегда, солировал Витька, рассказывая, как он поедет на игры по Средиземью и будет настоящим эльфом. Лук и стрелы у него уже три игры как были, вдобавок по случаю Семенов ухитрился заказать «настоящие» силиконовые эльфийские уши через интернет-магазин и теперь всем демонстрировал обновку.

Девчонки визжали от умиления и щупали Витьку, причем не только за уши. Маша на уши тоже покосилась и признала: чуток похожи. У того лесного парня в высоту поменьше были и больше к голове прижимались, а не топорщились враскорячку лопушками. Пожалуй, во всей внешности только уши у коренастого одnogруппника с типично русским носом картошкой, короткими каштановыми волосами да широкими лопатами ладоней и были малость похожи на эльфийские.

Витек цвел, пах и самодовольно сиял. Он даже гордо продемонстрировал тест на смартфоне и свой выдающийся результат — эльф стопроцентный.

Конечно, тут же нашлись желающие проверить себя, что вылилось в новый залп веселья. Машка слушала ребят с улыбкой, ей нравилась задорная студенческая атмосфера, но сама скачивать тест и узнавать результаты не спешила. Однако же пришлось — соседка по парте Ленка пристала как банный лист к месту пониже спины. Есть такие люди, с которыми спорить бесполезно. Слова «нет» они не понимают в принципе. Выход при общении с ними, конечно, имеется, даже пара выходов. Первый — просто дать в морду, второй — уйти. Маша с семинара уйти не могла, а бить настырную Ленку было вроде как не за что. Маша вообще старалась ни с кем не драться без крайней

нужды, потому сдалась и быстро прошла идиотский тест на настойчиво подсовываемом смартфоне в розовом чехле.

Лена тут же сунула нос и ознакомилась с результатом. Он так понравился девчонке, что та громко взвизгнула и огласила:

— Прикиньте, Машка у нас светлый паладин!

Народ весело зажужжал, Лешка задорно уточнил:

— Где твой белый плащ, щит и меч, Маш?

— У меня вместо них рюкзак, — совершенно серьезно ответила девушка, а Витька, искоса глянув, как сильная рука девушки поднимает предмет обсуждения, чтобы достать тетрадь, мысленно почти согласился.

Маша, небось, одним своим рюкзачком, как мечом и щитом, орудовать сможет. Да, век рыцарей прошел. Она вообще девчонка, но именно ее из всех ребят группы почему-то оказалось проще простого представить в доспехах, при мече, щите и в белом плаще паладина, развевающимся по ветру. Она бы точно сдюжила! Маша... она такая Маша! Опять же не лжет никогда. Точно светлый паладин!

Витька еще хотел спросить, умеет ли Машка мечом орудовать, но не успел. В аудиторию пушечным ядром влетела Виктория Наумовна, временно изъяла эльфийские уши преткновения, и начался семинар.

После занятий Маша еще зашла в библиотеку за парой дополнительных книжек, потому как читать с бумаги удобнее, чем с экрана, и только потом вернулась домой. Доклад лучше подготовить сразу, пока еще свежи в памяти детали задания. Скачивать из сети, конечно, можно, но если сделаешь сама, то, во-первых, запомнишь лучше, а во-вторых, гарантированно не попадешься на списывании. Хитрить Маша не умела и учиться не собиралась.

Засидевшись за учебниками, девушка сама не заметила, как задремала. И снова ей приснился дивный эльфийский лес, высокие деревья со светло-серебристой, почти белой корой, шелест их листьев, похожий на разговор, и двое эльфов, сидящих прямо на траве у корней. Тот юный идеалист, уже оправившийся от ран, и его более старшая, с чуть более темными волосами, копия. Слов было не разобрать, но беседу те двое вели вполне доброжелательную. Кажется, парень все-таки нашел в себе мужество признать ошибки и помирился с дядей. Топор кровавой вражды, ну или, если говорить по-эльфийски, лук со стрелами, удалось закопать в землю.

Маша улыбнулась и умиротворенно вздохнула. Хорошо! Родственники не должны ссориться, и уж тем более не должны воевать друг с другом. Тем более что этим двоим, кажется, делить-то нечего — каждый любит лес и каждый будет стоять за него горой. Теперь плечом к плечу! И власть каждый из них полагает не яркой игрушкой, а бременем и ответственностью.

Пусть девушка видела сон тут, за столом среди книг и тетрадей, ей на миг показалось, что большая ветвь чудесного дерева снова ласково взъерошила волосы своей случайной гостью. Или не случайной?

Жар, вспыхнувший в ладонях от шариков плодов прошлым утром, пробудился вновь, обдавая тело волной тепла, уносящей усталость и сон, освежая разум. И, кажется, даруя некое видение или **видение**. Маша узрела себя со стороны. Зрелище оказалось странным: она искрилась золотым, красным и белым светом снаружи, а внутри... Нет, не внутри, картинки как бы наложились друг на друга, Маша увидела себя и одновременно увидела тот самый пропавший из рюкзака ключ. Только теперь он не был металлом, он стал ею, или она стала им. Ключ сиял красным золотом и жаждал действий. Каких? Вслед за вопросом пришел и ответ — тех, которые она и только она сочтет правильными. «А если я ошибусь?» — удивилась Маша даже во сне такому безоговорочному принципу.

«Значит, именно это и будет правильным, — пришел странный ответ, продолжившись загадочным тезисом, впечатывающимся в сознание. — Ты — ключ, отпирающий двери, ты — сила, распутывающая узлы, ты — меч, разрубающий то, что невозможно распутать, ты — свет, изгоняющий тьму сомнений, ты — **правило** и **правило**, ты — сила ГАРМОНИИ, ты — ОРТЭС».

«Ой», — даже во сне опешила Сазонова от такого абсурдно-философского утверждения со странным словом в конце.

«Действуй, гармония ведет тебя!» — ответили ей на все вопросы разом, и ощущение сна, который не сон, исчезло.

Привидится же такое, видать, чуток переучилась.

Машка выпрямилась на стуле, тряхнула головой и с силой растерла ладонями лицо.

Нет, сомнений в своих действиях она и в самом деле никогда не испытывала, поступала, как велела совесть, и никогда не жалела о сделанном. Дед приучил. Он говорил: «Сказанное и сделанное,

Машунь, уже есть. Ошиблась, не жалею. Можешь исправить — исправляй, нет — иди дальше и не грызи себя. Ошибка — тот же урок на будущее!»

В замке повернулся ключ, раздался зычный голос деда:

— Ты дома, внучка?

— Дома, дедуль! — отозвалась Маша, выскакивая из комнаты в коридор навстречу родному человеку и улыбаясь от уха до уха. Все странные сны, сомнения и чудеса временно отодвинулись на задний план.

Ужинали они снова вдвоем. Вареной картошкой, пожаренной на масле с колбасой, и свежими огурцами. Вкуснятина! Дед, правда, чуток поворчал, что любимые соленые закончились. Ну да ничего, за лето новых наделают!

Под домашние творожные печенья, крепкий чай и бормочущий о ерунде телевизор (дед любил оставлять его или радио фоном) Федор принялся расспрашивать внучку о делах учебных. Каково оно — после почти недели роздыха снова за книги садиться, не тяжело ли? Маша в ответ повеселила старика рассказом об ушах и тесте, поведав и о своем высоком паладинском звании.

— Хороший тест, Машунь, подходящий! — Дед с гордостью окинул взглядом рослую фигуру внучки и, хитро прищурившись, продолжил: — Ты только, как меч раздобудешь, всяких неправых насмерть сразу не бей, поначалу попробуй плашмя и по месту пониже спины. Оно, бывает, дурь неплохо выбивает! На папке твоём проверял! Не мечом, правда, а ремнем, но принцип-то действенный!

Родственники вместе рассмеялись над нехитрой шуткой старика. После вечерних посиделок дед отправился к себе, а Маша хлопнула себя ладонью по лбу: мусор не выбросила! Надо вынести ведро, чтобы ночью не воняло. Это вроде после заката уносить хлам из дому не следует, а пока солнышко не село, можно!

Схватив ведро, девушка выскочила из квартиры напрямик в темноту. Какую-то теплую, если не жаркую, абсолютную темноту без лучика лунного света или проблеска звездочек. Такой не бывает даже облачными ночами за городом. И еще здесь не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Почему-то сразу показалось, что она не на открытом пространстве, а где-то, ну... Схожие ощущения у Маши были разок в подвале, когда вырубили свет. Тогда, правда, у нее с

собой оказался фонарик, на всякий случай засунутый заботливым дедом в карман куртки. Сейчас ни фонарика, ни коробка спичек не было. Выходя с ведром за порог (всего-то и требовалось — выкинуть мешок в контейнер в углу двора в минуте ходьбы от дома), девушка не думала собираться, как в поход. А зря! Очень зря!

Мысленно Маша пообещала себе, что теперь всегда, даже с мусором или в магазинчик за хлебом, станет выходить из дома с любимым рюкзачком. В нем-то фонарик, спички и другие необходимые мелочи имелись!

Неожиданно темнота наполнилась светом двух резко зажегшихся золотых прожекторов. Ой, нет, это были не прожекторы, а глаза. Огромные глаза огромного дракона, возлежащего в, понятное дело, огромной — своды и стены терялись из виду — пещере на огромной груди сокровищ. Монеты и всевозможные изделия из желтых (наверное, золота) и светлых (наверное, серебра) металлов, изукрашенные разноцветными, наверняка драгоценными, камнями, служили постелью гигантскому ящеру. Пожалуй, с пару троллейбусов в высоту и четыре-пять в длину живая громадина имела. И чешуя, серебристая с синим отливом, тоже сверкала — даже поярче, чем сокровища.

Пока Маша соображала, куда ее угораздило попасть, широкие ноздри на рогатой голове (нет, не двурогой, как у коровы, скорее рога зверя образовывали корону) раздулись. Распахнулась пасть, полная белоснежных, длинных и острых зубов. Ярко-красный раздвоенный язык облизнул белые лезвия.

Доброты, желания указать заблудившейся девушке путь или еще чего-нибудь позитивного в этой громадине не было ни на грош. Так, наверное, выглядела бы смерть, вздумай она принять облик не скелета в черном плаще с косой, а громадного зверя. В груди Марии начало разгораться пламя. Как-то сразу и вдруг вспомнился недавний сон и слова, буквально пытающие в сознании:

«Ты — ключ, отпирающий двери, ты — сила, распутывающая узлы, ты — меч, разрубающий то, что невозможно распутать, ты — свет, изгоняющий тьму сомнений. Ты — *правило* и *правило*, ты — сила ГАРМОНИИ, ты — ОРТЭС».

Почему-то на девушку снизошла абсолютная уверенность. Стоит ей только по-настоящему пожелать, и она действительно сможет стать

мечом. Клинок возникнет в руке именно такой, как нужно, и ему будет под силу поразить любое создание, даже этого громадного зверя.

Но вслед за теми пылающими и громыхающими в голове праведными словами возникли и тихие дедушкины: «Ты только, как меч раздобудешь, всяких неправых насмерть сразу не бей».

Возникли и сработали как огнетушитель. Ярый огонь в груди, толкающий в бой без раздумий, бешеная одержимость сознанием собственной правоты и великой миссии схлынули, словно с глаз упала туманная пелена. Маша тряхнула головой и постановила: «Сначала разбираюсь, потом, если надо, дерусь!»

Миг ясности сознания совпал с иным.

— Человек! — Угрюмый голос, исполненный презрения, раздался не из огромной пасти огромного хищника, а в голове Маши. — Ты пришла украсть сокровища?

«Ой, он разумный, не зверь! — удивилась девушка и при избытке глазного „фароосвещения“ уверенно присовокупила: — И очень-очень красивый!»

— Вообще-то я мусор шла выносить, — пожала плечами Мария, отвечая на вопрос, и в доказательство продемонстрировала ведро с отходами.

— Мусор? — Теперь в исполненном грозовых громыханий голосе дракона слышалось искреннее недоумение. — В моей пещере?

— Собиралась у себя во дворе, оказалась тут, — честно пояснила парадокс попадания Мария.

— Хочешь похитить мои сокровища? — снова потребовал ответа гигантский ящер.

Кажется, у него заклинило пластинку воспроизведения или мозг.

— Нет, — резко отказалась Маша, никогда сроду не бравшая чужого и даже никогда не помышлявшая о том, чтобы взять. — Воровать — преступление!

— Тогда ты пришла убить чудовище? — переключился на другую программу дракон. Лжи-то в словах девушки он не чувствовал, но логику отследить тоже не мог. Вот и пытался разобраться на свой манер.

— Где чудовище? — живо заинтересовалась Маша. Призрак меча снова полыхнул в груди, готовясь явиться в реальности и разить врага.

— Я чудовище! — раздосадованный вопиющей непонятливостью собеседницы, взревел дракон, разбрасывая сине-алые искры из пасти.

— Нет, ты — дракон, красивое создание, — чуть нахмутив рыжеватые брови, засомневалась девушка, склонив голову набок. — Чудовища — это что-то другое. А почему я вместо того, чтобы мусор выбросить, здесь оказалась — надо разобраться.

Глава 3

МИССИЯ ОРТЭС

— Я чудовище! Я убиваю людей! — взревел дракон, переводя в доказательство взгляд-прожектор на дальний угол пещеры, где валялись покореженные в пламени и когтях железаки, отдаленно смахивающие на куски доспехов.

— Воров? — внесла рациональное уточнение Маша и пожала широкими плечами. — Раньше у нас покушавшимся на чужое имущество руки отрубали, ноздри вырывали, отрезали уши, на лбу клеймо выжигали, а в Китае ноги отсекали.

Дракон всерьез призадумался. Пожалуй, он со своей стремительной огненной казнью поступал с людьми гуманнее, чем они друг с другом. Но гигант упрямо продолжил гнуть свою линию:

— А еще я ем людей!

— Вообще или опять-таки воров и убийц? — потребовала конкретизации Маша.

— Воров и убийц, — мрачно конкретизировал дракон.

— Понятно, — заключила девушка, не найдя в поведении ящера состава преступления. Если он не только убивает, а еще и питается, то, наверное, правильно поступает, со своей точки зрения. Каннибализмом ведь это не считается. Он ведь не своих сородичей ест. А что разумных, так грабителей в пещеру никто не звал. Легонько вздохнув, Маша переспросила: — Свою коллекцию ты как собирал? Не воровал ведь?

— Раньше, в иных мирах, мне поклонялись как защитнику и хранителю, это были подношения-благодарности, — горько признался собеседник.

— Раньше? А теперь?

— А теперь я калека, человечка, — яростно прошипел ящер. — Шторм меж мирами уничтожил мои крылья!

Дракон чуть развернул голову, давая свет фарами-глазами, и на его мощной спине Маша узрела жалкие обрывки того, что некогда являлось великолепными крыльями.

И тогда девушка ощутила, как загорается в ней иной свет. Не тот, что меч, но тот, что правило. Он смешивался с белизной, подаренной дивным деревом с корой светлого серебра. Этот свет копился, покалывал, собирался в ладонях и требовал выхода. Если дерево своим светом, сконцентрированным в плодах, одним махом исцелило умирающего, означает ли это, что и она, Маша, одаренная сияющими плодами, впитавшимися в кожу, сможет полечить искалеченного дракона? Нехорошо, что он поневоле превратился из защитника в пугало для людей! Пожалуй, теперь смысл попадания в пещеру виделся более верно.

— Ясно, — деловито кивнула Сазонова своим мыслям, самым наглым образом игнорируя искрящегося, как неисправная проводка, ящера, и не велела, но попросила: — Мне надо до места травмы добраться. Попробую полечить.

Дракон со стуком захлопнул пасть и подавился собственными искрами. Не считая глухого и одновременно глубокого стука сердца громадины, на несколько секунд воцарилась тишина.

— Полечить? — неуверенно, почти на сто процентов считая, что он ослышался, уточнил ящер.

— Да, — подтвердила Мария и принялась рассуждать вслух: — Только мне не взобраться тебе на спину — слишком высоко, и чешуя либо порежет кожу, либо я с нее соскользну. Надо что-то придумать.

— Так подойдет? — сверкнула сапфирово-стальная вспышка, и на месте дракона встал мужчина, босой, одетый лишь в узкие серые штаны до колен. Запах немытого тела, засохшей крови и нехороших ран ударил девушке в нос.

Золотой свет, который раньше излучали глаза дракона, перешел на кожу его человеческого тела, давая превосходную видимость. Мария подбежала к медленно поворачивающемуся пациенту. Спина дракона являла собой месиво из глубоких багровых гноящихся и едва зарубцевавшихся ран, еще продолжавших местами сочиться сукровицей. Как же ему было больно все это время!

Ослепительный бело-золотой свет рванул из ладоней девушки навстречу этой боли и муке, руки сами легли на горячую бугристую поверхность. Дракон выгнулся дугой и завопил. Сияние затопило все пространство пещеры, ослепив Машу до слез. Руки жгло, будто в чане с кипятком, но Сазонова терпела и держала, чувствуя: все правильно,

так надо. Даром и с удовольствием для доктора такое сделать не получится!

Когда зрение вернулось и Маша утерла рукавом глаза, она разглядела лежащего на камнях мужчину с совершенно целой спиной. Бугристые незаживающие шрамы сменила гладкая кожа хорошего золотистого оттенка.

— Получилось! — довольно улыбнулась Сазонова и снова перехватила ручку временно отставленного в сторону мусорного ведра.

— Ты вылечила... Не убила... — Кажется, пациент никак не мог поверить в случившееся чудо. Поворачиваясь к девушке спиной, он почти верил в неминуемую смерть и ждал, почти жаждал ее, как конца мук. А вместо этого получил исцеление.

Маша только тряхнула челкой, подтверждая положение дел. Дескать, все так и есть.

— Я снова буду парить меж мирами! Выбери себе награду! — велел дракон, широким жестом указывая на груды сокровищ.

— Не надо, — почти испугалась девушка, понятия не имеющая, что делать с этими громоздкими драгоценными штуковинами. Украшений, не считая собственных поделок из бисера, Маша никогда не носила — мешали спортом заниматься, а взять что-то, чтобы где-то продать... Одна мысль о сердито нахмурившемся дедушке, перед которым внучка вздумала бы похвастаться наградой, сразу отсекала всякое желание прибарахлиться.

— Тогда каково твое желание, человек? — сурово свел густые брови исцеленный дракон и потребовал ответа: — Закон воздаяния обязывает внести плату! Говори!

— Я шла мусор выносить. Ты его сжечь сможешь? — осенила Машу неожиданная идея, и девушка кивнула на ведро. Даже поставила его на камни и отступила на шаг-другой, открывая клиенту фронт работы.

— Сжечь мусор? — переспросил озадаченный дракон, не ведавший о потенциальных трудностях и коварстве содержимого невинного на вид ведра с черным мешком внутри, и гордо ответил: — Могу!

Дело у благодарного пациента с мыслью не расходилось. Даже не обращаясь в ящера, он хлопнул в ладони, призывая драконий огонь.

Бедный мусор аннигилировал заодно с ведром, оставив лишь призрак запаха горелой пластмассы.

— Так? — ради проформы уточнил довольный исполнитель.

— Почти, — вздохнула Маша. — Только пакет из ведра надо было вынуть. Ведро бы еще пригодилось. Оно многоразовое.

— Ведро? — сконфуженно нахмурился дракон.

— Ага, — улыбнулась девушка и беспечно махнула рукой: — Ладно, другое куплю.

— Не надо, — сурово свел густые брови помощник и, оглядев хозяйским взглядом пещеру, повелительно простер длань. Со звоном и шорохом из левого дальнего холма несусветных богатств вылетело нечто, похожее на большую напольную вазу или высокую чашу с дивным орнаментом. Серебристо-серый цвет посуды очень походил оттенком на пластик погибшего ведра. Под взглядом и пламенем, полившимся из двух рук, чаша с растительным узором в считанные мгновения приняла форму и вид, неотличимый от скончавшегося ведерка. Дракон дыхнул на нее, остужая, и презентовал девушке с гордым полупоклоном и пояснением: — Это мифраиль. Прослужит тебе вечность!

— Спасибо. — Маша приняла ведро, не зная, как объяснить несопоставимость подарка и его предназначения, но отчетливо понимая: откажется — обидит гордого ящера насмерть. Возможно, и, скорее всего, на свою.

Хотя... Ну мифраиль так мифраиль, какая, собственно, разница, в чем мусор выносить? На вид обычное металлическое ведро, только легонькое, легче алюминия, и, наверное, прочное. Потому Маша еще раз и уже более оптимистично повторила слова благодарности. Не важно, из какого материала ведро, если на взгляд землянина это не определить, а если ему сноса не будет — вообще здорово. Пластик-то уже надоело покупать. Мусорные ведра не выдерживали нагрузки и трескались раз в полгода-год, или ручки отваливались в самый неподходящий момент.

— Я Карриграшрай-а-раг-о-рир. Разреши узнать имя моей спасительницы, — преисполнившись торжественной гордости, обратился к девушке дракон, преподнесший невиданно щедрый дар. Вероятно, переходил к следующему ритуальному благодарственному этапу.

— Маша, — просто отозвалась девушка.

— Маша? — Возмущение, унижение, непонимание смешались в вопросе-возгласе исцеленного.

«Ой, он ведь, наверное, свое полное имя назвал, а я в ответ так, по-простому. Обидела! Надо срочно исправиться», — снова тряхнула челкой Сазонова и представилась уже по всем правилам:

— Мария Валерьевна Сазонова.

— Двадцать пять звуков, больше, чем у меня, — довольно оскалился ящер и едва заметно склонил голову; сальные грязные пряди длинных волос упали, закрывая лицо. — Твой род воистину древен. Ты — достойная спасительница! Я удовлетворен!

— Будь иначе, пришлось бы меня убить, смывая позор? — пошутила Маша, а странный ящер ответил ей самой искренней согласной улыбкой и коротким словом:

— Воистину!

«Вот попала... вернее, попала и чуть не пропала», — подумала девушка и осторожно уточнила, не зная, в какой еще форме выразить сакраментальное «дорогие хозяева, а не надоели ли вам гости?»:

— Теперь, когда у тебя снова есть крылья, вернешься туда, где ты был хранителем и защитником?

— Пора, — задумчиво согласился странный собеседник с непроизносимым именем и альтернативной логикой, сочтя вопрос закрытым.

Он посмотрел на свои сокровища, и под действием его взгляда груды несметных богатств то ли спрессовались, то ли трансформировались в обычный темно-синий кулон. Дракон повесил его себе на шею с самодовольной улыбкой. А потом, обратившись в гигантского ящера, дракон по имени Кар... и дальше много букв, взлетел. Нет, не в громадной пещере, а в открывшееся прямо в ней большое окно то ли пространства, то ли времени.

На сетчатке, прежде чем портал схлопнулся, запечатлелось видение: парящий между бесчисленного множества миров прекрасный ящер, распростерший серебряно-синие крылья. Странный, грозный, несомненно опасный, но удивительно восхитительный!

«Ну... — поразмыслив, заключила справедливая Мария. — Если ты настолько могущественен, то имеешь право на чуточку

самодовольства. Или не на чуточку... А мне домой пора. Надеюсь, получится, как в лесу эльфов».

Нагнувшись, Маша подхватила ручку нового ведра и, не открывая никаких величественных порталов, просто захотела домой и исчезла в золотисто-красной вспышке. У нее она приняла форму то ли двери, то ли гигантского ключа, ставшего дверью.

Вернувшись в квартиру, девушка поместила в ведерко свежий пакет для мусора и нахлобучила сверху старую крышку. Пригляделась и заключила: со стороны и не скажешь, что ведерко не пластик, а какой-то вечный мифраиль. Ведро как ведро.

Маша еще раз поправила крышку и занялась другими делами. Лечить драконов — это интересно, но котлетки сами собой не пожарятся и макаронки не сварятся.

Глава 4

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК, ИЛИ МАША ПРОТИВ ФОБИЙ

Через пару деньков в гости заглянул дедушка. Новое ведерко для мусора заметил не сразу. А когда заприметил, лишь уточнил, что случилось со старым. На что внучка честно ответила: совсем сломалось.

Правда, вопреки своей выдающейся честности, рассказывать, кем и где ведерко «сломано» до состояния аннигиляции, не стала. Дедушка уже пожилой, в сказки не верит, не понял бы внучку. А если бы вдруг понял, то мог бы и разволноваться не по-хорошему.

Зато практичность внучки по части выбора металлического ведерка Федор оценил. И даже малость огорчился, что такое ведерко было одно и себе прикупить не получится.

Снова один за другим потекли учебные деньки, Маша исправно ездила в университет, бегала в бассейн, жила обычной жизнью, в которую теперь, как строчка «подвиг» в расписании из старого фильма про Мюнхгаузена, вписались неожиданные перемещения в иные реальности.

Пугаться этих чудес Маша, особа спокойная, как просветленный йог, и практичная до мозга костей, даже не думала. Приняла их как данность и разновидность не то учебы, не то работы. Уверенность: «Все правильно, так надо!» — прочно угнездилась в сознании девушки где-то между таблицей умножения и правилами грамматики. Может, так подействовал ключ, ставший частью ее самой?

«Надо — значит — надо», — приняла Сазонова изменившиеся обстоятельства и постаралась действовать добросовестно, без лишней горячности, спешки или восторженного фанатизма.

Она не Витька и свои перемещения и действия в иных мирах как сказку не воспринимала, больше как математическую или логическую задачу, к которой надо подобрать верный ответ. Почему? Может, потому, что не очень любила читать или смотреть фантастические фильмы и восторженной верой в сказки и жаждой чуда не горела.

Лучшим отдыхом для Маши были пробежки или плавание. Хотя к пробежкам, да и к любому выходу из дома, в последнее время Сазонова стала готовиться, как к многодневному походу, потому что ключ-врата, вшитые в нее с той поры, как в руки угодил ржавый ключ бабы Нюты, могли сработать в любой момент. Не всегда удобный или подходящий конкретно для девушки. Зато, весьма вероятно, подходящий для ситуации или мира, куда ее забрасывало в качестве этого самого «гармонизатора, правила и правила». Закономерностей процесса Сазонова пока просчитать не могла. Может, ее вообще не было или ключ срабатывал каждый раз, как только в нем накапливался некий магический заряд? Ну... значит, так надо, и нечего переживать по пустякам.

К новым обязанностям девушка отнеслась с философским спокойствием. Но, кто знает, возможно, именно спокойствие, а не щенячий энтузиазм и радостная жажда чудес было тем самым необходимым состоянием для оптимальной работы ортэс? Кто-то там наверху, скорее всего, знает наверняка, потому и назначил Машу Сазонову на странную должность.

Словом, по большому счету в жизни и системе ценностей девушки мало что изменилось. Маша лишь немного откорректировала расписание. Вот и все!

Пробежку по парковой тропинке — если можно было, студентка предпочитала бегать именно по тропинкам, а не по асфальтовым дорожкам — прервала золотисто-красная вспышка. И ноги ступили на длинные серые плиты очень старой дороги. В стыках когда-то, видимо, очень плотно пригнанных друг к другу плит пробивались редкие куртинки травы. Вокруг стоял мрачноватый лес, больше хвойный, чем смешанный или лиственный. А прямо перед девушкой дорога упиралась в стену густого, высокого и очень колючего кустарника, порядком превышающего человеческий рост. Вроде листья его напоминали шиповник, но были куда темнее. Ни ягод, ни цветов на ветвях не имелось. Зато наличествовали иссиня-черные пауки. Крупные, с Машин кулак, дремлющие пауки без паутины.

Нет, арахнофобией Сазонова не страдала, но эти животные выглядели отнюдь не безобидно. Подходить к ним близко, не то что касаться даже пальцем, не хотелось категорически. Пока Маша не могла определить причину своего прибытия в этот неприятный лес.

Чуть нахмурившись, Мария прислушалась. Левее, за кустами, у деревьев, пусть мрачных, но не усыпанных пауками, раздавались какие-то несвойственные природе звуки. Если говорить точнее, там кто-то, судя по голосу, мужского пола, не то причитал, не то вздохнул плакал.

Что ж, в беду может попасть любой. Для этого вовсе не обязательно быть хрупкой девой или ребенком. Маша тряхнула челкой и пошла на звук.

Обняв за шею здоровенного белого коня с пышной искристо-снежной гривой, от души рыдал длинноволосый юноша. Черт его лица Маша не видела, зато в подробностях разглядела роскошный жемчужно-белый плащ с вышивкой в виде восходящего солнца на спине. Вместе с глухими рыданиями с губ блондина вырывались слова:

— Не могу... не могу... Кальвин, я не могу...

— Здравствуй, — обратилась Маша к огорченному юноше. — Тебе нужна помощь?

— Мне никто не в силах помочь, прекрасная дева, — горько посетовал нежданный собеседник, повернув к вопрошающей заплаканное лицо с удивительно тонкими чертами. — Если только ты не снизошедшая с небес аватара светозарной Маирель.

— Наверное, нет, я бы знала, — на миг-другой призадумавшись, рационально объявила Маша. — Но, может быть, тоже помогу. В чем проблема-то?

— Мне никогда не стать рыцарем Ордена Зари и уже тем более королем Зеварда! — горько поведал причину душевных переживаний собеседник, даже не задумавшись над тем, что делает в чаще леса незнакомка.

— Почему? — прямо спросила девушка.

— Рыцарем Зари становится лишь тот отважный воин, который способен пройти по тропе ужаса к заколдованному замку и принести цветущую ветвь шиповника из сада. — Юноша махнул в сторону стоящих стеной кустов с шипами и неподвижно застывшими в сплетении ветвей пауками.

— М-да, невозможно. Если только прийти с лесорубами в защитных костюмах или с огнеметами, — нахмурившись, согласилась Сазонова.

— Заросли раздвигают ветви перед претендентом, — внес вялое уточнение юный не-рыцарь, нервно перебирая поводья. — Но я трус! Я боюсь пауков, а как подумаю, что хоть один из чщидаров пробудится и укусит меня, ноги каменеют, не могу сделать и шага.

— Они сильно ядовитые? — практично уточнила девушка.

— Укус чщидара смертелен, — содрогнулся всем телом собеседник.

— Тогда ты не трус, а нормальный человек, — пожала плечами рационалистка Маша. — Кто же в здравом уме к ядовитым тварям полезет без страховки?

— Чщидары спят зачарованным сном и пробуждаются лишь в случае, если длань смертного заденет хоть лист одного из деревьев, на коих они пребывают вечными стражами.

— Хм, при таких вводных, пожалуй, можно попробовать, — рассудительно заметила Сазонова. — У тебя, наверное, фобия, ну... неконтролируемый разумом страх перед пауками. Так? Поэтому опасаясь?

— Д-да, — подтвердил юноша, почему-то перестав рыдать и теперь лишь изредка хлюпая носом с покрасневшим кончиком.

Милая рыжеволосая дева, стриженная, как паж, его не осуждала, не смотрела с презрением или жалостью, а вела мирную беседу. И от излучаемой ею уверенности и умиротворения почему-то самому становилось немного спокойнее на душе.

— Тогда выход есть. Если ты не будешь видеть пауков, идти сможешь?

— Если я не буду их видеть, то я и дороги не увижу, — резонно возразил собеседник. — И тогда точно сразу задену ветви с чщидарами.

— А если тебя с завязанными глазами вести и направлять? — уточнила Мария.

— Н-не знаю. А что? — насторожился юноша, жаждущий посвящения столь же сильно, сколь силен был его ужас перед арахнидами.

— А вот что, — бодро объявила Мария и изложила свой нехитрый план. — Поэтому если ты сможешь довериться мне, то я проведу тебя по дороге.

— Ты не боишься пауков? — опасливо воскликнул претендент на рыцарское звание.

— Разумно остерегаюсь, раз они ядовитые, — пожалала широкими плечами носительница диагноза «паладин». — Но ведь это и к лучшему, осторожнее буду. Пробуем или помощь не нужна?

— Я не знаю... Я... — замялся юноша, а потом, глянув в зелено-карие глаза девушки, будто нашел в них ту порцию силы и мужества, каковой ему недоставало, и энергично кивнул, как в омут с головой кинулся: — Пробуем!

— Снимай шарф, проверить надо, годится ли он, чтобы глаза завязать, — продолжила претворять в жизнь свой план Мария, кивая на нечто шелковое, щедро украшенное вышивкой. Шарф не шарф, кашне не кашне, но завязать глаза сгодится.

Шарф был мигом снят с мечтающей о ярме рыцарства шеи и передан для испытаний. Маша намотала повязку вокруг кудрявой головы юноши. С третьего раза, два раза обернув, удалось сделать так, чтобы ткань лежала ровно, не соскакивала, не давала смотреть по сторонам и не цеплялась за все вокруг. Теперь подопытный кролик видел только кончики собственных сапог, траву и плиты дороги, по которой ему надлежало пройти к замку и зарослям цветущего шиповника. Следующие полчаса Маша и ее новый знакомый потратили на тренировки. Переть буром на штурм паучьих зарослей они не стали.

Маша водила парня за собой, как телка на веревочке, держа за левую руку. А юноша, чутко прислушиваясь к ее командам, старался реагировать на них как можно оперативнее: шаг вправо, два влево, повернись боком, наклонись, пригнись, присядь и так далее.

Конь по кличке Кальвин косился на происходящее с явственным сомнением в здравости рассудка хозяина. Он переступал копытами, прядал ушами, а потом и вовсе постарался максимально, насколько позволяли поводья, наброшенные на ветку, отодвинуться за ближайшее дерево с листвой погуще. Может, потому, что листва там была вкуснее, а может, потому, что листья худо-бедно скрывали животное от рехнувшегося хозяина и его нелепой знакомой.

Наконец Маша остановилась и признала:

— Хорошо, все получается. Пора! Идем?

— Ид-дем, — чуть запнувшись, подтвердил свое согласие юноша, при этом он так вцепился в руку девушки, что, будь на ее месте какая-нибудь менее тренированная особа, та в лучшем случае отделалась бы синяками.

Высокие черно-шипастые кусты, точно экзотическими плодами, усыпанные пауками, пребывающими в зачарованном сне, как и поведал заранее юноша, сами начали раздвигать ветви. В плотной растительной стене четко по периметру плит дороги образовался арочный проход. Было темновато, но в принципе идти оказалось вполне удобно.

Лишь иногда отдельные ветви склонялись излишне низко или выступали из зеленой стены так, что высокому юноше приходилось склонять голову. Был это сбой в магии прохода или специальные испытания, ориентированные на создание препятствий для претендентов, Маша не задумывалась.

Она вела за руку будущего рыцаря, который с исполнительной доверчивостью следовал всем ее рекомендациям и, по счастью, пауков вблизи не видел. Маше же приходилось внимательно смотреть по сторонам. Большие, с ладонь, иные чуть мельче, но неизменно с темным, чуть поблескивающим хитином, когтями на лапках и хищными жвалами, арахниды устрашали. Нет, пока они спали, девушка не боялась, но понимала четко: проснись хоть один, людям придется нелегко, и не факт, что намотанный плащ да крупный сук, зажатый в свободной руке, хоть как-то помогут сохранить жизнь.

Но пауки пребывали в своем зачарованном оцепенении, и два путника двигались под черной аркой прохода без помех, не считая пары-тройки попыток парня споткнуться на ровном месте и протаранить собой паучью рощу или плиты дороги. Однако Маша бдела и успешно ловила подопечного, не давая ему самоубиться столь нелепым образом. Так они и шли до тех пор, пока путь резко не оборвался, выпустив парочку в заросший дикий сад, окружавший ничуть не обветшавший величественный черный замок. Почему он не был виден за черной стеной с кустами-пауками, девушка не понимала. Разве что его скрывала оптическая иллюзия? Или в деле опять оказалась замешана магия? Как бы то ни было, но Сазонова почему-то совершенно не удивилась.

С тех пор как в ее рюкзаке оказался, потом пропал, а потом снова нашелся странный ключ, она вообще стала видеть и воспринимать все вокруг иначе.

Итак, перед двумя людьми открылись дикий сад и замок с высокими шпилями башен и странными арками воздушных мостов без перекрытий или перил, сплетающихся в причудливый, притягивающий глаза узор.

Глазеть можно было долго. Пройти — только тому, кто умеет летать или чей вестибулярный аппарат — само совершенство. Или, на самый крайний случай, пришлось бы очень медленно передвигаться на корточках, а лучше лечь и ползти, чтобы не дай бог не шандарахнуть в разверзшуюся бездну.

Глава 5

РАСКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

Сама Маша по таким мосточкам прогуливаться не стала бы. К счастью, кусты цветущего шиповника росли не на краю бездны среди мостов, а в саду. Девушка помогла своему подопечному освободиться от спасительного шарфа-повязки. И юный, теперь уже наверняка рыцарь, торжественно сломал крупную цветущую ветвь, ухитрившись при помощи перчатки обойтись без легкого членовредительства. Дело было сделано!

— Идем назад? — уточнила планы Мария.

— А... — Зачарованно взирая на шиповник в своей руке, свежеиспеченный рыцарь Ордена Зари бросил на девушку неуверенно-просительный взгляд. — Ты не хочешь пойти со мной в замок?

— Что нужно делать? — уже смутно догадываясь, куда ее угораздило попасть, спокойно спросила Маша.

— В самой высокой башне замка, — начал возвышенно вещать юноша, — зачарованным сном спит прекрасная принцесса Черного леса. Тот, кто разбудит поцелуем прекрасную деву, станет ее суженым, а если деву возьмет в жены принц иной державы, то он по праву станет владыкой, объединившим земли под своей рукой.

«Ты действительно этого хочешь?» — удивилась про себя Маша такому странному желанию. Не первое и главное — совершить доброе дело, вырвав девицу из летаргического сна, а разбудить, чтобы получить в нагрузку кучу всяких обременительных обязанностей, как награду за подвиг.

Но, возможно, тут так полагается и будет правильно? Ощущая легкое внутреннее неодобрение, но одновременно сочувствуя той, чья жизнь протекает во сне, Мария решительно подвела итог своим рассуждениям:

— Пошли.

— Прямо сейчас? — как-то растерялся рыцарь, хлопнув длинными ресницами.

— А зачем откладывать? — пожала плечами Маша и уточила: — Куда идти-то, знаешь? Какая из башен замка самая высокая?

Вопрос был не лишен логики. Шпили башен, взмывающие в небесную синь, все как на подбор казались одинаково изящными, высокими и неприступными. Желавший взять такой замок штурмом точно устал бы от попыток забраться в эти строения раньше, чем достиг своей цели. Может, на то и был расчет архитекторов? Или они всего лишь руководствовались в работе принципом «все выше, и выше, и выше»?

— Я не знаю, — честно признался будильник-доброволец и, запрокинув голову, завороченно протянул: — Они все такие высокие...

— Значит, будем действовать от противного, — заключила девушка.

— Выберем самую некрасивую башню? — наивно уточнил парень.

— Нет, пойдем в те двери замка, где больше всего пауков, — «пригасила» Мария прекрасные мечты ужасающей прозой жизни и ткнула не в темно-мраморное великолепие парадного входа с колоннадой и изящным полукругом сбегających к ногам посетителей ступеней лестницы, а влево. Там имелось еще одно из многих, не столь парадное крыльцо-вход, густо оплетенное ветвями цветущего шиповника.

Приглядевшись, юный принц задрожал всем телом. В глубине живописного и ароматного цветочного великолепия дремали они — все те же громадные пауки чщидар. Его фобия! Парень невольно подался назад и уперся в Машину грудь.

— Передумал, возвращаемся? — спокойно, без тени насмешки, уточнила девушка.

Чуть покраснев — все-таки параметры девушки чувствовались и сквозь спортивный топ, надетый под футболку, — парень собрался с духом и попросил:

— Нет, не передумал. Но не могла бы ты снова завязать мне глаза?

— Пошли, — вздохнула Маша, снова повязывая шарфик. Если уж взялась помогать, то бросать не полпути негоже. Хочет парень в башню — будить принцессу, она доведет. Почему? Может, потому, что в голове упорно крутился куплет из старой песенки:

Принцесса в сон погружена.
Уж больше века спит она.
Коль не объявится герой,
Сон станет вечностью седой.^[1]

Незнакомую девушку было жаль! Совсем не хотелось, чтобы она состарилась и умерла во сне, после истечения срока, отведенного на пробуждение. А значит, стоило идти вперед. В сравнении с этой целью призрачные привилегии будущего рыцаря казались такой мелочью. Ну боится парень пауков, и что? Если он прилежно изучал науки и годен в правители, пусть правит, храбрыми за него будут охранники. А не сможет править мудро, так народ получает ровно такого правителя, какого заслуживает. Или привыкнут, или не привыкнут и скинут. Мало ли в истории примеров подобного. Маша учила, помнит...

Пауки, как показала практика, спали крепко и являлись не более чем страшным декором заколдованного замка. Так думала Мария до тех пор, пока первой, ведя рыцаря, как поводырь слепца, не ступила на лестницу. Тут-то ее и настигло первое видение. Показалось, что не пауки застыли в сплетении цветущего шиповника, а статные смуглокожие, но вовсе не похожие на негров, беловолосые воины в легких доспехах, вооруженные причудливыми и совершенно очевидно смертоносными алебардами. Стояли они и спали на посту, скованные могучими чарами.

Зажмурившись и тряхнув головой, Маша снова раскрыла глаза. Перед ней были лишь пауки. Пожав плечами, девушка продолжила путь. Чего гадать, показалось или нет? Может, и впрямь тут заколдованные люди имеются, тогда тем более — не одну принцессу, а всех вокруг спасать надо. При этой мысли горячее золотистое сияние приятно согрело девушку изнутри. Судя по всему, предположение оказалось верным. Раз так, то вперед и, коли заросли вновь расступаются, давая им дорогу, вверх. К той, предположительно, самой высокой из башен и спящей девушке, которая, наверное, является местным ключом к пульта управления всем замком.

Будь иначе, можно было бы поцеловать любого спящего, вот хоть того же паука на ветке слева. Юный рыцарь все равно ничего не видит, так чего ему стоит нечаянно чмокнуть чщидара в хитиновое брюшко?

Глаза завязаны, ему не страшно будет. Но вряд ли сработает, а потому не станем экспериментировать. Надо двигаться вперед и вверх!

На лестнице, уже свободной от вездесущих кустов, было совсем не пыльно и почти пусто, не считая все тех же стражей-пауков, спящих на посту между пролетами бесконечного подъема в паутине металлических переплетений кованых перил.

Казалось, ступеням, ведущим в башню, не будет конца. Рыцарь давно уже выдохся, но не стонал, упрямо брел, пусть и спотыкался на каждом шагу. Впрочем, он не лежал пластом лишь потому, что его едва ли не волоком тащила на себе Маша. Да и сама девушка начала уставать. Все-таки бегать по ровным дорожкам и подниматься по ступеням — разные виды мышечной нагрузки. Себе Сазонова сделала пометку — внести в тренировки и такой вид упражнений. Икры ног оказались не подготовлены к длительному напряжению и ныли.

Но все когда-нибудь заканчивается! Последний пролет, ведущий в небольшой коридор к двустворчатым дверям, заставил Марию облегченно улыбнуться. Дошли! А что скорее доползли, чем дошли, так свидетелей позора нет. Пауки спят, никого другого поблизости нет.

Двустворчатые двери с вырезанным узором из все тех же кустов цветущего шипастого шиповника пауками не охранялись. И тяжелые на вид створки распахнулись без скрипа и шума, на удивление легко, открывая вид на девичью спальню.

Серые — нет, все же больше серебристые, чем серые, — белые и голубые тона были нежны и прохладны. На высокой кровати без балдахина, мирно уложив щеку на ладонь, спала девушка. Весьма симпатичная, даже, пожалуй, красивая, если привыкнуть к цвету кожи и волос.

— Д... д-дроу, — запнувшись, пролепетал отважный рыцарь, едва Маша освободила его очи от шарфа, и шарахнулся назад к дверям.

— Это так страшно? — уточнила его провожатая, склонив голову набок. Но нет, клыков или острых, как кинжалы, ногтей у спящей на наблюдалось. Девушка как девушка, только кожа темно-серая и волосы совсем белые, как первый снег.

— Но д-д-роу... — Рыцарь беспомощно хлопнул ресницами и умоляюще уставился на Машу, будто чего-то ждал. То ли того, что его отважная спутница сама будет целовать заколдованную принцессу, снимая чары, то ли того, что она по-быстрому превратит спящую дроу

в нормальную девушку со светлой кожей и золотистыми волосами, подобающими стандартной принцессе. Не выгорело.

— Дроу и дроу, — невозмутимо пожала плечами Сазонова, о каких только сказочных расах не наслушавшаяся за годы учебы от маньяка-ролевика Витьки, и уточнила: — Ты ее целовать передумал? Не хочешь будить, жениться и становиться королем?

Юный рыцарь беспомощно вздохнул. Перспектива стать мужем серокожей совершенно очевидно перевесила все прилагающиеся к побудке горы бонусов.

— Я не смогу коснуться такой девы поцелуем любви, не смогу стать ей достойным спутником жизни, — наконец признал очевидное рыцарь и снова уставился на компаньонку по приключению в ожидании если не чуда, то хотя бы ценного совета, приравненного к чуду.

— А ты ее попробуй разбудить поцелуем не в губы, а в щеку, по-дружески, — пошевелив извилинами, предложила Маша. — Жалко же, они все живые, а столько спят, вместо того чтобы жить.

— Все? — удивился рыцарь.

— Все, — решительно подтвердила Сазонова. — Кажется, все подданные принцессы превращены в пауков.

— В щеку я могу, я попробую! — прибодрился рыцарь-принц, освобожденный от перспективы женитьбы на создании иной расы, не подпадающей под его романтические чаяния и каноны красоты.

«Чего тут пробовать, целовать надо! — озадаченно подумала Маша. — Или промахнуться боится? Так вроде девушка не Дюймовочка! Хотя если парень никогда и никого не целовал, тогда понятно, почему волнуется. Я вот тоже с парнями не целовалась ни разу и, наверное, стесняться бы начала, если бы пришлось. Или не начала, если для дела надо».

— Давай! — бодро напутствовала на романтический подвиг спину собеседника Сазонова. Спина героя, шагнувшего к ложу серокожей принцессы, даже чуток распрямилась. Осознание того, что он не один на один с незнакомой девушкой чужой расы, придало стеснительному рыцарю сил.

Нагнувшись, он стремительно чмокнул девушку в щеку и, отпрыгнув от кровати, замер испуганным кроликом. Секунд пять ничего не происходило. Маша уже даже почти решила, что щечный

метод для снятия чар не подходит, надо попробовать другой, более традиционный, но потом мир изменился.

Девушка распахнула глаза, вскочила с кровати и приставила к горлу живого будильника клинок. Одновременно с этим в углах комнаты возникли четыре девы-воительницы в доспехах и с обнаженным оружием. Они склонились перед своей принцессой.

— Ты коснулся меня, — сурово прозвенел голос царственной дроу. Глаза ее исследовали спальню, и острый клинок у горла благородного спасителя исчез. Синхронно исчезли в ножнах и многочисленные клинки дев-стражей. — В присутствии девы-свидетельницы ради снятия проклятия — допустимо! Дарую тебе жизнь.

«Красивые у них клинки. — Маша мечтательно взирала на оружие дроу. — Жаль, я не умею так быстро выхватывать и вообще ничего не умею в фехтовании...»

— Но тебе придется смешать со мной кровь, став братом, во искупление касания, — продолжила командным тоном дроу.

Согласия у будущего брата никто не спрашивал. И, подумалось Маше, даже не думал спрашивать. Если бы кандидат в братишки сей секунд стал отказываться, то, наверное, клинок снова вернулся бы к горлу и довершил начатое.

Так что, пожалуй, интуитивно рыцарь выбрал правильную тактику. Поцелуй в щеку и звание брата все-таки лучше, чем женитьба по принуждению. Ох, и решительная девушка эта дроу!

— Проклятие Великой Ллоос, милостиво наложенное на уходящих из пещер, снято. Не прошло и пятисот лет, — довольно заключила девица с мимолетной улыбкой.

Сазонова озадаченно поперхнулась и нахмурилась. Милостиво??? Как проклятие, висевшее половину тысячелетия, может быть милостью? Кажется, Маша резко перестала понимать язык местных жителей. Пусть и не русский, но совершенно доступный для восприятия, вероятно, благодаря силе ключа.

Но вроде с пониманием проблема возникла не только у ортэс. На мордашке спасителя тоже ярко нарисовались озадаченность и недоумение.

— Вам, людям, сложно понять. Когда в пещерах нас становится слишком много, лишние должны исчезнуть. Некогда им была лишь

одна дорога — на жертвенный алтарь богини или, куда реже, в битвы с иными народами пещер за жизненное пространство. Но великая Ллоос нашла путь. Она позволила нам, даровав дневное зрение, уйти из благодатной тьмы наружу, к палящему свету солнца. Отсрочила действие божественных чар, дабы мы успели обосноваться на землях поверхности, и лишь затем опустила полог неизбежного проклятия.

— А зачем было вообще вас проклинать, если вы исполняли то, что она хотела? — не поняла Маша причуд божественной логики.

— Мы вышли из-под власти Великой, перейдя под руку ее божественного супруга Лиоса. Отпустить нас без проклятия — значило умолить силу богини, — удивилась в свою очередь удивлению Маши принцесса дроу. Не прерывая рассказа и нисколько не стыдясь юного рыцаря, торопливо спрятавшего лицо в ладонях, она облачалась в одежды и доспехи, почти не отличающиеся видом от облачения стражниц. Одна из них помогла собрать волосы принцессы в высокий тугой хвост.

— Политика, — первым сообразил юный принц, украдкой глянул на принцессу дроу и облегченно выдохнул. Та уже оделась!

— Именно так, будущий названный брат мой, — покровительственно кивнула принцесса и протянула ему ладонь. — Дай руку!

Не чуя подвоха, тот исполнил просьбу и недоуменно вскрикнул, когда серокожая красавица располосовала его ладонь кинжалом, в мгновение ока сорванным с перевязи. Впрочем, со своей конечностью дроу поступила аналогичным варварским образом. И с криком: «Лиос, свидетельствуй!» — схватила своей раненой ладонью ладонь человека, крепко сжала, смешивая кровь. Вспыхнул серебристый свет.

Когда свидетели проморгались, юный рыцарь уже озадаченно разглядывал свою совершенно целую, не считая тончайшего серебряного шрама, ладонь. «Значит, обряд прошел успешно!» — догадалась Маша и в свою очередь задумалась: сделала ли она все, ради чего сюда перенеслась, и можно ли уже отправляться домой?

— Теперь ты, дева-свидетельница, — переключилась на новую жертву принцесса, смерив ее несколько озадаченным взглядом. — Яви нам свой меч, коему мою честь блюсти надлежало!

«А что будет, если не явлю? — на миг-другой задумалась Маша. — Побратимство отменят и нас на чей-нибудь алтарь утащат?

Нет, ерунда, конечно, мы ж их всех спасли. Убивать спасителей и их помощников нельзя. Но они очень хотят все по правилам сделать и огорчатся, если не получится. Как там мне во сне говорили: „Я — правило и правило, я ключ и меч“, значит, меч у меня есть, то есть я сама меч, теперь надо сделать так, чтобы они его увидели. А как?»

Маша чуть нахмурилась и добросовестно постаралась вызвать то странное ощущение абсолютной правильности своего множественного состояния и человека, и ключа, и меча разом. Девушка протянула на пробу руку, и в сжатой ладони возникла рукоять клинка, переливающаяся золотым и красным. Ровный, неширокий, без изгиба, клинок под одну руку. Маша ничего не понимала в фехтовании и никогда ему не училась, но поняла сразу: коли ей придется сражаться, то она все-таки сможет, если будет биться этим клинком. Только им и сможет. То есть получится, не она будет биться, а меч задействует ее тело как средство для нужных движений. Забавно... Наверное, потом непривычные мышцы будут сильно болеть. Нехорошо. Значит, нужно как-то потренироваться, а пока, к счастью, одной демонстрации клинка достаточно, чтобы успокоить дроу.

Маша перестала разглядывать свой меч-ключ и присмотрелась к дроу. Те тоже смотрели на клинок со смесью одобрения и легкой зависти.

— Клинок, связанный с сутью и плотью! — уважительно, пусть и едва заметно, обозначила кивок-наклон головы принцесса. — Достоянная дева-свидетельница! Великое побратимство!

«Вот и ладно! Теперь-то мне пора?» — спросила сама себя Маша и даже получила ответ.

Завершая ритуал, одна из дроу-стражниц обнажила свой меч и стукнула им плашмя по золотисто-красному клинку. Наверное, несильно стукнула, во всяком случае, никакого напряжения ни в фигуре, ни в движениях серокожей девушки не было, а что у Сазоновой буквально отсушило руку, так только по одной веской причине: необученная Маша держать меч не привыкла. И еехватило только на то, чтобы не разжать пальцы и не выронить клинок. Да, было больно, но выносливая девушка удержалась от вскрика.

— Славьтесь, Ллоос и Лиос! — дружно проскандировали стражницы, обнаженные клинки свистнули в салюте, и принцесса дроу на пару мгновений обняла зарозовевшего принца. Возможно, как раз

сейчас, оказавшись прижатым к груди экзотической красавицы, юноша и пожалел, что последовал Машиному совету. Но реальность назад не отмотаешь! Вместо невесты рыцарь получил сестру, и ему с этим жить!

Мария же для себя рассудила: все хорошо получилось! И почувствовала, как исчезает из пальцев меч, растворяясь не в пространстве, а в ней самой. А еще Сазонова четко ощутила: вот теперь точно настало время возвращаться!

— Прощайте, мне пора домой, — открыто улыбнулась новым знакомым девушка.

— Да будут милостивы к тебе боги! Прими мою сердечную благодарность! Могу ли я узнать имя твое, дева, ставшая моим проводником и спутником? — запоздало сообразил поинтересоваться личностью помощницы юный рыцарь.

— Мария, — тряхнула рыжей челкой Маша и исчезла из покоев черного замка.

— Маирель? — распахнул глаза юноша и, прижав руку к груди в районе сердца, восхищенно выдохнул: — Все-таки Маирель! Моей спутницей была аватара самой светозарной Маирель? О-о-о!..

Довольно улыбнулись и невозмутимые девы-дроу. Когда за ритуалом следит подходящая дева-блестительница — это хорошо, а уж если роль этой девы исполнила младшая богиня Светлого пантеона — вообще замечательно! Воистину на их народ легла милость Ллоос и Лиоса!

Глава 6

ОТ БУДНЕЙ ДО ПОДВИГА И ОБРАТНО!

Дом встретил Машу тишиной, покоем и списком совершенно обычных дел, отложенных на выходные. К примеру, сейчас ей следовало сходить в подвал и набрать картошки. Уже немного вялая, с ростками, но выращенная на своей даче, картошка все равно была куда вкуснее той, что продавалась в магазинах.

Быстро переодевшись в старые джинсы, Маша прихватила ключи, пару старых тряпичных сумок и сбежала по лестнице вниз. Неизменный рюкзачок со спины она и так не сняла.

Общая дверь в подвал была открыта. Потому Маша посигналила выключателем на входе, чтобы соседи знали, что в подвал пришел кто-то еще, и не вздумали запираť дверь без проверки. Выбираться обратно через маленькое подвальное окошко Сазоновой совсем не хотелось.

Оказывается, в подвале находился не кто-то, а соседка снизу. Тетя Вера деловито копошилась в своем закутке, звеня банками и шурша пакетами. Наверное, пришла за какими-нибудь домашними заготовками-вареньями-соленьями. Маша поздоровалась и занялась своими делами: надо оборвать ростки у всей картошки и набрать в сумку клубней на неделю. На все про все не больше пятнадцати минут.

Мурлыча под нос песенку про зарядку, так любимую бабушкой, Мария, натянув матерчатые перчатки с резиновыми пупырышками, ловко сортировала картошку. Оборванные ростки и гнилушки бросала в одну из сумок, во вторую клала клубни.

Нечеловечески пронзительный визг разрушил умиротворение девушки и взорвал тишину подвала. Сазонова и сама не поняла как, но в ее руке возник золотисто-красный меч, сияющий гораздо сильнее лампочки в шестьдесят ватт.

— Тетя Вера, что? Что случилось? — крикнула девушка, без раздумий кидаясь на помощь.

— Па-па-паук! Громадный! — чуть тише взвизгнула грузная женщина, каким-то чудом взгромоздившаяся с ногами на полутораметровую пирамиду из пустых ящиков. Они были складированы в противоположном от полок с банками углу высокой каморки. Соседка дрожащей рукой тыкнула в сторону полок.

Меч растаял в руке героини очень вовремя. Тетя Вера как раз повернула голову в сторону своей спасительницы.

— Машенька, убей его, пожалуйста! Я ужас как пауков боюсь! — взмолилась соседка.

«Миры разные, фобия одна», — философски пожала широкими плечами девушка и подошла к месту дислокации «громадного» чудовища.

Между банками на полке притулился самый обычный крестовик. Не чета тем смертельно-ядовитым громадным паукам, в которых были превращены дроу. Крупный, конечно, если сравнивать с косиножками, но совершенно не опасный для человека. Маша удивилась, как этот обитатель лесов ухитрился забраться в городской подвал. Но, скорее всего, попал он сюда недавно — паутины вокруг не было.

— Тетя Вера, это крестовик, он не опасен для людей. Можно я его в банку поймаю и заберу? — пожалела студентка бедолагу-арахнида, почему-то сразу сообразив, кого именно обнаружила. То ли училась хорошо, то ли знание о науке всплыло в голове само собой, освеженное недавним приключением.

— За-за-забирай, только побыстрее! — пискнула соседка.

Маша воспользовалась пол-литровой банкой из-под солений и ловко смахнула в нее «страшного зверя», заботливо прикрыв крышку.

— Все. — Студентка отнесла паучка в свой подвальный закуток и вернулась к тете Вере. — Можете спускаться.

— Спускаться? — переведя дух, робко уточнила спасенная, только сейчас сообразив, где она находится, но совершенно не помня, как она вообще умудрилась забраться на такую верхотуру, и абсолютно не представляя, как будет слезать. — А как? Маша-а-а?

Последнее «а-а-а» вышло протяжным, потому что ящики под грузной тушей соседки угрожающе скрипнули, намекая на несопоставимость веса женщины и запаса прочности дерева.

— У нас лесенка была, сейчас принесу, — сжалась над беднягой Сазонова и сходила за железной лестницей. Разложила ее в

подвальчике и помогла соседке спуститься, крепко придерживая за руку.

После перенесенного шока тетя Вера тарахтела, словно заведенная, про то, как с детства не переносит пауков, как ее старший братишка пугал ими, какие страсти рассказывал. Маша слушала молча. Тетке сейчас требовался не собеседник, а банальная жилетка. А спасенного паука Машка в полуразрушенный заколоченный дом за пару кварталов отнесла. Его в ближайшее время реставрировать или сносить точно никто не соберется, на краткий паучий век (максимум полгода) точно хватит. Помытую банку Мария решила закинуть в подвал соседке в следующий раз, когда соберется за картошкой.

Больше за выходные ничего экстраординарного не случилось. Пауки не шествовали поодиночке или толпами, а обнаруженное под подоконником гнездо ос Маша успела опрыскать отравой и срезать ножом до того, как оно приняло угрожающие жильцам размеры. Осы не пауки, с этими насекомыми мирно существовать не получится, все равно укусят. И если самой Маше опасаться нечего — реакция на яд слабая, припухнет, будто комарик куснул, и все, то этажом выше семья с маленькими детьми. Так что нечего всяким полосатым жужжалкам летать и малышей пугать!

Словом, жизнь у студентки Сазоновой потекла самая обычная, не считая снов. Здесь обычностью и не пахло. Исполнилось ее желание! Каждую ночь Машу посещали четко структурированные видения, по сути своей являющиеся ни много ни мало, а обучающими роликами и тренировками с мечом.

Причем тренировалась Сазонова не с кем-то незнакомым, а сама с собой. Ночь за ночью в разных условиях: на траве, среди камней, на деревянном настиле — против нее вставала точно такая же, только гораздо более умелая Маша и учила, учила, учила. Сколько длилась каждая такая ночная тренировка-поединок по времени, девушка определить почему-то не могла, но четко понимала одно: ровно столько, сколько нужно из того времени, что отводилось на сон.

Нет, страшно от таких снов не было, Маша помнила, как сама недавно при виде смертоносно-прекрасных клинков охранниц-дроу захотела научиться обращаться с мечом. Иногда мечтам свойственно сбываться! И все было прекрасно в этом исполнении чаяний, кроме каждодневных утренних болей в мышцах. Ныло и тянуло те мышцы и

связки, которые раньше не напрягались на занятиях спортом. Они болели изрядно, доказывая странную реальность происходящего. Но Сазонова, конечно, терпела. Всегда лучше что-то уметь, чем не уметь!

В один из весенних дней Маша привычно выскочила из подъезда и побежала в сторону остановки на занятия. Кроссовки приятно пружинили по асфальту. Утренний воздух был чист и прохладен. На миг-другой девушка принахмурилась от удовольствия и тут же встала по стойке «смирно». Солнечный свет сменился сгущающимися сумерками, а улочка города — ухоженным роскошным парком. Нет, не городским, а... Точно! Дворцовым парком! Фигурные кусты, пышные газоны, фонтаны, беседки, прудики, причудливые клумбы, от которых шлейфом тянулся аромат цветов, напоминающий дорогие духи, кружевные мостики и мраморные статуи... Все это было дворцовым парком, а сам дворец, сверкающий множеством огней, издали походил на именинный торт-мороженое или безе со свечками.

«Зачем я здесь?» — сосредоточилась на самом главном вопросе девушка, не тратя попусту времени на восторги. Обстановка вокруг была самой что ни на есть мирно-идиллической. Со стороны сияющего дворца доносилась музыка. Должно быть, там шел какой-то праздник или бал?

Пожав плечами, Маша принахмурилась, мысленно повторяя свой вопрос о причинах. Как ответ в правой руке возник чуть заметно светящийся красно-золотой меч и словно магнит потянул к правому крылу дворца.

«Ага! Надо идти туда, куда меня ведет компас-меч!» — совершенно успокоилась Мария и двинулась, ориентируясь на притяжение своего оружия-ключа. Никакими философскими вопросами «почему так и как такое вообще может быть в принципе» девушка не озаботилась. Практичная Сазонова привыкла принимать жизнь как есть, а не усложнять ее философскими терзаниями.

Идти по широким дорожкам, мощенным цветными плиточками, и подниматься по длинным лестницам с пологими ступеньками было приятно и совсем не трудно. Долго, конечно, но не трудно. Чтобы добраться от парка до дворца, Маша потратила минут пятнадцать.

Меч привел ее к той части здания, где окна не сияли праздничными огнями, были поменьше размерами, а музыка звучала приглушенно. Одно из темных окон на первом этаже с едва заметным

скрипом распахнулось, и практически под ноги девушке упал звякнувший металлом мешок. Следом за грузом из окна начал вылезать человек в каком-то красно-зеленом фраке.

«Вор! Это вор! — осенила девушку догадка. — Мне надо остановить вора!»

Едва слово «надо» прозвучало в сознании, как едва заметно, точно угольки затухающего костра, поблескивающий в руке меч поднял руку девушки, развернулся и плашмя опустился на макушку злоумышленника.

Тот почти беззвучно (легкий металлический стук и звяканье вывалившихся из-за пазухи трех серебряных ложек не в счет) осел рядом с мешком.

Что она вора только хорошенько оглушила, а не убила, Маша откуда-то знала четко. Кражу предотвратила, но теперь следовало сдать ворюгу в полицию или в стражу на худой конец. Только где ее искать-то? И пока она станет искать нужных людей, не сбежит ли вор?

Почесав поспешно затупившимся кончиком меча затылок, Сазонова сообразила, как ей быть. Изобретать велосипед не было необходимости.

Маша раскрыла рот и, набрав в грудь воздуха, зычно заорала:

— Караул, дворец грабят! Стража-а-а! Из окна мешками тащат!

Вопить пришлось трижды, пока на характерный звук не последовала нужная реакция: тяжелый, с позвякиванием, топот. Маша успела спокойно отойти за угол, чтобы услышать ругань патруля стражей, обнаруживших пребывающего в отключке вора-лакея, мешок и россыпь ложек.

Продолжая ругаться на то, что из-за бала и гостей весь охранный периметр отключили, потому и творится всякое непотребство, стражи сгребли все добро вкупе с воришкой и поволокли прочь. Правда, один из троих, вроде помоложе, попытался было озадачить коллег вопросом, а кто, собственно, позвал на помощь и лакея того самого приголубил? Но от любопытного небрежно отмахнулись. Какая разница кто, если вор пойман и за него, может, еще и премию отстегнут. А кто... ну, может, какая служанка. Почему смылась? А чтоб за компанию не загребли или, если у вора дружки-товарищи остались, посчитаться с ней не вздумали. Новичок с вопросами отстал.

Вполне довольная быстрой поимкой злоумышленника Маша улыбнулась и задалась более актуальным вопросом: а не пора ли ей возвращаться домой? Но, увы, еще было не пора. Ключ-дверь в груди никак не желал отпираться, портал не возникал.

«Не понимаю, — засопела девушка. — Что-то еще надо сделать? Или из другого окна вторая шайка сейчас ползет?»

В груди полыхнуло, и меч снова появился в руке тускло светящимся компасом-магнитом. Оружие опять принялось тянуть Машу, на сей раз чуть левее того самого места в садах, откуда она явилась под окна дворца караулить вора. Снова в великом множестве потянулись пологие ступеньки. По счастью, куда более удобные, чем в зачарованном замке спящей дреу. Потом дорожки дворцового сада.

Не успела Маша пройти и четверти пути, как хлопнули створки больших дверей центрального входа и вниз по лестнице понеслась девушка. Бежала быстро, подхватив длинную юбку одной рукой, а шлейф, перекинутый через плечо, придерживая другой.

— Стой! Постой же! — раздался юношеский голос, и грузная фигура в бело-голубом камзоле кинулась догонять беглянку.

— Значит, у вора была скрытая сообщница на балу и ее разоблачили! — сделала закономерный логический вывод Маша и кинулась наперерез расфуфыренной преступнице с невинно-кукольным личиком.

Схватить ее она уже не успевала — спрыгнув с лестницы, девица неслась по дорожке сада. Зато Маша успела выставить вперед ногу. Получилось! Беглянка, несущаяся вперед, не глядя под ноги, запнулась и полетела кубарем, теряя блескучие туфельки. Одновременно с ней почему-то споткнулся преследователь и растянулся лягушкой на дорожке. Бедолага охнул, вероятно, что-то сильно ушиб, попытался встать, уцепившись за ветви куста, сломал пару, снова охнул, кажется, оцарапавшись. И снова упал. Наверное, сообразил, что кусты — опора ненадежная, и в другой раз попробовал встать. В третий раз поднимался, опираясь рукой на каменный невысокий столбик, спрятанный в глубине теперь поломанного куста.

В тот миг, когда юноша оперся о столбик, случилось много чего: вспыхнул цветными огоньками, как елочными гирляндами, весь парк, включая не только фонари, но и деревья, кусты, статуи, скамьи, клумбы — все разом. С ветвей деревьев, живописной аркой

склоняющихся над дорожкой, рухнули на плиты три фигуры в темном. У одной был, кажется, арбалет, у другой то ли палка, то ли трубка, у третьей в каждой руке по короткому ножичку. Трое странных типов не просто упали, они лежали неподвижно, как парализованные. Поскуливая и баюкая подвернутую лодыжку, таращила глаза на весь это бедлам девушка-воришка. Пухленький, как хомячок, юноша-преследователь в разорванных на коленях обтягивающих штанах споро хромал к ней, нашаривая на поясе короткий, почти декоративный, кинжал, и громко провозглашал:

— Прекрасная дева, я заслоню тебя от бе...

Но конца этой фразы Маша уже не услышала. У нее в груди наконец-то, включившись, засиял ключ, открывающий врата между мирами. Сазонова вернулась домой, преисполненная осознанием выполненного долга, под лозунгом «вор должен сидеть в тюрьме!».

Мария так никогда и не узнала, что предотвратила не только банальную кражу фамильного королевского артефактного чайного сервиза на двенадцать персон, но и покушение на правящую семью. Убийцы, рассредоточенные по парку, дожидались начала ночного фейерверка, чтобы, прикрываясь шумом и вспышками, прикончить в толпе гостей короля, королеву, юного принца и принцессу, в честь совершеннолетия которой затевался праздник.

Падение принца Фдередика запустило иную, спасительную цепочку событий. Когда юноша, догонявший приглянувшуюся незнакомку, растянулся на дорожке, он не только порвал одежды, а еще и в кровь разбил колени. Так усиленная по случаю бала охранная система парка получила первый сигнал к пробуждению. Потом принц расцарапал в кровь ладонь, пытаясь уцепиться за куст, и в довершение всего пролил кровь, замкнув тревожный контур, когда оперся на охранный столбик.

Чары пробудились и принялись активно выискивать и обезвреживать нарушителей. Маши уже в парке не было, зато куча наемных убийц и одна подвернувшаяся по Машиной вине ножку графиня, находившаяся на балу инкогнито, словили магический удар по полной программе. С девицы при включении защитного контура слетела вся иллюзорная маскировка, наведенная как защита от вредной мачехи.

В лазарет бедняжку-графиню принес, хромая на обе ноги, сам принц. Даром что пухлый и неловкий, силой юноша тем не менее был не обделен. Тушки же убийц-неудачников собирали всем поднятым по тревоге дворцовым гарнизоном. Парк прочесывали трижды, пока не собрали все пятнадцать парализованных тел. Такого урожайного и бескровного (две разбитые коленки, одна поцарапанная ладонь принца и вывихнутая лодыжка его избранницы не в счет) дня у доблестных стражей не было никогда.

А тут вот случился! И все почему? Все потому, что сработал легендарный золотой ключ гармонизатора, занеся в мир на полчаса живую частичку невероятности — ортэс, оперативно подкорректировавшую реальность.

Ну а Маша... она тоже так никогда и не узнала, что беглая соучастница, которой она подставила подножку, вовсе не была преступницей. Но так ли это важно? Совершенно не важно. Главное — результат. Маша все сделала правильно и везде успела, даже на занятия не опоздала!

В лекторий Сазонова заскочила, имея в запасе целых три минуты до звонка. Не слишком много, обычно Маша предпочитала являться на занятия вовремя, то есть с запасом в пятнадцать минут, но с учетом подвигов в иных мирах даже три минуты попадали под понятие «вовремя».

Мария вообще училась очень старательно. Звезд с неба не хватало, почти ничего с наскока не получалось, но стоило сесть и хорошенько разобраться (упрямства девушке было не занимать), как тема сдавалась, впечатленная упорством студентки. Да, ни высшая математика, ни иные точные науки, над которыми приходилось корпеть в школе, никогда не были для нее легки. Лишь Маша и, наверное, дедушка знали, чего ей стоили завоеванные четверки там, где должны были бы красоваться тройки. Вот уж действительно, в гранит науки Сазонова вгрызлась зубами. Сейчас-то в университете стало чуток полегче, потому что даже очень сложные гуманитарные предметы не шли ни в какое сравнение, скажем, с физикой.

Аккуратно раскладывая вещи на парте, девушка вполуха слушала веселый треп одноклассников.

— Маш, — примостившись на угол ее парты, принялся вещать Витька, — а поехали со мной на ролевку? Бориска, зараза, вчера ногу

сломал, так что паладина у нас происки темных сил выбрали еще до сражения! Поедешь? Я у него и плащик в аренду возьму, белый, и меч!

— Нет, спасибо, Вить, — отказалась Маша от еще одного меча и приглашения. — Мне на дачу надо. Дед ждет!

— Маха, ты че, серьезно? — почти обиделся Витька. — Борьбе с Черным Властелином предпочтешь борьбу с сорняками?

— Я обещала, — спокойно ответила Сазонова, за последние дни накушавшаяся настоящего волшебства по самую маковку и жаждущая банальной борьбы с садово-огородными проблемами, от которых судьбы мира не зависят. Да, она ключ, правило и правило, гармонизатор всего и вся, но право на выходные есть у каждого. Поэтому Маша с улыбкой объявила: — Так что с Черным Властелином вы уж как-нибудь сами. Я в вас верю!

Витька, переполненный истовым возмущением, был невероятно забавен. Его прочувствованный спич о высоком долге рыцаря и паладина с удовольствием слушала вся группа. Увы, явившаяся лектор положила конец вдохновенному выступлению и завела свою речь, куда менее увлекательную, но куда более полезную в свете предстоящей экзаменационной сессии.

Обратно после зубодробительной лекции, двух мозговыносящих семинаров и пары лабораторных аналогичного уровня сложности Маша шла с полным сознанием того, что она не Маша, а лимон. Лимон, который натерли на крупной терке и отжали через марлю, чтобы получить сок для торта «птичье молоко». Не хотелось даже привычно пробежаться по улице. Сил хватало только на то, чтобы идти с высоко поднятой головой, а не плестись нога за ногу. Это ее и спасло, нет, не поднятая голова, а умеренный темп ходьбы. Удалось вовремя затормозить, когда следующий шаг Сазонова сделала во вспышке красно-золотого света через ворота, и не по асфальту с трещинками, а по крыше, ткнувшись коленями прямо в невысокий парапет.

Глава 7

МАССОВАЯ ДЕЗИНФЕКЦИЯ

Перед Машей предстал заурядный город, очень похожий на любой из провинциальных городов ее страны. Дома-пятиэтажки, пара краснокирпичных девятиэтажек, на крыше одной из которых она и оказалась, маленький чахлый скверик и детская площадка с неизменными качелями, горкой, лесенками и лавочками.

Все, как везде, только вместо гомона веселой ребятни, задорных криков подростков, прогуливающих мамочек и сплетничающих на лавочках стариков — лежащие прямо на земле окровавленные тела и замершие совсем рядом неподвижной толпой люди в неопрятной, измазанной, порванной одежде.

Или не люди? Маша никогда не жаловалась на зрение. Одутловатые лица, пустые, лишённые всякого выражения глаза, распахнутые рты. Что-то подобное Сазонова видела лишь раз у Алешки, хваставшегося новой игрушкой на смартфоне. Называлась игра «Зомби-апокалипсис». И зомби в ней выглядели очень похоже на этих людей-нелюдей из толпы. Смыслом игры было выжить и убить всех зомби.

«Что мне делать? Их же так много. Я столько не убью!» — растерялась Маша, гордящаяся своим мечом, но не представлявшая себя в роли кровавого комбайнера. И вообще, пусть даже стоящие там, внизу, уже не люди, а монстры, лишь с виду напоминающие людей, девушка точно знала: ни с того ни с сего кинуться и начать рубить их в капусту она не сможет.

Сазонова вздохнула и села прямо на крышу, скользя невидящим взглядом по городу внизу. Порыв ветра донес до нее мерзкий запах подсохшей крови и разложения. Комок подкатил к горлу.

Не может же быть, чтобы ее перенесли сюда ради банального массового убийства? Это же нерационально. Сколько тут людей? Пусть уже не людей, но поштучно — «объектов». Даже если заражен только один-единственный город, во что верится с большим трудом, то это не сто или двести, это не меньше нескольких сотен тысяч. Пусть Маша справится с собой, отринет страх и брезгливость, она банально

не в состоянии упокоить такое количество народа. Пусть даже они не будут сопротивляться и не задавят ее числом. Неужели ей суждено годами исполнять роль чистильщика? В математике, как уже когда-то говорилось, Маша была не очень сильна, но что-то — наверное, интуиция — подсказывало ей, что срок очистки будет измеряться годами. Нет, решительно, чувства абсолютной правильности при мысли о таком подходе к делу не возникло. И уже это вызвало легкий вздох облегчения, заставивший, впрочем, закашляться от очередного несвоевременного дуновения тухлого ветра.

Значит, должен быть другой выход. Но какой? Что и как она может исправить? Девушка потерла лоб и нахмурилась. Ладонь почему-то посверкивала золотисто-белым светом, напомнившим свет плодов тех эльфийских деревьев.

— Не убивать, а лечить? — вслух спросила себя Мария и ощутила смутное согласие с прозвучавшим вопросом. Смутное, потому что в целом верное предложение пока еще не было верно интерпретировано. Даже если не убивать, а лечить каждого «зомби», то у нее все равно не хватит ни сил, ни времени. И надежно изолировать исцеленных от еще больных, чтобы не возобновилась мерзкая бойня, ей тоже не по силам.

— Как? — попробовала озвучить вопрос Маша, глядя на свои ладошки, и в каждой из них возникло по одному сияющему плоду-шарику, которые вроде как впитались в ее тело в том волшебном лесу. А потом девушку потянуло встать и пойти, благо хоть не шагнуть с крыши в пустоту, а двинуться в сторону труб. Рядом с ними как раз нашлись два вазона с землей и завядшими бархотками. Шарики-плоды целительного света скатились с ладоней в скудную землю.

— И? — озадаченно моргнула Сазонова, почему-то чувствовавшая, что делает нечто правильное и важное, и ничуть не жалеющая, что сила, излечившая крылья дракона, покинула ее. Пока Маша просто не понимала, что же такого важно-нужного она сделала, исполняя роль живого автомата-сеятеля.

Сию секунду объяснять что-то на словах ортэс никто не ринулся. Небесный глас с ЦУ не раздался. Как обычно. Дескать, учись, обострай чувствительность, развивай логику, интуицию и копи опыт полевой работы.

Она все увидела сама. Увидела, как упавшие в скудную землю плоды буквально ушли в нее, как в воду, и практически сразу с

удивительной синхронностью проклюнулись два ростка. Весь набор вегетативных стадий от семени до молодого деревца волшебные растения прошли не более чем за полчаса.

Маша, не отрываясь, следила за процессом, развивающимся, словно в ускоренной съемке. Удивительным и волшебным, тем паче что происходило все это на крыше дома умирающего, оскверненного человеческого города, а вовсе не в дивном эльфийском лесу. Именно тут творилось невозможное, феноменальное, небывалое, чудесное...

Вымахавшие молодые деревья с сияющей снежно-серебряной корой тут же зацвели, засветившись золотом, а потом завязались искристые белые плоды. Сияние поднималось сферой, охватывая сами деревья и пространство вокруг них. Оно все ширилось по мере роста и созревания плодов. Спелые шарики живого света срывались с ветвей и, подхваченные внезапно появившимися ветрами, уносились в разные стороны. И там, где они падали — на землю ли чахлого сквера, прямо на асфальт или в гущу окровавленных тел, — вырастали все новые и новые деревья. Почему, зачем, как — комок вопросов крутился в голове Маши, и она не могла отыскать ответов.

Почему в апокалиптическом мире творились такие чудеса, девушка совершенно не понимала. Деревьев становилось все больше и больше, очень скоро среди домов высился молодой лес. Сияние его листьев, коры и плодов все ширилось, благословенный аромат дивной свежести давно уже одолел гниlostную мерзость умирающей плоти. Плоды, в изобилии усыпавшие деревья, срывались с ветвей и, подхваченные услужливыми ветрами, уносились прочь. Большей частью. Но и тех, что оставались, хватало, чтобы с небес шел несчастый сияющий не то дождь, не то град. Две стукнувшие в ладони и одна приземлившаяся на макушку «градинки» отозвались в теле Марии знакомой волной родного тепла. Отданное вернулось сторицей, чтобы остаться навсегда, став частью красно-золотого сияния ключа.

А вокруг продолжало твориться невероятное: зомби, атакованные градом мелких плодов, изменялись. Мутировали? Или нет, слово это не подходило совершенно. Скорее, они превращались из гнусных подобию людей в сияющих длинноволосых прекрасных созданий с яркими глазами и острыми ушами. Они становились эльфами. А город лесом.

— Ничего не понимаю, — снова растерянно ляпнула Маша.

Чудесные метаморфозы совершенно выбили обыкновенно невозмутимую девушку из колеи. «Почему? Как?» — обратилась она к тому самому средоточию внутри себя, которое обзывало ее «*правилом*», «*правилом*» и гармонизатором, и ответ наконец пришел.

Машу волею ключа швырнуло в мир, подошедший к порогу гибели всех прежних устоев. Той самой грани, когда законы минувшего уже не действуют, а иных законов не существует. Что ожидало такой мир? Конец, страшный конец. Но плоды из волшебного эльфийского леса стали той самой каплей, что оказалась тяжелее гири общего бремени. Толика магии, привнесенная в мир, совершенно лишенный волшебства, качнула весы совсем в другую сторону. То, что было обречено стать пустотой, получило шанс заполниться новым содержимым. И главную роль сыграло как раз то, что это самое новое ничуть не походило на старое, изжившее себя.

Мир обрел шанс на перерождение. Избитая истина: Истинный Свет рождается лишь во мраке. А что может быть более беспросветной тьмой, чем закат мира? Зерна восходят, лишь попав в темноту почвы. Так и волшебные плоды с семенами проросли в гибнущем мире, изменив все и вся вокруг. Пустоты и конца больше не существовало, лишь новое начало.

Трескался асфальт под корнями крепнущих деревьев-исполинов с сияющей корой, прорастала трава, оседали, погружаясь, как в болото, здания каменных джунглей, чтобы оставить лишь чистый лес и новых созданий, населяющих его, лишенных памяти о минувшей беде. Возможно, где-то в подсознании новых остроухих красавцев и останется инстинктивный ужас перед всем, что не является лесом, страх, как напоминание о свершившейся катастрофе, но сейчас тонко-прекрасные создания бродили среди девственного леса, и их дивные голоса звучали, как песнь творения.

Крыша высоты под ногами Маши дрогнула, непрозрачно намекая, что и этому зданию пришла пора уйти в небытие. В недрах дома заскрипело и заскрежетало.

«Пора», — согласилась с разливающимся в ней сиянием ключа девушка и шагнула с крыши к себе, на дорогу к дому. Пожалуй, теперь уже вечерняя тренировка в бассейне не казалась Марии лишней нагрузкой. После визита к зомби очень хотелось поплавать и банально подышать хлоркой. Нет, аромат дивных эльфийских деревьев перебил

мерзкую вонь, но где-то в глубине носоглотки еще царапались остатки зловоний. А запах родной хлорки — самый лучший для борьбы со всякой дрянью, против него никакие деревья, чье благоухание больше смахивает на духи, не тянут!

Так что в бассейне сегодня Маша не только выкладывалась на все сто на дорожке, но и дышала любимым ароматом, убивающим микробов, с небывалым наслаждением! А когда девчонки из секции начали громко возмущаться в сушилке тем, что хлоркой сегодня несет особенно сильно, Сазонова промолчала. Лишь подумала о том, как заговорили бы пловчихи, случись им здешним воздухом подышать после смрада разложения.

Плавание дало хорошую нагрузку тренированному телу, а хлорка, кажется, вычистила не только прочно забившую нос вонь, но и какой-то неприятный налет, оставшийся от посещения погибающего мира. Нет, его возрождение-изменение Маша приняла и поняла, но возродился все-таки мир, а люди, его населявшие, — нет. То, кем и чем они стали, тоже было прекрасно, изумительно и здорово, но людьми они уже не были. К тому же, в этом девушка была абсолютно уверена, как в том, что дважды два — четыре в десятичной системе счисления, памяти о своей человеческой сути новые создания не сохранили. Они начинали жизнь с чистого листа. Так было правильно, но все равно грустно.

Зато бассейн вымыл из головы всякую дурь, настроив Сазонову на рабочий лад. В частности, на размышления о том, что надо повторить и подучить к надвигающейся неизбежно, как сход лавины, сессии. Учила-то Маша все и всегда, но находились всякие хитрые штуки, в которых ей приходилось разбираться, буквально беря измором.

Глава 8

СПАСТИ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ (ПРАВИЛА РАССТАНОВКИ ЗНАКОВ)

Вот как раз об этом девушка думала, когда входила в подъезд родного дома, а потому не сразу среагировала на красно-золотую вспышку и то, что она вошла вовсе не в подъезд, а в какую-то темную подворотню, провонявшую мочой и фекалиями.

«Да что ж это за день-то такой сегодня! — в сердцах ругнулась про себя Маша, чувствительная к неприятным запахам. Лучше бы меня убить пытались, чем эту дрянь нюхать».

Что ж, мечтам свойственно сбываться, особенно самым идиотским! Не успел нос Сазоновой адаптироваться к вони, а голова сообразить, зачем и почему она оказалась там, где оказалась, как в небе затанцевали отблески факельного огня, послышался собачий лай и гневный гул людских голосов, из которых удалось вычленить обрывки слов: «Разыщем тварь! Кол ему в сердце! Ату его! След!»

«Кого-то ищут и хотят убить», — уяснила Маша главное, но решить, стоит ли ей выходить к поисковому отряду, пока ее саму не нашли и не убили случайно вместо какой-то твари только потому, что она прячется, не успела. Шею сжала в стальных ледяных тисках чья-то когтистая рука или лапа.

— Только пискни — раздавлю горло, — спокойно предупредил на ухо равнодушный голос.

«Кажется, я первой нашла того, кого ищут», — запоздало сообщила девушка и осталась стоять неподвижно и молчаливо. Вызвать меч в положении «хват на горле» она бы точно не успела, прежде ей окончательно перекрыли бы кислород.

Поисковый отряд прошел мимо. Нет, в вонючую подворотню люди с факелами и собаками завернули, тщательно осветили все углы, но почему-то ни Маши, ни ее когтистого соседа не увидели и не учуяли. Хотя очень может быть, что не учуяли лишь потому, что сами пахли так, будто, как в диком средневековье, купались два раза в жизни — при рождении на крестинах и после смерти методом обмывания

трупа. А вот когтистый сосед по подворотне, прижавший Машину спину к своей груди, не вонял. От него почему-то едва уловимо пахло свечным воском и железом.

Шум, брань и лай затихли вдали, и удушающий захват на горле, едва не раздавивший гортань девушки, разжался под зловещее предупреждение: «Ни звука». Маша чуть отступила, потирая шею, на которой наверняка останутся синяки, и, старательно дыша, развернулась к соседу по вонючему схрону.

Рядом с ней стоял высокий мужчина в темном плаще. Вышедшая из-за облаков луна вероломно подсветила черные волосы, кончики острых ушей, темные, проблескивающие алым глаза, клыки. Но вроде как повышенной волосатостью, не считая растрепанной шевелюры, ее визави не обладал. Что там Витька про фэнтези-персонажей говорил? Маша покопалась в памяти и на всякий случай поинтересовалась, перепроверяя информацию:

— Ты вампир или оборотень?

— Вампир, — снова продемонстрировал клыки мужчина, презрительно раздув ноздри при подозрении в оборотничестве.

— А чего тебя ищут, убил кого-то? — уточнила Сазонова, соображая, как ей быть. Ведь если убил, то, скорее всего, вампир — чудовище, которое в свою очередь должна убить она. Но, с другой стороны, если он чудовище, то почему не придушил ее сразу, чтобы уж посторонняя девица наверняка не помешала его пряткам в подворотне? И почему она не чувствует в себе правильного желания стать мечом возмездия и немедленно убить опасную тварь? Может быть, потому, что рядом с ней не тварь, а создание иной расы. Как эльфы, но с клыками. Только она еще не разобралась, что к чему. Значит, надо разобраться.

— Нет, я не убивал, — надменно процедил собеседник, отвечая на вопрос пленницы.

— Почему тогда тебя ищут с собаками? — потребовала ответа Маша.

— Потому что дурак, — резко и на удивление самокритично выдал черноволосый красавец.

— О! — Информация о том, что, если ты вампир, отсутствие интеллекта карается колом в сердце, Сазонову озадачила. Она продолжала хмуриться и ждать пояснений.

— Поверил и доверился не той, — закончил незнакомец.

— Хм, «амор», — удивленно процитировала девушка любимую дедову присказку.

А клыкастый собеседник вскинулся, ожидая то ли подвоха, то ли еще какой гадости. Плащ разошелся, и Маша поняла, почему все это время от мужчины пахло железом. Он был ранен в плечо. Белая рубашка давно намокла и стала буро-красной.

— Еще и раненый, — констатировала Маша.

Теперь девушка совершенно явно чувствовала, как начинает пылать в груди не просто красным, а бело-красным золотом ставший частью ее тела ключ. Или это ее тело стало частью ключа и впитало в себя силу целительных плодов волшебных деревьев? Не важно, что случилось, то случилось. Значит, сюда, в эту подворотню, ее привели не для того, чтобы добить, а с прямо противоположными целями. Что ж, придется лечить, пока снова не набежала грязная толпа с собаками. Здесь и так воняет тошнотворно.

Стало быть, нечего стоять зря, надо работать! У нее еще к семинару политология не читана! Правда, зачем химику или биологу этот предмет, Маша не понимала, но учила, как и все остальное, условно и безусловно нужное.

— Повернись и наклонись немного, ты высокий, я до раны не достану, — деловито предложила Сазонова.

— Зачем? — разом напряжился вампир.

— Лечить, — недоуменно пожала плечами девушка. А чего этот странный когтистый житель иного мира от нее ожидал услышать? Чтобы добить, разрешения обычно не спрашивают.

Вампир настолько опешил от предложения, что молча выполнил просьбу, лишь чуть заметно дернулся, когда Маша осторожно положила руки с растопыренными пальчиками на место травмы. Чтобы площадь побольше разом охватить. Свет, который правило, смешанный с целительным светом волшебных плодов, ставших частью био- или энергосистемы (как правильно, без пол-литра не разберешь) девушки, полился на рану. Но только на окровавленном плече сияние не остановилось, распространилось все дальше и дальше, заливая все тело вампира от макушки до пят. Маша терпеливо держала ладошки все то время, пока длилось лечение.

Утихло свечение само по себе, без всяких действий, оставив вампира исцеленным. Тот, будто не веря случившемуся, замер на мгновение, а потом расплылся в хищной ухмылке, подхватил Машу в охапку, та и пискнуть не успела. Взмыв в воздух безо всяких крыльев, превращений в туман, летучую мышь или иную способную парить фиговину, мужчина стал совершенно невидимым. Со скоростью хорошего велосипедиста он понесся прочь от города, где до сих пор с собаками и факелами искали лиходея.

Приземлился вампир весьма плавно, на широкую ветвь большого дерева на опушке леса. Сел сам и, придерживая рукой свою спутницу, аккуратно усадил ее рядом на чуть шершавую кору.

— После всего, что случилось сегодня, я не думал, что меня будет лечить и спасать человек. Девушка.

— Жизнь полосатая, как лошадка зебра, то белая, то черная полосочка. Самое главное, как говорит Витька, увлекшись пересчетом полос, не оказаться в попе, — констатировала Маша, задумчиво болтая кроссовками над бездной. Рука вампира придерживала ее железным хватом, так что ни малейшей опасности свалиться Сазонова не ощущала, ну если только ее нарочно не столкнут. Но зачем? Никакой выгоды или удовольствия. Пахло в лесу приятно, почему-то смолой и хвоей, хотя деревья вокруг были сплошь лиственными.

— Какого рода оплаты ты ждешь за свою помощь? — деловито уточнил клыкастый собеседник, короткой усмешкой оценив своеобразие «теории зебры». — Золото, камни или жаждешь обрести бессмертие?

— Это вампиром, что ли, стать? — чуток удивилась Маша, малость напрягаясь от того, что опять она ступает на тонкий лед разговора с созданием иной расы, с совершенно иначе, чем у людей, устроенной головой.

Эх, спасти всех этих чудиков было по большому счету куда легче, чем после вести переговоры. Особенно если речь касалась благодарностей. И почему никто не мог поверить в то, что делает все девушка не за что-то, а просто так? Ну или потому, что у нее работа теперь такая. Хотя за работу вроде как положена зарплата, вот она таким странным образом и выплачивается. И, наверное, все закономерно: какая работа, такая и зарплата, хм... странная.

Когда клыкастик прикрыл веки в знак согласия с ее вопросом, Маша мотнула головой:

— Не-а, спасибо, не хочу быть вампиром. И камней с металлами тоже не надо, пожалуйста. Там, где я живу, мне с этим сложно. Сама не ношу, а продавать без сертификатов и проб — замучаешься.

Вампир покосился на Машу, оценивая логику ее доводов, и промолвил, видимо, только что заметив:

— Я тебя оцарапал. Но ты лечила меня, а не себя.

— Себя не умею, так заживет. На мне все быстро заживает.

— Тогда помогу для начала в этом. — Собеседник притянул девушку к себе и длинно лизнул ее шею, пройдясь по собственноручно нанесенным царапкам, точно собака, зализывающая порез на лапе. Кожу защипало.

«Антисептик?» — удивилась Маша.

Что удивительно, вампир, пару раз лизнув, тоже отстранился от Маши с замешательством на чеканной физиономии.

— У тебя своеобразная кровь.

— Невкусно? — заинтересовалась Сазонова, которая недавно сдавала в больнице очередную пробирку для справки. Ничего криминального медики у нее не нашли, гемоглобин и прочие показатели оказались в норме. С другой стороны, дегустировать ее анализы лаборанты в поликлинике точно не пытались.

— Странно. Она словно вообще не кровь. Она несъедобна, как... кусок облака. Кто ты? — Теперь в голосе собеседника звучало искреннее любопытство.

— Человеком родилась и, надеюсь, останусь. Но я родом из другого мира и скоро вернусь к себе, — честно отчиталась Мария. Всякие переживания насчет собственной загадочной миссии ключа оставались все-таки именно переживаниями и никак на физические данные девушки не влияли. От того, что ее стало кидать из мира в мир, она ни в кого другого не превратилась и превращаться не собиралась. Зачем? Не зря же эволюция выводила хомо сапиенс вместо какого-нибудь эльфуса или того же вампируса.

— Что привело тебя в этот мир? — Темные глаза с красными бликами испытующе уставились на Машу. Весть об иномирном происхождении девушки ничуть не удивила вампира. «Да он же сам не здешний!» — запоздало сообразила Сазонова.

— Скорее всего, ты или что-то связанное с тобой, — в конце концов признала Маша, обстоятельно поразмыслив и попытавшись определить, не чувствует ли она еще тяги куда-нибудь отправиться. — Пока не разберусь, вернуться не смогу. Наверное, мне для начала нужно узнать, как тебя угораздило вляпаться. Спрашивал, чем отплатить — расскажи, и будем в расчете.

— Так долги не отдаются, — качнул головой в знак несогласия вампир. — Но как начало... Слушай, дева. Я, как и ты, свободен в своих движениях между миров. Здесь я не собирался задерживаться сколько-нибудь долго, но случайно увидел ту, чей лик напомнил мне о давней утрате. Та женщина, Саэра из вольного клана странствующих певцов-аозв, была дорога мне. Она погибла, угодив в ловушку охотников, поставленную на меня. Когда в этом жалком городе я увидел слишком хорошо знакомое лицо, решил, что Творец даровал мне новую встречу, и...

Вампир споткнулся, не зная, как описать ту лужу мерзости, в которую вляпался. Возможно, не знал, как рассказать без мата или унижающих свое достоинство эпитетов.

— Ошибся, — тактично подсказала Маша.

— Да, я ошибся, — благодарно кивнул клыкастик. — Дева проявила благосклонность лишь внешне. Я чувствовал ее страх, но не рассчитывал, что он будет столь глубок и принесет такие плоды. Та, кого я прочил в избранницы, осквернила свою кровь мерзким средством, ослабляющим вампира, лишаящим его почти всех сил. Поднеся отраву, человечка попыталась меня зарезать. Ослабленный, я смог лишь бежать от преследователей, увы, снабженных толикой моей крови для травли псами. Ты возникла вовремя, твой запах перекрыл мой, надежно спрятал его.

— Собираешься мстить? — Маша кивнула на город неподалеку.

— Будь моя воля, спалил бы всепожирающим огнем дотла. — На свободной раскрытой ладони собеседницы на миг вспыхнул шар черного огня и тут же погас, повинувшись воле хозяина. — Но Властелин начертал этой провинции иную судьбу. Кашер — лучшее сырье для кораблей — может пострадать от пламени.

— Кашер? — нахмурилась Маша.

В качестве ответа длань вампира хлопнула по ветке, указывая на то, что носит незнакомое имя.

— А девушка?

— После того как пригубила мердгрев, она бесплодна или способна породить лишь нежизнеспособного уродца, — скривил губы в нехорошей улыбке клыкастик. — Такая женщина уже проклята, в иной мести я не нуждаюсь.

— Что ж, каждый получает свое, — констатировала Мария, даже не делая попыток встать на защиту незнакомой фанатички. А что фанатички — так это кем надо быть, чтобы ценой жизни своих нерожденных детей пытаться убить того, кто тебе вообще ничего дурного не сделал? Если только беспросветной дурой. Но тогда тоже правильно, зачем передавать такие скверные генетические признаки потомству? Сработал принцип естественного отбора. Но кроме людей, которые должны были и могли сами о себе печься, Сазонову беспокоило другое. Потому Маша попросила:

— Вы, когда кашер рубить будете, пожалуйста, не забудьте проследить, чтобы на месте вырубков посадили саженцы.

— Разумно, сделаем, — подтвердил договоренность вампир, а девушка почувствовала, как в груди разгорается свет, готовый обратиться в дверь возвращения.

— Мне пора домой, саженцы и будут благодарностью за спасение, — успела сказать Сазонова прежде, чем исчезла с ветки.

Вампир задумчиво хмыкнул, проведя языком по губам, на которых еще оставался странный вкус странной спасительницы. И резюмировал, изящно воспаря над веткой:

— Надо рассказать Властелину!

Благополучно возвращенная в родной подъезд Маша поспешила домой. Вот сейчас она была довольна проделанной работой. Самое главное, девушка понимала ее ценность и важность. Спасение одного рядового вампира обернулось будущим для целого леса и, весьма вероятно, спасением людей от пожара. Такой глобальной чистки не заслужил даже рассадник антисанитарии, по ошибке именуемый городом. Антисептик на них с самолета нелишним было бы распылить или устроить банный день для всех. Пожалуй, эти неряхи такой подход восприняли бы как кару небесную почище всепожирающего огня. Жаль, у нее возможности для глобальной чистки нет! Хорошо бы те, кто лес заготавливать придет, привили бы вонючкам хоть какое-то

подобие правил гигиены, пусть даже в добровольно-принудительном порядке.

Прозанималась Маша до самой ночи, отвлекаясь только на ужин с дедушкой. И спокоен был ее сон, как обычно свойственно человеку с чистой совестью и крепкими нервами. Очень крепкими. Наверное, будь на месте студентки Сазоновой, случайно или совсем не случайно получившей загадочный ключ, любая другая девушка, она бы уже пила успокоительные пачками или лежала с нервным срывом в больнице. Может быть, даже в той, с мягкими стенами.

А Маша? А Маша ничего. Просто приняла изменившуюся реальность как должное вместе со свалившимися на ее плечи дополнительными обязанностями. Если надо, значит, надо делать, и делать на совесть. Вот она и делала, что и как могла, исправляла, ориентируясь на внутреннее ощущение правильности, и шла вперед, не размениваясь на терзания, самокопания и прочую легкомысленную ерундистику.

Глава 9

МИССИЯ: СПАСЕНИЕ... МЯЧИКА

Проснулась Мария от странного звука и ощущения прохладного ветерка на коже. Как спала, в пижаме с котятами, она почему-то лежала не в кровати, а на нестриженной пыльной газонной траве у ветхого двухэтажного дома с заколоченными окнами и дверями. Было то ли раннее утро, то ли вечер на грани ночи. Ладошка первым делом прошла по траве. Сухая, значит, вечер.

«Скорее всего, ключ сработал прямо во сне», — сделала вывод Маша и встала. Босиком было не очень удобно, но терпимо. Мягкая трава не колола пятки. Из заколоченного дома снова раздалось не то мяуканье, не то чей-то жалобный всхлип.

Разумеется, девушка отправилась проверять. Заколоченная дверь выглядела намертво закрытой лишь с виду. Гвозди легко вышли из дырочек, оказавшись всего лишь имитацией задвижек. На лестнице царил сумрак, дневной свет снаружи как-то нехотя просачивался в дом. Будто ему не хотелось заглядывать в развалюху. Пошарив глазами у крыльца, девушка отыскала обломок кирпича подходящего размера и деловито вбила его, как стопор, не позволяющий двери захлопнуться. Она вроде и не пыталась, но мало ли — дунет ветер, и шагай на ощупь, а то и катись кубарем. Верный рюкзачок с фонариком Маша в постель не брала, и, как оказалось, напрасно. Но кто ж мог предугадать, что ее перенесет прямо из-под одеяла? Никто, кроме самой Маши. Вот и пришлось теперь расплачиваться растяпе за собственную непредусмотрительность.

Всхлип, потревоживший сон девушки на газоне, повторился. Сазонова вошла в дверь и огляделась. Коридор и комнаты с обрывками обоев на стенах, невысокая лестница на второй этаж справа и вторая длиннющая лестница вниз, начинающаяся прямо от порога. Странная архитектура! На середине той самой последней лестницы скорчился живой комочек. Девчушка лет семи в ярко-желтом платье в белый горох. Хвостики светлых волос подрагивали в такт плачу.

— Эй, ты чего реवेशь? — первым делом уточнила Маша.

Вдруг ребенок расшибся, упав в темноте на ступеньках, и чего-нибудь себе сломал, тогда его нельзя нести, надо фиксировать место перелома. Так говорили на ОБЖ в школе и на медицине в универе.

— Мячик укатился, дверь захлопнулась. Темно стало! — К Марии повернулась зареванная мордашка. Впрочем, тут же просиявшая робкой надеждой при виде девушки и открытой двери. — Тетя, помоги мне мячик достать! Он где-то внизу, в подвале.

— Пошли, — просто согласилась студентка, зная, как крепко малыши привязываются к самым зачастую пустячным игрушкам.

Лестница была деревянной, холодной, но гладкой, заноз можно было не опасаться. Маша сбежала по широким ступеням к расстроенной девчухе и подала ей руку:

— Идем искать твой мячик!

— Спасибо! — расплылась в благодарной улыбке малявка.

Рука об руку парочка спускалась с казавшихся бесконечными — да какой же глубины здесь подвал отгрохали? — ступенек. Мелкая и хвостатая тараторила на ходу, захлебываясь своей радостью от того, что ей не придется доставать любимый мячик одной, а то дом страшный, старый, холодный, и в него никогда никто из ребят даже на спор не ходит. Потому что страшно, а она с Маком поспорила, что зайдет, если дверь открыта. Она ж все время закрыта. А тут открылась. Линда зашла, думала только на порожке постоять, а мячик укатился на лестницу. А этот мячик ей старший брат подарил, когда из командировки приезжал. Поэтому Линда не могла оставить его в страшном доме. Решила забрать, а мячик по ступенькам вниз запрыгал, она кинулась вдогонку, а дверь захлопнулась. А она темноты боится!..

Водопад слов лился из Линды, как вода из пожарного брандспойта, сражающегося с огнем. Скорее всего, под собственную трескотню девочке было спокойнее идти, хотя она все равно побаивалась и тискала Машину ладошку, как сквиша.

Длиннющая, будто в метро со сломанным эскалатором, лестница все-таки закончилась ровной каменной площадкой. Босые Машины ноги сразу почувствовали разницу между прохладой деревянных ступенек и ледящей стылостью камня. Слишком ледяной для необутых пяток.

Линда огляделась и радостно вскрикнула: полосатый, как арбуз, мячик лежал у дальней стенки совершенно пустого подвала. Маша

нахмурилась. Скатываясь по ступенькам, мячик ну никак не мог оказаться в том углу. Если бы пол был завален мусором, то рикошет был бы вполне вероятен, однако плита оказалась гладкой и наклона не имела.

Придержав лапку ребенка в своей, Сазонова не дала кинуться к игрушке и обосновала остановку логичной просьбой:

— Подожди, не хватай, вдруг мяч в чем-то испачкался.

— А? Ладно, — недоуменно хлопнула глазищами Линда и тут же восторженно выдохнула, совершенно забыв про мяч: — Ух ты, какая красота!

Маша проследила за взглядом девчушки и нахмурилась еще сильнее. Прямо в стене чуть левее мяча на расстоянии полуметра от пола был вмурован кристалл. Мутно-желтый с прозеленью, он вспыхивал болотными огоньками с рваным, но каким-то гипнотическим ритмом. Только то, что Мария цепко держала девочку за руку, помешало той рвануть к блестяшке на всех парах.

Почему-то Сазоновой показалось, что нельзя допускать не только касания к кристаллу, а и долгого на нем сосредоточения. Эта штука размером с пару кулаков взрослого человека вызывала у нее безотчетную неприязнь, как тараканы, хотя как раз тараканов Сазонова совсем не боялась. Насекомые и насекомые, с отличной приспособляемостью. Выживут везде! Этот кристалл был куда хуже. А раз так... Что ж, настала пора вызвать меч.

Ладошка Линды расслабилась, как ватная, девочка стояла, но казалась спящей. «Тем лучше», — рассудила Маша, призывая меч-правило, и, сделав пару широких шагов по ледяному, как снег зимой, полу, ткнула кончиком в кристалл.

Меч вошел, как ножик в теплое масло. Послышались многократно усиленные треск, звон, и почему-то треск и звон не только в подвале, а где-то еще. Словно лопались и взрывались лампочки в связанной единой нитью гирлянде.

Неприятная блестяшка погасла и осыпалась не кусками, а мельчайшим, точно пыль, крошевом. Одновременно с этим вздохнула и затрясла головой приходящая в себя Линда, потеплел ледяной камень пола и в подвале стало как-то посветлее.

Девчушка подбежала к мячику и подхватила его с пола, сияя довольной мордахой:

— Он чистый, только чуть-чуть пыльный!

— Возвращаемся, — предложила Маша.

Путь назад по ступенькам почему-то оказался гораздо короче, чем вниз. Когда Маша вышла, вынула подпирающий кирпич и закрыла дверь, дом нехорошо за скрипел.

— Отойдем, — предложила Сазонова и, ухватив Линду за локоть, почти потащила ее к дальнему концу огороженного старым забором участка.

Вовремя! Стоило им оказаться подальше от развалюхи, как она со скрипом, скрежетом и звоном разбитого стекла сложилась, как картонка.

— Ой, как хорошо, что мячик достать успели, — вытаращила глазищи Линда и восторженно выдохнула: — А что я завтра ребятам расскажу! У-у-у!

«Хорошо, что есть, кому рассказывать», — заключила Маша, мысленно ставя галочку в графе завершенного дела. Девочку спасла, какую-то пакость в подвале ликвидировала. Что это было и зачем, Сазонова не понимала, но и не собиралась дотошно выяснять. Экзамен по устройству и предназначению потусторонних фиговин ей не сдавать, в отличие от анатомии. Главное, что все получилось и теперь можно вернуться домой, чтобы первым делом помыть ноги. И вообще пора — у нее режим! Надо спать не меньше семи часов в сутки, а лучше восемь, чтобы организм полноценно восстанавливался!

Портал сработал штатно. Тряхнув челкой, Маша первым делом отправилась в ванную комнату, мыть и греть пыльные, неизвестно по каким иномирным микробам топтавшиеся конечности. Горячие струи душа и антибактериальное мыло быстро уладили проблему. Но спать девушка ложилась уже подготовленной к любым неожиданностям: рука ее цепко держала лямку верного рюкзака, куда пришлось на всякий случай положить еще несколько потенциально необходимых предметов.

Не найдись сегодня камень, чтобы подпереть дверь, велик был шанс топтать вниз по лестнице в полной темноте с риском расшибить не только нос, а и пересчитать ступени ребрами. И ладно бы только ей, а ведь рядом ребенок был! Малышка с забавными хвостиками! Мария улыбнулась, вспоминая счастливую мордашу Линды, заполучившей назад любимый мячик.

Сон Сазоновой был крепок и безмятежен, как свойственно человеку после добротной выполненной работы. Возможно, если бы Маша знала, что именно она сотворила и к каким последствиям это приведет, то начала бы переживать. Возможно, но не наверняка. Нет, пожалуй, совсем бы не начала, просто потому, что считала, что все сделала правильно.

Она только мельком задумалась о том, что понимает язык всех созданий, с которыми ей приходится общаться в иных мирах, как родной. Но тут же успокоилась, списав странность на свойства внедренного в нее ключа. Как там в любимых историях Лешки, фанатеющего от знаменитой поттерианы: «Это магия, мисс Грейнджер». Так и здесь: «Это ключ, госпожа Сазонова». Поставив мысленно галочку в разделе решенного вопроса, Маша успокоилась совершенно.

Пусть где-то там стоял погруженный в беспросветный мрак черный замок и некто наимогущественнейший, разъяренный отключением энергии в разгар важного эксперимента, нес по кочкам нерадивых слуг — Маше то было неизвестно. О чем мы не знаем, то нас не тревожит. Как-то так.

Чихать ей на зловещего типа в черно-красном одеянии, восседающего на высоком стуле. И на многочисленных созданий, порой весьма экзотического вида, которые, лепеча жалкие оправдания, расстилались перед ним на черном полу в черную клетку (оттенков черного на свете, а уж тем паче в темноте, существует превеликое множество).

Маша спала, и точка. Даже если во сне она видела странное, крепкую психику и совесть девушки ничего не тревожило. Фильм показывают, ну и пусть показывают. Вот когда и если настанет пора с этим разбираться, тогда и поволнуемся, если надо. А пока спать!

Глава 10

ХОЛОДНЫЕ БЕРЕГА

«Славься, предусмотрительность!» — об этом Сазонова подумала в первую очередь, когда в предрассветных сумерках спустила ноги с кровати, чтобы нашить тапочки для посещения комнатки задумчивости.

Оказалась Маша вовсе не там, а сидящей на ледяном валуне в некой каменистой, очень скудно травянистой местности близ неких пузырящихся луж, побулькивающих и смрадных. Чуть дальше и левее, за более крупными камнями, даже курился не то дымок, не то парок, не то негустой туман. Правее с грохотом, претендующим на звание водопада, несла свои воды небольшая порожистая речушка. Воды ее взбивались в белую пену. Серые облака бежали высоко в небе рваными полосами.

«Гейзеры, горячие источники», — констатировала Маша, которой вопреки собственному заявлению со словом «горячие» стало едва ли не холоднее, чем в том странном подвале странного дома. Нет, все-таки холоднее, потому что в подвале не было пронизывающего до костей ветра, а здесь он имелся в достатке, вдобавок еще и дул не куда-нибудь в одну сторону, а, кажется, во все разом.

С ветром Маша сделать ничего не могла, зато залезла в рюкзачок и вытащила оттуда мешочек с любимыми кроссовками. Носки были скатаны в комочки и засунуты в обувь. Так что уже через минутку девушка была обута. И жалела только о том, что заодно с кроссовками не сунула в рюкзачок ветровку. Хотя от такого ветра одежда не спасла бы. Разве только длинная куртка на синтепоне? Но ее в рюкзачок точно не запихать, а таскать кроме рюкзака еще и пакет с вещами — ну проще тогда грузовик с прицепом сразу у дома ставить. Нет, не сахарная она, закаленная, так что не простудится!

Тряхнув головой, Маша соскочила с валуна и отправилась исследовать местность в попытках обнаружить причину своей телепортации. Кроме шума реки вблизи ничего слышно не было, но стоило отойти сколько-нибудь дальше, и условия изменились. Крики птиц вдалеке, бульканье лопающихся пузырей в лужах, какое-то

мычание вперемешку со всхлипами. Последние два набора звуков никак не могли относиться к природным.

Сазонова сориентировалась и зашагала к источнику подозрительных шумов. Это был круг камней с побуревшими подтеками. В центре высился самый большой стоячий камень еще более интенсивно-бурого оттенка. К камню оказались прикручены толстыми веревками два почти голых — убогое рваньё, прикрывающее срамные места, не в счет — человека. Худющие подростки. Паренек и девушка с торчащими клоками соломенно-желтыми волосами. Яркий цвет шевелюр пробивался даже сквозь грязь. Синяков и ссадин на телах было более чем достаточно. И вряд ли они приобретались естественным путем в процессе игр, случайных падений и всего того, из-за чего случаются бытовые детские травмы. Ребят, кажется, били, но не настолько сильно, чтобы прибить, скорее, просто чувствительно помяли. Пришедшую девушку они заметили, но глазели на нее не как на спасительницу, а с настороженной обреченностью.

«Что мне делать с этими Прометеями местного разлива? Не ждать же, пока прилетит орел?» — озадачилась Маша, нахмурила брови и, аккуратно срезав вызванным мечом кляпы, спросила у причин своей озадаченности:

— Вас развязать?

— Нет смысла, незнакомка, — всхлипнула ничуть не обрадованная появлением Сазоновой девушка. — Даже если мы попробуем бежать, нас отыщут. Если выпал жребий стать избранниками Орлага, то дороги назад нет. Это судьба.

— Вот только почему-то выпал он нам, сиротам, а не сынку дора или старосты, — зло выплюнул подросток, яростно сверкнув синими очами. — Меня развяжи, дева с мечом, я лучше в реку брошусь, чем здесь на жертвенный камень лягу. Что толку от этих смертей, если холод с каждым годом лишь сильнее, а тепла все меньше. Солнечный Орлаг отвернулся от племени, и ничья кровь, сколько ее ни лей, не вернет его милости.

— Ольф, — жалобно пискнула девушка в ответ на явно крамольные слова собрата по несчастью.

— Давайте я вас обоих развяжу, а уж вы сами решите, пойти куда или тут остаться. Хотя бы нормально поговорим и постараемся найти какой-нибудь выход, — решила за обоих ребят Маша и прошлась

кончиком меча по веревкам. Легонько-легонько, чтобы не порезать кожу. Пока новые знакомые соображали, что и как, достала из рюкзака йодовый карандаш и расписала их «под хохлому», пройдясь по всем синякам и ссадинам. Лечить сильнее, волшебным светом, который таился в ней, не стала: вдруг ребятам надо выглядеть потрепанными.

Что удивительно, от холода подростки не дрожали, наверное, жизнь закалила их почище всяких оздоровительных методик Машиного мира, а вот голодными точно были. Увы, кроме пары протеиновых батончиков, в рюкзаке не нашлось ничего, но и это было принято с благодарностью.

Чуть перекусив и напившись из ближайшего ручья, не воняющего сероводородом, парочка принялась уже более основательно знакомить Машу с реальным положением дел. Почему подростки ей поверили и доверились, почему вообще не стали выпытывать ничего о чужачке, Сазонова понятия не имела, наверное, таково одно из свойств ключа.

Итак, жили-были в долинах гейзеров кочующие племена скотоводов. С земледелием на такой скудной почве не очень-то и размахнешься. Люди не то чтобы процветали, но жили вполне мирно, а когда приходили в эти края суровые зимы, все удалялись в пещеры, где в стылый сезон куда теплее, чем снаружи. Там, в пещерах, даже камень всегда чуть теплый. Народ молился богу солнца Орлагу, дарующему им в сезон ненастья часть своего сберегаемого за благодатное время тепла.

Но что-то случилось с пещерами или с богом, а может, и с тем и с другим. Год от года в теплых прежде скалах становилось все холоднее, да настолько, что шанс пережить неблагоприятный сезон выпадал далеко не всем.

Тут-то и началось скверное. Измученные невзгодами люди с подачи шаманов, жрецов, или как еще обозвать религиозную прослойку общества — Маша затруднилась с определением короче, служители культа решили, что всему виной гнев бога и надо его искупить. Задабривали поначалу подношениями из украшений, крови животных, всякими песнями и плясками, а когда и это не помогло, перешли к человеческим жертвам.

С тех пор так и повелось: перед каждым сезоном стуж в священном круге на священном камне отправляли богу «телеграммы»

с просьбой о ниспослании тепла через убиенных соплеменников. Пели хвалебные гимны, возносили мольбы, а толку как не было, так и нет.

— Так, а сама погода в ваших краях поменялась? Стало теплее или холоднее? — наморщила лоб Маша, греша на глобальные изменения климата. Может, у них тут очередной ледниковый период надвигается, или теплое течение сменило свой обычный маршрут из-за некоего катаклизма.

Подростки чуть-чуть покумекали и все-таки ответили решительно: нет. Погода не поменялась. Ушло только тепло из пещер.

— Ага, — пробормотала себе под нос девушка, почесывая нос. — И почему? Тектонические процессы? Возможно. Я в этом ни бельмеса. Географию настолько глубоко не изучали. Но если дело в естественных закономерностях, зачем я здесь? Не сходится.

Маша покачала так и не исчезнувший в руке меч и удивленно вздрогнула, когда лезвие дернулось, а кончик указал на один из менгиров, кругом обступивших жертвенную скалу. Не прямо на камень, а на землю у его подножия. Пожав плечами, девушка подошла ближе и принялась ковырять поверхность — камни вперемешку с утоптанной до состояния бетонного покрытия землей. Будь у девушки обычная лопатка или обычный меч, у нее бы ничего не вышло. Но меч-ключ входил в грунт, как в масло, вырезая целые куски. От настойчивых вопросов бывших пленников Маша не отмахнулась, но попросила чуть-чуть подождать.

Чего именно, она и сама не ведала. Зато, докопавшись, распознала находку мгновенно. В камень был вмурован очень знакомый самоцвет грязно-желтого оттенка, мерцающий в рваном ритме. «И тут эта пакость!» — начала сердиться Мария. Недолго думая она поступила с камнем так же, как с его собратом в подвале другого мира. Р-р-раз! Тычок острым кончиком меча, и все осыпалось крошечным, исчезающим, не долетев до земли.

«Есть еще? — задала себе вопрос девушка и сама же ответила на него, ориентируясь на новое дрожание меча: — Есть, как не быть».

А раз есть, то работа по вскапыванию ритуальной площадки впереди! Именно этим и занималась Мария весь следующий час, до мозолей стерев ладонь и порезав палец острым обломком камня. Она откопала и уничтожила еще восемь кристаллов. Может, парочка светловолосых подростков не кончала ни школ, ни университетов, но

то, что завлекательно мерцающие «камешки» являются какой-то несусветной дрянью, они просекли моментально. И даже попробовали предложить Маше свою помощь. Копать им было нечем, но отгребать и оттаскивать уже вывернутые из почвы куски они могли, чем дружно занялись в четыре привычные ко всякому труду руки.

Когда камешки-подлянки оказались педантично разнесены в пыль, Маша снова покачала меч в руке, прислушиваясь. А не дернется ли клинок снова, ориентируя ее на новую цель. Но нет, процесс поиска завершился. Прямым подтверждением этого смелого утверждения стал неверящий и одновременно восторженный возглас паренька, случайно опершегося о менгир.

— Камень! Олиге, пощупай, он теплый! Теплый! И становится все теплее, точно так, как в пещерах, о чем нам рассказывали старики!

— Правда, Ольф? — Девушка тронула другой камень и восторженно выдохнула: — Теплый! Теплый! Значит, и в пещеры придет тепло! Мы спасены! Все спасены! Не будет больше смертей от холода!

— Хорошо, — утирая со лба пот тыльной стороной ладони, констатировала Маша.

Благодарностей ребят, очухавшихся от радостного шока, она уже не услышала. Меч исчез из руки, перетекая в сияние, охватившее все ее тело и материализующееся во врата. Миг, и на поляне у менгиров остались лишь двое местных уроженцев.

— Красно-золотой свет! Это была посланница Орлага! — уверенно поделился с сестрой своей догадкой Ольф. Об этом Ольф и Олиге дружно твердили всему племени и на следующий день, и долгие годы вслед за этой зимой, когда рассказывали в пещерах всем соплеменникам, а потом собственным детям, внукам и правнукам о чудесной посланнице Солнечного бога, спасшей народ.

А Маша, во второй раз за ночь принявшая горячий душ, снова легла в кровать и снова увидела сон. Тот же зал, тот же тип на троне в свободном одеянии с капюшоном, источающий мрачное неудовольствие, странные личности, протирающие перед ним черно-клеточный пол. Только на этот раз в том зале стало ощутимо холоднее, во всяком случае, изморозь на потолке и сосульки на окнах вряд ли были геологического происхождения.

— Надо же, у них там тоже холодно, как было у ребят, — почти посочувствовала Мария обитателям своего сна и переключилась на просмотр другого канала сновидений, заполненного образами экзаменационных билетов. Если выбирать, то сон про холодный пол ей нравился больше, чем эта тягучая путаница информации. Там, по крайней мере, Маша отдавала себе отчет в том, что спит, и радовалась тому, что ей в кровати тепло.

Глава 11

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Утро пришло как неизбежность. Чтобы взбодриться после ночных эскапад, пришлось принять прохладный душ. Но после зарядки и завтрака тело согласилось с тем, что день наступил и надо его встречать во всеоружии.

Чем Сазонова и занялась, трусцой пробежавшись до остановки под ласковыми лучиками весеннего солнышка. Лентяи мучают организм допингами из кофеина или крепкого чая, наученная же дедушкой Маша предпочитала бодрящую физическую нагрузку. Благодарный организм охотно откликался.

Правда, на учебу, особенно тогда, когда надо было прилагать серьезные умственные усилия, организм в целом и мозг в частности не реагировали столь охотно. Но хозяйка Маша или не хозяйка своему телу? Надо — значит надо! Так что организму приходилось смиряться и учиться. Без диплома на нормальную работу не берут, а в грузчики идти Мария и сама не собиралась. Скучно!

Вечерней порой — лабораторных сегодня поставили много — возвращалась Сазонова домой обычным методом, то есть легкой трусцой. Идти там, где можно пробежаться, она считала напрасной тратой времени. До дома оставалось немного: через переулок под арку в пятиэтажке, потом мимо магазина и два квартала по прямой.

Маша свернула под арку, которую обычно старалась миновать максимально быстро из-за непередаваемого амбре, не смываемого временем, дождями и усилиями санитарных служб. А все почему? Потому что некоторым несознательным личностям полутень и относительная укромность выступающей стены казались идеальными для устройства полевого сортира. Бывало, Маша даже пробегала мимо таких чудачков, старательно отворачивая голову, чтобы не созерцать подробностей процесса, сопровождающегося многозначительным журчанием. И давила в себе желание задержаться и завязать в узел то, что используется там, где использоваться не должно!

В этот раз в уголке тоже кто-то был, только вместо характерного звука Маше послышалось странное рычание. Она еще думала, что бы

это могло быть, не настолько же у кого-то скрутило живот, а ключ уже стал в ее правой руке мечом и сам сделал взмах, выворачивая сустав и растягивая жилы неестественной быстротой движения.

Взмах клинка совпал со смазанным от дикой скорости прыжком того, кто таился в углу за аркой. Маша увидела светящиеся отнюдь не звериной яростью зеленые площадки глаз, оскаленную пасть, полную громадных клыков, учуяла зловоние, а потом клинок настиг цель. Голова еще не успела отделиться от громадного тела, а то уже растаяло прямо в воздухе. До Марии долетели лишь порыв зловонного ветра и пряный запах свежей крови. Но в арке больше ничего и никого, кроме самой девушки, не было. Сверкающий клинок, сыграв свою роль, истаял, оставив лишь боль и обреченность применять мазь от растяжения — раз, и усилить тренировки с оружием во сне — два.

Зачем и кому было на нее нападать, Сазонова совершенно не представляла. Она даже испугаться толком не успела. Все случилось слишком быстро. Чик, и готово. Хорошо, конечно, что этот «прыгун» был всего один, если бы их выскочило сорок, Маше точно пришлось бы идти в травмпункт, если бы было кому идти, а то и лежала бы на асфальте растерзанной.

Почему это случилось, оставалось совершенно непонятным. Нет, про бешеных собак порой бродили слухи. И волки в лесах, пусть не в городской черте, водились. Но этот зверь точно не являлся ни собакой, ни волком. Глаза у него светились, а не сверкали отраженным светом, и все остальное было другим. Тварь не походила на обыкновенное животное, на необыкновенное, пожалуй, тоже. В злобных глазах светилась мысль. Создание было разумным и совершенно очевидно собиралось загрызть Машу, но само погибло от ее уникального клинка и исчезло. Наверное, потому, что места в земных реалиях ему не имелось. Значит, оно пришло откуда-то из-за грани мира по ее душу. Плохо!

Перемещаться при активации ключа Сазонова уже почти привыкла. Смирилась и с тем, что у нее теперь есть странное занятие. Но то, что опасная работа сама может явиться в дом, ее совершенно не устраивало. Во-первых, она к такому готова не была. Во-вторых, но все-таки в главных, такие опасные твари в городе становились не только целью уничтожения для Маши, но и угрозой для людей. В первую очередь, для ее близких и хороших знакомых. Ни один из них

не смог бы увернуться от нападения. И как упредить подобное, Сазонова не знала.

Ведь что происходило в последнее время, с тех пор как она стала частью ключа или ключ ее частью? Возникало сияние, трансформирующееся во врата, переносящие Сазонову на место будущей миссии. И сам факт переноса служил сигналом «готовность номер один». В родном же городе сигнала Маша не ждала, и он не мог быть подан.

Сазонова не обольщалась, она ни фиги не понимала в метафизике, магии... Да как эту непонятную штуку ни назови, все равно не понимала. Приняла в силу необходимости и высокого чувства ответственности как долг и несла свою ношу. Как-то даже справлялась.

Но теперь к обычной необычной работе прибавилась неприятно-рискованная составляющая. Причем рискованная для других. Увы, никаких прогнозов, предсказаний или мистического сканера у Маши под рукой не было, и что делать, она не знала, потому поступила просто.

На следующий же день спросила у трепача Витьки, знатока всякой фэнтезятины и заядлого ролевика:

— Вить, а как твои паладины всяких врагов обнаруживают заранее, до того, как бой начнется?

— Все-таки надумала поехать? — радостно вскинулся неугомонный одноклассник.

— Нет, просто хочу знать, — мотнула головой Маша, поскольку врать не умела, а сказать о твари не могла. Девушка замолчала, не зная, как продолжить.

— Ну... у палов все от бога-покровителя зависело, под это и перки заточены, — выпалил Витька, загораюсь любимой темой. — Одни «Отвращение Зла» читают, и вся нечисть в радиусе ауры пала становится видна как на ладони. Другие Факел Истины зажигают, и мимо него даже ассасин под прикрытием не проскочит — инвиз слетает. Третьи вообще не замораживаются. Это как с носорогом, у которого плохое зрение, но это не его проблема. Меч в руки, полный доспех, и вперед. Клинок с полсотни шагов выдает упреждающее свечение на любую пакость. Палу только урожай собирать остается, а еще...

Студент еще долго распинался. К диалогу подключились ребята, ролевиками не увлекающиеся, но балующиеся компьютерными играми.

И в ход пошли еще более специфические термины, больше путающие Машу, чем что-то разъясняющие. Но за идею о мече, предупреждающем своим светом о врагах, Сазонова ухватилась. Что-то в этом было стоящее и настоящее, во всяком случае, задевающее какие-то струнки души. Вот только ходить с мечом в руке по городу вряд ли получится. Мало того что просто так, без повода, меч не вызывается, так он еще относится к холодному оружию, ношение которого в городской черте точно не порадует ни полицию, ни мирное население. Значит, надо что-то придумать. Вот только что? Меч не рулетка, складываться не умеет.

Маша коротко вздохнула. Переживать о том, что невозможно, все равно бесполезно. Надо придумать что-то другое. И девушка стала методично раскладывать на столе тетрадку, ручку и прочие канцпринадлежности. Пока занималась привычным делом, мягкое внутреннее сияние, будто откликаясь на невысказанную просьбу, толкнулось, переходя в правую руку. Оно спустилось от плеча к кисти и там застыло, проявляясь. Хорошо, что в универ девушка всегда ходила в блузках и рубашках с длинным рукавом, даже если надевала не брюки, а джинсы. Украдкой приподнятый рукав показал простенький гладкий браслет, больше похожий на медь, чем на золото.

Для чего ключ сделал браслет, Маша сообразила. Это ей такой маячок-сигнализацию выдали. Изнутри толчком поднялось ощущение неправильности сделанного вывода, и Сазонова едва не распахнула в изумлении не только глаза, но и рот. Лишь своевременное явление преподавателя позволило взять процесс под контроль. До девушки дошло: на руке у нее не браслет, вернее, не просто браслет, а меч-ключ, частично проявившийся и принявший форму украшения, чтобы защищать и предупреждать свою носительницу. Чтобы меч стал мечом, ей достаточно будет лишь пожелать. Теперь Сазонова немного беспокоилась только о том, чтобы ей снова не вывернуло руку защитными действиями клинка. Пусть крепкие, мышцы нужной растяжкой и навыками не обладали. Такие, как сказал бы Витька, «перки» нарабатывались годами, если не десятилетиями. Ну какой из нее паладин и мечник? Обычная девчонка-физкультурница, которой повезло, или не повезло, случайно заполучить странный ключ.

Занятия, пусть и сложные, при воспоминании о вчерашнем бое не показались Маше такими уж трудными. Если сравнивать перспективу

получить тройку на экзамене и быть разорванной монстром, Мария однозначно голосовала за тройку. Да, скверно, но оценку всегда можно исправить, а вот целое и живое тело из кусочков, особенно кусочков, переваренных чудовищем, никак не слепишь.

Путь домой Маша в очередной раз проделала с утроенной осторожностью, и на завтра постоянно соблюдала бдительность, и послезавтра, и даже послепослезавтра. Хотя такое напряжение уже начинало надоедать. А приколиста Лешку, рывкнувшего в прыжке из-за штор: «Постоянная бдительность!» — от участи быть превращенным в пару мини-Лешек спало лишь отсутствие реакции на помеху слева клинка-браслета. Зато от знакомства с парой увесистых книг, принесенных Веркой на МХК, голову шутника не спасло ничего. Защищать хулигана Маша не стала, заслужил!

Выносить мусор в этот день Сазонова пошла почти вечером, все остальное время съела учеба. Но как же было здорово наконец захлопнуть книги, тетради, встать из-за старенького письменного стола и выйти из квартиры!

Свежий воздух, небо в облаках, пусть даже воздух и небо во дворе скромной пятиэтажки показались девушке едва ли не роскошью эльфийских лесов. Да уж, близость сессии и добросовестные усилия по подготовке даром не прошли. Голова гудела, как работающий трансформатор. Маша специально не бежала привычной трусцой, а шла медленно, чуть помахивая полным ведром, и с удовольствием дышала. Можно было, конечно, идти только с мешком, но после пары несчастных случаев, когда шов мешка разрывался в самый неподходящий момент и приходилось собирать мусор по всему двору, Сазонова стала ходить с ведром. Тяжесть не велика, зато надежнее.

У контейнеров было почти тихо, а что воняло отбросами, так Маша не в оранжерею на экскурсию пришла и аромата французских духов не ждала. Поставив ведро на старую скамейку, девушка затянула завязки на мешке еще плотнее и стала осторожно вынимать груз.

Браслет на руке отозвался алой вспышкой и стремительно превратился в меч. Маша перехватила рукоять и замерла на месте, пытаясь определить источник опасности. Рядом с помойкой спрятаться было просто негде, если только зарыться в мусор. Но оттуда никаких звуков не доносилось. Лишь деловито курлыкал пяток голубей,

топчущихся между контейнеров, выискивающих и склеивающих невесть что в щебенке.

Как Маша ни прислушивалась, ни услышать что-то, ни увидеть она оказалась не в силах. То ли это вообще было не в силах человеческих, то ли она еще не научилась слышать правильно. Стыдно, конечно, но клинок-ключ, ставший частью девушки, вновь сработал на опережение почти без содействия своей носительницы. Он метнулся не вниз, не в сторону, а вверх и сделал Машинной рукой несколько рассекающих воздух движений. Прямо в воздухе появились и, не долетев до щебенки, исчезли шесть частей странных созданий. Отдельно тушки, отдельно головы. Чем-то твари походили на птиц, вот только оперение было лезвиями, клювы цвета засохшей крови бритвенно-остры, так же как и черные когти, глаза же отсутствовали вовсе. Изучить их досконально или испугаться Сазонова снова не успела. Твари истаяли, оставив после себя лишь странный кислый и резкий запах.

Сердце билось ускоренно, справляясь с впрыснутым в кровь адреналином, снова болели растянутые связки, а голуби как ходили с деловитым курлыканьем у Машинных ног, так и продолжали ходить. Глупые создания вообще ничего не заметили. И она, Маша, тоже едва не уподобилась в своей слепоте этим птичкам. Если бы не клинок, уже принявший форму браслета... Глубоко вздохнув, Сазонова тряхнула головой и выбросила мусор.

Что ж, испытания меча прошли успешно, теперь она успевала отреагировать, вернее, успевал меч, а Маша по-прежнему в таких ситуациях оставалась лишь двуногим придатком клинка. Но зато живым придатком. Зачем кому-то нападать на нее, Мария не догадывалась, но предоставлять этому кому-то возможность убить себя не желала. Не для того ее растили-воспитывали, чтобы всякие птицы заклевали. А значит, спасибо мечу, будем продолжать тренировки. В философию Маша никогда не вдавалась, даже университетский курс, абсолютно не понимая, банально зубрила, а уж применять к себе или жизни даже не думала. Потому приняла ситуацию как данность и продолжила жить.

Монстры монстрами, а сессия все ближе, и сдача иного предмета комиссии пострашнее всех чудовищ, если добросовестно не готовиться. Так что следующая атака очередного поголовья чудовищ

— на сей раз это оказались вырвавшиеся из-под земли во время пробежки не то змеи, не то кусты со змеиными головами — уже воспринималась устойчивой психикой Сазоновой как повседневность, потому даже не напугала. Меч срубил все головокусты ядрено-оранжевого цвета с красными «бутонами» прежде, чем хоть один «бутон» успел раскрыться до конца и куда-нибудь впиться. И единственным следом от нападения оказался хорошо взрыхленный не то корнями, не то ветвями участок парковой тропинки, по которой бежала Маша. Аккуратно притоптав, даже попрыгав для надежности на рыхлом участке, чтобы привести в порядок тропу, девушка побежала дальше. Растянутые связки на правой руке снова начали слабо ныть, но уже действительно слабо. Кажется, организм привыкал. Такое уж человек создание, привыкает ко всему, если, конечно, выживает. А Маша была твердо нацелена выжить и жить долго и счастливо! Не назло всем, а на радость себе и близким. Вот только сессию бы сдать!

Глава 12

ДЕМОНИЧЕСКАЯ

Зубрежка утомляла куда больше, чем стычки со всякими странными созданиями, которые уже почти перестали пугать и стали восприниматься как одно из обязательных упражнений в зарядке.

Ее, кстати, Маша по хорошей летней погоде стала проводить в парке. Если он под боком, то пробежаться до полянки и потренироваться на свежем воздухе всяко лучше, чем даже в хорошо проветренной комнате, да и просторнее.

Сазонова как раз закончила с третьим подходом на пресс, когда рядом с расстеленным ковриком вспыхнула пятиконечная звезда, заключенная в многоугольник, и засияла багровым пламенем, почему-то распространяющим леденящий холод, а не жар. Нет, в самом деле холод, и вовсе не субъективный холод. Травинки рядом с ковриком покрылись инеем, белый тонкий слой лег на сам коврик. Меч возник в руке девушки уже как само собой разумеющийся аргумент против любого враждебно настроенного гостя. И сиял он не обычным красно-золотым, а почему-то по кромке еще и голубым пламенем.

Из геометрической фигуры, выписанной в газонной траве, не вылезла постепенно, а выступила разом огромная мускулистая туша с рогами, копытами, хвостом. Только это была не корова, а... ну, наверное, демон. Маша в классификации монстров не разбиралась. Она их до сих пор только убивала.

Демон? Правда, демонов встречать еще не доводилось. Но демон ли перед ней? Наверное. Маша не знала, как иначе классифицировать это громадное условно гуманоидное создание, одетое лишь в нечто вроде очень короткой кожано-металлической юбки вместо набедренной повязки. Это слабое подобие одежды не могло замаскировать статей «гостя», потому пол определялся мгновенно. Перед ней мужская особь.

А еще у «гостя» был странный кожный покров, не розовато-телесный, как у европеоидной расы, не желтоватый, как у могнолоидов, не красный, как у индейцев, и не черный, как у негроидной расы. Кожа визитера была багряной с плывущими по ней

черно-золотыми узорами, не то словами, не то орнаментом, танцующим и изменяющимся ежесекундно. Это было красиво. А ногтей на пальцах не имелось, зато имелись черные острые когти. Рога, кстати, тоже оказались черными.

— Я пришел убить тебя, человечка, — пророкотал демон гулким, очень сочным басом. Несмотря на такое заявление, в голосе его не чувствовалось ни капли агрессии.

— Тоже? — устало вздохнула Маша, которой за последнее время жуть как надоели бесконечные вывихи и растяжения руки, которой управлял меч.

Малость озадаченный реакцией жертвы, демон приостановил свое движение к ней, втянул крупными, вывороченными ноздрями воздух и удивился:

— Ты не боишься.

— Надоело, — устало объяснила Маша.

— Ты кто? Ты не пахнешь едой, добычей, жертвой, — озадаченно склонил набок рогатую голову монстр.

— Правило и правило, ключ и дверь вроде как, — добросовестно процитировала Маша уже чуть набившие оскомину слова, регулярно звучащие в голове, и качнула мечом, не нападая, скорее проверяя, насколько тот ей послушен. Не вздумает ли прямо сейчас разить демона и выворачивать руку.

— О, значит, ортэс, — констатировал понимающе собеседник, повторив странное название, уж несколько раз слышанное девушкой.

— Чего? — переспросила Маша, услышав едва знакомое слово.

— В речах этого мира нет точного подобия слова. Самое близкое: ключ гармонии, скрепа баланса, — чуть принахмурился демон, окончательно остановившись. — Но у меня открытый контракт. Я послан убить тебя, девочка.

— Раз должен, попробуй, но я буду защищаться, — честно предупредила Мария, которая была собеседнику пусть не по пояс, но немногим выше.

— Храбрая пигалица, думаешь, у тебя получится меня убить? — открыто, но не злобно усмехнулся демон. Правда, при его наборе клыков любая улыбка выглядела как чудовищный оскал.

— У меня-человека — точно нет, у меча — возможно, — отчиталась Сазонова.

— И честность, возведенная в абсолют. Ты точно ортэс, — постановил демон и, скрестив на мускулистой груди перевитые канатами мышц руки, принялся размышлять вслух, постукивая по правому плечу когтями левой (так мог бы ученый барабанить ручкой по столешнице). — Будь ты служительницей Сил, я бы легко аннулировал контракт по пункту форс-мажорной ситуации. Мой клан чтит законы, но на таких, как ты, защита не распространяется, потому как ваших смертей не заказывают даже безумцы любых цветов. Кому может перейти дорогу корректор гармоний, выступающий за ту из сторон, у которой возникла нужда? Вы — не создания Сил, вы — воплощение абстрактного свойства самой Вселенной. Хм-м-м...

— Если не хочешь меня убивать, можно найти брешь в формулировке контракта, — неуверенно пожала плечами Маша, у которой в голове от заумных речей демона давно уже шумело, гудело и кололо одновременно. Мало ей математики, анатомии и физиологии, так еще демон взялся читать лекцию, о которой его не просили.

— Мне сказали, ты «должна умереть», — процитировал демон.

— И все? — осторожно уточнила Сазонова.

— Все, — отрезал тот.

— Тогда нам повезло. Это замечательный приказ! Я совершенно точно рано или поздно умру просто от старости, естественным биологическим путем, — обрадовалась девушка, припомнив детские сказки про джиннов.

— Договорились, человечка! На таких условиях я могу оставить контракт открытым. — Рогатый собеседник гулко расхохотался и прищелкнул хвостом с острой кисточкой, больше напоминающей наконечник стрелы. А Маша почувствовала, как исчезает из руки меч, принимая привычную форму браслета.

— Хочешь знать, кому перешла дорогу? Или тебе это известно? — спросил рогатый гигант, явственно довольный возможностью сделать гадость неудобному заказчику.

— Нет, — созналась девушка. — Почему-то в последнее время на меня нападали всякие монстры, но они не были говорящими или со мной не хотели говорить. Сразу пытались разорвать, загрызть, ужалить...

— Со мной говорила одна из шестерок Черного Властелина Экхарда, — безвозмездно, то есть даром, поделился информацией

демон.

— Я его не знаю. И в Экхарде, наверное, никогда не была.

— Наверное? — фыркнул, точно бычок на деревенском пастбище, демон.

— Я не знаю, как зовутся те миры, в которые прихожу, ведь ухожу раньше, чем успеваю спросить название. Мне это никогда не казалось важным, — тряхнула челкой Мария, прямо и открыто глядя на гигантского демона.

— Экхард — это множество миров под владычеством Черного Властелина Дейдриана, — дал справку рогатый.

— Не знаю таких миров и имени такого никогда не слышала, но, может быть, где-то и была, — пожала плечами девушка и почесала лоб. — Я стараюсь в подробности не вдаваться, везде много всякого, успеть бы с работой и домой.

— Ты можешь отказаться, просто оставь свой меч-ключ и уйди. Новый владелец рано или поздно найдется, и это будут уже его бремя и доля, — посоветовал демон.

— Не могу, — покачала головой Маша. — «Рано или поздно» тогда, когда помощь где-то может потребоваться прямо сейчас, — это неправильно.

— Ортэс, одно слово ортэс, — не то выругался, не то восхитился рогатый искушитель.

С одной стороны, оставь девочка меч и свое предназначение, было бы все так просто — ее быстрая смерть, закрытие контракта, оплата, с другой — чем-то эта упрямая малявка циничному демону пришлось по сердцу. Быть может, какой-то своей абсолютной внутренней цельностью и чистотой, которая не свет, но и не тьма. Вот как на него смотрела: спокойно, без страха, брезгливости или фанатичного восхищения демонопоклонников. Она видела перед собой не монстра, подлежащего истреблению, не мечту о толике власти и силы, а просто собеседника. Рядом с ортэс неизменная жажда смертей, мук и разрушений, поющая в крови, утихала, переходя с набата до невнятного шепота. Думалось удивительно легко и свободно на всех уровнях мышления.

И, пожалуй, демон был не прочь воспользоваться этим интересным свойством живого гармонизатора еще раз, другой, третий, а потому прозвучало следующее предложение:

— Ортэс, я могу дать тебе свою метку, будто печать добычи, и никакая иная тварь слабее меня тебя не тронет, даже если ей отдан такой приказ.

— Зачем? Ты демон, значит, по доброте ничего делать не мож... не долж... — Маша споткнулась, подбирая то слово, которое ей казалось самым правильным. — Не способен, это идет против сути. В чем твоя выгода?

Да, демона она не боялась. Маша вообще никогда не боялась чего-то, кого-то или за себя, только за дорогих ей людей. Почему? Неизвестно, такой уж родилась или была воспитана. Но сейчас Мария четко понимала: перед ней чрезвычайно опасное создание, которое удерживает от нападения лишь толика странных принципов, ничего общего с понятием «причинение добра ближнему и дальнему» не имеющих, да еще какие-то свои личные соображения.

Демон поскреб когтями раздвоенный подбородок и неожиданно для себя коротко сформулировал правдивый ответ:

— Подле тебя жажда крови и чужих мук, бурлящая в душе и дурманившая разум, утихает. Удобно размышлять.

— Значит, меня с твоей меткой не тронут, а взамен ты хочешь бывать в моем обществе, когда тебе нужно подумать? — сформулировала желания и условия собеседника Маша. И, получив утвердительный ответ, прислушалась к себе, к своему ощущению меча-ключа-двери-правила, после чего согласилась: — Хорошо.

— Да будет так. Дай руку. — Копыта захрустели по обледенелой траве, когда демон шагнул к девушке.

Маша доверчиво протянула правую. Черный коготь прошелся по мягкой коже, не надрезая, не выжигая, скорее рисуя острым кончиком, как пером. Секунда, другая, и на запястье девушки затанцевал, будто переливаясь и перетекая, фрагмент черно-красного орнамента, схожего с тем, что украшал демона. Не унижительное клеймо, а рисунок.

— Красивый узор, — оценила девушка нежданный подарок, покрутив запястьем, которое охватил оригинальный браслет.

Демон, никогда не рассматривавший личные узоры с точки зрения эстетики, а только в качестве источника информации и магии, озадаченно хмыкнул. Для него красота измерялась изгибом и размером рогов, формой когтей, силой удара копыта хвоста, яростью пылающего

пламени или буйным безумием шторма, но никак не узорами на коже. Все-таки люди очень странные создания!

Маша опустила руку, и тонкий обруч трансформированного клинка скользнул вниз, целиком скрывая рисунок метки. Кому надо — почувствуют, а в глаза не бросается.

— Можешь пожелать, по твоей воле метка станет невидимой для смертных глаз, — небрежно предупредил демон.

— Спасибо, — улыбнулась девушка.

Ей не хотелось демонстрировать нательное украшение дедушке. Про демона рассказывать было нельзя, как и про все иное, связанное с миссиями *правила*. А татуировки дед Федор сильно не одобрял. Когда видел на мужиках, просто ворчал, а вот если на женщинах, то таким жутким непотребством возмущался от души.

Почему никому нельзя говорить о ключе, Маша не до конца сознавала, только чувствовала, что именно так и только так правильно. Наверное, дело было в каких-то законах миров, о формулировках которых ей никто не поведал. Да и к счастью, потому что они бы точно оказались какими-нибудь философскими и вызвали бы у практичной Маши лишь головную боль. Так что и к лучшему, что ей лишь всучили ключ, предоставив возможность до всего остального доходить самой или не доходить. Наверное, это тоже было каким-нибудь правилом и правом. Великим мыслителем себя Сазонова никогда не считала. Но любую работу привыкла делать на совесть, сколь бы сложной или неприятной она ни была. Если найдется кто-то, кому нужно передать ключ, Маша сделает это и, наверное, с облегчением, но, пожалуй, и с толикой грусти.

Несмотря на то что перемещения из мира в мир были хаотичны, по большей части кратки и, возможно, опасны, Марии понравилось бывать где-то там, где все иначе, чем дома. Нет, дом свой она любить не перестала. Даже напротив, в большинстве из миров, где ей довелось побывать, Маша никогда не чувствовала себя так же уютно и спокойно, как в любимой квартирке или на даче. Да, попадались прекрасные, удивительные места, радующие глаз, но даже они не казались такими же удобными, как родной дом. Так же, как разношенные кроссовки всегда удобнее модельных туфель!

— До встречи, человечка, — небрежно попрощался демон, одаривший девушку меткой. — Когда мне понадобится, приду.

Сказав это, гигант развернулся и в два шага вернулся к геометрической фигуре, из которой возник. Ее контуры, все еще обледенелые, несмотря на тепло поздней весны, четко выделялись в траве. Демон шагнул в центр и просто исчез. Только иней на траве и вмятины от копыт, впечатавшихся в землю, — вот все, что осталось в качестве доказательства визита. Это да еще узор на запястье.

А Маша... А что Маша. Она скатала свой коврик, сунула его под мышку и трусцой побежала домой.

В «отпугивательную» силу браслета-узора хотелось верить, потому что убивать всяких чудовищ едва ли не ежедневно решительно надоело. Она все-таки студентка, а не какой-нибудь там ведьмак, которому за работу положено платить чеканной монетой. Об этом то и дело принимался петь под нос Лешка, начисто лишенный слуха. За что и получал от возмущенных девчонок тетрадками по дурной башке.

Глава 13

СТРАННЫЕ СНЫ

Четыре дня прошли мирно, не считая пары перемещений по миссиям ключа, где всего-то и пришлось в первом случае поймать за шиворот какого-то парня, готового свалиться в ревущий водопад. (Тут-то хотя бы все и сразу было понятно.) А вот второй раз бедная Маша оказалась где-то высоко в горах и едва не задубела до костей, пытаясь поскорее определиться с миссией. Вокруг ничего и никого, кроме льда, снега и камней, не было. В конце концов, почти одурев от холода и бессмыслицы, Мария подобрала и в сердцах швырнула с обрыва мелкий камешек. Горы долго сотрясались, а лавина все набирала и набирала силу. Чем уж там дело кончилось, та, кого демон обозвал «ортэс», так и не уяснила. Но радовалась одному: после столь меткого броска ее с ледника вернули назад. А горячий чай, выпитый прямо в горячей ванне, помог согреться и обойтись без простуды.

Следующего монстра, прыгнувшего к ней из-под крышки канализационного люка и оказавшегося с виду помесью крысы, дикобраза, крота и змеи, Маша встречала почти с интересом, выставив вперед руку с демоническим узором. Вторую, с мечом, материализовавшимся из браслета, тоже держала наготове. Но все-таки чуть дальше, чем метку.

Странное, ни разу не симпатичное создание грязно-бурой расцветки, почему-то пахнущее прелой пижмой, узор то ли почуяло, то ли заметило. Потянуло длинным носом, повело раздвоенным алым языком, возмущенно фыркнуло, рывкнуло и юркнуло обратно под крышку. На место ее, понятное дело, не поставило. Наверное, нечем было. Или не монстрачье это дело — за собой порядок наводить. Пришлось Маше корячиться самой, пока в дыру не угодил кто-нибудь из беспечных прохожих или любопытных ребятишек, вечно сующихся во все дырки. Причем чем дырка опаснее, тем с большей охотой туда попытается влезть каждый малек.

В итоге Маша опоздала на автобус и на пять минут на консультацию. Виктория Наумовна, тощая пожилая женщина в интеллигентных тонких очках с позолоченными дужками, в аудиторию

студентку допустила. Но не преминула ехидно поинтересоваться причиной задержки.

— Что же показалось вам, моя дорогая, более срочным и важным, нежели своевременное прибытие на консультацию?

Маша честно рассказала про люк и свои опасения. Народ развеселился, шумно припоминая прочие подвиги Сазоновой, в том числе давешнего бомжа, а преподаватель неожиданно разъярилась, зыркнула на студентов из-под очков и потребовала:

— Зачетку, Сазонова!

В аудитории повисла мертвая тишина. Часть потока студиязов посочувствовала бедолаге Машке. Никак ей сейчас сразу влепят неуд и на пересдачу отправят? У Наумовны на экзаменах, случалось, и по три-четыре раза народ на пересдачу ходил.

Ничего не понимающая Маша зачетку вытащила и отдала. А суровая Наумовна недрогнувшей рукой поставила «отлично» за завтрашний экзамен. Потом, как-то не то задумчиво, не то брезгливо взирая на потерявших дар слова студентов, прокомментировала:

— Не понять, но вызубрить на отлично что угодно способен любой. Но стать человеком дано не каждому! Пять, Сазонова! Идите!

Прониклись ли студиязы этими словами, сложно сказать, но бурно возмущаться не кинулись. Хоть и позавидовали везучей Машке завистью разных цветов в силу собственного уровня человечности и способности выучить билеты.

Мария приняла решение преподавателя с благодарностью. Вопросы она, конечно, все учила, но экзамен есть экзамен. Могла чего-то подзабыть, где-то ошибиться, а теперь волноваться не придется. Чудеса, конечно, но должны же в жизни случаться и приятные чудеса, а не только монстры из канализации, вроде сегодняшнего крысобраза!

Наверное, несколько секунд знакомства с диковинным монстром произвели на Машу громадное впечатление. А иначе с чего бы ей привиделся этой ночью черно-клеточный зал, очень похожий на тот, где сидел в прошлом сне какой-то тип, а остальные вытирали собой пыль на полу. Этот похожий новый зал имел размеры поменьше, и в нем чем-то светящимся красным прямо на плитах был нарисован многоугольник, по углам которого горели высокие черные свечи.

Рядом стоял очередной тип в черном плаще и что-то не то верещал, не то причитал над чертежом. Может, плохо нарисовал и

теперь не знал, как исправить рисунок? У него ведь даже линейки и циркуля в руках не было.

Кончилось все скверно. Из многоугольника, совсем как недавно на полянке в парке, вылез, нет... не знакомый демон, а другой. Но тоже знакомый. Крысобраз. И не вылез, а выпрыгнул с сердитым верещанием и вцепился в горло чертежнику-неудачнику. На этом сон Маши завершился, переключившись на другой, вполне обыденный, про дачу, грядки и поход за грибами.

Минуло еще пять дней, которые Сазонова провела, добросовестно готовясь к следующему экзамену и тренируясь в парке на своей полянке. На пути от парка до дома снова случилось кое-что странное. Когда Маша трусила мимо густых, источающих удушающий аромат кустов цветущей сирени, за их стеной сквозь густую листву заметила проявившийся мерцающий контур огромной туши. Так мог бы выглядеть медведь, стоящий на двух ногах. Браслет мечом не стал, но предупреждающе сжал запястье, являя готовность к трансформации.

Вздыхнув: «Как же это надоело!» — Маша подняла вверх руку с меткой демона, готовясь, если не поможет, сражаться. Кусты, правда, было жаль. Точно сломаются! Всем двором ведь сажали, дед рассказывал.

Со стороны мерцающих очертаний раздался фырк, хмык, на миг другой проступили очертания фигуры, густо поросшей серо-белым мехом от кончиков ушей с кисточками до массивных пят, и всякое присутствие в сирени непонятно кого исчезло. Было, и нет!

Маша в очередной раз мысленно поблагодарила демона. Пусть тот преследовал свою выгоду, но польза от его браслета с каждым днем становилась все очевиднее. Руку не вывихнула, и кусты уцелели! Потому, когда вечером в ее спальне вспыхнул многоугольник ледящего пламени, девушка даже не испугалась и не возмутилась.

Лишь пожелала гостю доброго вечера и продолжила листать конспекты. Демон едва заметно склонил рогатую голову, одним щелчком хвоста уничтожил ледяную пентаграмму, возвращая в дом прежнее тепло, и спокойно уселся прямо на пол, облокотившись массивной спиной о стену. Иного места, способного вместить и выдержать его тяжесть, в комнате, да и во всей квартирке Сазоновой, не имелось. Ни стулья, ни кровать, ни диван такого веса точно не

выдержали бы. Даже пол и тот, кажется, поскрипывал под тяжестью гостя.

Минута текла за минутой, Мария с карандашом в руке листала конспекты и учебник, отмечая галочкой изученные вопросы. Демон сидел тихо, насколько это было возможно для такой массивной туши, были слышны лишь гулкий и почему-то удвоенный стук сердца да дыхание.

Примерно через полтора часа рогатый завершил то ли свои размышления, то ли медитацию и поднялся.

— Я ухожу, человечка, — проинформировал он Машу.

— До свидания, — вежливо попрощалась Сазонова. — И спасибо за браслет, уже дважды меня выручил.

— Ты платишь, — чуть заметно повел живописно-рогатой башкой собеседник и уточнил, подмечая детали: — Хочешь что-то спросить?

— У тебя два сердца?

— Да. Ищешь уязвимые точки? — усмехнулся демон, привычный не только к людской глупости, жадности, но и к людской подлости. Примитивной по сравнению с коварством демонов и оттого смешной.

— У тебя другое анатомическое строение. Мне интересно, я как раз сейчас к экзамену анатомию человека учу, — добила Маша собеседника своим правдивым ответом.

Тот озадаченно моргнул и остановился. А потом, неожиданно для себя, остался, пересел ближе к Машинной кровати и начал рассказывать человечке об особенностях демонической анатомии и физиологии. Два сердца, но один круг кровообращения, поглощение не кислорода или азота, но жизненной силы мира, способность регенерировать, даже если поражены или вырваны оба сердца, но не одновременно, а с некоторым интервалом.

Глаза девушки, горящие искренним интересом, не жадной жаждой уничтожить проклятую тварь, а жадой познания, без примеси страха или брезгливости, покорили старую и смертельно опасную тварь демонического мира. Да, не будь человечка ортэс, ее все это не спасло бы, но способность мыслить, не смешанная с бешеной жадой крови, как и сама носительница дара, были оценены по достоинству еще раз, потому и удостоены беседы.

Демон пробыл рядом с Марией дольше, чем планировал. А когда ушел, девушка сразу потушила свет и легла. Не стоило серьезно

нарушать режим дня. Может, из-за этого она снова сегодня увидела не обычный мирный сон про плавание, сбор грибов или учебу, а уже набивший оскомину черно-клеточный зал. Тот, который поменьше и в котором крысобраз прыгал на человека в черном плаще.

Ага, вот и он, снова черный плащ, как у назгула из кино про этих... хоббитов. Как-то Маша смотрела, когда перебирала на компот смородину. У них тоже морды лица не видно, зато у этого «назгула» четко заметна черная повязка на горле, как раз там, куда прыгал в прошлом сне зверь. Или не зверь, а, скорее всего, тоже демон. Слишком разумно он себя вел для зверя. Агрессивно, но разумно.

Между тем тип в черном плаще снова метался вокруг геометрической фигуры со свечками, нарисованной на полу чем-то светящимся. В центре фигуры — Маша только сейчас заметила, но была почти уверена, что эта штуковина находилась там и раньше, — стояло маленькое металлическое блюдечко с серо-бурыми камешками. Точно такой серый цвет имели плиты с вмурованными в них кристаллами, которые покоцала Маша, возвращая тепло в пещеры. Только бурого на них она не заметила. Хотя... Мысли во сне были ясны, как никогда, соображалось на порядок лучше, чем обычно. Сазонова вспомнила, как поранила руку об острый угол одного из менгиров. Рука, правда, почти сразу зажила, но чуть-чуть крови вытекло. Не ее ли засохшая кровь на камнях в той плошке? Если ее, то тогда почти понятно, как ее находят неприятности. Жаль только, она ничего сделать не может, чтобы забрать камешки. Может, поэтому ей о них ничего не сказал демон? С другой стороны, он не обязан ничего говорить. Не убил, метку дал, защитил ради своих интересов, и ладно.

Между тем прыжки и вопли перед чертежом на полу подошли к завершению, вспыхнули едва мерцающие свечки, и в центре рисунка возник демон, тот, что прятался в кустах сирени, обладатель больших лап и кисточек на ушах.

Тип в черном плаще принялся что-то верещать, потрясая длинной палкой с черным набалдашником. Демон потоптался на месте, рыкнул, когда его большая нога случайно задела вспыхнувший стеной контур рисунка, почти по-человечески вздохнул, наклонился, сгреб из плошки серо-бурые камешки и кинул.

Маша ждала, что камешки тоже стукнутся о все еще пылающую алым полупрозрачную стенку. Но нет, снаряд прошил стенку насквозь

так, будто ее не существовало, и врезался точно под капюшон. «Назгул» рухнул как подкошенный, сложился черным комком и застыл. Серо-белый, шерстью удивительно похожий на стоящего вертикально бобтейла, большеног с кисточками на ушах довольно оскалился и исчез из чертежа.

Что там случилось дальше, вызвали ли доктора к скандалисту в плаще или нет, Сазоновой не показали. Сон-кино снова сменился совершенно обычным. Маша ходила по полянке у леса и собирала в кружку землянику. Правда, большей частью собирала в рот, уж больно сладкой была теплая от солнца ягода и так пахла, так пахла, что удержаться не было никакой возможности!

Мирное сновидение дало Маше возможность отлично выспаться и восстановить силы перед экзаменом. Она спокойно готовилась, и даже ключ не оборачивался дверью, чтобы тянуть навстречу очередной порции подвигов. Нет, конечно, Маша свои действия никогда бы так не назвала, но именно так их могли бы трактовать те, чьей спасительницей она оказывалась. Хотя, чего уж там, большую часть деяний спасенные приписывали кому-нибудь из пантеона своих богов. Так им было проще, привычнее и удобнее. Ну а боги... Что боги? Ни один, понятное дело, не сошел, чтобы раскрыть пастве всю глубину их заблуждений. Его же не несли по кочкам, а восхваляли, так чего вмешиваться?

Маше, впрочем, на это было откровенно наплевать. Главное — хорошо сделанная работа, а уж все внешние эффекты и сплетни вокруг — мелочи.

Ночью же снова пришел сон, который не совсем сон или частью не сон. Маша в который уже раз за последние дни видела набивший оскомину черный замок, залы с черными плитами и очередного типа в черном. Этот был повыше и пошире в плечах, чем тощее недоразумение, на которое бросались демоны, черный плащ не болтался на нем, как на вешалке, а скорее живописно колыбался, подобно текучей воде черной реки.

Но он стоял у той самой геометрической фигуры в том самом зале. Только свечи по углам не горели. Линии чертежа отсвечивали едва заметным багрянцем. Тип в живописно-черном обошел фигуру по периметру, шагнул внутрь и осмотрел пустую плоску посередине. Ту,

где прежде лежали камешки, которые швырнул через барьер «медведь» с кисточками.

Качнув головой, главный герой сна стянул с головы капюшон. Тряхнул черно-белыми, будто монохромный тигр, волосами и нахмурил черные брови. Губы искривились в задумчивой усмешке.

Полосатый простер над плоской руку с длинными, как у женщины, острыми ногтями. Кстати, на них был темный лак, вроде и черный, но почему-то с алыми искрами в глубине. Под ладонью за клубилась серая дымка, закрутилась и выплюнула три нити-дымка.

Следуя по этим дымкам, мужчина в черном плаще сделал несколько шагов и, нагнувшись, поднял с пола знакомые Маше камушки. Подкинул их на ладони, каким-то усталым жестом потер переносицу, крылья тонкого носа едва заметно раздулись. Кажется, полосатый тип нюхал камни. Закончив их обнюхивать, он сунул находку в карман плаща и стремительным шагом покинул зал.

Вопреки предположению невольной наблюдательницы, мужчина не перешел в другой черно-клеточный зал, тот, что с тронem, а стал быстро подниматься по ступеням крутой лестницы. Сазонова вспомнила свое недавнее восхождение в спальню к спящей принцессе дроу и против воли восхитилась тому, с какой легкостью незнакомец преодолевал пролет за пролетом. Ни учатившегося дыхания, ни сбившегося плаща, скрепленного черно-серебряной фибулой с каким-то причудливым узором, ни капельки испарины... Ничего! Шаг мужчины был легок и стремителен, будто он не взлетал по ступеням, а скользил по паркету.

Наконец восхождение окончилось перед небольшой дверкой. Стукнув для проформы по полотну костяшками пальцев, полосатый тип вошел в комнату, не дожидаясь ответа — приглашения или разрешения.

Разгоняя рукой клубы не то тумана, не то дыма от нескольких курильниц, он приблизился к столу, за которым сидела старушка, очень похожая на учительницу-пенсионерку в черном платье неопределенного фасона, вязаной серой кофте и накинутом поверх одежды черном платке с кистями. Гладкая прическа, пучок волос на затылке, цепкий взгляд, серьезно поджатые губы и папироса-самокрутка в уголке рта. Только эта сигарка и занятие у старушки были странными для учительницы: она смотрела в черный, скорее

всего сделанный из какого-то минерала, шар на подставке. Маша даже удивилась. Вроде бы гадалеям шары полагались хрустальные и прозрачные. Якобы там эти шарлатаны видели события прошлого, настоящего и будущего.

Старушка, заслышав шаги гостя, отвлеклась от шара и нацепила на нос очки, висевшие на груди. Мужчина молча выложил перед ней камешки.

Одна рука бабушки легла на гадательный шар, вторая накрыла подношение и вгляделась в черные глубины. Гость не присел, так и остался стоять подле хозяйки комнаты. Прошла секунда-другая, и благообразная старушка начала хохотать, выронив в пепельницу, полную окурков, почти целую папироску. Из милой бабушки — строгой учительницы она сразу превратилась в натуральную ведьму.

— Что ты видишь? — потребовал ответа низкий глубокий голос.

Мужчину, похоже, ничуть не прорняла истерика гадалыщицы.

— Твой ко... — начала, все еще хохоча, старая ведьма, но договорить не успела.

Нет, нет, тип в черном плаще ничего с ней не сделал, это Машу вырвал из сна банальный телефонный звонок. Подскочив над кроватью, девушка ринулась к трубке. Все-таки ночью звонить можно лишь по очень важным поводам. Вдруг что-то случилось с семьей или с кем-то из однокурсников?

Трубка будто сама слетела с телефона и прижалась к ушку Маши одновременно с произнесенным ее хриплым от сна голосом:

— Алло!

Но вместо живой речи Сазонова услышала механическое:

— Приглашаем вас посетить удивительное место. Вкусная еда, живая музыка...

Не дослушав тупой рекламы, транслируемой в записи, Маша вернула трубку и выдернула шнур из аппарата. По опыту общения с такого рода деятелями девушка знала: одного звонка им, как правило, оказывается недостаточно. Будут трезвонить еще, а потому, если хочется спать, телефон лучше отключить. В конце концов, есть мобильный. Если она понадобится родным, то дозвонятся, пусть трель мобильного и будет звучать еще более пронзительно, чем звонок стационарного телефона.

Плюхнувшись назад в кровать, Маша закрыла глаза, почему-то жалея, что не получится досмотреть сон про черный замок. Вроде и фэнтези никогда не увлекалась, а чем-то ее зацепили эти ночные видения.

Глава 14

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СНЫ И СТРАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Зудящего желания переместиться по явленному во сне адресу с мечом в руке для борьбы с чем-нибудь или кем-нибудь тотально-черного цвета, как подобает Витькиным паладинам, Маша не испытывала.

Может, ей тест на профориентацию попался бракованный, а может, потому, что ничего противозаконного в ее «фильме» не показывали. Никаких мучений, убийств, пыток ни в чем не повинных людей и нелюдей. Тот на троне сидел и никого не трогал, они сами ползали внизу добровольно и с песней.

А что другой мелкий тип в черном плаще демонов тиранил, так ему за это уже нагорело от самих демонов. И почему-то у Сазоновой имелась в этом твердая уверенность, нагорело смертельно, когда несколькими травмирующим предупреждениям настойчивый глупец не внял. Ну тут уж идеально подходили сакраментальное «сам виноват» и «такая профессия». Переживать из-за незнакомого демонолога Маша не собиралась. У нее все-таки имелась совесть, а не психоз.

И сон ее снова был спокоен, а настроение безмятежно до тех пор, пока Мария с зубной щеткой не шагнула из ванной прямо на умирительно декоративный лужок в розово-зелено-фиолетовую полоску, окруженный обычными невысокими дубочками стандартного окраса: ствол коричнево-серый, листва темно-зеленая. Только в середине лужка цвета галлюцинации рос невообразимо полосатый, здоровенный, ростом в две трети местных дубков, гриб, и был он в ту же умопомрачительную радугу, как грива чудо-пони из детского мультика. Под грибом с очевидно отломанным куском в одной руке валялась беспмятная или спящая девочка вполне приличного вида. Будь они на земле, Маша сказала бы, что ей лет десять-двенадцать. Одета девочка была в нечто опрятно-официальное, напоминающее школьную форму. И прическа — аккуратный хвост волос с заколкой-пышным бантом — тоже смотрелась вполне прилично, и черные

туфельки с бантиками. Неприличной была только радужная слюна, пузырящаяся на губах девочки.

— Скоро начнется, — меланхолично, с печальной обреченностью констатировал кто-то. Совершенно очевидно, что не девочка. Голос был явно мужской. И доносился сверху.

Маша подняла голову. На шляпке гриба сидел белый пушистый кот. Говорил он, потому что никого другого вокруг не было.

— Что именно? — деловито уточнила Сазонова.

— Гриб грез — опасная штука. Девочку с минуты на минуту начнет рвать фантазией. Страшно представить, что в таком возрасте способны вообразить дети. Наш лес опять постигнет участь превращения в детскую грезу-фантазию.

— А как ребенок вообще тут оказался? — уточнила Маша.

— Она заснула, — философски объяснил пушистик, обмахнувшись хвостом как веером, и аккуратно переступил лапками. — К нам попадают только спящие. А уж дальше как повезет им и нам. Могут и не проснуться вовсе, если погибнут в своих фантазиях, или принесут гибель нам, если воображение вызовет к жизни нечто сокрушительное.

— И нет никакой возможности избежать проблем? — продолжила расспросы девушка, совершенно точно зная, что она-то бодрствует.

Зубная щетка в руке и пощипывающий после мятной пасты рот никак не могли оказаться кусочком сновидения. Слишком очевидно-привычным был дискомфорт. Прополоскать бы водичкой. Но, покосившись на девочку с радужной пеной на губах, просить проводить ее до ближайшего ручейка Маша не стала. Неизвестно, какие приходы посетят ее от здешней влаги. Потому ни есть, ни пить тут ничего не следует. Нюхать, пожалуй, тоже не рекомендовалось, но не дышать-то она не может. Вернее, может не более трех минут. Остается только не нюхать чего-нибудь намеренно и надеяться, что здешний воздух галлюциногенными свойствами не обладает или, если все-таки обладает, концентрация отравляющих веществ невысока и Маша не успеет надышаться прежде, чем вернется домой.

— Почему нет? Она должна проснуться по-настоящему, — с печальной иронией промурлыкал кот. — Только для этого ее должен

разбудить кто-нибудь, не принадлежащий к нашему миру и не спящий в его пределах. До того, как девочка начнет грезить.

— Ясно, — тряхнула челкой Маша и, присев рядом с обьевшейся гриба бедолагой на корточки, легонько потрясла ее за плечо. — Эй, просыпайся, пора в школу!

— Слоны с крылышками! Говорящие цветы... — пролепетала соня, не открывая глаз.

Маша тряхнула жертву грибочка энергичнее и повторила:

— В школу проспишь! Подъем!

— А? — Девчонка подпрыгнула над разноцветной травкой, широко распахнула серые глазищи, начала было удивленно округлять их и растаяла прямо в воздухе. Последним с полянки исчез бант. Провисев секунду-другую после таяния владелицы.

— У тебя получилось, благодаря, — уважительно поклонился белый пушистик спасительнице, приложив лапку к груди, но прежде, чем Маша успела ответить, ключ-дверь распахнулась, возвращая девушку в ванную.

Мария долго полоскала рот, смывая пасту, и просто умывалась. Кажется, в этот раз все получилось очень быстро. Станный мир отпустил ее, не успев заморочить голову. И это не могло не радовать. Уж больно практичная девушка не жаловала всякого абсурда и потока бессмысленных фантазий.

Почти с восторгом Маша принимала реальность, окружающую ее. Она была привычной и оттого надежной. Пусть местами сложной, но объяснимо сложной.

В умиротворении от сознания предсказуемости происходящего Сазонова открывала дверь квартиры. И замерла в удивлении, когда солнечная дорожка в коридоре обрисовала четкие следы на чуть пыльном полу. Не ее собственные, совершенно очевидно мужские следы от какой-то остроносой обуви без каблучков. У дедушки и размер был побольше, да и фасона такого он отродясь не носил. Старые битые кроссовки в городе и резиновые калоши на огороде казались Федору надежней всего прочего. Да и никак не мог дед появиться в квартире внучки. Они ж общались минут двадцать назад. Федор был на даче и собирался там ночевать. Даже если бы передумал, чтобы добраться до города, требовалось не меньше получаса даже на соседском уазике.

Озадаченная Маша разулась, прислушалась. В квартире царила привычная тишина, если не считать заурадного набора звуков: долетавшего через форточку шума машин с дороги, разноголосого гама ребятни в детском городке, постукивания молотка соседа снизу, бойкого топотка маленьких ножек сверху. И чужими в квартире не пахло. Сазонова даже для порядка потянула носом воздух. Точно не пахло. Никаких тебе чужих одеколонов, дезодорантов или пота. Только странная ниточка аромата, как от старой кожаной куртки, которую вытащили из шкафа проветрить.

Все еще больше озадаченная, чем напуганная, Маша прошлась по квартире, приглядываясь и присматриваясь к обстановке. Ничего не изменилось, все предметы находились на своих местах. На всякий случай она открыла шкаф и проверила шкатулку, куда складывала денежки на квартплату и питание. Там тоже все было на месте.

Маша пожала плечами и занялась обычными домашними делами. Переделась и решила приготовить на ужин яичницу. Весело зашипело масло на сковороде, быстро полетели разбитые яйца, посыпалась соль.

Пока яйца жарились, Маша со скорлупками нагнулась к мусорному ведру и недоуменно передернула плечами. Крышка была приоткрыта. А девушка всегда закрывала ее плотно, чтобы неприятные запахи не витали в помещении.

Ну вроде как и из ведра ничего не пропало. Мария хихикнула. Кому, интересно, могли понадобиться пустой пакет из-под молока или коробочка от клубничного йогурта? Поправив крышку точным тычком ноги, девушка вернулась к готовке. Впереди после скромного ужина маячила очередная порция неизбежных билетов.

Вот об этом, во избежание несварения, Маша вовсе предпочла не думать. Лучше уж посмеяться над своими собственными нелепыми подозрениями: вор пришел, ничего не нашел, даже в мусорку заглянул и ушел несолоно хлебавши. Нет, конечно, можно было спереть из кладовой парочку банок царского варенья из крыжовника, набор браслетов из бисера и чуть-чуть продуктовых денег, которых от стипендии и родительских отчислений оставалось всего ничего, но и только. Никаких реликвий, антиквариата, золота, бриллиантов у Сазоновых отродясь не водилось. Жили скромно.

После ужина Маша стала тянуть время. Садиться за билеты ужасно не хотелось, чувство долга чувством долга, но ведь не хотелось. Потому она нашла себе одно маленькое дело — сбегать за хлебом в ближайший круглосуточный магазин, а потом, вот честное слово, пообещала себе сразу сесть за билеты.

Слово дано, а потому бегом! Маша схватила сумку, кошелек и, перепрыгивая через две или три ступеньки, побежала по лестнице. Дальше — вон из подъезда, мимо кустов сирени, вставших стеной между домом и проходом к дороге. Только там отчего-то оказалось темно. А ведь не было еще и шести. И солнышко светило ярко, а облачка, как оно бывает в конце весны и до середины лета, пугливо огибали яркое светило, не дерзая закрывать его чело. Но в скромном мило тенистом проулке почему-то притаилась не полутень, а натуральный кусочек тьмы. И еще там, в тени густых кип белых цветов, стоял высокий мужчина в черном плаще. Один из тех самых, виденных во сне. Полосатый, тот, который подбирал камешки и сидел на большом парадном стуле.

Он вскинул голову, капюшон мягко опал на плечи, колыхнулись полосатые черно-белые пряди. Незванный гость шагнул навстречу девушке и промолвил:

— Защищайся. Я убью тебя.

Маша устало вздохнула. Опять! И присмотрелась к новой напасти на двух ногах, рогов, клыков и когтей не имеющей. Только от этого безопасным он все равно не выглядел. В глазах этого не угрожающего, а скорее констатирующего факт полосатого мужчины со странными, темно-серыми, как старое серебро, с резкими лучиками более светлого от зрачка к контуру радужки полосочками чувствовалась точно такая же усталость, как и в Машином вздохе. И еще Сазонова была абсолютно уверена, что демонстрировать ему «татушку» на запястье — подарок демона — занятие бесполезное.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась девушка и попросила браслет стать мечом. — А можно узнать, зачем вы хотите меня убить?

— Ты мешаешь, — проронил полосатый, но при взгляде на меч по его лицу скользнула тень интереса.

— Я делаю свою работу, — пожала плечами Маша.

В руке мужчины в черном плаще материализовался клинок. Тоже, конечно, черный.

— Мечтаешь сразить Черного Властелина? — с понимающей циничной усмешкой спросил собеседник. Резко обозначились резкие складки у рта.

— Зачем? — удивилась Сазонова, почесав щеку предусмотрительно затупившимся кончиком. — Нет, я мечтаю сессию сдать. А с Властелинами — это Витька на ролевке пускай сражается. Уши он себе уже купил, лук есть. Я их паладином быть отказалась, мне огород копать надо.

Меч незнакомца чуть опустился. Он озадаченно моргнул, пытаясь увязать смысл сказанного в одно: купленные уши, отказ быть паладином и странные мечты о сессии. Самое главное, он отчетливо слышал — девушка с сияющим красным золотом мечом не лгала ни единым словом, она вообще не умела плести кружевную вязь обмана. Паладинам, из тех, истинных, не воспитанных при храмах сияющими лгунами, а божественным избранникам, такое изредка бывало свойственно. Убивать их было тяжелее всего. Они не являлись одержимыми фанатиками, а в самом деле полагали уничтожение темных своей работой и долгом. Возможно, не особо приятным, но долгом. Насчет этого Властелин никогда не вел с противниками душевных бесед.

Но то были опытные воины, схлестнувшись с которыми в поединке, он получал даже своего рода удовольствие, в отличие от расправы с фанатиками, которых давил, как вонючих клопов. А сейчас перед ним стояла девчонка. Молоденькая, пусть крепкая с виду, уверенно держащая меч, но обычная рыжая девчонка. Что-то странное шевельнулось в груди. Убивать ее почему-то не очень хотелось. Она была... забавной? Но предсказательница никогда не лгала. Безумствовала, выдавала путанные речи, но не лгала. Вчера же она выкрикнула однозначное пророчество, игнорировать которое не стоило.

Странная девушка вздохнула и каким-то умилительно домашним жестом почесала острием меча щеку. Острием! И вместо того, чтобы рассечь себя до кости, действительно лишь почесала! Неуязвима? А на запястье у нее, под задравшейся голубой рубашкой, мелькнула очень знакомая вязь демонического высокого шрифта.

— Откуда у тебя метка ксар-то-фэш? — потребовал ответа Черный Властелин.

— Кто? — удивилась Маша.

Мужчина ткнул в направлении метки.

— А... браслетка. Подарили, — на миг совершенно открыто улыбнулась рыжая девчонка, да с такой искренней симпатией, что, кажется, разогнала улыбкой тьму, которую он принес с собой в мир, как маскирующую завесу.

— Ты дружишь с демонами? — продолжил допрос мужчина, сам не зная, зачем он ведет разговор, вместо того чтобы предоставить возможность говорить клинкам.

— С одним... наверное... приятельствую, — снова удивительно по-доброму улыбнулась девчонка.

— Если ты дружишь с демонами, зачем жаждешь крушения Экхарда? — резко потребовал ответа полосатый тип.

— Ой, я уже слышала это слово. Мой знакомый говорил, что оттуда приходят те, кому велели меня убить. Как он там сказал... — Маша наморщила лоб и вновь почесала мечом щеку. — А, вспомнила, — и деловито продолжила, будто отвечала по билету на экзамене: — Это множество миров под властью Черного Властелина Дейдриана.

Черный тип, слушавший бойкий отчет девицы, едва заметно вздрогнул, чего Маша, ясное дело, не заметила, заканчивая речь:

— Только я и знакомцу своему ответила, и вам повторю — я не знаю имен миров, куда открываются для меня двери, и до момента переноса задачи своей тоже не знаю. Но если меня перенесло, должна все сделать правильно, чтобы вернуться домой.

— И многих темных ты положила своим блистающим клинком в пределах Экхарда, правильный паладин? — мертвым голосом, снова начиная поднимать меч, уточнил собеседник.

— Я только в своем мире убила какую-то желтоглазую зубастую махину и куст со змеями, когда они на меня кинулись, — добросовестно отчиталась Маша, полагавшая, что худой мир лучше доброй ссоры, как и беседа лучше поединка на мечах. Особенно с тем, кто выглядел привычным к оружию куда больше, чем она. — Там, где бываю, мне сражаться мечом не приходилось. Только резать, рубить и кроить.

Сазонова со смешком вспомнила, как на днях помогала какому-то раненому рыцарю, прежде подлечив его светом ключа и плодов

эльфийских деревьев, распороть широкий плащ, чтобы соорудить нечто вроде туник для парочки прибившихся к нему оборванных сироток.

— Головы монстров? — уточнил мужчина, прищурившись.

— Чего головы? — переспросила озадаченная Маша, выбирая вопросом из колеи памяти.

— Резать, рубить и кроить, — добросовестно перечислил полосатый, разве что пальцы загибать не стал.

— Резать грунт, рубить дрова, кроить ткань, — укоризненно поправила его девушка.

— Мечом? — удивился собеседник.

— Больше нечем бывает. Лопата, топорик и ножницы в экстренный рюкзачок, — Маша дернула плечом, за которым висела привычная сумка, — не влезают. А ключ вратами где и когда угодно обернуться может. Он же план-разнарядку ни на неделю, ни даже на сутки не выдает. Переносит с тем, что в руках есть, и все.

— Странно для паладина, — нахмурился, не поверив, собеседник.

— Так я и не паладин. Мне сказали, что я — ортэс, — пожала Мария плечами.

— Ортэс, — машинально повторил мужчина.

Маша кивнула и, тихонько вздохнув, уточнила:

— Тебе-то я чем помешала? Даже не встречались никогда раньше наяву.

— Предсказание. Я должен его исполнить, — соблаговолил ответить незнакомец.

— А чего хоть предсказали? — полюбопытствовала Сазонова, сроду не доверявшая гадателям. Хотя та старушка-училка и не выглядела записной шарлатанкой, но мало ли...

— Моя смерть в твоих руках, — решился и процитировал Черный Властелин, пока Маша в очередной раз поправляла упрямую сползающую лямку рюкзака не рукой, а поворотом плеча и вращением. Ткань голубой рубашки натянулась, пуговичка отскочила, открывая вид на белый спортивный бюстгальтер. Искристые глаза потенциального убийцы расширились, и он, навидавшийся за свою жизнь разного рода зрелищ, почему-то покраснел, как мальчишка. Маша подняла отскочившую пуговичку и заботливо сунула в

нагрудный кармашек, чтобы пришить, снова поправила лямку и признала:

— Ну... вроде как однозначно. Хотя и время не указано. Будем драться?

— Ты желаешь моей смерти сейчас? — невпопад уточнил мужчина.

— Не-а, — тряхнула челкой Мария. — Меч к тебе не тянется. Миссии на тебя нет. Может, позже случится...

— Тогда я предпочту отложить поединок, — пошел на попятный мужчина. — Возможно, пророчество не было завершено. Я зайду к Лохрес еще раз. Негоже поднимать меч на ортэс даже мне.

Глава 15

ЗНАКОМСТВО

— А «даже ты» кто такой? — Маша хлопнула рыжими пушистыми ресницами.

— Я? Черный Властелин Экхарда Дейдриан, — с легким недоверием (а не вздумала ли девочка над ним смеяться, утверждая, что не ведает его имени?) представился по всем правилам полосатый.

— А почему черный? Ты ведь не негр, — удивилась Сазонова и, чуть смутившись, поспешила представиться в ответ: — Меня Мария зовут.

— Черный — потому что я диктатор, Мария, — сухо пояснил собеседник, почти готовясь к типичной для светлых вспышке праведного гнева и очередному возвращению на круги своя — попытке убийства проклятого тирана.

— А... тоталитарный или авторитарный режим? — заинтересовалась девушка, только сдавшая политологию.

— Авторитарный, — коротко усмехнулся приятно разочарованный в ожиданиях Дейдриан и убрал меч. Нет, не в ножны, он просто разжат пальцы, и черный клинок исчез.

— Поня-а-атно. Ну, наверное, твои по-другому и не понимают.

— Не понимают. Впрочем, не только мои, по-другому почти никогда не понимают и чужие, — от всего сердца согласился Черный Властелин и уточнил: — Куда ты следовала, ортэс, на очередной призыв?

— За хлебушком решила сбегать, — качнула головой Маша. — На призыв меня просто переносит, никуда бежать не надо.

— Я провожу, — почему-то скорее констатировал очевидное, нежели предложил или тем паче попросил Черный Властелин. Не властелинское это дело — до просьб снисходить.

— Ладно, — не стала спорить и обижаться на странную манеру общения Мария.

Сходить вместе за хлебушком все лучше, чем драться. И себя, и кусты сирени жалко. Себя, кстати, гораздо больше. Кусты оправятся быстро, а вот насчет гражданки Сазоновой такое вряд ли скажешь.

Очень уж меч у Властелина внушительный и внушающий, чем-то не просто черным, а еще лиловым поблескивает по лезвию. Таким Машу на пяток маленьких Машек в пять секунд нашинковать можно, и плевать, что каждую ночь после знакомства со спящей принцессой дроу Мария уроки берет, у ее нового знакомого опыт по этой части, небось, не в днях, а в годах, если не в десятках лет, измеряется.

Маленький магазинчик, куда поставляла хлеб одна частная пекарня, пользовался заслуженной популярностью у жителей. Во-первых, он был круглосуточным, в отличие от супермаркетов округи, во-вторых, там продавали практически все, что может вдруг и срочно понадобится в любое время дня и ночи, в-третьих, о качестве товара тут заботились и никогда не пытались впихнуть просрочку.

Хлеб же из мини-пекарни Маша предпочитала любому другому. Просто потому, что он был неизменно свежим и очень-очень вкусным, как в детстве!

Так что Мария, приветливо поздоровавшись с тетей Сашей, купила пяток кунцевских булочек и одну городскую на гренки, а потом — гулять так гулять! — две порции пломбира в шоколаде, который хвалил даже дед Федор, большой охотник до холодного лакомства и столь же большой привереда, вечно ворчащий о всяких ГМО и ароматизаторах, портящих вкус нормальной еды. Своим мороженым Маша тут же зашуршала, вскрывая упаковку, второе протянула спутнику:

— Будешь мороженку?

Черный Властелин с опасливым недоумением принял холодный вафельный стаканчик, точно такой, с каким расправлялась рыжая девушка. Она не манерничала, дразня язычком, облизывая губки, не играла в соблазнительницу, она просто с аппетитом ела, кусая крепкими зубами. И это было так естественно, свежо и почему-то притягивало взгляд.

Против воли Дейдриан присоединился к незатейливой трапезе и признал: вкусно. Давно он не получал от еды такого удовольствия. Или дело было не в еде, а в компании? Двое сидели на деревянной лавочке у магазина и ели мороженое. И никто ничего от Черного Властелина не требовал, не ждал, не просил, не содрогался в ужасе, не плевался от ненависти, не протирал пол коленями в благоговении. Эта рыжая девочка ничего, совсем ничего от него не хотела. Она даже не просила

сохранить ей жизнь, и не тянуло от нее ни малейшим привкусом опаски. Она безоговорочно приняла временное перемирие и соблюдала его.

— Приятное лакомство, — констатировал Дейдриан для поддержания беседы, сам до конца не понимая, имеет ли он в виду мороженое или общество рыжей девочки и все, к нему прилегающее. — Благодарю!

— Пожалуйста, — искренне улыбнулась ортэс и уточнила: — Как тебя называть? А то Черный Властелин Экхарда Дейдриан очень длинно. Это как упражнение по дикции для картающих.

— Мой Повелитель и Владыка тебе не подойдут, — усмехнулся мужчина.

— Ага, — почесала щеку с зудящим комариным укусом Мата. — Никак. Ладно, будешь неназываемым злом.

И в ответ на эту сентенцию Дейдриан по-мальчишечьи расхохотался, ощущая удивительный подъем душевных сил. Маша поддержала его заразительный смех своим, и секунду-другую он звучал искренне и весело, а потом девушка попыталась сцекать зубы, но не вышло. Прервать хихиканье получилось только кусочком мороженого. Смех рвался из груди, словно она нанюхалась веселящего газа.

«Мир-галлюцинация с грибом! Все-таки накрыло, пусть и с отсрочкой!» — сообразила Мария. Осталось только порадоваться, что накрыло лишь сейчас и так простенько, а не в процессе первых переговоров с персонифицированным «злом». А то решил бы Черный Властелин Экхарда Дейдриан, что над ним издеваются, и взялся бы сразу за меч, не размениваясь на переговоры.

— Тебе лучше уйти, я не знаю, сколько еще будет такое, — смогла выдать вперемешку с жеванием и хихиканьем Сазонова.

И в ответ на непонимание, отразившееся в глазах Дейдриана, в двух словах поведала о недавнем визите в причудливый мир спящих девочек, странных грибов и говорящих котов.

— Хм... один из мирков грезящих, повезло, что наградил лишь невинным последствием, — идентифицировал собеседник место действия и практически предложил метод лечения: — Тебе надо прополоскать рот текучей водой.

Вместо ответа Маша встала и двинулась домой. Что удивительно, даритель ценных советов отправился следом. Может, пожелал проконтролировать процесс? И, наверное, к лучшему — если девушка хихикает в компании странно одетого мужчины — это одно, может, ей смешной анекдот рассказали или, может, на маскарад собирается, а если в одиночку посреди улицы — это уже совсем другой тревожный диагноз.

Приглашающе махнув рукой и торопливо прохихикав: «Заходи, Андрей!» — девушка рванула в ванную, открыла кран. Поймала губами струйку холодной воды и честно выполнила инструкцию.

Выпрямившись, прислушалась к себе: тянет ли продолжить безостановочное хихиканье, словно проглотила смешинку, или нет. И расплылась в благодарной улыбке, утерев лицо желтым полотенцем со смешным круглым зверьком:

— Отпустило! Спасибо!

— Ты и сама преодолела бы действие отравы чуть позже. Мелочь, — отмахнулся от слов признательности Дейдриан, получивший в награду за совет очередной ребус из жизни ортэс.

По всему выходило, его только что, пусть и без соблюдения полного ритуала званого гостя, пригласили в дом, предварительно не взяв даже временной клятвы о непричинении вреда. Эти маленькие жалкие комнатухи не были походным станом, именно о них Повелитель сегодня получил доклад от одного из своих лучших шпионов. Змей был изрядно озадачен нестыковками. Скромное, даже бедное по меркам многих и многих жилье, отсутствие украшений, нарядов и... мусорное ведро!!!

Повествуя об этом, Змей аж топорщил чешуйки на щеках и сбивался на пришептывание:

— Мой Повелитель-с-с, она брос-са-ет мус-с-сор в мифраиловое ведро-с! В мифраиловое-с, мой лорд!

Светлые часто ведут себя странно. Возможно, дева дала обет нищеты? Потому мифраиловое ведро — символ того, насколько несущественны для нее материальные блага мира? И еще, она как-то странно назвала его...

Раз уж она пригласила его в дом и считает себя обязанной, Повелитель всея Экхарда решил кое-что выяснить и начал с малого вопроса:

— Как ты меня назвала?

— Ой, — виновато моргнула девушка, приведя гостя в гостиную, где он расположился в единственном кресле с невозмутимо царственным видом, будто сел на трон. — Извини. Я же говорила, Дейдриан — очень длинно и язык спотыкается, но похоже на одно из наших имен. Андрей. Вот я и...

Маша присела на диванчик, пожала плечами и смутилась:

— Я больше не буду, прости.

Извинялась девушка без привкуса унижения, просто и искренне, как, пожалуй, делала все с первой секунды их встречи. И, возможно, только возможно, именно так она жила?

— Что означает это имя в вашем языке? — уточнил Повелитель, царственным наклоном головы принимая извинения.

— Не помню точно, это с греческого, вроде «мужчина», — пожала плечами Маша.

— Совершенно безликое прозвище, — поморщился, оценивая толкование, Дейдриан.

— Наверное, никогда не задумывалась, а Дейдриан что означает?

— Жизнь и смерть несущий, — равнодушно перевел Повелитель.

— Здорово, красиво, — оценила Сазонова и торжественно объявила: — Теперь точно запомню!

— А твое имя несет смысл? — уточнил Дейдриан.

— Наверное, никогда не интересовалась. Кажется, «упрямая». Когда маленькая была, жалела, что меня Мариной не назвали, то есть «морской». — Сазонова расплылась в улыбке: — Я воду в любом виде обожаю, не говоря уж о море. Жаль, часто бывать не получается.

— Почему? — слегка удивился Повелитель.

— Далеко ехать, почти сутки на дорогу, если автобусом, и дороговато, — откровенно ответила Маша.

— Ты же ортэс, — коварно перешел к другому интересующему его вопросу Дейдриан. — Бываешь во множестве миров, свободна в выборе пристанища, можешь назвать домом любое место, какое пожелаешь. Что до дорогого... в любом из миров вдоволь того, что считается сокровищами в мирах иных.

— Наверное, — растерялась Маша, никогда не оценивавшая свои миссии с меркантильной точки зрения. Ортэс в голову не приходило, что, к примеру, даже в том апокалиптическом мире она могла не сидеть

на крыше, изо всех сил пытаюсь сообразить, как ей спасти всех и вся, а пройти по квартирам многоэтажки и забрать какие-нибудь безделушки, оставшиеся от обращенных в зомби жителей, или нарвать всяких растений в эльфийском лесу, или, или, или... Для кого-то другого существовало множество этих самых «или», для Маши их не было ни одного.

— Считаешь это унижительным, ортэс? — неожиданно жестко уточнил Дейдриан, почему-то помертвев лицом. Навидался он таких брезгливых, не брезговавших ничем в своем фанатичном стремлении его прикончить.

— Не знаю... нет... не так... — задумалась девушка, подбирая подходящее по смыслу слово — отражение своего мнения. — Скорее неприемлемо! Да, так. Мне так нельзя! За других не скажу.

— Однако ж ведро у тебя из мифраиля, — задумчиво вставил Повелитель Экхарда.

— Какое-какое? А, точно, он говорил! Если бы не взяла хоть чего-нибудь, он бы на меня очень обиделся и, наверное, убил, — смущенно пожалла плечами Мария. — А раз мое пластмассовое мусорное ведро сжег, то взамен сделал новое из какого-то металла.

— «Он» это кто? — выгнул бровь мужчина.

— Я не помню имени. Оно втрое длиннее, чем у тебя, — хлопнула ресницами Маша.

— Сильф или дракон? — попробовал угадать собеседник.

— Дракон, красивый... — мечтательно и почти восторженно зажмурилась Мария, и чем-то это неприятно кольнуло черную душу Черного Владыки. Он презрительно усмехнулся и жестко парировал:

— Драконы всегда оборачиваются в прекрасных мужчин, так им проще похищать дев для продолжения рода или пожирания плоти.

— Э... — Маша озадаченно моргнула. — Ну, наверное, человеком он тоже прекрасным был бы, если отмыть гной после ран, но я вообще-то про ящера говорила. Красиво, когда парил на крыльях меж звезд, это было невероятно!

— Ты хочешь сказать, что вылечила раны дракона, которые он сам оказался не в силах исцелить, и за это получила ведро из мифраиля? — переспросил удивленный Повелитель.

— Ну да, — дескать, «а о чем я только что говорила», подтвердила Мария.

— Ясно, — кивнул собеседник. — Плата достойная и твое счастье, что дракон никогда не узнает, как ты распорядилась его подношением.

Маша честно призналась:

— Не понимаю.

— Ты знаешь цену мифраиля? — для проформы уточнил собеседник.

— Нет.

— Это редчайший и ценнейший металл для украшений, доспехов, артефактов. На твое ведро можно купить пяток городов вместе со всеми богатствами и жителями.

— Ой, — слегка удивилась девушка, но спокойная практичность мигом возобладала над прочим. Ответила Маша совершенно беспечно: — У нас в мире нет такого металла, значит, и цены у него никакой нет. А ведро мне нужно. Оно легкое и мусор выносить удобно. Но если тебе необходим именно мифраиль — возьми. Я себе пластмассовое ведерко куплю.

Повелитель Экхарда, оторопев, уставился на девицу-ортэс. Она в очередной раз за краткое время знакомства полностью выбила его из колеи. «Если надо, возьми мифраиль!» — умудрилась же такое предложить! Просто возьми, ни малейшей попытки выторговать что-либо для себя. Ни тени расчета. Как она вообще до сих пор жива? Наверное, лишь чудом Творца и тем, в какое изумление ввергает каждого, с кем ей довелось пересечься. Впрочем, истинные целители всегда были не от мира сего, и всегда их старались беречь сами миры. Но странно, что целительница стала ортэс. Гармонизация вселенной отнюдь не всегда возможна одним лечением. Потому ортэс и вручается меч, а не цветочный венок. Но если ей пока не приходилось собирать кровавую жатву, исправляя миры, то понятно. А вот что будет с девочкой потом, когда придет пора? Сломается или ожесточится сердцем?

— Я не возьму подношения дракона ни в дар, ни платой, — отказался Дейдриан. — Врученное тебе, у тебя и должно пребывать, иначе кара постигнет присвоившего подарок. Скажи, как получилось, что целительница стала ортэс?

— Э... — Девушка озадаченно свела рыжие брови. — Я не доктор, я биологом буду.

— Но ты лечила дракона, а их род почти не поддается действию магии, в том числе и целительной, — хлестко указал собеседник.

— А... — снова заулыбалась Мария. — Нет, я не целитель, это мне эльфийский лес подарок сделал. Иногда, когда очень нужно для дела, получается лечить.

Эльфийский лес, дракон, ортэс, которая использует меч, чтобы кроить и копать, а не разить врагов. Кажется, у великого Черного Властелина, полагавшего постулат «нет человека, нет проблемы» руководством к действию, началась мигрень. Рыжая девица не вписывалась ни в какие рамки. Нет, убить ее, конечно, было бы проще простого, но все-таки Черный Властелин — не значит кровожадный безумец. Безумец может дорваться до власти, но править скольконибудь стоящий срок — никогда. Именно поэтому он решил не спешить с устранением ортэс из-за небольшого вредительства и зловещего пророчества. И выяснить насчет вредительства.

— Скажи, зачем ты лишила мой замок тепла и света? — неожиданно прямо, хотя и вовсе не собиравшись поднимать этот вопрос до уточнения толкования пророчества, спросил Дейдриан.

— Замок? Лишила? — удивилась Маша и покусала губу, напряженно соображая. — Я только пару замков до сих пор видела. В одном, заброшенном, принцессу будила, во втором воров ловила. Хотя он скорее дворцом был. Ни освещение, ни отопление нигде вообще не отключала. Наоборот, недавно мы с ребяташками вернули тепло в их пещеры, чтобы племя не гибло зимой от мороза.

— Вот как! Не расскажешь? — мягко уточнил собеседник, начиная кое-что подозревать.

И девушка, не чуя подвоха, охотно рассказала ему о странных камешках, вмурованных в круг камней, которые удалось разбить мечом. Потом, видя очевидный интерес к теме у собеседника, припомнила и о похожем камешке в подвале заброшенного дома, который едва не рухнул на голову ей и ребенку. Вопиющая безответственность, между прочим, на ветхое здание даже не повесили табличку с предупреждением!

Вот так Черный Властелин, не озаботившийся альтернативными источниками энергии, узнал о порушенных кругах силы, обеспечивавших подачу света и тепла в свою основную резиденцию. Что ж, стоило признать, что гневаться на ортэс, делавшую свою

работу, не было смысла. Зато на кое-каких собственных подданных, решивших сэкономить на гномьих рунах и потянуть энергию из других миров через нестойкие кристаллы-поглотители, стоило напустить счетную комиссию с ревизорами-вампирами.

Потом беседа обо всем и ни о чем продолжилась на кухоньке рыжей девушки под крепкий чай, домашнее творожное печенье и забавные мягкие конфеты с фруктовой начинкой. Тут было светло, несмотря на всего одну люстру-фонарик под потолком, и удивительно тепло. Наверное, потому что на дворе стояло лето.

И вообще, в какой-то момент Черный Властелин с черным сердцем понял, что совершенно не желает возвращаться в свой холодный и темный, невзирая на новый свет и жар камней, замок. Быть может, не желает потому, что там не будет этой забавной, поразительно наивной ортэс, которая с легкостью дарит свое тепло и свет даже тому, кого должна убить. Или все-таки не должна? Убивать ее, чтобы жить самому, тоже не хотелось.

Глава 16

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ

Осознав все это, Дейдриан резко встал с мягкого диванчика и объявил:

— Мне пора, ортэс.

Маша снова улыбнулась и пошла проводить гостя до двери. Уже стоя на пороге, она тихо сказала:

— Спасибо за помощь и компанию! Приходи в гости!

— Даже если приду тебя убивать? — резко крутанулся Черный Властелин, склоняясь и нависая над девушкой.

Карие лучики в зеленоватых глазах, вовсе не похожих на хищные ядовито-зеленые очи ведьм или искрящуюся травянистую зелень эльфов, танцевали перед его глазами.

— Драться бы не хотелось, — честно и прямо ответила девушка, потряхнув челкой. — Вместе пить чай куда приятнее. Мне с теми, кто не отсюда, почти не получается толком поговорить, сразу дверь домой открывается. Только разок с вампиром поболтала, пока разбиралась, в чем миссия.

— Ты — девушка-облако? — выпалил Властелин, живо вспомнив недавний странный доклад Киора.

— Ой, точно, он сказал, что моя кровь как облако, вообще никакая бяка, — снова разулыбалась Маша. — Значит, у него все получилось.

— Получилось, — согласился Дейдриан, со смутным неудовольствием наблюдая сияние лица ортэс при упоминании о красавчике-вампире. Киор был ценным слугой, но почему-то вдруг захотелось угостить его осиновым колом или серебряным клинком в грудь. — Желала бы его повидать?

— Наверное, — пожала плечами Мария. — Он интересно рассказывает. А то я вижу много, но понимаю-то пока не всегда...

— Я тебе больше скажу, ортэс, таково общее состояние любого разумного, — усмехнулся Дейдриан.

— А... ну да, — кисло-то согласилась девушка, сдававшая философию, но вовсе не любившая ее. Ничего конкретного, сплошные рассуждения, которые с равным успехом можно как доказать, так и

опровергнуть. — Чем шире круг знания, тем более круг незнания, и так до бесконечности.

— И это самое великолепное, что только мог создать Творец. Познание столь бесконечно, что скука никогда не настигнет ищущего знания, воды скольких столетий ни утекли бы, — торжественно провозгласил Дейдриан.

«Хм». — Маша моргнула, впервые оценив почти абстрактное понятие бесконечного познания с практической точки зрения того, в чьем распоряжении и впрямь есть столетия на удовлетворение информационного голода. И согласилась:

— Пожалуй, хотя мне в двадцать с хвостиком скука пока не грозит в принципе.

Черный Властелин замер как громом пораженный и каким-то деревянным голосом уточнил:

— Сколько тебе лет, ортэс?

— Двадцать один, — повторила Маша, не понимая, что так шокировало собеседника.

— Сколько дней длится год твоего мира? — продолжил вопрошать мужчина.

Маша ответила и на этот вопрос, после чего Дейдриан потер лоб ладонью, пробормотал себе под нос:

— Я хотел расправиться с ребенком... Проклятая токсикоманка Лохрес...

С этими словами мужчина исчез. Маша поморщила лоб, пожала плечами и закрыла дверь на замок. Черный Властелин оказался вполне себе приятным дяденькой, когда не грозил мечом. Помог и рассказывал интересные вещи. Так что Сазонова даже не пожалела, что теперь ей придется нарушить режим и учить до полуночи дневную норму билетов. Надо — значит надо!

Ночью, после зубрежки, сон смежил веки усталой девушки мгновенно. Поначалу в голове носились лишь обрывки выученного, но потом Маша снова увидела черный замок, полосатого диктатора Черного Властелина и бабушку-учительницу. Дейдриан, недовольно хмурясь, о чем-то ее расспрашивал. Предсказательница всматривалась в черный шар и, кажется, нервничала, курила какую-то длинную не то папиросу, не то вообще ароматическую палочку и теребила кисти шали.

Но сказала ли она что-нибудь стоящее или нет, Мария, увы, не услышала и не увидела. Зато утречком услышала звонок сотового. Дедушка Федор не особо жаловал современную связь, но считал своим долгом пообщаться с внучкой хоть раз в пару дней, не для того, чтобы проконтролировать, но чтобы быть в курсе ее жизни. А тут еще Алевтина, у которой запасные ключи от его квартиры лежали, звонила, отчитывалась, что горячую воду пустили, и между делом странного наболтала.

— Внученька, доброго утра, как жизнь?

— Привет, деда, все отлично! — бодро отчиталась Машенька.

— А мне тут Алевтина с утра звонила, все о каком-то высоком брюнете в черном плаще толковала, с которым тебя видела. Фантазирует бабка или как? Ты уж прости старика, если не в свое дело лезу.

И тут Маша задумалась. Говорить правду и только правду девушка считала само собой разумеющимся. Врать родному человеку полагала вовсе не приемлемым, но что можно было сказать дедушке о Черном Властелине?

— Одежду не очень-то и разглядывала. Я, деда, сильно подавилась на улице, а он мне помог до дома дойти и подождал, пока в себя приду.

— О как! — крикнул дед, бормотнув вполголоса про судьбу, которая и за печкой сыщет. И весело уточнил: — Красивый хоть спаситель-то попался, внучка?

— Э... — Маша зависла, пытаясь определить, считается ли Черный Властелин Дейдриан красивым. Полосатые волосы, странные глаза и костистое породистое лицо впечатление производили, но красиво это или нет, Маша сказать не смогла бы, потому честно ответила:

— Не знаю, деда. Но очень умный.

— Студент?

— Не-а, он совсем взрослый, — пояснила Маша.

— Работает?

— Ага, — согласилась она, радуясь уже тому, что дедушка не спрашивает, кем именно работает ее новый знакомый. Как объяснить дедуле, что тот по профессии диктатор со зловещим прозвищем из другого мира, Мария даже не представляла.

— Ну, смотри сама, ты девица разумная, глупостей не наделаешь.

Успокоившись насчет того, что его внушеньке никто голову не вскружил, дед завел разговор о делах огородных, и Маша торжественно обещала прибыть на дачу в выходные, чтобы помочь с прополкой.

«Значит, очень умный...» — почему-то с неудовольствием констатировал где-то в невообразимом далеко один тип полосатой наружности, оставивший в квартире рыжей ортэс прослушивающее и подглядывающее заклинание. Просто так. Мало ли что, и вообще. И вовсе он не подглядывал, когда рыжая девушка, почти ребенок, переодевалась, если только одним глазом, да, на всякий случай. На запястье у ортэс метка демона, а может, где еще какие знаки имеются? Он же должен знать, ему же предсказали. И вообще... Да эта рыжая и сама вовсе не красавица! Да! У нее плечи широкие и веснушки... Как маленькие солнышки. И чай с печеньками. Вкусный. Еще хочется. Чаю, конечно.

Кажется, сила печенек ничуть не была преувеличена писателями мира Земля. Они способны сманить кого угодно и куда угодно. Вон даже Черный Властелин сидел в черном замке и мечтал о крохотной кухоньке технического мира. И вовсе ни при чем тут была странная рыжая девочка со странными представлениями о Вселенной. Девочки отдельно, печеньки отдельно. Но почему-то даже на важном торжественном приеме у Владыки никак не получалось полностью отрешиться и не думать о том и другом.

Уставший владыка громадной империи взмахом руки остановил выверенное кружение великолепной девы-танцовщицы, каждое движение которой под дивные наигрыши музыкального кристалла было истинным совершенством. Когда-то давно она пару раз согревала ему постель. Но танцевала Айлэора куда искуснее, чем дарила ласки. Она быстро прискучила Дейдриану, впрочем, мастерство в любом деле Властелин уважал, потому не стал удалять деву, оставив для эстетического удовольствия. И вот сейчас, когда танцовщица приблизилась к трону, дабы получить небрежное разрешение удалиться, Повелитель задумчиво уточнил:

— Я красив, Айлэора?

— Вы могущественнейший из Владык, мой Повелитель! — благоговейно выдохнула танцовщица, простираясь перед Дейдрианом

на черном стылом полу в позе величайшего благоговения. Тонкие ткани ее одеяний живописно легли крыльями бабочки.

Но, вместо того чтобы порадоваться столь полному преклонению перед собой великим, Черный Властелин раздраженно дернул уголком рта и велел:

— Я понял тебя. Ступай.

Поднявшись с трона, Дейдриан быстрым шагом покинул тронный зал и почему-то едва подавил в себе нехорошее желание шваркнуть дверью о косяк прямо перед носом замерших статуями неподкупных стражей личной гвардии.

У дверей кабинета Владыку ждал дневной секретарь с подборкой неотложных дел, занявших около трех часов, следом явился старый и вернейший из соратников — маршал Зэрнафар с докладом о состоянии границ. Беседа за картами миров под бокал грибного вина шла продуктивно. И под конец старина Зэр осторожно уточнил:

— Тебя что-то гнетет, друг мой?

— Нет, старина, — качнул головой Дейдриан и, поболтав в бокале остатки лилового вина, неожиданно выпалил: — Ненавижу пророчества!

— Очередной герой с артефактным мечом объявился? — понимающе хмыкнул дроу.

— Нет, — поморщился Черный Властелин и пошевелил пальцами, проявляя незримое прежде зеркало — вид на корпящую над билетами студентку Машу.

Только теперь его ортэс была не одна. Она сидела с ногами на кровати, а рядом, привалившись рогатой башкой к стене, прямо на полу расположился громадный демон. Первым порывом Дейдриана было ринуться на помощь идиотке ортэс, вторым, едва он понял, что рвать девушку на части прямо сейчас демон не намерен и, кажется, вообще не намерен, стала ревнивая ярость и жажда крови. Как смеет какая-то рогатая тварь находиться так близко от ЕГО ортэс, как смеет Маша так улыбаться демону? А уж когда девушка отложила учебник и полезла ощупывать рога склоненной в благосклонном оскале демонячьей башки, Черный Властелин понял, что готов убивать голыми руками.

— Какая занятная рыжуха, — оценил Зэр вид на девушку и откровенную ревность друга. — Тебе что, друг мой, напроорочили ее в

супруги и выводок рыжих наследников в придачу?

— Нет, — нехотя буркнул Дейдриан. — Пророчество было другим, и с ним не все ясно. Лохрес, как обычно, не желает толковать изреченное и повторять ритуал.

— Вредная бабка, — поддакнул дроу. — Мне иной раз кажется, она на белых работает за бездонные запасы той вонючей травы, которой окуривает свою комнату в башне и из которой крутит папиросы.

— Нет, — хмыкнул Черный Властелин. — Этой пакостью они ее точно даром снабжают, чтоб наше терпение испытывать.

— Тоже довод, — философски согласился дроу. — И все же, Дей?

И Дейдриан поделился с другом пророчеством. А потом долго хмурился, пытаясь не дать по серой физиономии, когда товарищ, испытанный во многих сражениях, хрюкая от смеха, сползал с кресла.

— Дей, не злись, ты ж сам знаешь Лохрес, — нашел в себе силы поднять руку в жесте извинения друг, возвращаясь за стол. — Если что можно вывернуть в изреченном, она вывернет. Не удавили до сих пор лишь потому, что истину открывает. Но докопаться до сути ее пророчеств тот еще труд. Обычно. Но сейчас я вижу, какими глазами ты на девочку смотришь, и мне не надо быть гадателем, чтобы толкование дать. И удивляюсь лишь одному.

Дейдриан выгнул бровь, ожидая очередной подначки.

— Почему она там с демоном милуется, а не здесь с тобой? — выпалил дроу.

— Она ортэс, — грустно признал Черный Властелин.

— И? — не понял сути проблемы воин, с какими только созданиями за века жизни не встречавшийся. Да, с ортэс до сих пор сталкиваться не приходилось, но слышать слышал. И если эта рыжая пришлась другу по вкусу, то проблемы в том, чтобы заполучить ее, Зэр не видел. Даже предложил: — Хочешь, я тебе ее доставлю?

— Невозможно. Она, друг мой, ортэс, идущая по тропе своего предназначения. В какую сторону ее суть развернет очередной призыв, если кто и сможет предсказать, то только сам Творец. Дважды она дорогу мне переходила, один раз помогла моему агенту. Что будет завтра, не представляю, возможно, без шуток, то самое пророчество обернется мечом в ее руке.

— И ты дашь себя убить? — изумился Зэр, даже отставил бокал в сторону.

— Нет, под меч не шагну. Я же Черный, а не идиот, — мрачно усмехнулся Дейдриан, залпом допивая свое вино. — Но сомнения в толковании никуда не денутся.

— Тогда давай я ее убью, — выдвинул новое благородное предложение дроу и снова понимающе хмыкнул, отследив, какой яростью полыхнули глаза друга. Не зря ходили слухи, что он и взглядом уничтожить способен, ой не зря. Будь на месте Зэра кто послабее, конец пришел бы с гарантией, и ни один некромант поднимать бы не взялся.

— Так что ты планируешь делать? — практично уточнил друг, потерев кончик боевой косы.

— Пока... смотреть и думать над пророчеством, — вздохнул Черный Властелин.

— До тех пор, пока ее у тебя не уведут? — подковырнул дроу.

— Не позволю, — рыкнул Дейдриан.

— Как знаешь, — пожал плечами Зэр, отчетливо понимая, что его практичный в любых сферах и безжалостный друг ведет себя ничем не лучше иных пригубивших из хмельной чаши страсти. — Тогда хоть ухаживать начни. Выяснил, какие ритуалы в ходу в ее мире?

Дейдриан мотнул головой. Красноречивый взгляд дроу многозначительно вопрошал:

— Тогда чем ты, демоны тебя побери, занимался?

— Мы разговаривали, чай пили, ели мороженое.

— Угощал ее сладостями — уже неплохо, — одобрил друг.

— Она меня, — поправил, смутившись, Черный Властелин.

— Так, может, это она за тобой ухаживать будет? — восхитился Зэр.

— Мария просто так угощала, без намерения извлечь выгоду или обольстить, — грустно усмехнулся Дейдриан. — Ортэс лишена обычного женского кокетства и хитрости. Я вообще не уверен, что ей ведомы подобные уловки и желания.

— Настолько белая? — поморщился дроу, запутавшись в противоречивой информации. Ортэс, мило болтающая с демоном, не могла быть совсем светлой, чтоб впору крылья отращивать и до постели не довести.

— Нет, она не из белых фанатиков. Моя тьма ее не волнует до тех пор, пока не является миссией ортэс. Мария... забавная. Знаешь, когда я сказал, что диктатор, она лишь поинтересовалась, тоталитарный или авторитарный режим моего правления.

Дроу не выдержал и снова заржал, в красках представляя себе не чуждого позы друга, ожидающего, к гадалке не ходи, очередной порции белого негодования и получившего вместо этого вопрос из области политологии. Воистину с такой забавной девочкой он и сам бы не отказался перемолвиться словечком. Интересно, что она захотела бы узнать у первого меча Черного Властелина?

Пока мужчины трепались о вечном — то есть о женщинах и их причудах, — демон встал. С удивительной ласковостью потрепав ортэс по волосам, громадная туша оскалилась и исчезла. Хихикающая Маша помахала ему вслед ладошкой, пригладила искрящиеся от статического электричества волосы и, тоскливо вздохнув, вернулась к билетам. Решительно, изучение демонской природы было куда интереснее, чем печатное учебное слово.

Глава 17

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ, ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ

Новое утро в череде дней экзаменационной сессии наступило четко по плану, пробежка от дома до остановки тоже началась вовремя, и даже маршрутное такси оказалось почти пустым. Все было бы благополучно, если бы не тип в белых, эмалированных, наверное, доспехах, заступивший дорогу Марии как раз на асфальтовой дорожке между газонами университета.

— Дитя пророчества, предвещающего конец Черного Властелина, ты избрана! Следуй за мной, Солнечная Дева! — звучно прогудел белый верстовой столб.

— Я уже все сказала Витьке, — приостановившись, терпеливо повторила Мария, сдув с лица выбившуюся из-под заколки челку. — На ролевку не поеду, Властелинов без меня убивайте, у меня огород! А теперь извини, я на консультацию опаздываю!

Обогнув живой столб, под забралом которого виднелись чистые васильковые глаза и лежащие на плечах льняные, очень светлые локоны, Сазонова понеслась дальше, прибавив ходу. Столб тоже включил ускорение и рванул за Марией, не прекращая взывать:

— Остановить, Солнечная Дева, прими свою судьбу, я избран Белым орденом, чтобы стать твоим проводником к сверкающей вершине низвергателей зла!

Догнать девушку он не мог — бегала она отлично, но даже в своих побрякивающих латах рыцарь сильно не отставал.

— Очень приятно, — на бегу откликнулась девушка. — Но я на ролевку все равно не поеду, меня ждет дедушка и прополка картошки!

С этими не самыми возвышенными словами Маша юркнула в двери родного университета, на ходу размахивая извлеченным из кармашка студенческим. Парень-ролевик попытался прорваться за жертвой, но был остановлен бдительным вахтером.

— Куда? Стоять! Где студенческий?

Рыцарь остановился перед дедком с рацией и попытался продолжить затянувшуюся игру, вещая про необходимость сражений со злом во всех его ипостасях. На все это, замерев с надкушенным

пирожком в руках, восторженно взирал Витька, отоваривавшийся сдобой в буфете.

— Маш, гля, какой кадр! — выпалил он, краем глаза углядев одnogруппницу.

— Ага, я думала, это твой приятель, — хлопнула ресницами девушка.

— Нет, это не из наших, но пала классно отыгрывает! Пойти, что ль, перетереть?

— Консультация через пять минут, — напомнила девушка, выступив в качестве хронометра.

— Блин, засада, ладно, может, еще пересечемся, латы зачетные! — пожалел Витька и одним махом, как удав, сглотив пирожок, понесся вслед за Машей по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Никакие зачетные латы зачета по ботанике обеспечить не могли, даже если прийти в них на зачет. Если только сдачу задурившего студента в нежные руки медиков специального профиля.

Выползали студенты с консультации не столько приободренные — мы все знаем и все сдадим, — сколько загруженные и заинструктированные. Сил бежать не было даже у энергичной Марии. Она не плелась нога за ногу, но шла быстрым шагом вместо неизменной трусцы.

Потому фигуру рыцаря на лавочке в сквере при универе, близ которого вились разнополые любители ролевок и просто экзотики, заметила сразу. Но, увы, свернуть не успела. Скорее всего, как выразился бы Витька, скилл внимательности у нового знакомого был прокачан на порядок лучше бега.

Он Машу углядел раньше и ринулся к ней. К счастью, молча. Наверное, опасался привлечь еще более массовое внимание к своей уникальной персоне и не прорваться к цели сквозь густую толпу.

— Солнечная Дева, — прогремел здоровяк, настигая жертву, — ради исполнения пророчества прими мою помощь!

— Ты картошку полоть и окучивать умеешь? — приостановилась и уточнила Маша.

— Не пробовал сие занятие и о картошке не ведаю, — выпалил преследователь, все-таки снимая шлем и открывая молодое лицо с перебитым носом и парой длинных шрамов на щеке. Вполне симпатичное. И выражение на нем застыло не злое, не упрямое, скорее

фанатично-целеустремленное, не свойственное азартным Витькиным друзьям-товарищам.

Прежде чем Маша успела озвучить вопрос-подозрение, Витька, уже успевший нацепить любимые уши, нагнал Сазонову и так поразившего его типа в латах.

— Привет! Ты пала отыгрываешь? А я эльф-лучник! — выпалил он с разгону.

— Эльф? — удивленно развернулся рыцарь к студенту. — Нет, ты скорее гоблин-полукровка. Уши приметные, развесистые!

— Эй, — разом обиделся Витька за любимую игрушку, — чем это тебе мои уши не в кассу? Точно эльфийские! По каталогу заказывал!

— У эльфов уши плотно прижаты к голове и невелики, — со спокойным достоинством терпеливо пояснил мужчина, чуть отведя прядь льняных волос и продемонстрировав аккуратно заостренный кончик. — Мне достались отцовские.

— Вау, класс, дашь примерить? — восхитился Витька и был разочарован недоуменным ответом:

— Сие невозможно, отрок.

«Ой, парень не местный и не ролевик!» — запоздало сообразила Мария и, прежде чем настырный Витька перешел к активной фазе приставаний «дай примерить игрушку, жмот!» с хватанием жертвы за уши, взяла незнакомца под руку и объявила:

— Все, Вить, хватит. Никаких примерок! Нам пора!

— Вредина ты, Маха, сразу бы сказала, что на другую ролевку забила, потому с нами не едешь! — буркнул студент и, может, добавил бы еще десяток-другой претензий, но, к счастью, отвлекся на окрик своей соскучившейся подружки. — Ладно, детишки, развлекайтесь! Бай!

— Я обидел твоего друга, Солнечная Дева? — слегка нахмурившись, уточнил рыцарь.

— Нет, Витька всегда такой, хочет все и сразу, но, если не получает, тут же начинает хотеть другого, — улыбнулась девушка и уточнила: — Так чего тебе от меня надо?

— Я послан к тебе, дева, — терпеливо повторил блондин.

— Зачем? — любопытствовала Мария.

— Направить меч твой, — высокопарно отвечивал собеседник.

И получил восторженно-наивное:

— Правда? Здорово! Ты моим тренером по оружию хочешь быть? Как хорошо, а то бой во сне, конечно, полезно, но хотелось бы и в реале попробовать! Тогда пойдем сначала ко мне, перекусим, как раз картошкой угощу, а потом можно в парк, на полянку для тренировок.

Возражать, если вроде как сам сказал про «направление и меч», чуть опешивший блондин не стал. Хотя и сильно удивился своему попаданию в учителя, но раз его послали, то будет он идти... то есть учить. Потому мужчина лишь коротко кивнул и позволил Марии увести себя к остановке общественного транспорта. А оттуда на первой же подходящей по габаритам самодвижущейся повозке (маршрутку пришлось пропустить, потому что гость в нее не вписался бы, только в автобус) парочка добралась до дома Сазоновых.

На свое счастье Маша с новым, теперь уже белым кавалером на глаза досужим сплетницам не попала. Потому спокойно довела нового знакомого до квартиры, показала, где помыть руки и где сложить латы, пока она разогревает жареную картошку с салом и лучком.

Белый, серый, черный — мужчина мужчиной быть не перестает. Здоровый аппетит прежде всего! Гость аккуратно складировал латы на кресле в комнате и проследовал за хозяйкой дома на кухню. Там он умял всю сковороду картошки, залакировал яблочным компотом и задумчиво признал, что сие вкусное блюдо достойно стола королей, а, следовательно, выращивание картошки, которым озабочена Солнечная Дева, дело благородное!

Маша хихикнула, соглашаясь, предложила наконец познакомиться и назвала собственное имя. Блондин с васильковыми глазами в потертой сероватой рубашке смущенно потупился и назвался Фалькором. Поскольку он являлся рыцарем Белого ордена, то иных имен ему не полагалось. Все родовые оставались за чертой обета.

Как раз к окончанию обеда в дверь позвонили. Когда девушка открыла, она открыла не только защелку на двери, но и рот. На пороге стоял новый гость, облаченный в кожаный доспех, — серокожий дроу с толстой белоснежной косой. Острые уши визитера были проклепаны гвоздиками-серьгами, а коса, перекинута на грудь, это Маша поняла сразу, служила не только косой, но и оружием. Столько всего в нее было вплетено колюще-режущего.

— Я Зэр. Повелитель Дейдриан шлет тебе приветствия, ортэс, — сверкнув черными глазами, усмехнулся дроу.

Что он еще мог сказать, сорвавшись в странный мир только потому, что его друг и Повелитель углядел в квартире рыжей девушки чужака светлой маркировки? Да еще чужака, который пусть не атаковал ортэс, но принялся разоблачаться. Да, только латы снял, но там, где латы скинуты, и от рубахи избавиться недолго. В общем, Дей почти озверел. Чтобы не допустить кровавой бани, после которой другу точно будет непросто наладить отношения с драгоценной ортэс, Зэр вызвался стать добровольцем и пошел разбираться с проблемой сам. Ну и положила руку на сердце дроу было забавно пообщаться с рыженькой девчушкой, умудрившейся поразить сердце Черного Властелина. Красавицей она ни с первого, ни со второго взгляда не казалась, но почему-то внимание привлекала, а еще рядом с ней становилось... дроу было сложно назвать комплекс ощущений одним словом, но, пожалуй, правильно и уютно. А уж когда девушка подняла на него глаза и улыбнулась, битый жизнью воин едва не замурлыкал от того, насколько ему стало странно тепло и хорошо.

— Приятно познакомиться, у тебя здоровская прическа! Даже жаль стало, что я не ношу косы, но потрогать не прошу, руки мне еще пригодятся, — весело улыбнулась Маша и отступила, приглашая войти.

— Разумно, ортэс, — оскалился Зэр.

И едва не наткнулась на Фалькора с обнаженным мечом. Недобро суженные васильковые глаза рыцаря пылали праведным гневом, угрожающим не только и не столько дроу, сколько целостности маленькой квартирки.

— Черный! Ты ищешь смерти? Солнечная Дева под моей защитой, готовься к бою! — прорычал рыцарь.

— А давайте вы не будете в моей квартире отношения выяснять, даже если в ваших взглядах на мир и существуют неразрешимые политические противоречия? — попросила Маша, разведя руки в стороны, будто и впрямь готова была схватиться за обнаженные мечи и не дать им столкнуться.

— Солнечная Дева, Косе Смерти не место подле тебя, даже если не лелеет он замысла твоей немедленной гибели, — рыкнул Фалькор.

— От прозванного Потрошителем слышу, — мстительно усмехнулся дроу. — Знаешь, ортэс, как его клинок мастерски

вспарывает животы врагам? Мой Повелитель весьма доволен энергией рыцаря, уничтожающего отбросы нашей армии.

Взбешенный Фалькор зарычал, дроу расслаился еще более широкой улыбкой, близкой к острозубому акульему оскалу. Маша неожиданно фыркнула, наморщила нос и констатировала:

— А вот и не подеретесь! Фалькор, ты, кажется, уже пообещал учить меня обращаться с мечом. И вместо этого затеваешь ссору с моим же гостем, который на меня даже не думает нападать!

— Белый, — хмыкнул Зэр. — Не удивлюсь, если в следующий раз он получит от своих хозяев приказ уничтожить тебя, ортэс, ибо не служишь ты Делу Света, но лишь гармонии миров, их скудному разумению непостижимой.

— Лишь для защиты девы я прислан, прикуси свой лживый язык, черный! — в сердцах выпалил Фалькор.

— Я же сказал, в следующий раз, — намекнул дроу, сделав ударение на слове «следующий», потом он подмигнул окончательно взбеленившемуся рыцарю и добил еще одной фразочкой: — Не удивлюсь, что и пророчество про тебя, Мария, они украли у нашего Повелителя и поспешили истолковать к своей выгоде... О, чу! Да доблестный сторонник Света Лучезарного замолчал! Бьюсь об заклад, с ним не поделились источником откровений! Боюсь, с ним даже деталями украденного пророчества не поделились, велели отправляться, и все.

Дроу совершенно очевидно нравилось доводить рыцаря до белого каления. Маша посочувствовала не столь языкастому бедолаге и попросила:

— Не надо, Зэр, хватит.

— Он черен, Солнечная Дева, и лишь зло несет в сердце своем, не стоит пускать чудовище на порог, не стоит вести с ним бесед, — выпренно объявил Фалькор.

— Ну... он не пытается меня убить, а что до цвета... ты чего, расист? — удивленно нахмурилась Мария, вполне мирно воспринимавшая темно-серую кожу дроу.

Слова «расист» белый рыцарь не знал и снова завел шарманку о тьме в душе гостя. Маша договорить не дала, взмахнула рукой, обрубая монолог, и четко расставила точки над «и»:

— Фалькор, я, как мне объяснили, ортэс, гармонизатор и по работе общаюсь с разными созданиями. Если они не пытаются убить меня, я не трогаю их. Да, некое пророчество существует, но его толкование неоднозначно. Мы с Черным Властелином обсудили проблему и решили пока отложить бой. Я очень надеюсь, что нам вообще не придется сражаться. Конечно, если ты готов поучить меня владению мечом, я приму уроки с благодарностью. Но ругать моих гостей, а тем более драться с ними не позволю.

Зэр звучно защелкал пальцами, скорее всего, воспроизводя воспринятый от дроу аналог аплодисментов. Фалькор насупился, нахмурился и сердито засопел. Но проклятый черный был прав — истоков пророчества рыцарь не ведал и мог, увы, допустить, что оно оказалось обрывком, добытым из черных недр.

Белый рыцарь на многое привык закрывать глаза, но в последнее время они почему-то закрывались все неохотнее. Может, потому что он искупался в горном источнике одного далекого монастыря, братья которого уверяли молодого рыцаря в чудодейственной силе воды, освобождавшей дух и тело от всего наносного, оставляя лишь истинную чистоту.

Однако же сдаваться без боя Фалькор не привык. Он мрачно проронил:

— Остерегись, дева, доверившемуся тьме легко заблудиться.

— А если свет бьет в глаза, легче легкого шагнуть не туда, — намекнул дроу, и интонации его напоминали мурлыканье большого хищного кота, на миг-другой спрятавшего когти-лезвия.

— Пошли лучше пить чай с печеньками? — предложила Маша.

— Охотно, ортэс! О, как мне сейчас, должно быть, завидует Повелитель! — ухмыльнулся дроу, на миг становясь не великими черным воином, разящим врагов мечом и словом, а хулиганистым пацаном, пусть и радикально серого цвета.

— Я тебе с собой отложу для него в пакетик, угостишь, — от души пообещала девушка, сама любившая домашнее творожное печенье больше всех магазинных сладостей.

Чаепитие начиналось как встреча враждебных сторон за столом вынужденных переговоров, во всяком случае, со стороны Фалькора. Что на самом деле испытывал дроу и что он демонстрировал на публику — оставалось на совести самого темного эльфа. Но по губам

его нет-нет да и скользила легкая улыбка, то ли в насмешку над незадачливым рыцарем, то ли над всей ситуацией и обстоятельствами в целом.

Хотя стоило темному гостю пригубить хорошо заваренный чай и захрустеть печенькой, как он отбросил игру в издевки и переключился в режим гурмана. Никакие изыски стола Повелителя не шли в сравнение с неказистыми лакомствами, испеченными ортэс, может быть, потому, что домашнее Машино печенье и не являлось хитромудрым изыском, а подкупало именно своей простотой. Оно просто было вкусным! Даже расплавленный до коричневого цвета сахар на крохотных печенюшках гармонично дополнял вкус белых вкраплений сверху, а сухая корочка — чуть влажное нутро лакомства.

Сейчас дроу полностью понимал своего друга и Повелителя, вот уже несколько суток пребывающего в странно-мечтательном состоянии. Он даже не убил нерадивых слуг, пришедших с вестью о горстке кристаллов-шпионов, найденных в башне пророчицы, из которых лишь половина оказалась собственностью самого Повелителя и его службы охраны. Впрочем, подкинуть кристаллы в запасы травы, которую курила старуха, было интересной идеей. И нашли-то их лишь после того, как сумасшедшая бабка, задолбанная требованиями уточнить пророчество, почти скурила один кристалл, едва не подорвав себя вместе с башней. Правда, новых откровений все одно не выдала: ортэс скверно вписывались в рамки пророчеств, они вообще выпадали из реальности, потому что меняли ее одним своим фактом существования и ничтожными с виду действиями. Это как камушек, безвредный на равнине, но способный в горах спровоцировать мощнейшую лавину. Хотя камушек-ортэс способен был вызвать лавину и на равнине, если именно там она требовалась. Дроу, как старушку-пророчицу к ее травкам, тянуло к ощущению высшей правильности бытия, создаваемому ортэс одним фактом своего существования. Правильности и парадоксального уюта.

Что Повелитель! Зэр и сам сейчас сидел рядом с фанатиком Фалькором за одним столом и пил, даже не попытавшись подбросить в его кружку крупицу-другую верного яда. Почему? Нет, никаких благородных мыслей о перемирии, лишь одна — его причастность к гибели белого рыцаря будет очевидна, и более на порог в этот теплый дом дроу не пустят. А потому Зэр улыбнулся рыцарю, чтобы хоть так

испортить аппетит противнику. Но тот лишь закинул в рот горсть печенек и, хрустя ими, блаженно прижмурился. Ну да, у этих светлых фанатиков, идущих путем аскезы, в ходу другая крайность: если у черных пресыщение всем и вся, то у них явный недостаток. Потому Фалькору сейчас вообще было плевать на дроу. Ему было слишком вкусно для нервотрепки!

Маша с умилением глянула на смакующего печеньки рыцаря и часть отсыпала с большого блюда в пакет, который передала Зэру. А то ведь и Черному Властелину печенья не достанется, при таком-то аппетите гостей. Хорошо еще творог про запас куплен, и напечь новую порцию печенюшек не велик труд.

— Солнечная Дева, яства твои — отрада для неба. Скажи, помимо боя мечного, как могу помочь я тебе с выращиванием того дивного овоща, картошкой именуемого? — уважительно обратился к хозяйке насытившийся рыцарь.

— Спасибо большое, Фалькор, — поблагодарила Маша. — Но картошка посажена и растет у меня на даче, там сейчас дедушка живет, за огородом ухаживает. И как представить тебя, чтобы дедушку не волновать странными историями, я не знаю.

— Экая печаль? — удивился дроу. — Нацепи на него амулет невидимости, и пусть помогает. Только есть у меня сомнения, что доблестный рыцарь к мирному сельскому труду в нужной степени приучен. Боюсь, вместо помощи вреда ты от благородных светлых порывов не оберешься. Уж сколько примеров в истории множества миров, не сосчитать...

— Будто ты во всем помочь ей способен! — буркнул, обидевшись, как ребенок, белый рыцарь, но рьяно отстаивать свои высокие навыки в мирном труде не ринулся, чем косвенно подтвердил правоту дроу.

Тот лениво ухмыльнулся и качнул головой:

— В этом и пытаться не стану. Сам. Нанять мастеров — пожалуйста, но в совершенстве я владею лишь инструментами, несущими смерть. Прости, ортэс.

— Не за что. Вырастить картошку — работа несложная, только времени требует. С сессией закончу и к дедушке на помощь поеду. Я люблю на свежем воздухе возиться.

— Ортэс, верно ли ты расставляешь приоритеты? — выгнул бровь дроу.

Есть «работа» и «работа», — пожав плечами, констатировала Мария с легкой улыбкой, интонацией показывая, что не различает по степени важности ни одну из своих обязанностей, будь это миссия вне родного мира или возня на даче. Сазонова ко всему привыкла относиться добросовестно. И как знать, может, потому ржавый ключ и выбрал ее в качестве своего нового вместилища? Иной раз не нужны великая фантазия и суперспособности, достаточно лишь способности добросовестно делать свое дело, каким бы странным оно ни было.

— Я тоже мог бы поучить тебя бою, — проронил Зэр. — Но только в том случае, если ты, ортэс, достигла сколько-нибудь существенного уровня.

— Вряд ли, — откровенно призналась девушка. — Я и меч-то взяла в руки полтора месяца назад. В нашем мире холодное оружие — история и развлечение. Меня учат видения-тренировки по ночам, но...

— Надо смотреть. Есть здесь поблизости место, где можно обнажить клинки? — подхватил нить разговора Фалькор, на удивление, не затевая свары.

— Я в парке разминку делаю, на полянке. Она за кустами, туда почти никто не ходит. Даже когда демон приходил, его не заметили.

— Довод, — признал укромность места дроу, выдавший через смотровое заклинание Повелителя немаленького приятеля Марии.

Глава 18

СПЯЩИЕ ХОЛМЫ

Потому после перекуса все трое двинулись в парк, воспользовавшись для страховки тем самым разрекламированным дроу артефактом незаметности. Упрямиться не стал и Фалькор. Рыцарю не хотелось навлекать на деву проблемы и наносить урон ее чести и репутации.

На полянке, окруженной густыми зарослями, и впрямь оказалось удобно. Невысокая трава, относительно ровная, но в то же время не идеально утрамбованная земля, как раз такая, чтобы не привыкать к гладкой безопасности пола. Мужчины все осмотрели и одобрили. После чего предложили Маше продемонстрировать свой клинок. Когда собирались в парк, девушка уходила с пустыми руками, объяснив своим спутникам, что ее меч всегда при ней и его можно достать в любой момент.

Маша нахмурила брови и протянула руку, чуть отведя ее в сторону, чтобы случайно не стукнуть мечом саму себя. Красно-золотой клинок из неизвестного металла (если он вообще являлся металлом, а не овеществленной концентрацией силы ортэс) трансформировался из браслета, привычной тяжестью возникая в правой руке.

Мужчины осмотрели Машино оружие внимательно и одобрительно. По всей видимости, хоть Сазонова ничего не понимала в мечах, конкретно ее клинок являлся для пользовательницы оптимальным по длине, ширине, весу и прочим неведомым девушке характеристикам.

— Кто ковал? — заинтересованно уточнил дроу. — Не пойму, чья работа. Эльфы бы изящнее сделали, гномы грубее, для людей слишком сложный сплав...

— Я не знаю. Он просто появился, когда понадобился, — честно призналась девушка и уточнила, мысленно сверившись с чувством «меча-ключа»: — И передать я его никому другому не смогу, зато и забрать его у меня невозможно.

— Полезное свойство, — согласился дроу и извлек из ножен одну из своих чуть изогнутых сабель. — Мои клинки чужак взять сможет,

если дури достанет, но без данного дозволения рук лишится.

Пока Зэр демонстрировал свое оружие убийства, парное к которому оставил в ножнах, Фалькор тоже обнажил клинок, чуть поблескивающий светлыми и голубыми искорками. То ли хотел похвалиться, то ли чувствовал себя неуютно, когда у идеологического противника в руках имелось готовое к действию оружие, а у него нет.

Выяснить мотивы помыслов и поступков двух своих гостей Девица Сазонова не успела, потому что на поляне без всяких пентаграмм, свечей и заунывных призывов с кровью девственниц возник третий. Большой, рогатый, сердитый.

Материализовался аккуратно за спинами Зэра и Фалькора. Демоны — такие демоны! Чего ради он должен играть в благородство? Кожистые лапы метнулись, чтобы сгрести разом обе башки и раздавить их как гнилые орехи.

Маша успела лишь выкрикнуть:

— Нет, это мои гости!

По-видимому, демон успел отреагировать на окрик девушки, распознав в нем просьбу-предостережение, и начавшееся смертоносное движение не прекратилось вовсе, но существенно замедлилось и смягчилось.

Головы светлого и темного воинов, вместо того чтобы разлететься под ударом черепками старого горшка, стукнулись с характерным звуком. И обе жертвы демонической атаки рухнули на травку, впрочем, не выпустив из рук оружия, и даже умудрились не порезаться при этом сами и не порезать никого иного. Или в этом была лишь заслуга особенного оружия обоих воинов?

Хотел ли что-нибудь сказать Марии демон в свое оправдание или предложить добить полуэльфа и дроу, студентка узнать не успела. Требовательно засиял ключ в груди, оформляясь во врата, и Маша сделала единственное, что ей оставалось. Упала на колени рядом с Фалькором и Зэром и коснулась их руками, вовлекая вместе с собой во врата-портал.

Перенос оказал на парочку странно-реанимирующее или, возможно, мобилизующее действие. Не успело сияние врат-ключа утихнуть, как мужчины уже были на ногах, встали спина к спине и настороженно поводили клинками, будто жалами или сканерами. А вокруг были лишь Маша и вполне себе обычный лес, где

пересвистывались птицы, а в траве валялись фантики, банка из-под напитка и скомканный пакет из-под чипсов. Правда, чипсов под названием «Хрусти в пути», насколько знала Маша, на Земле не производили. Стало быть, их всех перенесло в другой мир.

— Как мы тут очутились, ортэс, и почему у меня так болит голова, будто я квасил с отрядом гномов и умудрился перепить их всех? — с показной беспечностью уточнил Зэр.

— На полянку пришел мой знакомый демон, почему-то решил, что вы для меня опасны. Я почти успела его остановить. Но следом включился портал миссии. Чтобы не оставлять с рогатым, я решила взять вас с собой. Получилось, — отчиталась Маша.

— Испугалась за демона? — понимающе ухмыльнулся ехидный дроу.

— Он себя не контролирует должным образом без моего присутствия, слишком много агрессии ко всему и всем, он же демон, натура такая, — пожала плечами девушка, которой равно не хотелось ни одной из трех жертв.

— А здесь мы зачем? — запутавшись в темных знакомствах Солнечной Девы, потряс головой Фалькор.

Кажется, удар демона не прошел бесследно. Но нет, он не нанес непробиваемой башке светлого воина непоправимого вреда, зато, кажется, еще разок очень крепко перетряхнул ее содержимое, соскребая жесткой мочалкой налет, казавшийся частью разума и чувств. Что-то похожее было с Фалькором после омовения в горном монастыре, но куда как мягче, а сейчас его и впрямь словно демоническими когтями оскребли. Больно, но это была правильная боль. Мировоззрение отважного белого рыцаря снова претерпело существенные изменения. Он глянул на дроу и недоуменно моргнул. Дикое раздражение, мешающееся со злостью, которое вызывал Зэр одним фактом своего существования, приглушенное близостью Марии, куда-то исчезло. Ну дроу, ну черный, и что? Сразу, что ли, в драку бросаться? А зачем в драку?

— Зачем я здесь, пока не знаю, — просто ответила Маша на вопрос рыцаря. — Сейчас осмотрюсь и попробую понять. Я отнюдь не всегда сразу понимаю, что нужно делать, но ключ ведет и понимание приходит.

— Странно. Еще более странно то, что я не могу шагнуть отсюда назад или уйти в иные края. Иной угрозы не чую, — резюмировал Фалькор. Не ощущая опасности, рыцарь вернул меч в ножны. Дроу почти синхронно выполнил то же действие и присовокупил с почти придворным поклоном:

— Аналогично, белый. Видимо, мы стали частью миссии девы, потому и перекрыты пути. В таком случае могу сказать лишь одно: веди нас, ортэс. Ты ведь тоже не в силах вернуться, покуда не исполнен долг?

— Ага, ворота открываются, только когда работа закончена, — согласилась Сазонова с выводами обоих кавалеров поневоле, почесала в затылке привычно затупившимся золотым клинком и двинулась по тропинке влево.

Если есть тропа, стоит ли ломиться напрямик по кустам? В тех местах, где часто встречаются люди (а на пачке чипсов были нарисованы именно они), точно не стоит. В необитаемых местах можно встретить, а можно и не встретить дикого опасного зверя, в населенных же людьми с гарантией можно вляпаться в нечто, что потом долго придется отскребать от подошв кроссовок. А потом еще и с хлоркой мыть обувь.

И ладно бы слепцом оказался лишь дроу, любитель теней, подземелий и прочих странных мест! Когда девушка попыталась объяснить компании, почему она хочет свернуть с тропы на луг, оказалось, что изумрудные луга с коврами цветов не видны и полуэльфу. Лишь после детального описания шоры с глаз обоих спутников разом спали, но оба столь же синхронно поведали о своем странно-настойчивом нежелании сворачивать с тропы и ступать на луг. Зато, едва Маша взяла Зэра и Фалькора за руки, как отвращающее действие неизвестной природы исчезло. Трое прошли напрямик к холмистому разнотравью. Сейчас Мария все яснее чувствовала притяжение ключа. Ей следовало двигаться вперед, к паре самых больших, не высоких, а именно широких пологих величественных холмов.

Остановившись у самого подножия холмов, к которым троица шла по удивительно ароматному разнотравью, не оскверненному ни единой бумажкой, фантиком или бутылкой, дроу задумчиво хмыкнул:

— Надо ж, Спящие Холмы. И где? В таком мерзком краю...

Фалькор, морщившийся всякий раз, когда его взгляд натыкался на очередную грудку мусора в лесу, вздохнул почти синхронно с темным, соглашаясь целиком и полностью. В кои-то веки — насчет гадостности местности.

Маша повела плечами и недоуменно свела брови. Да, люди умеют плодить мусор и очень не любят наводить за собой порядок. Что есть, то есть. В здешнем лесу вообще было почти чисто, если сравнивать с каменной клоакой, где Сазонова спасала вампира. Но она все еще не понимала главного — сути своей миссии, тогда как ее новые знакомые, кажется, знали о происходящем куда больше.

Потому Мария спросила прямо:

— Почему вы называли холмы спящими? Что в них такое странное?

— Ты не чувствуешь, ортэс? — удивился Зэр тому, что для него являлось едва ли не более очевидным, чем дневной свет.

— Я чувствую, но не понимаю. Мне надо было прийти сюда, но что делать дальше — я пока не знаю. Ты расскажешь, тогда, наверное, пойму, — отчиталась в своих ощущениях и неведении девушка, уже почти привыкшая во всех странных иномирных заданиях находить начало пути на ощупь.

— Под обоими холмами спит зачарованным сном дивный народ, — задумчиво проронил полуэльф то, о чем ему нашептал ветер с лугов.

— А-а-а... — дошло до Сазоновой, внимательно слушавшей на первом курсе лекции по МХК, в том числе и те, которые касались мифологии. — Сиды! Фэйри! Благой и Неблагой Дворы?!

— В точку, ортэс, — энергично согласился Зэр. — Люди разных миров порой именуют их так и эдак.

— Тогда все ясно. Мы должны их разбудить! — улыбнулась девушка, окончательно успокаиваясь. Цель найдена!

— А ничего, что фэйри не любят тех, кто нарушает их сон? — испытующе уточнил дроу.

— Вы постойте здесь или отойдите к лесу, я постараюсь все сделать быстро и вернусь, чтобы взять вас с собой назад, — скорректировала Маша планы, приняв к сведению угрозу.

— Ортэс, ты в своем уме? — почти театрально заломил бровь Зэр.

— Ты сказал, что там может быть опасно, поэтому я пойду одна, — терпеливо пояснила Маша мотивы своих поступков, разведя руками. — Что не так?

— Ты предлагаешь мужчинам прятаться за спиной девушки? — не то изумился, не то оскорбился Фалькор, поддерживая возмущение дроу. — Сие недостойно рыцарей!

— О, понятно, — сообразила Маша, поморщив лоб. — Значит, остаетесь, спасибо. И не волнуйся, Зэр. Если даже сиды разгневаются, я ортэс, они не должны потерять разум от злости.

— Я бы не слишком рассчитывал на самоконтроль фэйри любого из Дворов, — задумчиво проронил дроу. — Оба сорта фэйри не слишком жалуют смертных, и шутки их подчас бывают куда опаснее открытой злости.

— Мне все равно надо их разбудить, — пожала плечами девушка.

— Уже придумала как? Дворы скрыты зачарованным сном и Холмами, просто так туда не заглянешь, — дал справку Зэр.

Фалькор, не сведущий в такого рода делах, лишь молча стоял рядом. Все, что он мог предложить ортэс, — это свой клинок. Встать рядом, прикрыть в бою, но не просветить о загадочных Спящих. Проклятый дроу оказался куда полезнее. Может быть, зря он брезговал знаниями, предпочитая оставаться в неведении, дабы случайно не замараться...

— Я — ключ, — ответила на вопрос серокожего спутника Маша и, пройдя вперед на пару шагов, вонзила проявившийся меч точно меж двух почти сходящихся холмов. Раздался странный звук, будто где-то в глубине разом зазвонили два колокола. Один звучный и звонко-чистый, второй мощный и тягучий, как патока. Два колокола звучали в унисон, и длилось это значительно дольше, чем обычный звук обычного колокола. А когда все стихло, в обоих холмах проявились двери. Высокие, величественные. Одна — светлая, будто свитая из живых цветов и ветвей, вторая — сотворенная из корней, стволов и шипов, сплетенных в вечно меняющемся узоре. Обе двери были закрыты. Ключа, замочной скважины и засова снаружи не прилагалось.

— Чтобы Спящие и Пробужденные вышли, их надо позвать, — ответил на невысказанный вопрос Маши дроу. — И тут перед тобой встает дилемма, ортэс. Кого звать первым? Это вопрос престижа.

Войны Дворов начинались и с меньшего. Или ты должна не только разбудить, но и развязать войну?

— Нет, воевать не надо, — решительно помотала головой Маша.

— Что ты предлагаешь? — подозрительно уточнил Фалькор, подозревая, что у коварного дроу снова есть план.

— Я стучу в темные двери, ты — в светлые, ортэс ждет ровно посередине, — передернул плечами Зэр, который вел себя куда увереннее, чем чувствовал. — Действуем одновременно.

— Пусть так, — согласился рыцарь.

— Так будет правильное всего, Мария? — перевел взгляд темных поблескивающих глаз на девушку дроу.

— Да! Я чувствую, — согласно кивнула та, не убирая меч — символ своей должности.

Мужчины синхронно разошлись к громадным вратам, достали личное оружие и удивительно слаженно, будто не один раз репетировали, постучались рукоятями. Звук, глубокий, гулкий, набирающий силу, в чем-то сходный с недавним звучанием колоколов пол холмами, загулял над равниной, будто под куполом. Всколыхнулись и заходили волнами травы.

Минуло несколько секунд, и ворота синхронно, столь же слаженно, как звонили колокола и стучали в них рыцари, распахнулись. Из Благого Холма вылетел рой разноцветных бабочек и искрящейся пылицы, из Неблагого заструился темно-серый туман, чьи изгибы оказались слишком изящны, чтобы быть естественными. Скорее все действие походило на тщательно срежиссированное.

Но Маша придирается не стала. Потому что все это выглядело эффектно и красиво! В любом кино или театре она бы точно начала аплодировать стоя, здесь же лишь смотрела с искренним восторгом. Мир показывал ей ЧУДО!

Увлечшись созерцанием деталей, Сазонова едва не упустила из виду самое главное — явление пробужденных обеих сторон.

Среди Благих возникла высокая светловолосая женщина, искрящаяся всем телом, как пыльца бабочки, в блистающих одеждах и венце. Двигалась она в сопровождении свиты. Та отставала на полшага, но королева скорее не шла, а танцевала под едва уловимый причудливый наигрыш незримых инструментов. Среди приближенных были и внешне походившие на людей создания, и совершенно от них

отличные, но одинаково грациозно-изящные, даже если являлись обладателями рогов на голове, копыт или рук-ветвей и сверкающие веером ярких красок. На Машу пахнуло жаром полудня, ароматом разнотравья и спелых ягод.

Неблагие выплеснулись с причудливыми серыми туманами, словно соткались полукольцом из полутеней и их изгибов. В центре его шествовал мужчина в черно-серых одеждах, с волосами черными, как ночь, достающими ему до пят, струящимися туманами или волнами. Кажется, волосы этого Владыки сами походили на туман. Они столь же изящно и прихотливо изгибались по воле своего хозяина. Блистающие, как звезды в ночи, глаза взирали на тех, кто осмелился разбудить Двор. И свита его оказалась столь же причудлива и прекрасна, как у Благой Владычицы, но пестрого веера бабочек и искрящихся радуг среди них было не сыскать. Их аромат походил скорее на дорогие цветы из элитного магазина, причем запахи не перебивали друг друга, а сплетались в околдовывающую разум и чувства симфонию.

И те и другие обитатели Холмов были восхитительны, но, как совершенно четко поняла Мария, вспоминая легенды своего мира, они же могли быть истинным ужасом и проклятием. Каждый на свой лад. Впрочем, именно это сейчас и требовалось миру. Ради этого была вызвана ортэс.

Музыка смолкла.

— Пробудившая. — Гипнотические очи Владык скрестились на девушке, попытались зачаровать, но, столкнувшись с невозмутимым любованием ортэс, чуть умили сияние. — Свита, достойная обоих Дворов. — Взгляды скользнули по замершим по правую и левую руку от Маши полуэльфе и дроу. — Правила соблюдены. Мы признаем долг благодарности. Каково твоё желание?

Прохладные голоса Владык — звонкий перезвон текущей волны и темная патока меда — на последнем вопросе прозвучали с удивительно схожими интонациями, ставшими живым искушением и обещанием.

— С пробуждением, Спящие, — улыбнулась Маша, не поддаваясь дурманыщей силе дивных речей так же легко, как не поддавалась чарующим взорам просто потому, что обладала иммунитетом —

свойством должности. Вздохнув, девушка попросила: — Сделайте из людей достойных соседей по миру.

Долю секунду сиды недоумевали — совершеннейший с виду человек не попал ни в одну из ловушек, сотканных из их движений, голосов, взглядов, завораживающей красоты. Человечка не попросила любви, богатства, наслаждений.

— Перед вами ортэс, пробужденные, — тихо проронил дроу из-за плеча девушки.

— Интересно, — переливчато рассмеялась Владычица, получившая ответ на свой вопрос, притушивший пожар уязвленного самолюбия.

— Это может быть весело, — согласился Владыка, постучав изящным пальцем по красным, как сок земляники, губам. — Каковы условия твоей просьбы, ортэс?

— Их не будет, — покачала головой Маша. — Вы держите слово, но любите играть словами и смыслами, потому лишних не будет. Я прошу исполнить мою просьбу не по букве, но по духу. Не ради меня, ради вашего мира.

— Мы принимаем твое условие пробуждения, — синхронно, будто говорило и думало одно создание, а не Владыки двух разных Холмов, постановили собеседники. — А теперь, ортэс, последуй с нами на праздничный пир в твою честь! Любой из нашей свиты будет рад стать твоим спутником!

— Прошу простить, но не могу, нам пора возвращаться, — покачала головой девушка, с искренним восторгом в последний раз окидывая прощальным взглядом восхитительные, каждое на свой лад, создания. Как бы ей ни хотелось забыть про время и поучаствовать в легендарном веселье, но участи сказочного Рин ван Винкля Маша ни себе, ни Фалькору с Зэром не желала. Не было в ее распоряжении века-другого на забавы. Долг и миссии, случающиеся чуть ли не ежедневно, не позволили бы ей прохладиться под Холмами, купаясь в удовольствиях.

Звучно, перекрывая зачаровывающие мелодии Дворов, зазвучала мощным крещендо мелодия ключа, открывающего дверь между мирами. Маша еще успела сцапать Фалькора и Зэра за руки и была утянута прочь, на Землю, на полянку, с которой исчезала недавно. Задержать их не пытались. Кажется, сиды смирились с тем, что один

из пунктов программы развлечений придется пересмотреть. Но глобальная просьба ортэс по воспитанию людей фэйри показалась достаточно забавной, чтобы не гнаться за частностями. Для человечества, привыкшего быть единственным, неповторимым и чувствовать себя хозяином всей земли, наступали нелегкие дни. И ни люди, ни фэйри не догадывались, что путь, открытый для них ортэс, — единственный, по которому еще имело смысл ступать, потому что все иные вели в тупик уничтоженного мира. И если у сидов, пусть погруженных в грезы, еще оставался малый шанс уцелеть, пробудившись от скрежета рвущейся ткани Мироздания, и, прорвавшись сквозь рушащиеся грани, уйти в иные земли, то для местного человечества иных вариантов не существовало.

Глава 19

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

— Уф, — помотал головой полуэльф, приземляясь на травку. — Еще секунда-другая, и я был готов отправиться в их Холмы, позабыв обо всем. Спасибо, Солнечная Дева. Проклятые Древние!

— Какая мощь! — согласно восхитился Зэр. — Пусть только в пределах своих владений, но какова сила!

— Они такие красивые и яркие, такие настоящие, — мечтательно улыбнулась Мария.

— И опасные, — нравоучительно вставил дроу.

— И опасные, конечно, — не стала спорить девушка и снова мечтательно добавила: — Но очень красивые. Я как в живой иллюстрации к старой сказке побывала.

— Недобрая то была сказка, Солнечная Дева, — оказался удивительно солидарен с темным Фалькор.

— Я же не спорю, — пожала плечами Мария и озвучила то, что словами-ключом билось в ее голове: — Но они нужны тому миру, в который вернулись. Именно такие — красивые и недобрые, без проблем человеческой этики и морали. Только такие и смогут справиться. Спасибо вам обоим за помощь.

— Помочь ортэс — презанятный опыт, — усмехнулся Зэр. — Повелителю будет интересен рассказ о твоих приключениях.

— Не понимаю, — прямо и в лоб, тряхнув льняными кудрями, спросил Фалькор. — Разве Черный Властелин не жаждет убить Марию?

— Клянусь тебе, белый, не жаждет, — приложил руку к груди дроу. — Мой Повелитель, какие бы черные, с вашей точки зрения, деяния ни вершил, чтит гармонию миров и не намерен воевать с ортэс.

Дроу замолчал, оставляя недосказанным «он ее просто убьет, если того потребует пророчество, чтобы жить самому, но враждовать или мучить не будет». Однако ни Фалькор, ни Маша этой недосказанности не уловили. Вот только почему-то Зэр совсем этому не порадовался. С каждой секундой, проведенной в обществе ортэс, дроу все больше понимал Дея. Убивать девушку не хотелось. Не только и не столько

потому, что она являлась живым ключом к гармонии вселенной. Просто не хотелось, и точка! Потому как раньше, так и сейчас старый циник все сильнее хотел верить, что самое первое и пошлое толкование пророчества, над которым он хохотал за бокалом грибного вина, является единственно верным. Такая, как Мария, подошла бы Дею, смогла бы растопить вечный холод его души и вернуть радость сердцу.

Перекинув косу на спину, Зэр объявил:

— Кажется, мы собирались проверить, чего ты стоишь с мечом, Мария!

— Дешево, — трезво признала девушка, в ответ на обнажившуюся в приглашении саблю дроу вызывая свой меч-ключ.

Фалькор, к его чести, теперь даже не дернулся, уже понимал — в данный момент присутствие дроу девушке ничем не угрожает. Хотел бы убить — уже много раз мог, пусть потом ему и пришлось бы скрестить клинки с белым рыцарем. А значит, как ни неприятно это признавать, Зэр в своей издевке насчет пророчества мог быть прав. Его братья по оружию ошиблись. Черный Властелин не собирался убивать Солнечную Деву. И пусть рыцарь досадовал на своих, но это не мешало ему вздохнуть с облегчением. Мария в безопасности. Нет, конечно, лишь в относительной, поскольку с ее рискованными миссиями опасность — неизменная спутница девушки, но по крайней мере черные не станут устраивать на нее охоту.

Между тем черный играючи одолел Машу в секундной пародии на поединок и констатировал:

— Дешево — это не то слово, ортэс. Защищай ты свою жизнь с мечом в руке от сколько-нибудь умелого воина, я не дал бы за нее и дырявого медяка.

— Для девушки, взявшей оружие считанные дни назад... — начал оправдывать рыжую Фалькор.

Но Маша ему спокойно возразила:

— Зэр прав. Я почти ничего не умею. Меч в моих руках лишь часть ключа, а не оружие. Я учусь. Но времени прошло очень мало... Если будут учить не только во сне, но и в реальной жизни, может быть, станет лучше.

— Рука у тебя твердая, глазомер и скорость реакции неплохи, — поразмыслив, заключил дроу, частично признавая разумность доводов

белого. Если убивать клинками на протяжении тысячелетий и веками водить в бой сотни тысяч, сложно оценить уровень новичка, потому Зэр и был столь резок в изначальном суждении. И, вероятно, еще потому, что не хотел, чтобы ортэс питала какие-то иллюзии насчет своих скудных навыков. Самоуверенность стоила жизни многим противникам Зэра. А Марию не хотелось записывать в свиток личного кладбищенского счета. Ей совсем не худо было бы обзавестись телохранителями, но, прежде чем озвучивать подобное предложение, дроу решил посоветоваться с другом. Дей мог среагировать нервно.

Маша выслушала похвалу столь же спокойно, как до этого порицание. И, пожав плечами, привычно взлохматила волосы. С головы слетел запутавшийся в прядях желтый листик. Спланировал к кроссовкам девушки и попытался затеряться в короткой челке зеленой травы. Не успел. Дроу метнулся с быстротой молнии и прищипил кончик уворачивающегося листика к земле.

Раздался страдальческий стон, и на траве материализовался некто в красно-желтых одеяниях, с волосами, переливающимися всеми оттенками осенних листьев — от бледной желтизны до яркого багрянца. Тонкокостный, изящно сложенный мужчина с янтарными раскосыми глазами. Ладонь его была приколота мечом Зэра к земле.

— Шпион! — рыкнул Фалькор.

— Как вы могли помыслить о таком, добрые сэры? — заскулил-запричитал странный тип.

— А я его знаю, — неожиданно заулыбался Фалькор. — Это же Фэб Кнутовище, осенний мальчик! Песенка-считалка про последние листья!

Приглядевшись, Маша и впрямь различила на пестрых и ярких одеяниях странного мужчины орнамент из листьев. Или нет, его одежда и в самом деле состояла из причудливо склеенных между собой прочных пестрых листьев.

— Ах вот как, слышал, — недобро усмехнулся Зэр и взмахом второго клинка снял с пояса фэйри свернутый тонкий кнут, откинув предмет далеко в траву. А ведь Маша могла бы поклясться, что не видела его до того мига, как дроу начал действовать.

— Дернешься или попытаешься использовать чары, проткну вторую руку. Не уgomонишься, снесу голову, — дал развернутое

предупреждение дроу. — И не играй словами, фэйри. Добрых сэров тут нет, дураков тоже.

— О дивная дева, позволишь ли ты изувечить несчастного во имя неумной кровожадности дроу? — зашел с другого конца «осенний мальчик». Глаза его цвета чистого янтаря уставились на девушку, по ободку радужки закружились, затанцевали в золотом вихре листья.

— Во имя не позволю, но загипнотизировать себя не дам. Лучше объясни нам, зачем ты здесь, — нахмурилась девушка, недовольная попыткой фэйри применить магию.

— Я предупреждал, — сухо констатировал Зэр, и вторую ладонь фэйри пришил к земле кончик второй сабли дроу.

— Может, сразу убьем? — «великодушно» предложил Фалькор, так же, как и его темный коллега, признававший несомненную опасность фэйри, но не признававший пыток врагов. Попытка зачаровать Солнечную Деву откровенно взбесила белого рыцаря. А то, что он, наблюдавший танец осенних листьев в очах Древнего лишь краем глаза, едва не поддался его очарованию, несколько напугало, поколебав веру в собственную неуязвимость.

— Кто тебя послал? — возобновил допрос дроу, одобрительно кивнув в ответ на предложение белого рыцаря.

— Никто не отдавал мне приказа, добрые сэры, — снова заскулил фэйри, скорчив самую жалобную из физиономий.

— Заканчивай притворяться, Древний. Здесь нет тех, кто будет играть в твои игры по твоим правилам, — потребовал Зэр. — Отвечай на вопрос ортэс! Зачем ты последовал за нами?

— Любопытство, — перестав корчить из себя страдающего мученика, улыбнулся фэйри легкой, прекрасной, как сон соблазна, улыбкой. — Устал от грез под Холмами, захотелось новых впечатлений.

Фэб Кнутовище по-прежнему был пришпилен обеими ладонями к земле, но, казалось, это не доставляло ему ни боли, ни неудобств. На травке фэйри возлежал, как на роскошном пышном ложе, а вокруг стояли не враги, а покорные слуги.

— К какому Двору ты принадлежишь? — продолжил допрос Зэр.

— Благому и светлому, дроу, — снова улыбнулся Фэб.

— Цвет одежд и маска лица, фэйри, не меняют вашей сути. Я не устыдился, — хмыкнул собеседник. — Какой приказ отдала тебе

Владычица?

— Никакого, дроу. Мне лишь позволили... — Красавец сделал многозначительную паузу. — Утолить свое любопытство. Приказ не изрекали, Двор не причастен к моему желанию поразвлечься.

— Удобно, — согласился серокожий воин и обратился к Марии: — Твое слово, ортэс?

— Отпусти его, пусть уходит. Они такие, какие есть, ничего не изменишь, — пожала плечами девушка, любуясь Фэбом как опасной пестрой змейкой за прозрачными стенками террариума в зооэкзотариуме. — Там они нужны.

— Я отпускаю тебя, уходи и не возвращайся, если не желаешь познакомиться с холодным железом в груди, — велел Зэр, возвращая оружие в ножны. Раны на ладонях фэйри зажили едва ли не раньше, чем клинки были извлечены из его волшебной плоти. Не осталось ни красноты, ни белых полосок шрамов. Лишь гладкая золотистая кожа.

Фалькор только завистливо присвистнул при виде такой сумасшедшей регенерации. Его травмы, даже врачуемые лучшими целителями Братства, заживали подольше. Тем паче от магического оружия.

Освобожденный фэйри, все еще пытавшийся разыгрывать оскорбленную невинность, поднялся на ноги, одарил Машу печальным взглядом не то отвергнутого возлюбленного, не то побитого тапком щеночка. Театральный взмах руки в ярких одеждах стал следующим актом представления, задуманным как прощальный. Но ничего не случилось. Фэйри чуть заметно нахмурился и снова взмахнул рукой. И снова ничего не случилось, кроме красивого жеста.

— Проблемы? — заботливо уточнила девушка, тогда как оба рыцаря уже искали рукояти клинков, чтобы поторопить замешкавшегося притворщика. Доносчиков и шпионов не любили ни дроу, ни полуэльф.

— Врата закрыты, — пожаловался Фэб, хлопнув невероятно длинными и загнутыми, как в рекламе туши, ресницами.

— Конечно, — согласилась Маша. — Мы же уже все сделали и вернулись.

— Он про свои врата, ортэс, — намекнул криво ухмыляющийся дроу.

— А они должны открываться? — наивно уточнила девушка.

— Должны? Не ведаю, но, похоже, не открываются, а он рассчитывал получить все немедля, — иронично прокомментировал черный воин.

— Ой, — тихо вздохнула девушка. — И что делать?

— Ему пробовать, а тебе вернуться домой, мы проводим, — уверенно заключил Зэр и предложил даме руку. — Зачем мешать Древнему?

Непривычная к такого рода поведению мужчин Сазонова некоторое время озадаченно изучала серую ладонь, а потом-таки сообразила и приняла ее. Мешать странному яркому созданию ей вовсе не хотелось, зато предложение уйти, то есть держаться от фэйри подальше, Мария восприняла с благодарностью. Все эти то стоны, то взгляды, то игры словами и смыслами, всех тонкостей которых простая девушка понять никак не могла, ввергали ее в некомфортное состояние озадаченности, близкое к предэкзаменационному. И, кажется, Фалькор был с ней солидарен.

Но не успели трое ступить и пяти шагов от все более отчаянно машущего уже обеими руками фэйри, как тот совсем с нетеатральным стоном рухнул на траву и скрючился в позе эмбриона. Яркие пряди волос мужчины и цвет одежд тускнели с неимоверной быстротой.

Маша вырвала руку и подбежала к Фэбу. Присела рядом и уточнила:

— Ты как?

Янтарные глаза уставились на девушку с непониманием, отчаянием и тихой оторопью. Губы, бескровные еще миг назад, снова наливались цветом спелой рябины, а фэйри шептал отчаянно и неверяще:

— Нет, нет, невозможно... Проклятая человечка! Ненавижу!

А дроу склонил голову, с каким-то особым прищуром изучил Фэба и заржал совершенно неизысканным образом, как жеребец. А отсмеявшись, пояснил между всхлипами смеха обалдевшему от такого веселья Черного Косца полуэльфу:

— В мире Марии нет фэйри, ни единого. Ни спящего, ни бодрствующего. Дверь в его мир захлопнулась, оставив Древнего лишь с привязкой-пропуском на ортэс, за которую наш хитрож... мудрый гуляка уцепился для перемещения.

— Ты хочешь сказать?.. — широко распахнул глаза белый рыцарь и, уловив кивок дроу, тоже заржал.

Маша посмотрела на искренне веселящихся мужчин и попросила:

— Объясните, пожалуйста, и мне, что происходит. И почему фэйри так испугался.

— Он не может вернуться в родные края, Солнечная Дева, и не может уйти бродить в иные миры, даже в этом мире он не свободен, потому что здесь нет иных фэйри, — коротко отбарабанил Фалькор.

— Древние с их Холмами... Они в чем-то похожи на пчел или муравьев, ортэс. В одиночку они не могут жить, они связаны нерасторжимыми узами со своим Владыкой. Но нить у нашего приятеля исчезла, когда он вздумал поиграть в шпиона. И при перемещении в иной мир возникла новая связь. Связь с тобой-курьером. Только эта ниточка и поддерживает его вечное бытие, — пояснил Зэр, дополняя мысль белого.

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — косвенно подтверждая версию дроу, шептал между тем осенний фэйри, усевшись прямо на траве, поджав колени к груди и методично раскачиваясь.

— Попался, Древний, — с усмешкой подытожил Зэр.

— Я не желаю быть рабом человечки! Лучше убейте! — прорычал фэйри. Янтарные глаза его полыхнули неприкрытой ненавистью, которая была куда естественнее томных взоров и жалобных стенаний.

— Убить? С чего бы я должен оказывать тебе такую милость? Я тебя сейчас еще больше огорчу, сид, вряд ли ортэс горела желанием приобрести такого вздорного раба, — фыркнул дроу и поинтересовался мнением Маши: — Или нет?

— Какое рабство? Это гнусно! Но я даже не знаю, что с ним делать, чем кормить, где поселить, — растерялась девушка.

— А зачем его кормить? Пусть голодает. Может, хамить отучится, — насупился Фалькор, приревновав вздорного фэйри к жареной картошке и печенькам. Последними и так пришлось делиться с дроу и, страшно сказать, самим Черным Властелином. Если еще и Древнего кормить, вообще никому ничего не достанется!

— Не надо так жестоко шутить, он же живой, пусть и вредный, — вздохнула девушка, никогда не баловавшаяся, отрывая крылышки или ножки даже самым кусачим насекомым. — Может, есть способ вернуть его домой? Тогда связь с его народом восстановится...

Глава 20

ГОСТЬ ПОНЕВОЛЕ

— Ты умеешь открывать дверь по желанию? — уточнил Зэр.

Маша помотала головой.

— Вот видишь. Нам же без проводника закрыт путь в такие миры, балансирующие на грани то ли катастроф, то ли изменений. Законы Мироздания нарушать категорически не рекомендуется, — наставительно резюмировал дроу. — Они для всех писаны, и не кровью, а сутью душ, и чреватые крушением структур.

— Как же быть? — Выслушав такое очень умное предостережение, Маша с равной надеждой взгляделась в лица рыцарей.

— Ну... мы можем его убить здесь и сейчас, — равнодушно пожал плечами дроу, вызвав речами легкую тень сожаления у Фалькора, все еще помнившего детские считалочки. — Или, если тебе это столь претит, ортэс, вам обоим придется подтвердить ритуал службы фэйри и вместе ждать, когда откроются ворота в подходящий мир, откуда Древний сможет уйти к своему Двору. Если, конечно, он не предпочтет украсить алым платом зелень трав.

Кажется, последнее предложение было цитатой, но совершенно неизвестной Маше, пусть и внимательно изучавшей все положенные программой произведения, но почти никогда не читавшей стихов ради удовольствия. Проза ей нравилась больше. А может, да и скорее всего, дроу цитировал что-то из классики, принадлежащей перу гения иного мира.

Скорбеть и поносить человечество в целом и Машу в частности Фэб перестал, едва заговорил дроу. Он прислушивался к каждому слову крайне внимательно, взвешивая на весах чести собственные желания. Идти в услужение к человечке он не хотел, но возможность вернуться к родным Холмам значила для Древнего слишком многое.

Потому он повернул лицо к Марии и проронил:

— Я дам малую клятву служения, но постели с ней не разделю.

Маша от такого хамского отказа поперхнулась воздухом и выпалила:

— Двоим нам точно тесно будет, я тебе на диване в гостиной постелю. А еще лучше, если ты снова листиком будешь. Кормить не надо и места не занимаешь. А как подходящий мир найдем, там и уйдешь...

— Я не смогу в ином обличье пребывать непрерывно, — нехотя признался в слабости фэйри, попутно уязвленный до глубины души тем, что смертная не огорчилась тем, как жестоко была им отвергнута. И какая смертная... неказистая рыжая простушка! А ведь от любви к нему некогда умирали принцессы!

Маша, не ведающая о страданиях оскорбленного самолюбия Фэба, миролюбиво предложила:

— Значит, будешь листиком сколько можно, чтобы себе не навредить.

— Клянись, Древний, хранить тело, силу и душу девы, и чтоб без уловок, а то не признаем клятвы свершившейся. И поторопись! Нам пора уходить, останешься без свидетелей, — подтолкнул фэйри Зэр. — Девушка ваших обычаев не ведает, скрепить узы не сможет, связи не будет, боль вернется. Иль желаешь развеяться искрами по миру?

Фалькор нехотя кивнул, подтверждая необходимость своего ухода. Да, за эти часы случилось столько всего, что ему следовало вернуться и доложить о странностях пророчества и прочем. А уж потом можно будет снова прибыть к Марии, чтобы начать ее обучение искусству обращения с клинком. И его, наверное, снова чем-нибудь вкусным угостят!

Фэйри встал, приблизился к ортэс и решительно сцапал ее ладони, намеренно чуть ли не до крови вцепился в девичью кожу острыми ногтями.

— Ветром, водой, огнем и землей клянусь хранить здоровье телесное и душевное девы сей, покуда не придет мне срок вернуться домой. Клятва моя до тех пор нерушима будет, покуда живо стремление ортэс свои силы приложить к моему возвращению. — Мелодичный голос фэйри прозвучал неожиданно сурово.

Закончив речь, Фэб наклонился и почти укусил Машу в губы. Сазонова отшатнулась, изумленно распахнув глаза. А фэйри между тем поднес ее левое расцарапанное запястье к губам, слизнул выступившую кровь и замер статуей.

— Слово дано, — подтвердил Фалькор.

— Клятва принесена, — кивнул дроу и с легким смешком пояснил: — Ортэс, фэйри скрепляют клятвы кровью и поцелуем. Только такие для Древних надежнее оков.

— Поняла, просто странно очень, — серьезно кивнула Маша.

— Ты не человек, — между тем отмер и промолвил пораженный Фэб, машинально облизывая яркие губы острым язычком.

— Человек, но я ортэс, потому такая кровь, — уже сообразив, что именно ввергло фэйри в шок, пояснила Маша, вспоминая вампира и его слова про облачный вкус.

Фэйри заторможенно кивнул и простер руку к траве. Отброшенный Зэром кнут ручной змейкой скользнул в руку хозяина и оттуда на пояс. Остался висеть, свернутый в кольцо, но без видимого крепления. Словно был разумным и сам решил повисеть именно там.

Зэр улыбнулся:

— Не прощаюсь, ортэс, но мой Повелитель ждет доклад. И, может быть, даже не убьет меня сразу, когда услышит о белых и рыжих пронырах. Впрочем, печеньки должны помочь.

Шутил ли черный рыцарь или говорил серьезно, выяснить Маша не успела. Он просто шагнул с полянки и затерялся в сгустившихся между кустов тенях.

Следом за ним, недовольный обзывалкой про «белого проныру», ушел Фалькор, напоследок цветисто поблагодарив за яства и понадеявшись на новую встречу и то, что он сможет быть достойным наставником по оружию для уникальной Солнечной Девы.

Маша, выбитая из колеи чередой гостей и заданием, вздохнула и покосилась на яркого фэйри. Тот в свою очередь задумчиво, будто увидел впервые, изучал девушку. Потом проронил:

— На поляне демонический полог отвода глаз.

— Да, наверное, знакомый поставил, — рассеянно согласилась ортэс, пообещав себе поблагодарить демона за создание уединенного местечка, и уточнила: — Чем ты питаешься?

— Жидким солнечным светом, кровью, чистым ягодным соком, звучанием гармоний, — пожал плечами Фэб с легким недоумением, будто все сказанное им было само собой разумеющимся и не ведать подобного невозможно.

— Ох, — только и смогла сказать Маша, пытаясь сообразить, чем из представленного списка она сможет обеспечить нового знакомого.

Солнца в мире вдоволь, лето на пороге, но годится ли ему земное светило и как свет сделать жидким? До чистых, без всякой химии, ягод с дачного участка еще не меньше пары недель, в магазине же покупать страшновато — неизвестно, чем полили фрукты-ягоды, чтобы они быстрее зрели и красивее выглядели. Отравится еще гость, лечить придется или, что страшнее, и вовсе уже не придется. Кровь ортэс ему не годится вовсе, ловить же кого-то на замену безнравственно. И последнее странное из перечня: где искать звучание гармоний, Маша понятия не имеет. Словом, было от чего пойти кругом голове. И ведь еще экзамены на носу, к ним надо готовиться.

Что оставалось девушке в итоге? Только попросить:

— Превратись, пожалуйста, в листик, мне пора возвращаться домой.

— Не желаешь, чтоб очи иные зрели несказанную красу мою? — самодовольно уточнил Фэб, приосаниваясь и нарочито театрально выставив вперед правую ногу.

Поза была изысканно-картинной до той поры, пока Маша не опустила фэйри с небес на землю.

— Дедушку не хочу волновать. Если нас с тобой увидят, ему всякое передать могут...

— Хм? — Фэйри перестал ломать комедию, приблизился к девушке вплотную и, наклонившись, заглянул в глаза. Кажется, чуть ли не на зуб вынужденную компаньонку попробовал, а потом с задумчивым неудовольствием констатировал:

— Не лжешь. Ты правдива больше, чем сиды. Мы говорим правду словами, но туманим смыслами. Твои же речи истинны на любом слое.

— Не люблю вранья, — согласилась Маша и попросила: — Превращайся, мне надо домой, готовиться к экзаменам. Или, если можешь и хочешь, оставайся здесь, я завтра утром на разминку приду.

Фэб поморщился и, более не тратя времени на препирательства, обернулся листом березы, мягко спланировавшим в волосы девушки и затерявшимся среди прядок. Маша искренне поблагодарила тихим «спасибо!» и сорвалась с места.

Дома была тишина, кучка грязной посуды и конспекты с закладками. Перемыв остатки кружек и тарелок, Сазонова засела за учебники, молча радуясь тому, что фэйри решил пока не принимать обличие человека. Получить тройку из-за иномирных проблем

совершенно не хотелось. Четверки и пятерки в зачетке радовали и саму Машу, и дедушку Федю.

Честных три часа занятий закончились вечером, уже почти поздним. Сазонова вскочила с кровати, где ей удобнее всего было заниматься, обложившись материалами для подготовки, и сделала легкую зарядку, давая чуток нагрузки застоявшимся мышцам.

При последнем энергичном наклоне лист слетел с головы девушки и, картинно спланировав на ковер, обернулся Фэбом.

Брезгливо оглядев спальню девушки и процедив что-то про нищих побирушек, фэйри передернул плечами и пожаловался:

— Мертвые стены из мертвого подобия камня. Здесь невозможно жить.

— Осталось две недели экзаменов, потом три практики, затем я поеду на дачу. Там дом из кирпича и дерева. Вокруг лес, — постаралась утешить бедного пленника собственной глупости Маша. — В гостиной есть уголок с растениями. Может, тебе там будет лучше?

— Сомневаюсь, — буркнул Фэб и отправился на экскурсию по квартире, пока девушка убирала разложенные учебники и разбирала кровать перед сном.

Откуда-то из-за приоткрытой двери раздался сдавленный не то сип, не то хрип. Обеспокоившись тем, что гость нашел нечто не просто неприятное, а смертельное для себя, Маша побежала на звук.

Фэйри совершенной статуей стоял перед мусорным ведром и пялился на отходы, виднеющиеся в лишившейся крышки емкости.

— Что это? — вяло шевельнул языком Древний.

— Мусор и мусорное ведро. И да, ведро мне подарили, и да, мне уже сказали, что оно из мифраиля, — терпеливо объяснила Маша, как и то, что в ее мире этого металла нет, а мусор есть, образуется, зараза такая, постоянно, и его надо где-то хранить, перед тем как выбросить. Не бегать же с каждой бумажкой на помойку!

Отошедший от шока и очень недовольный тем, что позволил человечке увидеть свою очередную слабость, Фэб капризно спросил:

— Чем ты намерена кормить меня, дева?

— Не знаю, — честно ответила Маша. — Из того, что ты назвал, я ничего приготовить не смогу. Можно подыскать замену?

Фэб зло фыркнул и отправился бродить по квартире, словно это не он навязался на ее голову, а его силой вынудили покинуть родные пенаты. А Маша пошла в душ. Не шататься же следом за фэйри! Когда она вышла из ванной комнаты, Древний сидел в гостиной, передвинув кресло к зеленому уголку, и мрачно цедил вино из хрустального бокала, позаимствованного из праздничного набора. Вино оказалось хорошим кагором, привезенным Машей в прошлом году из Анапы и до сих пор стоявшим в баре как память о каникулах.

— Жидкий солнечный свет и ягодный сок, — отсалютовав Девике бокалом, проронил фэйри.

— Просто вино? — испустила вздох облегчения Маша, отыскав ответ-перевод на загадку.

— Лучше слаще и большего срока, — надменно пояснил Фэб.

— В баре есть еще одна бутылка, попробуй потом ее. А что-то другое я смогу купить только через семь дней. Когда перевод от родителей придет. У нас хорошее вино недешево, — пояснила Маша.

— Жалеешь? — прищурился по-кошачьи фэйри.

— Пей на здоровье, тебе нужнее, — пожала плечами девушка и, постелив, как обещала, навязавшемуся гостю на диване, ушла спать. В спину ей донесся полуудивленный-полуоскорбленный фырк Фэба. До Маши так и не дошла его истинная причина, а ведь Древний до последнего всерьез рассчитывал, что его позовут или, что вернее, будут просить разделить ложе. Даже готовился вдоволь поизмываться и отказаться. Обломался. Сазонова говорила и делала именно то и так, как думала, не более, но и не менее.

Глава 21

ОХОТА

Фалькор вернулся в расположение Белого ордена, базировавшегося сейчас в одной из обителей, посвященных светлomu богу-покровителю ратных подвигов с труднопроизносимым именем (адепты звали его просто Рра Лучезарный). Первым делом рыцарь отправился на доклад к старшим товарищам из ордена.

Им он честно поведал о возможной ошибке пророчества, о предназначении Солнечной Девы — миссиях ортэс, о том, что такое уникальное создание в стане Черного Властелина убивать не намерены, и о своем намерении обучать девушку владению мечом.

Рыцаря с вниманием выслушали, особо внимательно в той части, где описывалось прибытие Черного Косца, забрали путевой медальон, настроенный на мир ортэс, и отправили отдыхать. Заодно предписали совершать очистительные ритуалы. Окончательное решение до слуха соратника обещали непременно донести позже.

И все было благопристойно, все было, как обычно, однако что-то не давало Фалькору покоя, скребло где-то на задворках разума, тербило душу. Он даже после вечерней молитвы и обращения к сонму светлых божеств не чувствовал в себе привычного удовлетворения.

Не смог и заснуть на своем жестком ложе в одинокой келье — роскошной по меркам рыцарства именно уединением вместо казармы.

Во дворе было шумновато для вечернего времени. Куда-то, переодевшись в неприметные серые доспехи, собирался отряд Серо. Не друга, но славного приятеля Фалькора, с которым было приятно скрестить клинки на тренировке или посудачить за бокалом подогретого вина.

Рыцарь подошел ближе, собираясь проводить товарища по оружию. Серо был сосредоточен и как-то странно весел. Увидев Фалькора, первым приветствовал его хищным оскалом. Хлопнув по ножнам меча, выдал:

— Хой, друг! Иной раз я люблю поручения храма более, чем ночной сон! Что может быть лучше, чем пролить кровь ведьмы — любовницы Черного?

— Я предпочту честную встречу на поле брани с самим Черным, — честно и прямо ответил рыцарь.

— Ха, ну... каждому свое. — Ответ собрата по оружию не испортил настроения Серо. Скорее тот пришел в еще более доброе расположение духа — дескать, хорошо, что нам по нраву разные забавы, на мою долю больше достанется!

Рыцарь легко вскочил в седло и поднял руку, отдавая команду отряду. При движении серый плащ чуть распахнулся, и Фалькор уловил отблеск путевого медальона с характерной выщерблиной на ободке сверху. Зная, как братья-хранители на складах горазды придирались к любой порче магического имущества, рыцарь всегда пристально разглядывал любые предметы, принимаемые во временное пользование. Недоброе предчувствие, смутной тенью одолевавшее белого рыцаря после беседы с начальством, поднялось в душе и властно забило в тревожный барабан.

— Вперед, братья! Убьем рыжую ведьму! — скомандовал Серо, и тихий, исполненный скрытого злорадного предвкушения голос его прозвучал для Фалькора грохотом гробовой крышки. Той самой, под которой хоронили смутную надежду на ошибку.

Да, не в добрый час последовал белый рыцарь щедрому предложению обитателей горного монастыря. Спал бы сейчас на своем жестком ложе, и никакие сомнения и муки совести не терзали бы его душу. Увы! Сделанного не воротишь. Да и не жалел ни о чем Фалькор. А еще очень надеялся на то, что он сейчас глубоко заблуждается. Так хотелось, чтобы все его подозрения оказались ужасными, нелепыми домыслами.

Белый рыцарь взлохматил пятерней свою льняную гриву и пошел в сортир. Единственное место, где, как он знал точно, услышав как-то от приятеля, не работали никакие следящие чары, вступая в конфликт с очищающими. Прислонившись к стене, Фалькор подул на ноготь своего указательного пальца, где проступила, нет, не черпая метка, а небольшая белая закорючка, нацарапанная при расставании поганцем дроу. Просто так, на всякий случай.

— Зэр, — подышав на палец, ощущая себя при этом и дураком, и предателем всех идеалов одновременно, позвал Фалькор.

— О, мой белый приятель! Кого я слышу! Уже соскучился? — удивился дроу, отражая чей-то удар и смаргивая кровь с разбитого

лица, половину из которого занимал великолепный серо-лиловый синяк.

— Скажи, ты можешь проверить, все ли благополучно с Марией?

— Конкретнее, — потребовал ответа враз отбросивший шутки дроу, и его противник отступил, проявил несвойственное черным великодушие, позволяя партнеру завершить разговор, не отвлекаясь на бой.

— Не могу, — промолвил Фалькор, едва не отключаясь от боли, вызванной тем, насколько близко он подошел к границе нарушения клятв Белого ордена. Один из постулатов его гласил: никогда и ни при каких обстоятельствах не передавать черным ничего, касающегося белых собратьев.

Впрочем, слов более не требовалось, Зэр понял и процедил:

— Вот как. Лицемерные твари...

— Пройди, достойный рыцарь, я даю слово о непричинении вреда телу и душе. — Звучный глубокий голос вступившего в беседу пробрал Фалькора до самого нутра. Но отступить перед кем-либо мужчина не привык. Он упрямо сжал зубы и принял данное слово вместе с протянутой рукой. Обжигающей, как уголь, и ледящей, как снег.

Выглядел надменный и будто сошедший с парадного портрета Зэр весьма потрепанным. И тот, кто его трепал, сейчас отпускал руку Фалькора, вкладывая меч в ножны. Идеалистом Фалькор был, но в дураках не числился отродясь, потому сообразил мигом: тот, кто дал ему слово, и тот, кто разукрасил дроу, и есть тот самый ужасный монстр — собственной персоной Черный Властелин, которым пугали миры в целом и молодых послушников ордена в частности.

И вид «воплощение истинного зла, что темнее беззвездной ночи», после вопроса о безопасности девушки Маши имело весьма встревоженный. Обратив свой взор на Фалькора, Черный Властелин велел:

— Ничего не говори, думай о том, что видел или слышал, думай о своей тревоге.

И Фалькор подумал. Сейчас вовсе не считая себя предателем светлых идеалов. Уже не считая: то, чем собирался заняться Серо, даже если это никоим образом не касалось Солнечной Девы, все равно оставалось гнусью, недостойной белого рыцаря.

И плевать было Фалькору на то, что сейчас Черный Властелин, чья тяжелая длань легла на макушку рыцаря, читает его мысли, разум или еще как-то постигает суть подозрений. Коли Солнечной Деве воистину грозит смерть, плевать на все, если только беду от нее можно отвести. Понимание того, что подобная Марии необходима мирам, возникло у мужчины с первого мига и крепло с каждой минутой, проведенной в обществе ортэс. Деяние же ее — пробуждение Спящих Холмов фэйри — перевело интуитивное понимание в истинную уверенность.

— Мой Повелитель? — уточнил Зэр, когда Дейдриан опустил руку и отступил от рыцаря.

— Лицемерная белая гнусь, — процедил Черный Властелин. — Следует навестить Марию. Может статься, твой приятель прав в своих подозрениях.

— Я проверю, — с готовностью встал по стойке «смирно» носитель роскошного синяка на пол-лица, даже не сподобившись возмутиться производством в приятели белого рыцаря.

— Мы, — почти ревниво поправил воина Черный Властелин.

Его тяжелые руки поднялись и упали почти неподъемным грузом на плечи двоих. Из фехтовального зала, где Черный Властелин выбивал из своего верного главнокомандующего пыль, точно из коврика для ног, все исчезли, чтобы возникнуть рядом с очень хорошо знакомой Фалькору и Зэру тренировочной полянкой. Несколько секунд им хватило, чтобы сориентироваться в происходящем.

Новый день начался у Маши с очередной порции удивления. Она могла бы предположить, что вредный фэйри вылакает всю бутылку кагора или даже выйдет ловить кого-то из соседей, чтобы добрать в рацион свежей крови, но ничего неприятного не случилось.

Фэб обнаружился на кухне сидящим у радио, вечно настроенного на волну классической музыки — единственную, которую признавал в качестве «белого шума» дедушка Федя. Для самой-то Маши ничто милее заурядной тишины или звуков природы не было.

Полузакрыв раскосые янтарные глаза, Фэб почти лежал на мягком диванчике у стола и упоенно слушал. Он словно качался на волнах музыки, и на ярких губах играла задумчивая улыбка. Он даже не сразу

отреагировал на присутствие девушки, а когда очнулся, задумчиво признал:

— Вино в твоём мире скверное, человечка, кровь несъедобна, но созвучия гармоний великолепны. Я смогу жить.

— Хорошо, — облегченно вздохнула Маша, совесть которой тревожила мысль о вынужденной голодовке волшебного человека. Или, скорей уж, не человека. Но все равно тревожила. Пусть вреднющий, но древний и даже вошедший в фольклор других миров. Узнал же его Фалькор по описаниям из легенд. И вообще, морить голодом никого нельзя!

Быстро перекусив йогуртом и яйцом всмятку, Маша помчалась в парк на тренировку. Фэб листиком затерялся в волосах. Остаться и проверять, истает ли он с концами или только всласть помучается до возвращения человечки, фэйри совершенно не хотелось.

На привычной полянке после пробежки девушка занималась с удовольствием, чувствуя, как быстро бежит кровь, как наполняется звенящей силой тело. Она настолько увлеклась, что хрипловатый смешок с отнюдь не дружелюбным комментарием заставил ее замереть на месте и удивленно распахнуть глаза. Какой-то мужчина в сером, стоящий в просвете берез, облизнул узкие губы и объявил: «Я уже знаю, как мы отправим ведьму к Свету, братья! Я первый покажу ей сияние Лучезарного!»

— Чего это только ты, Серо, свет ведьме можно и сразу втроем показывать, — гоготнул человек в точно таком же сером плаще, присоединяясь к первому.

Легчайшим ветерком шепнул прямо в ухо озадаченной Маше фэйри:

— Отступи от деревьев к середине поляны.

Голос Фэба звучал крайне серьезно, без обычной насмешливой издевки, потому девушка повиновалась без лишних слов. А лист слетел с ее головы, буквально на лету обращаясь в яркого фэйри осенних цветов, срывающего с пояса кнут. Тот извивался, словно живой, или же и впрямь был живым. Первый щелчок вызвал густую струю тумана, потом щелчки последовали один за другим, и буквально в несколько секунд меж деревьев, где стояли странные серые мужчины, повисла густая серая пелена, плотная, как зимнее пуховое

одеяло. Из нее долетали только обрывки слов. «Где?.. исчезло... ведьма...»

— Беги, человечка, я не удержу туманной пелены долго. Мир чужой, моих сил не хватит, — шепнул фэйри, слизывая с прокушенной губы кровь.

— Нам же нельзя разделяться! — выпалила Маша.

— Умереть, исполняя клятву, лучше, чем сдохнуть клятвопреступником. Убирайся, пока убийцы не встали на твой след снова, — прищурил янтарные глаза фэйри, продолжая вглядываться в извивы тумана, куда он направил, как меч, кнутовище. Кажется, со свободно свисающего кнута продолжал сочиться серый дымок, подкрепляющий густые клубы среди деревьев. И простым этот туман точно не был, потому что странные типы в серых плащах, желавшие сделать что-то недоброе с Машей, не могли выйти из тумана. Они запутались в его клубы, как в сети, замерли пойманными птицами.

— Я не уйду, — помотала головой девушка.

То, что фэйри выругался в ответ, Маша поняла, но смысла отдельных слов не уловила и уточнила свою позицию:

— Нет, я не убегу, давай думать, как спастись обоим. А эти в сером точно хотели меня убить?

— Вернее некуда, человечка. Я чую в них жажду крови, точно в гончих, пущенных по следу.

— Жалко. Скажи, а в этом тумане мне тоже ничего не будет видно? — уточнила Маша, привычно призывая меч.

— Омой струей из моего кнутовища очи, и ты узришь, — взбодрился фэйри, озвучивая славную версию планов: — Хочешь их убить в туманах?

— Убить не смогу, но оглушить и связать попробую, — практично и трезво, оценивая свои способности по части лишения живота совершенно незнакомых людей, ответила Сазонова.

— Давай, но будь осторожнее, — кивнул Фэб, добавив едва слышно с коварной улыбкой: — Во славу Двора я перережу им горло и выпью напиток жизни вместо тебя, человечка...

Чем был замечателен меч-ключ, так это тем, что сам, по переданной просьбе пользователя, мог регулировать силу и угол удара. Для сколько-нибудь длительного поединка такой метод категорически

не годился, но если использовать меч как инструмент — выходило превосходно.

Маша зажала меч под мышкой, протянула сложенные ковшиком ладошки к кнуту Фэба и умылась туманом. Озадаченно поморгала несколько секунд и расплылась в благодарной улыбке:

— Действует, спасибо! Я вижу!

И, стряхнув с глаз упрямую челку, девушка двинулась в туман, где очень осторожно — слава замечательному ключу — опустила тяжелеющий в нужные секунды меч на головы всех шести головорезов. Если эти люди и нелюди пришли с недобрыми намерениями, то будет правильным их нейтрализовать. Для начала. А уж потом думать, что с ними делать дальше. Сдать в полицию не получится — однозначно. Документов при них никаких, это факт, но как объяснить и доказать стражам порядка, что шестеро странных типов, наряженных в странные одежды, пытались на нее напасть, Мария не представляла. Врать не умела, а правде точно никто не поверит.

Вздохнув, Маша снова взялась за меч и использовала его по тому самому профилю, вызвавшему искреннее недоумение Черного Властелина, — раскроить. На раскрой пошли плащи нападавших. Из них получились замечательные веревки. А уж вязать человечке с удовольствием и явным профессионализмом помогал Фэб. Как только враги были временно нейтрализованы, фэйри перестал творить туман из кнута и двинулся на помощь девушке. Кстати, вовремя: у одного из вырубленных типов оказалась или очень крепкая голова, или слишком быстрая регенерация в комплексе с острыми как бритва зубами. Он умудрился очнуться как раз в тот момент, когда сид творчески упихивал ему в рот кляп из вонючей портянки, и ухитрился даже тяпнуть пленителя. Конечно, тут же огреб от Маши добавки мечом по голове и окончательно ушел в нирвану.

Когда Мария и окровавленный Фэб в четыре руки пеленали шестого типа, не забывая и о кляпах, на поляне объявились новые действующие лица. Первым шагнул Дейдриан, при виде которого фэйри скрипнул острыми зубами и честно предупредил напарницу: «С этим я не справлюсь».

— С этим не надо, это свои, — приветливо улыбнулась Маша Черному Властелину и появившимся вслед за ним Зэру и Фалькору.

Поздоровалась с гостями мира: — Доброе утро! Как хорошо, что вы пришли. А то мы не знаем, что делать с этими и зачем они вообще напали. — И Маша кивком указала на аккуратную кучку из шестерки пребывающих за гранью реальности мужчин.

Улыбка Черного Властелина, извлекающего черный меч из черных ножен, доброй и всепрощающей не была. Он с истинным удовольствием готов был продемонстрировать ортэс, как именно решаются проблемы подобного рода. И даже Фалькор, обреченно прикрывший глаза, не собирался мешать. Но помешал Зэр. Он сказал очень тихо:

— Не надо, Дей, не здесь. Не простит.

И Черный Властелин остановился, глядя в доверчиво распахнутые глаза ортэс, на солнечные веснушки на ее свежем юном личике, на легкую улыбку, заставляющую появляться на щеках очаровательные ямочки.

Промелькнула мысль о душевном покое и уюте, испытанном в обществе ортэс на крохотной кухоньке, о вкусном чае и хрустящих печеньках. Возможно, именно печеньки и стали той самой соломинкой, переломившей спину неизменно-циничной кровожадности Черного Властелина. Он мог и желал убивать ради защиты. Вполне вероятно, его бы поняли не только белый рыцарь и Зэр, поняла бы и Маша. Но пожелала ли бы угостить после этого печеньем и пригласить в гости? Дейдриан усомнился. Потому меч вернулся в ножны, а Черный Властелин заверил девушку:

— Не тревожься, мы разберемся. Я их забираю.

Глава 22

О КРАСОТЕ И ЗДОРОВОМ ПИТАНИИ

Взмах рукой, и связанная кучка пленников пропала с полянки, а Дейдриан перевел тяжелый взгляд на возмущенного таким самоуправством голодного фэйри. Древний рассчитывал на кровь и жизненную силу для подкрепления потраченных сил и исцеления легкой раны.

— В благодарность, сид. — Глубокий голос Черного Властелина и легкий манящий жест заставили фэйри приблизиться. Дей протянул Древнему свое жилистое запястье и предложил: — Пей!

Фэб облизнулся, хищным золотом сверкнули глаза, фэйри впился острыми зубами в предложенное запястье и сделал несколько глотков черной, тягучей силы. От ее избытка засияли, как фары, глаза Древнего, засветилась золотым светом кожа, а одежды и волосы цвета осенних листьев раздул невидимый ветер.

— Ты сейчас такой красивый, как картинка из книжки, — искренне восхитилась своим защитником Маша, едва не подписав ему тем самым смертный приговор. Черного-то Властелина она назвала лишь умным!

— Эй, ортэс, а мы? — спас ситуацию возмущенный оклик серокожего дроу.

— И вы тоже очень красивые, — заверила общество Маша. — Только что у тебя с лицом, Зэр, ты ушибся?

— Ерунда, оплошал на тренировке, — небрежно отмахнулся почти избавившийся от синяка дроу и провокационно уточнил: — И Дей тоже красивый?

— Э... Не знаю. Каноны красоты везде различны, — замешкалась правдивая во вред себе девушка и виновато моргнула, а потом нашлась с ответом и расплылась в довольной улыбке, решительно объявив: — Я вообще целиком и полностью согласна с Асадовым. Если брать такой меркой, то и Дей тоже красивый!

— Сид, мне говорили, ты желал вернуться в свои холмы, — как-то подозрительно поспешно, скрывая странное смущение, перевел тему Черный Властелин Экхарда Дейдриан.

— Желал, но покуда останусь подле человечки! У вас тут весело! — расплылся в острозубой улыбке Фэб, ласково коснувшись кнутовища и вытирая им засохшую кровь с ладони. Оружие словно слизнуло ее с кожи хозяина.

— Странное понятие о веселье, — мрачно хмыкнул Фалькор, мучимый мыслями об участи своих коллег, которая могла оказаться хуже смерти.

— Что ты хотел от Древнего? — ответил вопросом дроу, и сам порой не чуждый такого рода веселья. — Кстати, Мария, а как трактует красоту неизвестный нам лорд Асадов?

— О, — Маша, не особая любительница рифм, принахмурилась, вспоминая выученное еще в школе, и продекламировала.

— Справедливый подход! — согласился Зэр. — Огонь души стократ ценнее внешнего обличья.

— Но цвет его различен, — хмуро вставил Фалькор, не удержав язык в попытке раскрытия очей девы, затуманенных темными посулами. — Есть пламя белое, есть то, что ночи почерней.

Однако ортэс опять удивила. Она энергично кивнула, соглашаясь со словами белого рыцаря:

— Ага, и это тоже красиво!

Маша заулыбалась и тут же, нахмурившись, оповестила компанию на полянке:

— Мне что-то в этих шестерых странным показалось. Они тусклыми, будто присыпанными пылью, выглядели, и не разберешь, какого цвета, все серое с плесневело-зелеными прожилками!

— Я разберусь, ортэс, и скоро! — пообещал Дейдриан и принялся прощаться. Почему-то общество рыжей девушки стало смущать его неизъяснимо. С пророчеством вот уже разобрался, пусть и не до конца. Только того и добился, что клятая токсикоманка-провидица при очередном допросе подтвердила: о смерти речь в пророчестве не шла. Совершенно. Но об этом он собирался поразмыслить как-нибудь позже, много позже, а сейчас требовалось срочно переключиться на что-нибудь более конструктивное, к примеру, пытки попытавшихся убить ортэс идиотов.

Да и переманить не последнего из белых рыцарей на свою сторону — тоже волне себе достойное занятие для Черного Властелина, куда более достойное, чем попытка расплыться в

блаженной улыбке при созерцании совершенно некрасивой рыжей девушки.

Словом, Черный Властелин Дейдриан исчез с полянки в парке, увлекая темной пеленой перемещения Фалькора и Зэра. Сиду напоследок досталась всего одна многозначительная просьба, почти приказ, прозвучавший в сознании:

«Храни ее, фэйри; я буду благодарен».

Ответ Древний не озвучил, но склонился во вполне уважительном поклоне перед единственной величиной, которую признавал, — силой.

— Пошли, человечка, — поторопил притормозившую Машу деловитый перезвон голоса фэйри. — Твой мужчина со всем разберется.

— А... да, пошли, — тряхнула головой девушка и, запнувшись на первом же шаге, нахмурилась: — Мой кто? Ты про кого-то из моих новых приятелей?

— Не важно, человечка, скоро поймешь — такие, как он, никогда не упускают того и тех, кого считают своими.

Значение странных слов фэйри девушка не уяснила. Он вообще почти всегда говорил какими-то загадками, смысл которых оставался туманным до той поры, пока с ними не приходилось столкнуться лоб в лоб. Как с тем вином, которое, оказывается, ягодный сок и жидкий солнечный свет. Может, все дело было в том, что Фэб мыслил совсем иначе, красками и образами с примесью звуков, а вовсе не конкретными понятиями.

Встряхнувшись, Маша вернулась к собственным людским целям и задачам: завершению разминки и подготовке к экзаменам. Никакие иномирные странные дяденьки в серых плащах не должны были помешать студентке сдать сессию на «хорошо» и «отлично»!

Зубрежка и вникание в билеты после отличной физнагрузки (попробуй, постучи по голове шести здоровущим мужикам после обычной зарядки-разминки) продолжались до самого обеда. Перед которым неожиданно обнаружилось полное отсутствие всякого присутствия хлеба к супу. А ведь Маша знала, что у нее оставалась пара булочек. Нет, хлеба жаль не было, удивило скорее его исчезновение. Девушка точно помнила — в списке компонентов, необходимых для жизни фэйри, хлеба не числилось.

Нелепо обращаться к листику в волосах, но что делать-то? Маша неуверенно уточнила:

— Эй, Фэб, ты ел хлеб?

— Жалеешь, человечка? — задиристо фыркнул Древний.

— Нет, — удивилась Маша новому странному предположению. Если уж она не жалела дорогого вина, почему она должна жалеть о паре булочек? — Но если тебе понравился хлеб, куплю побольше, чтобы хватило нам обоим.

— Печенья тоже купи, — капризно потребовал Фэб.

— Какого? — уточнила девушка, прихватывая дежурный рюкзачок и влезая в кроссовки.

— Треугольники, посыпанные сладкими белыми кристаллами, у тебя на блюде в шкафу лежали. — Фэйри был немногословен.

— А-а-а, — заулыбалась Маша. — Тебе тоже понравились? Это не магазинное, я дома сама пекла. Сейчас куплю творога и вечером сделаю пару противней.

— Сама. — Обернувшись мужчиной, фэйри встал совсем близко к девушке, взял ее за руку, принялся, лизнул кожу и задумчиво признал: — Да, сама. У тебя странная сила, человечка. Внутри тебя она как безвкусный туман, снаружи же, сочетаясь с тем, что вокруг, меняет цвет, вкус, запах, обретая свет и звук. Сделай своих печеней побольше, они будут хорошей заменой всем прочим яствам.

— Хорошо, — не стала капризничать Сазонова и подхватила со столика у двери связку ключей.

Фэйри едва успел обернуться листиком, чтобы снова затеряться в волосах напарницы. Его просили, ничем не угрожая явно, но, помня тягучий вкус темной силы того создания, сид был уверен: стоит ему оплошать — и сама память о Фэбе по прозвищу Кнутовище сотрется из легенд.

Из подъезда удалось выйти без приключений, а вот пробежка до круглосуточного магазинчика снова не заладилась. Будь Маша суеверной, пожалуй, могла бы предположить, что над дорогой к простейшей из целей довлеет злой рок миссий и призваний.

Глава 23

СИЛА СЛОВА

Как бы то ни было, но у злополучных ступеней между кустами сирени, избежавших участи быть порубленными мечами Черного Властелина и ортэс, возникло красно-золотое сияние двери-портала. Маша храбро вскинула голову и прыгнула в светящийся прямоугольник. Миссия есть миссия, негоже бегать от работы. Особенно от той, которую можешь сделать лишь ты и перепоручить некому.

Портал закрылся, девушка поежилась от стылого ветра и торопливо залезла в рюкзачок, вытаскивая оттуда тонкую ветровку. Натянула на себя, огляделась. Осень, громадные даже не лужи, озера грязи, низкое серое небо, мерзкая морось дождя, разбитая в хлам грунтовая дорога с редкими голыми деревьями по обочинам и странный мешок, привязанный к ближайшему живому столбу. Или? Нет, приглядевшись повнимательнее, девушка сообразила, что к кряжистому и колючему дереву примотан человек. Пока живой, но подвешенный вверх ногами.

— Какие затейники, — мягко спланировал на дорогу яркий лист, принимающий облик фэйри. Древний с любопытством огляделся, покрутил головой. Он то ли принюхивался, то ли прислушивался. Стоял прямо в глубокой луже, но почему-то не в ней, а на ней, будто был жуком-водомеркой, чьего веса не достанет, чтобы прорвать тонкую пленку натяжения и утонуть. Что лужа, даже морозящий дождь каким-то образом ухитрялся огибать сида, оставляя его сухим и ярким, в пикку тусклой осенней серости мира.

Маша, насупив брови, решительно зашагала к дереву со специфическим «урожаем». На ходу девушка обнажила меч.

— Добьешь? — весело поинтересовался фэйри.

— Нет, сниму, — поправила ортэс.

— А если он преступник? — восхитился Фэб твердости намерения.

— Все равно сниму. Расспрошу. Надо убить — убей, но мучить... — Маша сердито покачала головой и, опомнившись,

уточнила у сида: — Отсюда ты можешь уйти к своим?

— Нет, наших тут нет, — сразу отмел предложение фэйри. — Магии и силы тоже почти нет, все мутно. Нити не протянуть, зеркала зова не создать.

— Жалко, может, в следующий раз, — согласилась девушка и, добравшись до дерева, принялась разрезать веревки, которыми сильно побитая тушка неизвестного тощего брюнета оказалась на совесть примотана к стволу.

Меч не подвел. Хватило нескольких взмахов, чтобы мокрое тело свалилось на руки ортэс и едва слышно застонало, вызывая закономерную реакцию. Бело-золотой свет, доставшийся в дар от плодов эльфийского леса, окутал человека. Нехорошая краснота исчезла с лица, синяки, густо усыпавшие тело вместе с глубокими царапинами от колючего растения, рассосались. Внутри что-то явственно похрустело, срастаясь.

— Пить, — шепнули губы.

Маша достала из рюкзака пластиковую бутылочку с водой и напоила бедолагу.

— Благодарю, спасительница, — утолив жажду, неизвестный открыл исцеленные от пары фингалов бледно-голубые глаза.

— Как тебя угораздило тут оказаться? — уточнила Сазонова, пряча пустую бутылку назад в рюкзачок.

— Меня приговорили к смерти за черное колдовство, смущающее умы и души людские, — глядя на девушку совершенно бесхитростными голубыми глазами, пояснил преступник.

— А ты колдовал и смущал? — восхищенно встрял Фэб. Сколько он ни смотрел на древоповешенного, черной силы, способной делать из смертных марионеток, не находил.

— Я лишь пел им свои песни, — виновато улыбнулся человек. — Песни о любви, дружбе, прощении, о помощи сирым и убогим. Люди слушали и становились лучше, они начинали видеть и помогать. А потом...

— Потом твои чары развеялись, человеки обнаружили, каких глупостей натворили, озлились на тебя, побили и повесили здесь! — догадливо закончил рассказ фэйри.

И, судя по враз поникшим плечам горе-проповедника, не ошибся.

— Они сломали мою лютню, — пожаловался бедолага-менестрель, словно из всей череды неприятностей и бед, постигших его, именно эта, а не висение на дереве вниз головой, оказалась самой трагичной.

— Это поправимо, — довольно заулыбался Фэб Кнутовище и неизвестно откуда вытащил странный предмет, более всего напоминающий маленькую арфу. — Держи!

— О, дивный инструмент, — благоговейно принимая неожиданный подарок, выдохнул человек, робко тронув мелодично зазвучавшие струны. — Моя признательность неизмерима!

— Ты заплатил рассказом о своих подвигах, чароплет! — довольно объявил фэйри.

— Моих п-подвигах? — неуверенно переспросил тот.

В ответ фэйри лишь издал переливчатый смешок.

— Объясни, — попросила Маша, пытаясь ухватить за хвост мельтешащую где-то совсем рядом мысль. — Что ты имеешь в виду?

— Чары голоса этого чудика, — уже открыто рассмеялся Фэб. — Перебаламутившие человека. Занятно!

— То есть он и в самом деле своими песнями заставлял людей поступать так, как пел? — изумилась девушка, знавшая, что настоящая музыка будит в душе светлые чувства, но никогда не рассматривавшая концепцию с магической точки зрения.

— Воистину, — снова переливчато рассмеялся Древний, наслаждаясь комизмом ситуации. — Алчных — делиться, жестоких — жалеть, надменных — пресмыкаться. Ах, какая дивная шутка в нашем духе!

Фэйри снова захохотал. Маша и невольный виновник пробуждения лучших чувств человеческих переглянулись. Первая смотрела задумчиво, второй — виновато-беспомощно. То, что миссия состоит именно в том, чтобы что-то сделать именно с этим бедолагой, ортэс осознавала четко, но что именно, пока сообразить не могла. Убивать его однозначно не стоило, но и, освободив, оставить ради того, чтобы при следующей же встрече с людьми все повторилось и закончилось самым печальным образом, тоже не имело смысла.

— Я не могу не петь, — беспомощно, виновато и светло улыбнулся проповедник-музыкант, словно заранее принимая любую свою участь. — И не могу не петь о том, о чем пою.

— Значит, снова будешь висеть там, — жестко предрек Фэб, кивая на шипастое дерево. Ему все происходящее казалось очень веселым, в отличие от Маши, вовсе не считавшей подвешивание музыкантов удачным методом борьбы даже с очень скверными песнями. Хотя для иных она бы сама ратовала за кляп с дырочкой, через который можно было бы поесть-попить, но не петь.

— Надо что-то делать, так нельзя, — прикусила губу девушка.

— Найми ему охрану, — небрежно посоветовал фэйри.

— У меня нет денег, — снова виновато улыбнулся менестрель, а Маша почесала лоб. Идея с охраной ей понравилась. Но денег у девушки так же, как и у чудика-волшебника, не имелось, тем более местных денег.

— Я могу создать ему теневых спутников, — прикинул Фэб.

— Это как? — заинтересовалась Сазонова.

— В обмен на твои печенья, человечка. Каждый день, покуда я не вернусь в Холмы, — прищурил янтарные глаза сид.

— Хорошо, — просто, без торга согласилась девушка, и так собиравшаяся регулярно печь для фэйри печеньки, если они ему требуются для жизни. — А что сможет охрана?

— Все зависит от приказа, вложенного при ритуале, — повел плечом яркий фэйри осенних цветов и сам же предложил: — К примеру, убивать каждого, кто поднимет руку на певца.

— Нет-нет, так нельзя, — испуганно пролепетал менестрель, замахав руками. — Они же люди...

— Я бы поспорил, — фыркнул сид и внес новое предложение: — Тогда закрывать тебя от клинка и иной кары, унося прочь от угрозы.

— А это мне нравится, — заулыбался чароплет, оценивая магическую перспективу «смазать салом пятки» в критический момент как очень удачный выход.

— Только ты сам перед выступлениями предупреждай слушателей о свойствах песен, — попросила Маша. — Вряд ли поверят сразу, но не будут чувствовать себя обманутыми. Сдерживать то, чем твоя музыка влияет на людей, и дозировать ты, конечно, не умеешь.

— Увы, — виновато и чисто улыбнулся творец странных песен, влияющих на умы и чувства гораздо более привычного. — До встречи с вами я и не подозревал о том, что людей преобразает не сила искусства, а сила магии. Возможно, мне стоило бы вовсе прекратить

выступления, но я не смогу. То, что рвется из груди и срывается с пальцев, касающихся струн, — оно сильнее меня. И даже если рано или поздно приведет меня на такую же дорогу — пусть, значит, такова моя судьба.

— Обожаю менять предначертанное, — расплылся в хищной улыбке фэйри и снял с пояса кнут. Тот, оказавшись в руке Фэба, мгновенно сменил форму, оборачиваясь кинжалом с тонким коротким лезвием. — Мне нужна твоя кровь, человек.

Менестрель тут же вскочил на ноги и доверчиво протянул фэйри руку.

— Поклянись, что более нужного для его защиты не возьмешь и никак иначе не используешь, — движимая инстинктом, потребовала ортэс, положив ладонь на предплечье сиды.

— С тобой скучно, — скривился жестокий проказник и нехотя прошептал слова древней клятвы не чинить вреда, не брать живительной влаги более, чем требует защитная ворожба.

Лезвие кнута-кинжала прошло по рукам фэйри и человека, хлынула кровь, Древний запел. Слов в Машинем понимании в песне не было, лишь переливы звука и интонаций, которые совершенно не способны воспроизвести человеческое горло и, вполне вероятно, не в силах уловить целиком ухо простого смертного.

Звуки лились, менестрель в завороченном восхищении внимал песне-колдовству, Маша наблюдала за происходящим и за дорогой заодно. Это сейчас она пустынна, но в любой момент все может измениться.

Звучала колдовская песня, и из ее звуков, магии фэйри и пролитой крови рождалась живая магия. Красные капли преображались, свиваясь лентами, те в свою очередь принимали странный облик пляшущих кровавых теней, окружающих менестреля. Вроде бы фэйри не обманул, крови у человека взял немного, но ее хватило, чтобы возникло три кровавые тени, лишённые ртов и глаз. Тем не менее Маше показалось, что странные создания внимательно слушают Фэба и изучают певца.

Прошло не более получаса, песнь завершилась, клинок снова стал кнутом, порезы на руках смертного и сиды затянулись сами собой. Три кровавые тени слились в одну... одно и, метнувшись к менестрелю, врезались в него, исчезая.

Человек невольно охнул от неожиданности и потер грудь, словно ему и впрямь ударило магическими охранниками под дых.

— Куда они исчезли? — робко уточнил певец.

— Они заняли место стражей подле тебя, смертный, — снисходительно пояснил фэйри.

А Сазонова только сейчас, приглядевшись внимательнее, увидела, как заострились и так точеные черты лица сиды, обрезались скулы. Какую бы надменную мину Фэб ни строил, но странная ворожба не прошла даром. Он устал и отдал изрядную долю сил.

Но самое главное спутник сделал. Тяга, приведшая Марию на слякотную дорогу, пропала. Девушка ощущала, как возникает иная сила, увлекающая ортэс прочь от мира свершившейся миссии. Открылся портал.

Только не к кустам сирени и ступенькам, а снова в квартиру Сазоновых. И к лучшему! Затухающие восторженные крики благодарного менестреля и его обещание сочинить песнь-легенду о спасителях еще звучали в ушах, а надменный сид уже оседал на пол.

Маша подхватила на руки его легкое тело и, не обращая внимания на иномирную грязь, поволокла Фэба к дивану.

— Печеньки, ортэс! — напомнил девушке сид с надменной полуулыбочкой и, обернувшись листом, затерялся в волосах прежде, чем Маша сделала пару шагов.

— Будут, — твердо пообещала девушка и, коль Фэб стал листиком, снова вышла из квартиры, намереваясь все-таки добраться до магазина, чтобы купить еще и ингредиентов для заказа сиды.

Первая сплетница двора, баба Люба, сидящая на скамейке, долго терла глаза, глядя вслед молодой соседке. Вроде как внучка Сазонова только что выходила из подъезда и обратно не заходила, чего ж она снова выходит-то? Или у старика Федьки две внучки? Не, вроде с утра одна была. Да уж, пора на диспансеризацию в поликлинику! Пускай доктора осмотрят! Вдруг у нее какая жутко опасная болезнь с галлюцинациями приключилась?

Не ведая о страхах мнительной, обожавшей лечиться от всего на свете старушки, Маша сбегала в магазин за хлебом и мягким творогом. Обещания надо исполнять, тем более обещания, данные соратнику в благодарность за помощь. Ну и что, что фэйри помогал не от чистого сердца, а ради забавы? Главное — он помог, защитил талантливого

хорошего человека. Так что печеньки заслужил! Полчасика возни за такую помощь — мелочь. И вообще, творожные печеньки всем нравятся, если снова придут гости, будет чем их угостить!

Печеньки получились красивые, поблескивающие сахарными бочками. На аромат свежей выпечки фэйри отреагировал значительно оперативнее, чем на обычный зов. Слетел листиком с головы человечки, наполнил бокал вином и, придвинув к себе блюдо, с урчанием принялся насыщаться, игнорируя все прочие внешние раздражители.

Маша только улыбнулась, похвалив себя за предусмотрительность — два противня всегда лучше, чем один! Интересно, как там дела у Зэра и Фалькора? О делах Черного Властелина девушка как-то даже не думала. Он все-таки правитель и очень занятой мужчина.

Глава 24

НЕПРИЯТНАЯ ИСТИНА

На самом деле Маша в своих предположениях оказалась недалеко от реальности. Дейдриан действительно был занят. В данный момент Черный Властелин занимался самым естественным для его титула процессом — потрошил мозги белых рыцарей, захваченных в плен странной девушкой ортэс.

Чем глубже Дейдриан вникал, тем больше хмурился. Содержимое черепных коробок пленников ему откровенно не нравилось. И светлые идеалы тут были совершенно ни при чем. Сознание рыцарей оплетала серая паутина, едва заметная даже такому доке в ментальных науках, как Дей. Он ее скорее почувствовал, нежели разглядел.

Покопавшись в разуме пленников, Черный Властелин подозвал ожидающих его рыцарей разного цвета и огласил вердикт:

— Их разум оплетен сетью влияния, подчиняющей мысли и поступки.

— Черная магия? — разом вскинулся Фалькор, готовый разить врага.

— Нейтральная, — дернул уголок рта Дейдриан. — Но цель, ради которой ее применили, — полный контроль над самими помыслами. По сути, это сотворение марионетки.

— Посредством чего идет влияние, мой лорд? — заинтересовался Зэр практической стороной вопроса.

— Магических предметов на них нет ни единого, кроме этих безделушек со слабым отголоском магии, — поморщился Дейдриан, рассуждая вслух. — Сеть такой силы эта мелочь поддерживать не может, если только...

— Если? — повторил уже вопросом Зэр.

— Сеть разума была помещена в них изначально, семя внедрялось при посвящении. Посему медальон, выдавший заклятье, становился обычной безделушкой.

— Не вяжется или и у Фалькора есть такая же сеть, но свой приказ добаться до ортэс и поиграть с ней наш белый рыцарь не получил?

При мысли о том, что он мог обидеть Солнечную Деву, отважный рыцарь содрогнулся в ужасе. Верить словам Черного Властелина категорически не хотелось. Не верить, увы, не позволял здравый смысл.

— У него не сеть, ошметки, почти распавшиеся, влиять на разум и чувства не способны, — приглядевшись к Фалькору, постановил Дейдриан. И вслух задумался: — Неужто так сработала встреча с ортэс один на один?

— Нет, это до нее, — неохотно выдавил из себя рыцарь. — Горный водопад Уррадаррир, монастырь Священный Исток. После омовения в его сверкающих ледяных струях я стал чувствовать себя иначе. Будто исчезла густая пелена, туманящая разум.

— Вода смывает многое, тем паче такая вода, — задумчиво хмыкнул Черный Властелин. — Тебе повезло, белый рыцарь. Удалось сохранить цвет своего плаща.

— Чьи это происки, властитель Дейдриан? — встревоженно уточнил Фалькор, утопая в пучине сомнений. Если бы интригу сплел Черный Властелин, разве же он стал бы говорить о ней? Или мог сказать, чтобы нарочно запутать?

— Послушным стадом легко управлять, а уж если у стада имеются какие-никакие клыки, магический залог послушания опасного инструмента еще более удобен, — пренебрежительно фыркнул Зэр, заговорив прежде своего господина. — Всегда сыщется оправдание такому контролю. Все во имя высшей цели, которая оправдывает любые средства. Огнем и мечом нести свет заблудшим душам! А что ради этого придется кому-то кишки выпустить, так то пустяки. Спасение душ прежде всего! Бей, Творец своих отделит!

Дроу уже не говорил, а с тихой яростью шипел в лицо белого рыцаря. Он словно хлестал наотмашь своими речами, вспоминая о чем-то своем, казалось бы, давно отболевшем. Но стоило ненароком задеть зажившую рану, и боль вернулась.

— Хватит, Зэр, — оборвал выступление друга Дейдриан, сочувственно сжимая его плечо. — Не этот рыцарь плел паутину, он сам угодил в силки и, хвала случаю, смог выбраться.

Друг закусил губу, отступая на шаг от опешившего Фалькора, и резко кивнул.

— Я мало смыслю в магии, мое оружие — меч, — вздохнув, отметил белый рыцарь, вновь возвращаясь к своему вопросу о первопричине зла. — Вы подразумеваете, что медальон превращает моих собратьев в послушных неведомой силе марионеток?

Дейдриан кивнул.

— Но кто дергает за нити? И можно ли освободить моих товарищей?

— Кто? — хмыкнул Черный Властелин, наслаждаясь комизмом ситуации: белый просит его совета! — Вряд ли среди членов вашего Белого ордена скрываются иллитиды. Мозгоеды слишком заметны и не любят пространств вне пещерных глубин. Искать стоит среди ваших высших рыцарей, я бы поставил на сам совет рыцарей. Управлять такой сетью без врожденного дара или могучего артефакта невозможно, значит, у кого-то при себе должен иметься кристалл контроля. Неяркий светлый или прозрачный камень, касающийся тела постоянно, или такой, которого можно коснуться в любой момент.

Загорелое лицо синеглазого рыцаря в один миг сравнялось по цвету с простыней. Он прошептал одними губами:

— Медальоны братьев! У достойнейших из достойных они украшены камнем света — прообразом солнца!

Оценив хитропопие белого начальства — спрятать контур управления на глазах у стада, — зло и громко расхохотался Зэр.

А Фалькор даже не нашел в себе сил возмутиться радости идейного противника. Они, слепцы и наивные глупцы, сами вручили поводья от своего разума тем, кто с готовностью их подхватил. Своих собратьев по ордену белому рыцарю было жаль, но куда большее беспокойство и страх вселяло осознание того, что они все могли учинить и учиняли, будучи подконтрольными чужой и отнюдь не всегда благой (одно нападение на Солнечную Деву чего стоит!) воле. Если добрый приятель Серо с друзьями едва не осквернил себя надругательством над ортэс, то что творили другие, и не творил ли сам Фалькор недостойных деяний, о которых не в силах вспомнить?

Сильнее всего его беспокоил главный вопрос: есть ли способ убрать паутину марионеток? Уговорить все белое братство поголовно искупаться в ледяном водопаде даже идеалист Фалькор полагал нереальным.

Доверять безоговорочно черному, тем паче самому Черному Властелину рыцарь, даром, что ли, являлся белым, конечно, не стал, но принципом «враг моего врага мой друг или хотя бы союзник» решил воспользоваться. Играть втемную, рыцарь был в этом уверен, Черный Властелин точно не станет: слишком он, Фалькор, мелкая сошка для такого расклада. Потому достойный служитель света и вывалил на Черного Властелина Дейдриана свои вопросы.

Идея одним махом обрушить всю систему управления белыми рыцарями показалась Черному Властелину Экхарда чрезвычайно свежей и притягательной. Тем более что под рукой имелись избавленный от контура управления рыцарь — раз и целых шесть подопытных кроликов для эксперимента по снятию воздействия — два. Такие вызовы своей силе и интеллекту мужчина просто обожал. Но согласиться сразу было бы недостойно его властелинского эго, потому он сделал вид, что глубоко задумался, и лишь после томительной паузы, стоившей Фалькору не меньше трети уцелевших нервов и пряди седых волос, вынес вердикт:

— Мне интересно!

Рыцарь непонимающе моргнул, зато превосходно знающий натуру своего друга Зэр ухмыльнулся и перевел:

— Тебе повезло, Дейдриан решил, что проблема стоит возни.

— Пожалуй, стоит, но и тебе, белый, придется поработать. Мне нужны вода из того водопада — кувшина для начала хватит — и медальон с кристаллом.

— Готов спорить, вором тебе еще бывать не доводилось, — подколот Фалькора с широкой ухмылкой дроу.

— Не доводилось, — мрачно согласился тот. — Я не уверен, что смогу.

— Медальон нужен на час-другой, не долее, это не будет кражей, ты лишь позаимствуешь его для исследования, заменишь сонным кристаллом под иллюзией и принесешь, когда я закончу, — сухо расщедрился на подробности Дейдриан. — Если, разумеется, желаешь избавить свой орден от навязанных рабских пут. Будет вода и хоть один кристалл, я изучу сеть контроля и способ избавления.

— А что помешает тебе взять поводья в свои руки, черный? — прищурился Фалькор.

— Не интересует, — отмахнулся Черный Властелин от домыслов рыцаря, как от зудящего комара. — Сторонники приходят ко мне по собственной воле и выбору, рабских стад в мирах и без того избыток. А вы, уж прости... — Дейдриан прищелкнул пальцами, подбирая подходящий оборот. — Подпорченный товар. Так что ты решил, рыцарь?

— Я сделаю! — решительно, как прыгал в тот самый ледяной водопад, объявил о своей готовности Фалькор.

Черный Властелин кивнул, будто и не ожидал иного, а Зэр потянул белого за плечо:

— Пойдем. Открою путь.

Вдвоем они покинули казематы, где остались спеленатые заклятиями белые рыцари и Дейдриан, изучающий замысловатую сеть плетения, опутавшую сознания. Сейчас он скорее напоминал ученого-фанатика, нежели великого злодея. Впрочем, от одного до другого, пожалуй, лишь шаг, и грань так зыбка.

— Куда сначала? Орден и медальон или к водопаду? — справился Зэр, приведя Фалькора в невзрачный серый зал средних размеров с неактивными порталными колоннами.

— К водопаду, — решил рыцарь, справедливо рассудив, что надо начать с той задачи, достижение которой наиболее вероятно. Да и не придмал пока, как успешно осуществить кражу, которая не кража. Он был почти уверен, что тайком провернуть подобное не получится, но главное — заполучить медальон. А там... на все воля Света! Фалькор готов был пожертвовать своим добрым именем и самой жизнью, если это спасет его товарищей по ордену от горькой участи марионеток, не годных даже Черному Властелину.

— Руку к метке на камень приложи и задай цель, — велел Зэр, шлепнув свою серую пятерню на овальное углубление во второй колонне.

Глава 25

УРРАДАРРИР

Рыцарь повторил жест дроу и постарался сосредоточиться. Он как наяву представил далекий горный монастырь с красными крышами высоко в горах, где воздух чист и звонок, а небеса полны пронзительной сини. Там немногословные монахи, проводящие жизнь в нехитрых трудах и медитации, видят глубже и дальше, чем доступно простому взору смертных.

В какой-то миг рыцарю показалось, что он не в зале неизвестной твердыни необъятной империи Черного Властелина, а там, под бескрайним небом, у ледяного шумного водопада, у серо-розовых скал, заботливо, будто руки матери, сжимающих поток в своих ладонях.

Миг-другой, и шум вод, и порыв свежего ветра, донесший до рыцаря мелкую взвесь капель, стали явью. Фалькор оказался на каменной площадке у водопада.

— Впечатляет, — оценил пейзаж дроу, вставший слева от товарища, и тот невольно вздрогнул. Фалькор никак не ожидал, что черный последует за ним.

— Ты? — удивленно выдохнул рыцарь.

— А кто ж тебя назад поведет? — хмыкнул дроу, добровольно взваливший на себя роль курьера экспресс-доставки живого товара. — Ты не подумай, белый, никакой игры в благотворительность. Мне чихать на тебя и твоих собратьев по ордену, хоть сожрите друг друга, как пауки в банке. Меньше светлых, чище мир. Это все ради Дея и ортэс.

— Я понял, — резко согласился Фалькор, по принципам и убеждениям которого суждение черного резануло вернее меча и куда более болезненно. Еще вчера он не поверил бы едким словам дроу ни на медяк. Но нынче видел безумие, пляшущее в глазах Серо, отправляющегося на срочное задание, видел шестерых, поднявших мечи на ортэс, и слышал выводы Дейдриана. Может, Фалькор и был до определенной степени фанатиком Света, но дураком, к собственной

нынешней скорби, не слыл отродясь. Идеализм отнюдь не всегда равен идиотизму.

У горного водопада, завораживающего своей дикой красотой, дул пронизывающий ветерок, чувствительный даже для тех, кто был соответствующе одет. Теплолюбивый Зэр передернул плечами и с легким уважением покосился на белого:

— Так ты тут купался?

Фалькор молча кивнул.

— И ушел на своих двоих, не превратившись в ледышку?

— Водопад только поначалу обжигает холодом, потом внутри разливается жар, заглушающий холод, — пояснил рыцарь и беспомощно огляделся.

Зэр кинул на спутника вопросительный взгляд, дескать, что теперь случилось?

— Пара монахов обычно пребывает в медитации близ водопада. Я хотел попросить разрешения набрать воды и флягу для этого, — ответил Фалькор.

— А-а-а, проси, — невозмутимо согласился с планами друу, чуть дернув в сторону-острым подбородком.

Только четко проследив траекторию, белый рыцарь заметил спокойно сидящих на одной из каменных площадок у водопада бритых наголо монахов в светлых серо-бежевых одеждах — коротких тогах и штанах. Обувь горные братья не носили в принципе, но при этом ухитрялись не ранить ноги. То ли спасала феноменальная сила духа, защищающая хрупкую плоть, то ли набиваемые за годы босоногой жизни жесткие мозоли.

Обрадованно вскинувшись, рыцарь бойко вскарабкался на уступ к монахам. Остановился рядом и стал терпеливо ждать, пока лысые братья закончат или прервут медитацию. Зэр тоже с интересом оглядывал парочку бритых. У первого самой выдающейся чертой внешности были невозможно лопоухие уши, у второго — длинный, крючковатый, впору иному троллю, нос. В остальном же монахи выглядели совершенно заурядно. Человеки как люди.

Когда сомкнутые веки обоих обитателей гор распахнулись, а глаза синхронно и остро впились в лица спутников, Фалькор почтительно заговорил:

— Света, братья! Я прибыл к вам с благодарностью в сердце и просьбой на устах.

— Путеводного света в ночи и благодатной тени в полдень, брат, — отозвался один из монахов и замолчал, давая возможность рыцарю озвучить просьбу.

— Водопад смыл плену с моего разума, но прочие мои братья связаны рабской сетью. Я мечтаю даровать свободу и им. Прошу вас о малости: мне нужна фляга со здешней водой, наполненной дивной силой.

Монахи переглянулись, и прозвучал ответ:

— Вода течет здесь по собственной воле, не в нашем праве менять ее путь. Мы лишь направляем к источнику тех, кто нуждается. Ты можешь унести влагу с собой — ровно столько, сколько способен, в том, что есть при тебе или у спутника твоего. Все так, не иначе, все в воле Творца!

Фалькор озадаченно моргнул, а дроу зло усмехнулся:

— Вот только мы тары под водицу не прихватили, а здесь ею не разжиться. Даже чашку из камня не выдолбить. Добрые монахи нам все пути своим «разрешением» перекрыли. Если только рубахи снять и намочить, а в замке отжать, или сапогом зачерпнуть? Что делать будем, а, белый?

Вместо ответа рыцарь извлек меч из ножен, вонзил его в камень, опершись руками о рукоять, опустился одним коленом на камни и зашептал молитву Свету о помощи. Он не кричал, не бил себя отчаянно пяткой в грудь, не торговался с монахами. Фалькор просто молился. Истовой веры в Истинный Свет, которой не коснулась грязь мирских интриг, были исполнены его молитвы.

Местные монахи приняли поведение собрата как должное и снова погрузились в медитацию. Зэр хотел было зло сплюнуть, но сдержался, решив повременить до того мига, когда такое же желание овладеет белым рыцарем, не дождавшимся ответа от оглохших небес. Это всяких светлых сущностей на поле брани с Тьмой Свет порой горазд являть, а обычная бытовая помощь у таких сил не в чести.

Пока Фалькор молился, вокруг него засиял легкий золотистый ореол. Дроу уже хотел, когда рыцарь закончит, пошутить: дескать, помощи не дождались, зато в большой фонарь поиграли, но вдруг на каменную площадку у водопада шагнула ортэс Мария. Подле нее,

трансформировавшись из листика в мужчину, встал сид в пестрых осенних одеждах, мигом раскрасивших умиротворенно-сглаженные краски пейзажа в яркие цвета. Фэб выглядел очень довольным жизнью в целом и всем происходящим в частности.

Завидев знакомых, расплылась в улыбке и Маша:

— Ой, вы тоже здесь! Интересно, какая будет миссия?

— Скажи, у тебя при себе есть емкость для воды? — вместо ответа поинтересовался дроу.

— Да, на пол-литра, хватит? — подтвердила запасливая девушка, вжикнув молнией путевого рюкзака. Его она теперь таскала с собой, даже перемещаясь по квартире.

— Давай, — потребовал Зэр и тут же получил из рюкзака бутылку.

— На, Свету было недосуг, но гармония миров в лице нашей ортэс твоим молитвам вняла! — интерпретировал происходящее дроу.

— Пути Света не всегда видны зрящему со стороны, — мягко ответил черному рыцарю белый с такой незамутненной верой в истину своих речей, что Зэру снова захотелось досадливо сплюнуть. Со стороны белый идеализм воистину более всего напоминал белый идиотизм. Но получил же, демоны его побери, Фалькор ответ на свою молитву! Как есть получил! Вон булькает в руках у Зэра полупрозрачная голубоватая бутылочка из неведомого материала. Кажется, именуемого в мире Марии пластиком.

— Спасибо, Солнечная Дева, — признательно улыбнулся синеглазый рыцарь, послав девушке восхищенную улыбку, ничего общего с мужским восторгом не имеющую. — Надеюсь, ценность сего предмета не слишком велика, ибо просим ее для того, чтобы наполнить влагой из водопада и передать в длани Черного Властелина, — продолжил Фалькор.

— Забирайте, если надо, — легко откликнулась девушка, осеклась на последнем слове, прислушалась к себе и снова довольно заулыбалась: — Ой! Это — то самое, что мне здесь надо! Берите-берите! А из водопада только воду набрать можно или попить тоже?

— Пей, дева, ты достойна, — разомкнул уста один из монахов, казалось, то ли спящий, то ли глубоко погруженный в медитацию. — Если желаешь, можешь искупаться в водах великого Уррадаррира.

— Спасибо, я только умоюсь, у меня купальника нет, — застенчиво улыбнулась Маша и поскакала по каменным пологим

ступеням к громадной каменной чаше, куда изливался водопад с труднопроизносимым названием.

Развеселый Фэб вообще ничего разрешения не спрашивал, он просто с ликующим хохотом ласточкой нырнул с высоты в каменный бассейн и издал новый восторженный вопль, вынырнув на поверхность.

Монахи переглянулись, едва заметно пожали плечами и философски резюмировали хором: «Древний». Дескать, что с дурака взять, кроме анализов?

А Зэр мысленно хмыкнул: «Думал, в горный монастырь отправляемся, а оказался в балагане».

Фалькор же восхищенно выдохнул, глядя на водные забавы фэйри, — сам-то он в ледяной чаше не выдержал и минуты, пусть тело обдавало огнем, но члены от холода сводило. Отведя взор, рыцарь пошел вниз набирать воду в бутылку. По каменным ступеням спустилась вниз и Маша, чтобы вдоволь напиться ледяной, изумительно вкусной воды, от которой ломило зубы, а по всему телу разливалась звонкая сила. Дроу зацепил массовый водопой, но следовать общему примеру не решился. Все-таки он — темный по сути и духу, а сверкающий водопад переполнен светом. Нет, не жгучей белизной, как иные источники в мирах, но и сумраком благодатным от него не веяло.

Пока серокожий воин размышлял, ветерок, казалось, дувший у чаши водопада во все стороны разом и несущий мелкую водную взвесь, сменил курс и бросил в Зэра не легкую сетку брызг, а изрядную плюху ледяной воды. Дроу только осталось моргать и трясти головой, враз намокшей от кончиков острых ушей до последней прядки тугой косы. Рвущуюся из груди площадную ругань Зэр сдержал только чудом.

— Свет примет, не искажая, и тебя, воин сумрака, можешь испытать из истока, — перевел происходящее после секундного замешательства лопоухий монах. Говорил он, как и собрат, тихо, но почему-то их, невзирая на неумолчный шум низвергающейся воды, было слышно превосходно, в отличие от почти перекрикивающихся чужаков.

— Я уже напился, — процедил дроу, отжимая враз потяжелевшую косу прямо на камни.

— Зэр, но ты только умылся, а вода вкусная, — с невольным смешком позвала дроу Маша. Уж больно забавный вид был у воинственного серокожего воина. Фэйри так и вовсе не стал сдерживаться и закатился смехом, да так бурно, что снова плюхнулся в чашу водопада, изнемогая от хохота и подергивая всеми конечностями разом. Правда, тонуть, к некоторому разочарованию дроу, не стал, даже водицей не поперхнулся.

— Вкусная, говоришь? — хмыкнул дроу в ответ на слова Марии и, встряхнувшись, как зверь, тоже спустился к каменной чаше. Может быть, Дею будет полезно изучить воздействие выпитой воды, так что, пожалуй, стоит пригубить. Вода и в самом деле оказалась вкусной, ортэс не обманула. Впрочем, она вообще не была способна ко лжи и хитрой игре словами.

Так и случилось, что у самой чаши водопада собрались Фалькор с пожертвованной Машей бутылкой, купающийся фэйри, сама Мария и Зэр. Монахи спускаться не стали, наблюдали за царящим у воды хаосом из благоразумного далека. Почему хаосом? А он возникал непроизвольно почти каждый раз в любом месте, куда судьба забрасывала Фэба по прозвищу Кнутовище. Такова уж была природа Древнего. И, пожалуй, окружающим еще повезло с личным заскоком Фэба. Он мог оказаться куда менее безобидным.

Итак, вновь собранная компания оказалась у воды, имея вполне четкие намерения: Фалькор — набрать воды, Маша — попить и умыться, Фэб — искупаться, Зэр — так сказать, провести опыт поглощения пропитанной светом жидкости. Но стоило всем четверым одновременно коснуться вод Уррадаррира, как поименовали водопад лопоухий и крючконосый монахи, случилось нечто.

Над чашей, куда низвергался водопад, взметнулась высокая яркая радуга, но, вместо того чтобы красиво повисеть изящным коромыслом, явление изогнулось, завинтилось немыслимым жгутом, мешая краски в ярких, как одеяния и волосы Фэба, переливах. Затем сие концентрированное безумие сжалось и ввинтилось в бутылку, которую продолжал крепко держать в руках онемевший от удивления Фалькор.

Когда сойдутся свет и тьма над радугой гармоний и Древний
смехом волшебства
Уррадаррир наполнит,

тогда настанет время вод и рыцарь силу унесет!

Торжественно и неожиданно продекламировал лопоухий монах нечто, больше похожее на речитатив, чем на хромоное стихотворение, за которое учитель Фалькора по риторике драл бы ученика розгами нещадно, чтобы неповадно было скверные вирши слагать. А второй монах, не грешивший потугами рифмованной речи, серьезно велел:

— Закрой крышку сосуда, рыцарь, тебе дарована сила Уррадаррира. Используй ее, как велит сердце!

Фалькор молча завинтил крышку, а Маша непосредственно уточнила у лысых дядечек:

— А о чем это вы сейчас стишки читали?

— Мой собрат, Ефтон, видит настоящее, грядущее и минувшее своеобразно, — пояснил тот, который «стишков» не читал. — И не всегда различает, какое из времен зрит. Но зрит он неизменно верно, дитя.

— Ладно, — успокоилась Маша, успевшая всего за несколько недель привыкнуть к странным чудесам, происходящим вокруг, причудливым местам, куда ее заносил ключ, людям и нелюдям, с которыми сводила судьба. Мария отнюдь не была самой умной и эрудированной. Даже самой сильной она никогда себя не считала, но работу с ключом приняла как должное и необходимое. Ей доверили, ей и делать. Попыток перевалить груз на чужие плечи Сазонова не предпринимала, хотя, когда ей помогали, помощь принимала с искренней благодарностью. Вот сейчас как-то и чем-то помогли Фалькору, а значит, все хорошо, все так, как надо. Девушка энергично кивнула, улыбнулась, отпила последний глоточек вкуснейшей ледяной воды и снова умылась.

— Пора? — уточнил у белого рыцаря, поднимающегося с колена, Зэр.

— Пора, — подтвердил тот, прижимая к себе пластиковую бутылку как величайшую ценность. Но, как знать, вполне возможно, она сейчас и являлась таковой.

— Благодарю за помощь, достойные братья. — Фалькор коротко кивнул медитирующим монахам и получил в ответ столь же скупой

ответ.

— Фэб, — позвала Маша, чувствуя, как разгорается в ее груди сияние ключа, отпирающего двери между мирами. Встряхнувшись по-собачьи и подняв тучу новых брызг, веселящийся фэйри, как по дорожке, подбежал по воде к девушке. И уже совершенно сухим подпрыгнул, перекувырнулся в воздухе и листиком опустился на голову Маши.

Портал в этот раз получился каким-то странным, не обычным проемом двери, а широкой аркой. И принял, а лучше было бы сказать, увлек за собой всех и раскидал по местам, отправив каждого именно туда, куда следовало. Зэр и Фалькор оказались в сером зале, откуда начинали перемещение, а Маша с Фэбом — в квартирке среди учебной литературы. Приключения приключениями, а экзамены никто не отменял.

Зэр позволил себе скупую улыбку довольства и прошептал несколько слов на дроу-мэдж, языке своей расы, предназначенном лишь для творения чар. Теплый вихрь окружил обоих рыцарей, избавляя их от излишков бесценной, но ледяной, как сердце снежного великана, влаги.

Стойкий белый рыцарь, чуть заметно подрагивающий от холода, расслабился и благодарно кивнул черному. Тот криво ухмыльнулся и скомандовал:

— Пошли к Владыке Дейдриану.

— А леди Мария? — оглянулся на портал Фалькор.

— А это она нас сюда и подбросила, но коль сама не пришла, значит, другим занята.

— Или не желает ступать под своды обители тьмы, — похоронным тоном продолжил белый рыцарь, уже твердо уверенный в том, что губит свою душу безвозвратно, но ради собратьев любая жертва приемлема.

— Сдается мне, на цвет архитектуры ортэс плевать, а вот дел, помимо питья пары глотков водицы из монастырского водопада, хватает, — жестко отрезал дроу, уже приметивший появление Дея и его лицо, закаменевшее маской при глупых словах белого глупца о нежелании Маши погостить во владениях Черного Властелина.

Следующие речи Зэра адресовались уже не белому фанатику, а другу и Повелителю:

— Дей, водицу мы принесли, и непростую! Очень непростую!

После чего дроу коротко поведал о радуге и прочих явлениях у водопада. Дейдриан выслушал молча, лишь скривился, как от зубной боли, когда речь зашла об очередной загадочной сентенции. Уж сколько всякие пророчества, регулярно возникающие среди белых фанатиков, испортили крови Черному Властелину — не пересказать. Так бы и удавил всех скопом: и фанатиков, и пророков, кроме своей токсикоманки из башни. Дурная, но как-то уже попривык.

Дей протянул руку, требуя бутылку у Фалькора. Белый неохотно, но отдал ценный груз, почти ожидая, что Повелитель тьмы обожжет руки о сосуд со священной влагой. Не тут-то было. Черный взял емкость спокойно, поднес ее к глазам, покрутил на свету, прищурившись и явно наблюдая или слыша нечто помимо обычного бульканья кристально прозрачной влаги.

— Интересный эффект, — констатировал Дейдриан и позвал обоих рыцарей: — Надо проверить. Пошли к пленникам! Возможно, все окажется проще, чем я думал.

— Хорошо бы, — почти мечтательно вздохнул Зэр. — А то чаще с точностью до наоборот выходит. Надоедает порой, хотя против доброй драки я ничего не имею.

Глава 26

О ПОЛЬЗЕ ВОДНЫХ ПРОЦЕДУР

Путь в узилище, где дрыхли пленники под чарами сна, для пущей надежности навешенными поверх магических и обычных пут, не занял много времени. Миг с тяжелой и горячей, как уголья адской печи, рукой Черного Властелина на плече — и вот уже Фалькор сквозь залятую решетку смотрел из каменного мешка коридора на собратьев по ордену.

Черный Властелин коснулся подбородка, потер его, изогнул смоляную бровь, хмыкнув, пробормотал себе под нос:

— Почему бы и нет, — и, резко развернувшись, втиснул бутылку в руки рыцаря, повелев: — Держи крепко, открой крышку сосуда и тут же закрой ее.

Фалькор, привыкший к нелепым порой поручениям командования, взвесил очередную чушь на весах личного здравого смысла, решил, что вреда ему и собратьям задание не несет, и спокойно открутил крышечку. Не ожидая никакого видимого эффекта. Но, раз уж взялся выполнять поручение, то исполнил его в точности.

Из-под едва приоткрытой голубой крышечки рванула, как маленькая комета, яркая светлая искра и устремилась к цели. И ею были не Черный Властелин, не его правая рука темно-эльфийского происхождения, а беспамятные пленники вроде как светлого рода-племени.

Искра на подлете к связанной шестерке в легкой полутени камеры засияла ослепительно-ярко и распалась на шесть столь же ярких и крупных искорок. Они ударили каждого из рыцарей прямо в лоб. Что творилось внутри голов, Фалькор не видел, зато слышал, как застонали во сне мужчины, как покрылись испариной их лбы в прохладе подземелья, а тела сначала мелко задрожали, потом выгнулись в крепких путах до хруста позвончиков, и снова все стихло. Выражение муки исчезло с лиц, но рыцари не очнулись.

— Все, — довольно подытожил Дейдриан. — Сети больше нет, даже клочки выжгло.

— А почему они не очнулись? — подозрительно спросил Фалькор.

— Восстанавливаются. Когда принудительно исчезла сеть контроля, сжимающая разум, ощущения, полагаю, были не из приятных. Я могу разбудить их, не дав исцелиться. Желаете? — равнодушно (эксперимент прошел успешно, и всякий интерес пленники для него утратили) предложил Черный Властелин.

— Нет, если надо, пусть спят, — пошел на попятный Фалькор, но тут же, вскинувшись, обреченно спросил: — Что ты будешь делать с ними после?

— Я бы уничтожил их уже за само намерение причинить вред ортэс, вне зависимости от стороннего воздействия на разум, спровоцировавшего деяние, — с прежней безликой жестокостью пояснил Дейдриан. Плавающие глаза его на миг стали осколками древней ледяной тьмы. — Но Ей не понравится, а потому пусть живут.

Черный Властелин, следуя своей природе, умолчал о другом: всех шестерых он запомнил, и если представится возможность убрать падаля из миров так, чтобы и тень слуха о произошедшем не коснулась Марии, то сделает это с наслаждением.

Фалькор склонил голову, принимая доводы, и защищать собратьев не стал. Сейчас его сильнее всего, пусть сие и пахло откровенным эгоизмом, волновал вопрос: как украсть медальон у одного из глав ордена и что делать с оставшейся волшебной водой из водопада.

— Крышку закрой плотнее, чтобы не пролить до нужного часа, — высокомерно усмехнулся Дей, довольный уже тем, что над местью белым ему почти не придется трудиться. Забавляло его и очевидное непонимание рыцарем происходящего. Сам же только что все сделал, а до сих пор в ум не взял, какая ценность угодила к нему в руки.

— Одной крохотной капли воды достало, чтобы снять путы с разума шестерых. Тебе надо лишь принести благословенную влагу к обители. Дальше все в воле Творца, или, как ты наверняка скажешь, Света, — проинструктировал белого глупца Черный Властелин.

— А медальон? — растерянно переспросил Фалькор, на всякий случай закрывая крышечку еще плотнее. — Когда я должен доставить его?

— Не нужно, — к невероятнейшему облегчению рыцаря, отродясь не промышлявшего даже мелкими кражами, небрежно отмахнулся Дей. — Тот эликсир высшей ясности, которым обернулась принесенная вода, все сделает сам. Зэр откроет тебе путь, ступай. Заодно прихватите и этих, — подбородком указал на пленников мужчина. — В моих подвалах им не место, нечего марать достойные стены. Ступайте же, у меня дела.

И Черный Властелин исчез из казематов. Фалькор же устался на спящих собратъев. Как и куда в одиночку тащить этих шестерых, он не представлял. Зэр ехидно усмехнулся. Дей в своем репертуаре: все к своей выгоде обернул, рыцаря оставил в долгах и в паутине сомнений.

— Груз, даже живой груз, легко доставить в зал порталов. А оттуда он отправится туда, куда ты пожелаешь. Главное, придумай куда, — снизошел до ЦУ дроу.

— Мм, — умно ответил Фалькор, пока не сообразивший, куда деть коллег. Переправить их на луг пред крепостью ордена — вопросов не оберешься, да и если заклятия Черного Властелина увидят на этой шестерке, как бы другие собратья сразу мечами не воспользовались, чтобы искоренить скверну оступившихся.

Так что вариант с лугом отпадал. По этим же причинам отпадала казарма. Оставалось единственное — его личная келья. Не королевские апартаменты, и кровать всего одна, узкая, зато на полу палас из шерсти горных памни, закрывающий каменные плиты. В казематах Черного Властелина такой роскоши нет.

Словом, шестерку незадачливых убийц Солнечной Девы Фалькор решил переправить к себе. Пусть уж Серо и его команда отсыплются там. А когда очнутся, тогда и побеседовать можно будет, если еще будет кому беседовать.

Фалькор пока не представлял, что случится после открытия крышечки сосуда с тем, что Дейдриан назвал эликсиром высшей ясности. Черный хоть и был черным, но в этом точно не лгал и не играл словами.

Тряхнув льняными кудрями, рыцарь последовал за Зэром. Шестеро спящих, как и объяснил дроу, в зал перенеслись сами и легли ровным рядом у порталных колонн, в очередной раз на каменный пол.

— Портал откроется из Черной Цитадели в Оплот Света? — засомневался рыцарь.

— В Оплот Света, скорее всего, не открылся бы, — с совершенно очевидной иронией согласился черный рыцарь. — Но так-то речь про Истинный Свет идет, а ты к себе в орден собрался.

И Фалькор снова проглотил оскорбление, потому что проклятый черный в очередной раз был прав — рыцарский орден, осквернивший себя вмешательством в разум адептов, белым именоваться не может. Вернее, назваться-то можно как угодно, но истине сие более соответствовать не будет. И горько стало рыцарю от сомнений, а был ли он когда по-настоящему белым? Что ж, над этим можно поразмыслить позже, а сейчас надо закончить с очищением. Хотя и непонятно, зачем вся эта затея Черному Властелину. Не в его же интересах возвращение Света!

Рыцарь не утерпел и озвучил вопрос.

— Не в его, — снова охотно согласился проклятый Зэр, многозначительно побарабанив пальцами по колонне портала. — Но кто тебе сказал, что Свет к вам снизойдет сразу после того, как исчезнет скверна? Его, как и Истинную Тьму, еще надо заслужить. Действуй уже!

Помня инструкции по предыдущему перемещению, белый рыцарь не стал играть в тупицу. Сосредоточился на цели — крепости Белого ордена. Название теперь казалось ему издевкой. Сомневался он и в самом ордене, и в своих деяниях, совершенных во имя Света. Слишком много в перечне его подвигов накопилось смертей. Теперь Фалькор мучился вопросом: а были ли все эти жертвы во имя Жизни и Света, а не во имя чуждых высоким идеалам интриг и амбиций? Хотя бы большая их часть? Мучился и ответа не находил, как не находил себе оправдания, ибо воистину являлся белым рыцарем.

И вот белый рыцарь встал на потертый палас в своей комнате, рядом практически штабелем — все-таки комната у Фалькора была весьма скромных размеров — улеглись шестеро спящих под чарами Черного Властелина. Дроу за ним не последовал, остался в черном замке.

Рыцарь все еще сжимал в руке мягкую бутылку с чудодейственной влагой из водопада, получившей благословение Высших Сил. Фалькор приблизился к окну и касанием пальцев распахнул тяжелые створки. В

цитадели в рассветный час царствовала тишина. Спали все, даже стражи на постах, лишь высоко-высоко в летнем голубом небе парила хищная птица и время от времени издавала крик: «Чиль! Чиль!» И утренний свет заливал все вокруг, кутая нежным чистым сиянием.

Там, наверху, действительно было ясно и чисто, так, как казалось, в отличие от белой крепости — пристанища Белого ордена. Это несоответствие, внутренняя грязь коробили душу рыцаря, рождая желание очищения. И в ответ на невысказанную вслух, но горячую просьбу встряхнулась, как живая, вода в бутылки. Фалькор поспешил надежнее сжать емкость и отвинтить крышку. Из-под нее брызнула радуга. Мельчайшие сияющие капельки повисли в воздухе лишь на долю секунды и ринулись во все стороны разом: вправо, влево, вверх, вниз, сквозь любые препятствия. Живительный, неумолимый, исцеляющий и разящий СВЕТ. Не однообразно белый, но яркий и настоящий.

Искры живой радуги брызнули во все стороны с невероятной быстротой и, пожалуй, целеустремленностью, будто каждая из крошечных светящихся брызг видела перед собой цель. Это было столь прекрасно, что на миг-другой рыцарь залюбовался, позабыв обо всех своих опасениях и горечи. Таково действие истинно светлой магии.

Спустя несколько блаженно-тихих прекрасных минут в Обители условного Света начался безусловный дурдом: ор, стоны, скрежет зубовой и хаос. Это спеленатым черным заклятием сна пленникам лорда Дейдриана повезло пережить процедуру в беспамятстве, а все, пребывающие в стенах обители, впрочем, как отчетливо понял Фалькор в эту секунду, вообще все члены Белого ордена, где бы они сейчас ни находились, одновременно лишились туманной сети, спутывающей сознание, и познали истину горького пробуждения. И это было больно, пусть и было правильно. Свет отнюдь не всегда милосердие, чаще он ослепительная высшая ясность, режущая принудительно распахнутые очи.

Самого рыцаря от болевого некогда спас температурный шок — следствие купания в водопаде, собравшись же его сейчас в полной мере ощущали все «прелести» прояснения сознания. И, что еще более занятно, одновременно с прояснением приходило четкое осознание причин помутнения, а ими являлись властные виновники с

магическими кристаллами подчинения, замаскированными под почетные знаки Братьев-Советчиков. Одним словом, желающих «побеседовать по душам» с Советчиками в замке и за его пределами неожиданно нашлось предостаточно.

Фалькор только сейчас уяснил, взирая на разверзшийся ад, почему так мстительно усмехался Черный Властелин, помогая рыцарю света. О да, лишь жажда мести двигала Владыкой Дейдрианом. Но положив руку на сердце рыцарь не мог упрекать черного. Это чудовище, бушующее сейчас в замке, они — светлые — взрастили сами.

Что оставалось делать Фалькору? Следовать извечной истине: не можешь предотвратить — возглавь. По крайней мере, его авторитета и силы должно было хватить, чтобы остановить банальную бойню, обратив ее в справедливое судилище. Ну... в относительно справедливое. Собственный пожар в груди, вызывающий к мести не за туман рассудка, но за едва не загубленную жизнь ортэс, рыцарь постарался сделать пламенем истины.

Закупорив почему-то вновь совершенно полную бутылку, рыцарь высунулся из окна и, перекрывая шум, заорал:

— Во имя ортэс, братья, стойте!

Заори он что-нибудь про свет, милосердие или иное абстрактное понятие, осточертевшее и извращенное сетью подчинения, эффекта бы не было, или, скорее, он оказался бы обратным. Но странное, едва знакомое слово «ортэс» заставило притормозить даже наиболее ретивых мстителей.

Мысленно попросив у Света помощи, Фалькор помчался к собратьям. Бедный, бедный рыцарь, он позабыл старинный постулат: «всякое доброе дело наказуемо», и не обратил внимания на еще один, близкий по смыслу: «инициатива имеет инициатора».

Одним словом, к середине безумного дня белая верхушка ордена целиком сменилась на одного-единственного белого главу — рыцаря-спасителя Фалькора. И самым обидным было то, что сам спаситель этой славы и этого бремени ни на ломаную медяшку не жаждал. Но везет тот, на ком едут. Фалькор взвалил на себя бремя со смиренным вздохом и смутной надеждой, что теперь-то никто из его соратников не вздумает поднять руку на ортэс, а сам он когда-нибудь еще посидит на уютной кухоньке. Там, где так вкусно пахнет домашним печеньем, где

так спокойно и уютно, что даже соседство с черным рыцарем за одним столом ни капли не раздражает.

Когда встал вопрос о каре для «кукловодов», Фалькор почти растерялся. Те, кто провоцировал такое, на его взгляд, лишились самого права именоваться рыцарями света, погрузившись даже не во тьму, а в грязь, не имеющую оттенка.

Машинально рыцарь, теперь уже официально именуемый спасителем, положил руку на бутылку с волшебной водой. И та толкнулась ему в руку, будто просилась наружу. Фалькор снова осторожно открутил крышечку, и весь замок, собравшийся на суд, замер в благоговейном изумлении. Светящиеся искры, вылетевшие из-под крышки, снова накрыли искристой светлой и живой радужной куполом все вокруг. Те, кто пострадал от серой сети, получил исцеление, а те, кто был причиной чужих мук и ждал наказания, были ему подвергнуты.

Нет, их не казнили и не пытали. Их кара оказалась иной. Вместо восьмерки — счастливого числа света — братьев-советчиков, помятых «благодарными» жертвами, теперь стояли, лежали, сидели создания, опутанные светлой сетью контролирующего заклинания.

Среди них были почтовые птицы — из тех, которых посылают в края, куда послание не доставить магией, сторожевые ящеры, призываемые для охраны форпостов света в самых суровых землях, боевые жеребцы, которых хозяева бросают в гущу безнадежного боя, зачастую даже без седока, с единственной целью — закрыть брешь в обороне, дать разумным двуногим шанс уцелеть.

Фалькор оценил иронию кары и кривовато усмехнулся. Дошел смысл наказания и до призывающих к расправе с предателями рыцарей. Они разразились ликующими криками, почему-то прославляющими не только справедливость Света, но и Фалькора.

Будто в ответ на эти крики радужный дождь не ограничился преобразованием виновных, он сформировал в подтверждение уже врученных взбудораженным массам полномочий медальон. Украшение чем-то походило на те, которые прежде носили братья-советчики, но сияло как белая звезда, излучая квинтэссенцию света. Это артефакт неведомая сила поместила точно на грудь Фалькора и оставила там. Ни застежки, ни цепочки камень не имел, просто висел на груди рыцаря, и все.

А ведь тот, по собственному глубочайшему убеждению, был совершенно ни при чем. Вся его вина или заслуга — тут уж каждый пусть судит сам — заключалась лишь в том, что он последовал совету Черного Властелина. Но разве же кого-то в этом можно было убедить? Фанатики порой такие фанатики, а уж светлые втройне. Фалькор познал это на собственной шкуре.

Глава 27

ПРАВО НА ОТДЫХ И ПОДАРКИ

В сумасшедшей и по большей части самой ненавистной из всех — административной — круговерти для несчастного минуло несколько десятков дней. Когда рыцарь-спаситель понял, что еще одна папка с документами, еще один доклад брата-письмоводителя и еще одна исповедь-покаяние от очнувшихся рыцарей, и все — он станет не спасителем, а убийцей, рыцарь позорно бежал. Последней каплей сделалось вывернутое перед ним грязное белье — перечень гнусных деяний проспавшегося Серо и его команды. Этим, оказывается, такую гнусь, как уничтожение ортэс, поручали с мерзейшей систематичностью. Фалькор, мысленно кривясь от подступающей тошноты, выслушал всех с непроницаемым лицом и своей волей назначил бессрочное покаяние: служение в госпиталях, сиротских домах и приютах для умирающих от неизлечимых болезней. Если уж смыывать грязь с душ, то не затворничеством и не битвами с тьмой, а сражением с тьмой в собственных душах и милосердием.

Выпроводив захлебывающуюся восторгом и горящую жаждой немедленных действий команду, Фалькор сдался собственным желанием. Ему даже не понадобился открытый портал, артефакт или помощь брата, открывающего пути. Медальон-кристалл на груди вспыхнул и переместил рыцаря к двери знакомой квартиры странного технического мира, служившего приютом ортэс.

Рыцарь потоптался, тщательно вытирая сапоги о влажный коврик, и неуверенно постучал. Вдруг Солнечная Дева дома? Замок щелкнул, и дверь распахнулась. На пороге стоял осенний фэйри и с возмущением глядел на белого рыцаря. Вместо приветствия Фэб топнул ногой и капризно выпалил:

— Половина печенья моя, ортэс обещала! Уяснил?

— Э-э, — многозначительно ответил Фалькор и едва не поплатился за свою мудрую речь захлопнувшейся перед носом дверью, но к фэйри присоединились Зэр и Мария.

— Приветствую, белый, решил наконец возобновить тренировки с ортэс?

— Э-э, — теперь уже смущенно потупился рыцарь, у которого под гнетом многочисленных управленческих задач совершенно вылетела из головы необходимость обучения девушки элементарным правилам владения мечом. Он и о еде-то забыл напрочь и вспомнил только сейчас, когда на него пахнуло запахом печенья и... да, какого-то варева с мясом.

В животе у Фалькора не забурчало или заурчало, а хищно взрыкнуло, столь громко, что Зэр осклабился, Фэб поморщился и буркнул: «Ладно, поделюсь», а Маша ухватила бедолагу за рукав и потащила на кухню, кормить.

Две тарелки странного, но ужасно вкусного красного и обжигающе горячего варева рыцарь сглотнул одним махом. Жареную картошку с котлетой ел уже медленнее, чувствуя, как приятная сонная сытость разливается по телу. А потом исчезло все, кроме ласковой тьмы, качавшей его, как в колыбели.

Очнулся Фалькор с блаженной улыбкой человека, впервые за несколько дней вкусно поевшего и толком выспавшегося. Весь такой счастливый он лежал в просторной мягкой кровати пару минут, пока до рыцаря не дошло, что собственная его узкая кровать подобными просторами и удобством никогда не отличалась. Проклятая аскеза и ограничение во всем. Следом мужчина вспомнил, где именно прошли его последние сознательные минуты, и подорвался, словно опаздывал на пожар.

Он был почти одет, лишь котта покоилась на стуле рядом и шнуровку рубашки кто-то распустил, облегчая дыхание спящему. Первую пару секунд рыцарю было немного стыдно, а потом он решил наплевать на правила приличия. Не голый же он с парой девиц на ложе проснулся, ничьей скромности не умалил. И вообще, если всяким черным дроу можно трескать печенье на кухне у ортэс, то и белым рыцарям вздремнуть поблизости тоже никто не запретит. Хотели бы помешать, разбудили бы. А его сон тревожить не стали, наоборот, накормили, позаботились и дали выспаться.

Судя по положению солнца за окном, спал рыцарь недолго, самое большее пару часов. Разрушая эту наивную уверенность, слева от ложа раздался мелодичный смешок, и звонкий голос Древнего протянул:

— Ну и горазд же ты дрыхнуть! Более суток поваленным деревом в лесу лежал. Если бы не черный, я бы тебя давно растормошил. А она

запретила. Пожалела. Хотя... — Фэб сделал вид, что задумался, или и в самом деле какая-то крупца сочувствия закралась в его буйное ледяное сердце. — Черный говорил, ты теперь владыка над рыцарями в своих мирах. А водить войнство — та еще морока. Умаялся с непривычки-то, особенно если о нуждах телесных забывал. Вы, люди, такие хрупкие порой, только поиграть соберешься, раз — и сломались.

Фэйри скорчил недовольную гримаску капризного ребенка, у игрушечного солдатики которого «случайно» отвалилась нога. А ведь ничего не делал, только пару... десятков раз на пол уронил, пяток наступил и разочек сжечь попытался, когда утопить не получилось.

— Леди Мария в доме? — одевшись под сентенции Фэба, справился Фалькор.

— Занимается науками, у нее испытания завтра поутру, — ответил фэйри, не вдаваясь в подробности, смысла которых не ведал, да и не особенно стремился вникать. Если скачки по мирам и всякие веселые приключения Древнего забавляли, заставляя смириться с противоестественной связкой человек — фэйри, то точные науки мира технического навевали откровенную скуку. Потому Фэб удалился от ортэс на максимальное, какое только мог себе позволить без ущерба для комфортного бытия расстояние и нашел подходящее занятие.

Он развлекался наблюдением за дрыхнущим рыцарем. Ну как развлекался. Не просто смотрел. Поначалу часа три или пять пытался навеять соне кошмар поужаснее. Тщетно! Рыцарь беспечно улыбался во сне и шлепал губами, будто видел что-то очень вкусное. Поскольку ни многоглавое с тысячью зев чудовище, прозванное Поглотитель Бытия, ни туманные кошмары Бездны Двора на право именоваться вкусной и здоровой пищей претендовать не могли, Фэб признал личное бессилие в деле выкошмаривания толстокожих идиотов.

Его чарам твердолобый чурбан-рыцарь оказался не по зубам. То ли слишком тупой, то ли слишком белый. Эх! Потому Древний придумал другое развлечение и вот уж ему-то отдался всеми сердцем, вдохновением и душой, которой, как напропалую ввали в иных мирах, у фэйри обоих Дворов не имелось. Идиоты! Без души невозможны полет вдохновения, фантазия, радость и смех. Жестокими, по разумению людей, Древние были, но чтобы бездушными — никогда!

Одним словом, вдохновившись разлукой с родиной и созерцанием чуда у водопада, Фэб принялся творить. А кто скажет — вытворять,

тому не грех и в физиономию плюнуть! И вообще Фэб Кнутовище всегда любил умиротворяющие пейзажи. Гобеленами в отдельных покоях Холма он мог любоваться часами.

Потому фэйри засучил рукава, достал из-за пояса свои прекрасные кисти и принялся творить, отключившись от реальности. О, этот полет фантазии и радость созидания — они были не чужды Древнему, разумеется, на свой манер.

Кажется, пока он творил, в комнату заходил черный рыцарь. Но препятствовать работе не стал, даже пытался выразить одобрение — похлопать по плечу. Фэйри рефлексивно оскалился и чуть не оттяпал фамильярному дроу протянутую руку. Тот внял предупреждению, вспомнил про острые зубы и удалился, посмеиваясь. Вроде как и ортэс в комнату не пустил. И к лучшему, нечего ЕМУ мешать!

Взбодренный сном рыцарь вскочил с кровати, а фэйри почти нетерпеливо — как каждому выдающемуся мастеру ему не терпелось узреть реакцию на свое творение — посоветовал:

— У ортэс есть купальня. Освежись, прежде чем предстать перед девой!

И даже ткнул рукой в нужном направлении.

Фалькор смущенно кивнул и побрел туда, куда сказали. Там-то, перед высоким зеркалом над раковиной, его и ждало столкновение с художественной реальностью. Сказать, что рыцарь заорал, было бы сильным преувеличением, но его сдавленный шокированный вопль Маша все-таки услышала и поспешила на помощь.

Фэйри, разумеется, тоже ринулся в нужном направлении. Рыцарь стоял в ванной и пялился в зеркало на свой торс, на котором играл всеми красками радуги водопад. Тот самый, у которого он давеча наполнял бутылку. А на спине — Фэб не был уверен, успел ли Фалькор разглядеть диво — простирались два зеленых холма Древних. Удачно получилось! Грудь и спина у рыцаря широкими оказались, а сон беспробудным.

Если касательно причин чудесного явления водопада на груди рыцаря у Маши могли быть какие-то сомнения, то Холмы на спине Фалькора, отраженные в зеркале, однозначно указывали на творца картинок.

Девушка только тихо вздохнула и спросила у проказника:

— Зачем?

— Красиво, — светло и безумно улыбнулся фэйри, пожимая плечами. Но все-таки опустил до чуть более развернутых пояснений: — Было скучно. Черный учит тебя и принес бумажки, на которые ты покупаешь еду, этот лишь спал и ел. Я взял плату.

Фалькор стал свеколько-красным, а Маша поспешила успокоить беднягу:

— Я не беру денег с друзей, Фэб! И шутка хороша лишь тогда, когда радует и того, над кем пошутили. Как смыть картинки?

— Никак, — оскалился обиженный фэйри. — Только вместе с кожей. Содрать?

— Не надо, — поспешно отказалась девушка, уже немного знавшая своего вынужденного безумного соседа и то, что у него слово с делом не расходятся. И обратилась к рыцарю, фактически увлакивая фэйри за дверь: — Прими душ, я тебе пока покушать разогрею. Гречку с тушенкой будешь? Поешь, и подумаем, как быть.

Фалькор покорно склонил голову. Живописные объемные картинки, неизвестно как оказавшиеся на теле, его, разумеется, волновали, но замечания проклятого фэйри кололи посильнее двух пейзажей на коже. Плоть — это всего лишь плоть. Как же так, он не думал ни о чем, принимая заботу ортэс, угощение и приют, заботясь в первую очередь о тепле душевном. А черный, именно черный, отплатил деве за заботу звонкой монетой.

То ли реальность решила посмеяться над рыцарем, то ли у Зэра имелась магическая возможность определить, что творится в доме ортэс, но когда Фалькор после поспешного омовения явился на кухню, там пока не было Марии, вероятно, все еще разбирающейся с манерой фэйри шутить над спящими, зато уже сидел проклятый черный.

— Кстати, поздравляю, рыцарь-спаситель, — отсалютовал белому чашкой с чаем дроу и не преминул глумливо ухмыльнуться, намекая на истинную ценность своих славословий. Небось, уже знал обо всем и не только о новом статусе Фалькора, но и о проделке фэйри и о муках совести белого рыцаря.

Потому в ответ на ехидные поздравления рыцарь лишь кивнул и спросил:

— Деньги мира ортэс, как их достать?

— Тебе мой способ не подойдет, — усмехнулся серокожий. — Я продал несколько камешков под туманным мороком в лавке и

подложил деньги в шкатулку, где ортэс хранит сбережения.

Зэр говорил, а сам искоса поглядывал на тощий кошель рыцаря, где едва ли сыскался бы десяток монет серебром. У белых, истинно белых, с деньгами всегда туго — не умеют толком ни грабить, ни торговать. Похоже, повышение в должности Фалькору достатка не прибавило. Этот блаженный о собственном благосостоянии как не думал прежде — есть где голову для сна преклонить, чем перекусить имеется, и ладно, — так не озаботился деньгами и теперь.

Фалькор же вздохнул, соглашаясь с мнением дроу: в том, что Мария примет оплату, рыцарь сильно сомневался. Выход, изобретенный хитроумным дроу, оценил не без зависти и одновременно согласился: он так не сможет. Ложь даже ради призрака выгоды недопустима. Подложить же в ту шкатулку, о которой говорит Зэр, монеты из собственного кошель — не выход. Раскроют, обидятся и вернут. Придется, видно, просить дроу обменять его деньги на местные ради помощи ортэс. Унизительно, но ловкачом рыцарь отродясь не был и становиться не собирался. Дроу, конечно, не упустит случая подколоть, но, скорее всего, поможет. Он ведь не для себя, для Марии просить будет.

— Между прочим, фэйри расписал тебя от души. Можешь гордиться, ты — единственный белый командор, удостоенный такой чести. Пусть это произошло исключительно от скуки, — между тем, прекрасно чувствуя неловкость рыцаря, продолжил Зэр.

— Чести? — Вот теперь изумление собеседника было искренним.

— Картины-порталы на коже работы Древнего, — склонил голову набок дроу, удивляясь вопиющей неосведомленности собеседника. — В старинные времена, случалось, именно они оказывались последним шансом выжить после поражения. Шансом для воинств куда более могучих, чем то, которым ты командуешь ныне. Я бы фэйри спасибо сказал. Места, конечно, выбраны Древним на свой вкус, но, по крайней мере, одно очень даже неплохое. Я про водопад в горах. Впрочем, о чем я? Ты белый, а значит, упрямый до непристойности, и шанс покинуть безнадежную битву сочтешь унижением. Лучше умереть всем, чем воспользоваться шансом выжить и все переиграть заново.

«Так это не просто картинки для шутки?!» — Вопрос был написан на физиономии белого рыцаря столь большими буквами, что озвучивания не потребовалось.

Зэр тихо рассмеялся оторопи белого коллеги, не ведавшего о тайном смысле росписи. Все-таки дразнить белого святошу куда забавнее, чем сходить с ним на поле боя в смертельном поединке. А просто мечами помахать они всегда смогут — ортэс учиться надо. Так что ему частенько придется к девушке в гости заходить, а что Повелитель, хоть и велел негласно за девою присматривать, все одно синяк-другой поставит в сердцах — ничего, на дроу быстро заживает, а Дею надо порой пар спустить, чтобы не начать убивать сотнями. Он ведь не котейка домашний, а Черный Властелин. Титулы за грозный взгляд и умение хмурить брови не дают.

— Как ими пользоваться? — Фалькор не стал разбрасываться заявлениями в стиле «лучше смерть, чем ретирада!». Теперь он отвечал не только за себя, а значит, всякое знание о возможности выжить для тех, о ком должен заботиться, лишним не будет. Пусть даже знание о картинках на теле.

— Сосредоточься на месте, куда себя или спутников отправить желаешь, да шагай в живой портал, выставленный картинкой.

— Ты поможешь мне обменять деньги для Марии? — спросил Фалькор, выслушав четкую инструкцию по пользованию нарисованными на коже пейзажами. Оставалось только радоваться, что развеселый фэйри не превратил в окна для перемещения какие-нибудь непристойные картинки. С него стало бы, но, очевидно, это было практически невозможно или сложно. А сложностей Фэб не любил.

— Не-а, белый, не помогу. Я и сам не все деньги положил, слишком заметно будет, — мотнул тяжело ударившей по спине косой Зэр. — И твои медяки я тоже не приму, можешь даже не пытаться мне их предлагать. Расплатишься иначе: поединками. И мне разминка, и ортэс смотреть на толковый бой надо.

— Хорошо, — смирился Фалькор, понимая, что его скромные сбережения для дроу действительно сущие медяки. Черные, а уж тем более приближенные Властелина, в деньгах почти никогда не нуждались, а если такая нужда возникала, мигом соображали, где взять требующееся, как и у кого.

— Освежился? — на ходу перекалывая челку, чтобы волосы случайно не попали в еду, Маша стремительным шагом промаршировала на кухню. — Сейчас перекусить разогрею. Зэр, ты только чай будешь или на твою долю тоже положить?

— Только чай, благодарю, — отказался дроу.

Маша загремела сковородой, кастрюльками, ставя на плиту обещанный ужин для Фалькора. Пока гречка с тушенкой (самодельной, Маша с дедом ее крутили сами, потому как магазинная совсем несъедобная стала!) шкварчала под крышкой, распространяя упоительный аромат, девушка обратилась к дроу:

— Зэр, почему Фэб сказал, что ты принес деньги?

— Потому что я их принес, ортэс, — невозмутимо пояснил сданный вездесущим фэйри дроу.

И прежде чем Мария сказала еще что-нибудь, почти мягко продолжил:

— Не меряй меня странной меркой своего мирка, ортэс. Я — рука Черного, и лишь он мне владыка и имеет право повелевать. Я исполняю волю Дейдриана. Если сие тебя возмущает, скажешь ему, не мне. До той же поры пользуйся вашими бумажками... хм, деньгами. Мы не намерены чинить тебе урон, ортэс, да и фэйри твой не одним светом солнца питается. А захочешь отблагодарить, сделай печенья. У тебя хорошо получается. Дей как съест, гораздо спокойнее делается. Вот и думай после этого, то ли ему сладкого в жизни не хватает, то ли твоего общества...

Дроу замолчал, хитро прищурившись, и даже Фалькор счел возможным промолчать, а не влезать с лекциями про соблазны тьмы. После крушения белых идеалов он вообще как-то притушил огонь фанатизма и стал относиться к другой стороне более терпимо.

— Я подумаю, а пока ешьте, — нахмутив брови, вздохнула Маша и выложила на тарелку перед Фалькором его порцию, а потом с едва заметной усмешкой часть разогретого со сковороды переложила на тарелку задержавшего носом отказника Зэра. Между рыцарями, как кубок мира, бухнула громадную миску со свеженарезанным весенним салатом.

Третью тарелку взяла для себя и тоже присела к столу. Разборки, чудеса, гости — все это важно, но режим питания никто не отменял. И вообще, у нее завтра экзамен, надо поесть и идти повторять.

А Дейдриану она и впрямь расскажет при встрече про деньги, но печеньки с Зэром тоже передаст. Почему-то эти печеньки даже на невыносимого Фэба действуют, как пачка рекламного тенотена, выпитая залпом. Вечер закончился мирно, практически по-домашнему,

не считая того, что условные члены семьи ортэс были уж больно странными: безумный фэйри, черный дроу и глава белых рыцарей до кучи. Но печенье все трое лопали, как самые обычные парни, когда Маше случалось принести сдобу в универ и угостить друзей.

Глава 28

РЕВНОСТЬ

Утро-пробежка-автобус-аудитория-экзамен. Все промелькнуло как красная тряпка, которой резко махнул перед мордой быка ретивый тореро. И вот уже народ толпился и гудел, обсуждая экзамен и свои успехи с неудачами. На пересдачу, впрочем, никого не отправили: Кузьма Васильич хоть и был строг, но редко опускался до такого зверства. А что старосте четверку вlepил вместо пятерки, так шпаргалку раскладывать под носом у преподавателя надо или очень умело, или вовсе не раскладывать. Заготовку изъяли, растяпа Лидка билет снова тянула и ответила на пять, но балл потеряла за ту самую злополучную «шпору».

И теперь обычно миролюбивая Лида сердито пыхтела, злобясь на весь белый свет, одnogруппников и особенно своего парня Лешку, ухитрившегося вопреки вечным четверкам как раз сегодня получить высший балл.

— Лид, а Лид, так в киношку идем? — не к месту и не ко времени напомнил о планах Лешка.

— Нет, — злобно огрызнулась Лидка. — Я передумала! Не хочу!

— Я билеты уже оплатил, не дуйся, подумаешь, четверка. Нормальная оценка!

— Сказала же — нет, — рыкнула разобиженная девушка.

— И с кем же мне тогда идти, не с Махой же? — растерялся Леха.

— А хоть бы и с Машей, — сердитым ежом фыркнула Лида и в стиле «назло кондуктору пойду пешком» позвала ожидающую свою зачетку одnogруппницу: — Эй, Маш, у Лешки два билета в кино на... Как фильм-то называется?

Лешка машинально назвал.

И Лидка продолжила концерт:

— На «Великое обморожение-2» пойдешь? Я сегодня не могу. Сходи вместо меня, чтобы деньги не пропали и Леха не скучала?

— Это продолжение уже вышло? — оживилась Маша, обожавшая мультики и смотревшая первую часть истории. — Ладно, только я за свой билет деньги отдам, хорошо, Леш?

— Хорошо, Маш, — желая проучить злобную подружку, весело согласился парень и, подхватив рыжую спортсменку под руку, практически поволок ее вперед, к лестнице, приговаривая: — Пошли, Мах, а то я еще хотел в «Мамку» заскочить, кусок пиццы урвать!

А Лидка, ожидавшая, что Маша и Леша начнут хором уговаривать ее сменить гнев на милость, осталась разевать рот. Злиться вроде как было не на что: сама отказалась, сама позвала, сама предложила. Но тогда чего же так обидно-то стало?

Простодушная Маша подводных течений причудливой женской логики старосты и вовсе не заметила. Она лишь радовалась возможности сходить на веселый мультик с веселым товарищем. Раз уж у нее неожиданно обнаружилась прибавка к рассчитанным средствам, девушка решила порадовать себя развлечением.

Лешка, светловолосый, круглолицый добродушный парень, ей был по-дружески симпатичен. Потому поход в кино с пиццей в придачу удался. (От невкусного попкорна Машка отвертелась, и «комбикормом» Леха хрустел в одиночестве.) Как полагается приличному человеку, взявшему девушку в компанию, одноклассник даже проводил ее до дому. И на сей раз попытки отказаться от сопровождения ни к чему не привели. Положено довести до двери — значит, положено.

А что какая-то подвыпившая компашка хулиганов некоторое время шла за парочкой и выбирала повод прицепиться, так они быстро отстали. Почти сразу, как только Маша положила на место пару сдвинутых какими-то остолопами крышек канализационных люков и поставила свернутую еще кем-то одаренным бетонную тумбу-блокиратор, мешающую проезду машин по тротуару.

Лешка только язык прикусил, созерцая, как играючи ликвидирует последствия безумных «молодецких забав» приятельница. Сам бы он, может быть, и осилил поднятие люка, но с тумбой бы точно не справился. Да и не пришло бы ему в голову такое. Прав Витька, Маха — частичка невероятности. Наверное, об этом подумали и хулиганы, после очередной демонстрации девичьей удали разбежавшиеся по подворотням, как тараканы. Или решили, что если девчонка бетонными тумбами жонглирует, то ее спутник и вовсе ось земную сдвинет, не вспотев.

Доведя Машку до знакомой двери — у девчонки они несколько раз бывали, когда проекты групповые делали, — Леха по-дружески чмокнул ее в щеку, поднял руку для небрежного прощального маха и... отлетел к противоположному концу лестничной площадки, сраженный легкой оплеухой разгневанного Дейдриана. Пролетел бы и дальше, но встретился со стеной, сполз по ней и затих.

— Леша! — испуганно вскрикнула Маша и, сердито насупив брови, потребовала объяснения у Черного Властелина Экхарда: — Зачем?

— Дабы не смел распускать руки с девой чужой, — рыкнул мужчина, мечущий глазами, кажется, вовсе не в фигуральном смысле этого слова, молнии.

— Может, Лида ему не успела сказать, что ей другой нравится? И Леша не знал? — растерянно выпалила Мария, подыскивая оправдание для бедолаги и чувствуя, что ему после совсем не дружеской оплеухи требуется целительная помощь света ключа.

— При чем тут некая Лида? — Голос мужчины больше походил на звериный рык. В руке появился черный меч.

— Лида встречалась с Лешей, — в свою очередь растерялась Маша и принялась кое-как объяснять. — Он ее парень, и если она тебе понравилась, то Лешка не виноват, Лида ничего об этом не говорила сегодня, когда в кино идти отказалась. Я потому и пошла с Лешкой, чтобы билет не пропал, да и мультики люблю.

— Почему же он целовал тебя, если является парой Лиды? — Дейдриан продолжал клокотать от возмущения.

— Не целовал, по-дружески в щеку чмокнул на прощанье. Мы же вместе в кино ходили, — укоризненно покачала головой девушка. — И про тебя и Лиду он ничего точно не знал! Веселился. А если бы узнал, что Лида с ним расстается, таким бы не был.

Маша говорила, а Черный Властелин, так нежданно вскипевший при зрелище почти невинного прощального поцелуя, каким одарили ортэс, неуклонно погружался в состояние глубокого охренения.

До сих пор это странное ощущение ему, в отличие от банального гнева, было неведомо. Почему ортэс вдруг решила, что он питает некие чувства к некой Лиде и именно она стала причиной его гнева, Дейдриан уяснить никак не мог. Меч давно уже испарился из руки

хозяина, а шестеренки в голове тирана и сатрапа продолжали натужно скрипеть.

Маша же, высказав все, что хотела, поспешила к Лешке и, присев рядом, положила на грудь парня руки, засиявшие белым, красным и золотым. Может, в мире Земли такие фокусы и не считались допустимыми, но с ортэс и вокруг нее давно уже жил собственный кусочек волшебной реальности.

— Я его не убил, — с недовольным снисхождением проронил Дейдриан. — И ты ошиблась. Я не знаю никакую Лиду.

— Еще и обознался, а на парня кидаешься, — недовольно проворчала Мария, понимая, что читать лекцию о добре, милосердии и всепрощении Черному Властелину бессмысленно. Он такой, какой есть. И надо либо гнать его прочь мокрыми тряпками, либо принимать целиком, а не отдельными кусочками: тут нравится, тут нет. Да, он сильно стукнул Лешку, приняв за кого-то другого, но он же спас ее от приступа странного хохота, и прислал Зэра для обучения, и явился на помощь с теми околдованными. И он почти улыбался, сидя на ее кухне, и грыз печеньки.

— Лечи и уходи, он сейчас придет в себя. О последних минутах помнить не будет, — недовольно буркнул Дейдриан, махнув в сторону жертвы щепотью левой руки. Дождался, пока Маша завершит чудотворное воздействие на парня, и практически втащил девушку в ее же, прежде запертую (Маша всегда на два оборота ключа дверь запирала!) квартиру.

Скрестив руки на груди, Черный Властелин недовольно оглядел девушку. Словно она была проблемой, помехой, больным зубом, который пора выдернуть с корнем. Поморщился, вздохнул и уточнил:

— У вас допустимо столь вольное общение без обязательств?

— Э? Чего? — Маша не поняла смысла вопроса. Все-таки абстрактные понятия и завуалированные речи не были ее сильной стороной. Она всегда предпочитала конкретику и лучше практику, чем чистую теорию.

— Ты прилюдно проводила время в компании юноши, связанного обязательствами с другой девой, — почти смущенно пояснил Дейдриан.

— А-а, — заулыбалась, уяснив-таки суть странного вопроса, Маша. — Да, у нас так можно. Мы же по-дружески, и Лида сама меня

просила сходить.

— Тогда ты примешь приглашение и от меня, скажем, на прогулку? — Черный Властелин выжидающе замолк, искоса изучая озадаченную физиономию девушки. Возмущения или неприятия на ней не было.

— Прямо сейчас? Сегодня уже поздно, а когда свободное время будет — почему нет? Вы же уже уточнили, что пророчица ошиблась и нам не придется биться до смерти? — поинтересовалась на всякий случай девушка.

— Уточнил, — кашлянул Черный Властелин, почему-то отводя взгляд в сторону, Наверное, смущался от того, что тогда, при первом знакомстве, почти напал на беззащитную девушку. — Не придется.

— Здорово! — порадовалась Мария. — У нас сейчас в парке хорошо, можно будет погулять до того, как я на дачу уеду. Фалькора и Зэра позвать!

Повелитель снова завис. Кажется, под прогулкой он имел в виду нечто иное, возможно, совсем другое место или даже мир, и совсем другой, куда более суженный состав прогуливающих. Но как и что объяснить ортэс, сообразить не мог. И тут его осенило: для особо трудных задач существуют специальные создания — они называются друзья и соратники. Потому нынче одному серокожему типу выпадет не бой и фингал-другой, а задушевная беседа под кубок грибного вина. Икал ли, не переставая, в этот чудный момент дроу — история стыдливо умолчала.

Получив предварительное согласие Марии на прогулку, Дейдриан исчез почти поспешно.

Непривычно тихий и почти вежливый Фэб перышком выскользнул из рыжих волос человечки, принял обличив яркого юноши и пробормотал сумбурное: «Ты осторожнее, он текучая черная сила, опасен поболее, чем твой дружок-демон». После чего предпочел смыться в комнату и спрятаться от эмоций, включив на полную громкость канал классической музыки, найденный на телевизоре при помощи ортэс.

Так и не поняв, что конкретно имел в виду Фэб (сегодня все, как сговорившись, вещали загадками), Маша отправилась в ванную. Только крикнула фэйри:

— В десять вечера звук приглуши или надень наушники.

— Это что? — тут же вскинулся любопытный Древний.

Пришлось девушке доставать с полки беспроводные наушники, которые она использовала большей частью в качестве заглушки, если у соседей двумя этажами ниже случался какой-нибудь шумный праздник. Фэйри обновку тут же примерил, просиял и под неслышную теперь уже никому, кроме него самого, музыку пустился в пляс по комнате. То, что он танцевал на полу, огибая мебель, — почти нормально. Гибкость у Древнего была на зависть самым тренированным гимнастам. Но, когда Маша вышла из ванной, ее спутник кружился на стенах и потолке, напрочь игнорируя гравитацию. Похоже, больше всего ему нравится потолок — потому как именно там оказалась наибольшая свободная площадь для танцев.

Маша стояла в дверях и, улыбаясь, смотрела, как красиво движется Фэб. Тот заметил внимание девушки и, просияв еще более проказливой улыбкой, шепнул (во всяком случае, ему показалось, что шепнул, но громкость музыки сыграла с ним шутку, потому голос Древнего прозвучал четко и ясно):

— Что мне в тебе нравится, ортэс, тебя совершенно невозможно заморозить. Ты любишься моим танцем, а не пылаешь, подобно иным людям, дурным вождением, вспыхивающим от случайного взгляда и горящим годами! Смотри, я позволяю!

Сочтя этот спич шуткой, Маша прыснула в ладошку и еще с десяток минут наслаждалась немислимым, невозможным диким танцем яркого, как вся буйная осенняя палитра, Фэба по прозвищу Кнутовище. Это действо не было чем-то знакомым. Разве что чуть-чуть напоминало невообразимую смесь рок-н-ролла, капоэйры и фристайла.

Если кто-то иной через свои чары-заклинания и досматривал жильё ортэс, то не нашел бы, к чему придраться. Один танцевал, вторая смотрела на скромной дистанции. Дело, конечно, было не в девичьей стыдливости, а в разумной опаске. Фэб в танце порой использовал движения любимого кнута. Попасть под случайный взмах Маше не хотелось.

Энергичный (столько печенья для дозаправки слопал!) фэйри остался танцевать. А Маша пошла в спальню. Позвонила бабушке, отчиталась о полученной четверке и походе в кино на мульт, выслушала встречный отчет о делах дачных и список продуктов. В

магазинчике деревенском, куда от дачки прогуляться несложно, было многое, но любимая дедова колбаса и мороженое отсутствовали, так же как и любимая разновидность черного хлеба под диковинным названием «Лапландский». Потому заботливая внучка время от времени пополняла запасы продовольствия. С колбасой и хлебом вообще сложностей никаких не возникало, а проблема перевозки мороженого решилась еще в прошлом году покупкой сумки-холодильника.

Так что завтра Маше предстояло отвлечься от завершения учебного года, сделать закупку и привезти деду нужное. Зачеты и экзамены сданы, впереди практика, а потом до сентября свободная жизнь на даче. Маша соскучилась по дедушке и по дачному приволью. Чудеса и новые знакомые — это здорово, но они не заменят родного человека. Правда, если она переедет на дачу, придется всех с дедушкой знакомить. Особенно Фэба. Он ведь при ней неотлучно. Дедушка у нее, конечно, мировой и все понимающий, но, как бы это сказать, полный материалист и атеист. Потому, наверное, надо знакомить его со всеми осторожно и как-то по частям, что ли...

Глава 29

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВИЗИТЫ

О том, что она собирается поехать на дачу к дедушке, Маша никому не сообщала. Соседей ее планы никак не касались. Однокурсникам же сельхозработы вообще были до лампочки, в отличие от умения жарить классный шашлык. Сама дача, пусть и добротный кирпичный дом с печкой, тоже особого энтузиазма вызвать не могла, потому что практически весь немалый участок, кроме небольшого газона с качелями, был занят грядками.

Дедушка Федор не любил безделья и бесполезного пространства. Зная, что такое недостаток продуктов, старик считал самым рациональным дачным времяпрепровождением преумножение овощных и плодово-ягодных богатств. Дай деду волю, он бы и кур завел. Он и завел. Вот только резать их по осени на мясо разок попробовал и от затеи отказался. А держать птичек зимой на балконе, при всем уважении к соседу, не позволили бы другие жильцы. Птица ж воняет и шумит! И эта вонь с шумом одним балконом не ограничивается!

Маше дача одноклассника Лешки, устроенная именно для отдыха, конечно, нравилась. Но что-то советовать дедушке по части секвестирования грядочного пространства она не планировала. Лешкина дача — это Лешкина, а дедушкина — место особое. К тому, что там надо работать и собирать урожай, девушка привыкла с детства.

Итак, закупив продукты по списку, Маша дождалась нужного микроавтобуса и спокойно доехала до места. От дороги до дачки следовало идти не более пятнадцати минут. Ну и пусть с полной сумкой. Для выносливой девицы это было всего лишь легкой прогулкой.

Дед, как обычно, копался на грядках. Не спеша, с удовольствием. Выцветшее кепи берегло голову от солнечного удара, а вытянутые на коленках синие треники защищали ноги от укусов мошкар. Эта пакость порой донимала старика сильнее комарья. И не увидишь насекомое без микроскопа, а тяпнет — почище чем от осы место укуса разнесет.

— Привет, деда! — поздоровалась Маша, чмокнув старика в бритую щеку. — Мороженое с черничным джемом в вафельных стаканчиках и просто пломбир, рожки. Все остальное тоже купила. Сейчас в холодильник брошу!

— Здорово, Машунь! — приобнял внучку старик. — Как сессия, тяжело было?

— По-всякому, дедуль, — честно ответила девушка.

— Сдала и умница, — крикнул Федор. — Переодевайся, пойдем в поле на картошку глянем.

— Угу, — тряхнула головой внучка.

Подкинув сумку на плечо, Маша направилась к дому. Вытянутых треников у нее не было, а вот старенькие джинсы, потертые не по моде, а от частой носки, защищающие от колких сорняков и комарья, имелись.

Старый, но доблестно служащий семье Сазоновых уже два с лишним десятка лет холодильник приветственно загудел, когда молодая хозяйка распахнула морозилку и принялась перекидывать в него стаканчики с мороженым.

То ли яркий солнечный цвет упаковки, то ли соблазнительный шорох и хруст оказались поистине магическим заклинанием вызова. Мирно пребывавший в форме листика в волосах девушки фэйри не утерпел и принял человеческое обличие.

Нарезая круги вокруг Маши и холодильника, он капризно объявил:

— Это пахнет солнцем и морозом, хочу попробовать!

— Мороженое я привезла дедушке, а тебе куплю вечером все вкусы, какие пожелаешь!

— Хочу сейчас, — топнул ногой Фэб Кнутовище, капризно надув яркие губы. — Понятно, человечка?

— Мне понятно, но все равно не дам, — спокойно ответила девушка. — Не вредничай! У дедушки здесь мороженое не продают, а мы купим вечером.

Увлечшись спором, парочка не заметила, как на пороге дачки появился дед Федор и в обалдении хмуро уставился на яркого косматого парня, неизвестно как оказавшегося в их доме.

— Не понял, Маша, это что за фигляр? Мне за ружьишком сбегать? — сурово нахмурил брови дед.

— Человечка, а что такое ружье? Это такая плюющаяся огнем палка из твоего ящика? — тут же принялся любопытствовать ничуть не испуганный Фэб, слабо знакомый со сколько-нибудь техническими творениями людей. В руках фэйри они попросту не работали и против Древних не действовали, оборачиваясь против тех, кто их наставлял на сидов.

Это сейчас, оказавшись странно связанным с ортэс, Фэб получил возможность узнавать о всяких интересных штуковинах и частично пользоваться ими. Нет, конечно, у фэйри были магические аналоги людских придумок, но то, что люди сделали свои штуки именно с применением техники, не используя чар, вызывало у «нелюдя» искренний познавательный интерес.

— Точно, она, — согласилась Маша и виновато улыбнулась дедушке: — Не надо ружья, тут если только ремня дать, только и это бесполезно. Он старше нас с тобой вместе взятых в десятки раз.

— То есть воспитывать уже поздно? — крикнул дед от контраста чуждого вида экзотического, яркого, как тропическая птица, длинноволосого красавчика и слов внучки о возрасте «паренька». — Это у него уже маразм пошел? И где ж ты его такого красивого отыскала?

— Сам нашелся, — повинилась девушка, собираясь с духом. Врать деду и вообще врать она не могла и не умела, а как объяснить все то, что с ней и вокруг нее случается, не представляла.

— Солнечная Дева, в добром ли ты здравии пребываешь? Смутили дух мой мысли о твоём исчезновении, — сливаясь с топотом сапожищ, громыхнул на крылечке голос.

Дед резко обернулся. В комнату ввалился здоровенный, тоже длинноволосый и синеглазый, широкоплечий блондин двух метров роста в... натуральных доспехах!

— Ёк макарек, — выпалил дезориентированный Федор, за десятки лет жизни повидавший всякое и считавший, что видывал уже все, но не такое, не такое.

А уж когда вслед за блондином в комнату неслышно просочился столь же габаритный серокожий длинноухий мужик с толстенной белой косой, приодетый в доспехи из черной кожи, и вовсе растерялся.

— Привет, ортэс. Уйми белого, пока он весь орден на твои поиски не поднял заодно с армией моего Властелина, — изрек серокожий,

давая деду миг-другой собраться с духом.

— Этих тоже пороть бесполезно, старше нас вместе взятых будут? — только и выдохнул дед Федор, вытирая скомканной кепкой вспотевший лоб.

— Э... вроде Фалькор помоложе тебя будет, — тыкнув пальцем в белого рыцаря, беспомощно пожала плечами Маша и задумчиво нахмурила брови, вспомнив детали бесед со своими иномирными знакомцами. Пospешив успокоить их, девушка выпалила:

— Со мной все хорошо, а что случилось?

— Случился наш торопливый приверженец Истинного Света, не нашедший тебя за знакомым порогом и впавший в буйную панику.

— Я не чувствовал тебя в пределах города, Мария, и тревогой преисполнилось сердце мое, — начал оправдываться Фалькор, нашедший способ отблагодарить девушку за участие и явившийся к ее дверям с этой важной миссией.

— Воистину, Свет способен проникнуть даже в самые черные края, — продолжил с усмешкой Зэр, исподтишка изучая пожилого человека подле Маши. — Властелин послал меня разобраться.

Дроу благоразумно умолчал, что Дейдриан и сам показался ему встревоженным вестью об исчезновении Маши. После вчерашней пьянки с другом (читай, откровенной беседы по душам о прогулках и вспышке ревности) случилось страшное: Дей признал, что ортэс ему интересна. И заодно поутру преисполнился сомнениями касательно реакции девушки на его знаки внимания. На этой почве мигом выросло древо версии о попытке бегства невинной девы «на край света» от «ужасного черного злодея». В бегство Зэр не особенно поверил, но проверять за компанию с бьющим в набат белым рыцарем отправился. Все лучше, чем торчать подле нервничающего друга. Психующий Дейдриан терял контроль над громадой темной мощи и становился воистину ужасающим и неизмеримо опасным.

— Ортэс, представь нас своему родственнику, — не дождавшись этикетного продолжения встречи, обратился к девушке серокожий.

— Дедушка, это мои друзья Фалькор и Зэр, а того, который сейчас по стенкам бежит, зовут Фэб.

— И ничего я не бегаю, я резную картинку щупаю и нюхаю, — весело отозвался Фэб, изучавший предмет, привлечший его внимание, и издавдала прислушивавшийся к кутерьме, поднятой рыцарями. — Вы

забавные! А почему картинка пахнет не только деревом, а еще фруктами и овощами?

— Потому что это не картинка, а разделочная доска, — хихикнула Маша над осмотром «экспозиции», устроенным Фэбом. Только Древний мог принять большую доску, на которой шинковали капусту, морковку, лук или резали яблоки для заготовки на зиму, за неказистое произведение человеческого искусства.

— Значит, друзья, — еще разок утерев лоб, окинул троих странных типов нечитаемым взглядом старик.

— Любой почтет за честь именоваться другом Солнечной Девы! Ее радужное сияние озаряет миры, а тепло очага согревает тела и сердца, — выпренно поддакнул Фалькор, бухнув бронированным кулаком по панцирю на груди. — Честь для меня лицезреть родича дивной девы!

— Хм? — прищурился дед, чуток оглушенный потоком высокопарных слов и начинающий сомневаться, а не метит ли странный здоровяк в зятя?

— Он почти всегда так говорит, а к Марии относится исключительно с дружеским расположением и глубоким уважением, иных намерений не имеет, — перевел высказывание белого рыцаря дреу, успевший ознакомиться с земными реалиями поболее рыцаря. Или вообще черные всегда были более удачливыми приспособленцами?

— И ты тоже не имеешь? — уточнил Федор.

— Упаси Создатель! — почти испугался Зэр, прикинув, что от него оставит лучший друг и Повелитель Дей, если случайно сочтет соперником в битве за расположение Марии. — На сердце и иные части ортэс я не претендую.

— И откуда ж вы все такие красивые взялись и чего вам, «друзьям», от моей внучки надо? И почему обзываете ее странно? — потребовал ответа дед, изучая острые уши серокожего воина и почему-то особенно внимательно многочисленные серьги-гвоздики в них.

— Я с удовольствием поведаю вам об этом и кое о чем ином, — расплылся в невероятно обаятельной улыбке Зэр, подхватывая старика под локоть и практически вынося его на свежий воздух. — Мне нужно обсудить с вами ряд очень важных вопросов.

«С чего же начинать ухаживания за невинной девой, как не с получения одобрения на оные у старшего родственника?» — так рассудил Зэр и пошел в атаку.

Маша проводила деда Федю и дроу ошарашенным взглядом. Зачем Зэр уволок дедушку и что ему хочет сказать, девушка даже предположить не могла, но могла этому только порадоваться, потому что не представляла, как объяснить пожилому убежденному атеисту и материалисту все, что с ней происходит.

— А мороженое? — тоскливо заканючил Фэб, снова возвращаясь к шкурному сладкому интересу.

Уволакиваемый дедушка вопль души яркого и звонкого парня услышал и снисходительно (поскольку сам без хорошего мороженого жизни не мыслил даже зимой) разрешил:

— Выдай им, Машунь, по стаканчику.

— Хорошо, — согласилась девушка и вручила мужчинам по стаканчику пломбира с черничным джемом.

Фэб острыми ногтями разорвал упаковку и, предварительно обнюхав, с урчанием впился в свою порцию. Рыцарь вкушал с удовольствием и спокойным сердцем. Солнечная Дева нашла, ей ничего не грозило!

Учтиво поблагодарив за угощение, рыцарь по примеру Зэра вознамерился завести беседу, но с самой Машей, а не с достойным старцем. Тот сейчас недоверчиво слушал дроу, но негодовать или объявлять его лгуном не пытался.

— Солнечная Дева, — торжественно прижав раскрытую ладонь к груди, обратился Фалькор к Маше, — я взял на себя дерзкое право посвятить тебя в друзья нашего Белого ордена и предложить этот знак вечной благодарности наших сердец!

«Он всегда так говорит», — мысленно процитировала Мария только что сказанные дроу слова и взяла протянутый ей Фалькором маленький белый значок, больше всего похожий на шарик с крылышками. Серединка его отливала желтым, а крылышки — искристо-белым.

Кружочек-значок показался ей симпатичным, похожим на знак ГТО, и девушка с довольной улыбкой приколола его на рубашку. Пусть висит. О том, что это может не понравиться Дейдриану, ортэс и не подумала.

Глава 30

ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ

Между тем Зэр сжато, используя навыки доклада Черному Властелину, поведал смертному старику о высоком предназначении его внуки и счастливом случае, сведшем их всех вместе. Об изначальных попытках убить девушку дроу, понятное дело, благоразумно умолчал. Зато в красках расписал все преимущества знакомства с верхушкой власти черного и белого колера, не преминул отметить совместное обучение ортэс владению клинком и особо коснулся достоинств Властелина и серьезности его намерений касательно ухаживаний за ортэс.

То ли чудеса красноречия дроу подействовали, то ли дед что-то подобное начал подозревать с того мига, как услышал от Маши про некрасивого, но умного мужчину в черном, одним словом, Зэра дедушка Федор выслушал почти спокойно. Даже требовать доказательств не стал. Чего требовать — вон они, доказательства, серой кожей сверкают, по стенкам бегают и вообще... Каждый любящий своих потомков человек уверен, что именно его кровиночка — особенная, уникальная и ни на кого не похожая.

— Стало быть, внучка моя — этот ваш гармонизатор вселенной, — подвел промежуточный итог дед.

— Наш гармонизатор. Ортэс — живое правило и правило миров, — поправил Зэр. — Вселенная у нас общая, пусть миры и различны. Дар Марии — привносить гармонию даже тем и туда, где она казалась невозможной в принципе.

— И твой друг хочет за ней ухаживать? — продолжил дед.

— Воистину, — чуть склонил голову дроу. — Пока рано говорить о помолвке и браке, но намерения лорда Дейдриана самые серьезные. Он желал бы наносить визиты Марии, с вашего, разумеется, ведома, дабы оказывать ей знаки внимания и преподносить дары. У нас это считается уместным, но ортэс столь щепетильна в подобных вопросах, что Дей страшится оскорбить ее.

Старик только крикнул, оценивая серьезность подхода небедного, должно быть, мужика с громким именем, заслывшего вперед себя друга

для таких разговоров. Но ничего обещать не стал, лишь сказал:

— Пригласи его ко мне на чаек. Побеседуем.

Зэр коротко кивнул, принимая доводы. Пока дроу и Федор вели предварительные переговоры среди грядок, Фалькор и Фэб уничтожили свои порции сладкого, и лишь обещание Маши купить еще лакомства вечером удерживало фэйри от бессовестного грабительского набега на холодильник.

Исполнив миссию посредника, довольный дроу крепко пожал руку старику, сердечно распрощался с ортэс и уволок с собой Фалькора с помощью всего одного невинного намека на груды дел у свежеиспеченного великого Белого Спасителя всея рыцарства. Ох уж эти белые! Порой ими так легко манипулировать, что даже не смешно!

Дед же в очередной раз вытер лоб старенькой кепкой, присел на крылечке и задумчиво покачал головой:

— Поди ж ты... ортэс... Как же тебя угораздило, Машунь?

— Случайно, дедуль, — предположила девушка, присаживаясь рядом. — Бабушка одна просила помочь, так у меня старый ржавый ключ и оказался. А я сама оказалась ортэс, то есть ключом и мечом для гармонии миров...

— Прямо уж и мечом? — крикнул Федор.

Вместо ответа Маша протянула руку, и в ней появился красно-золотой клинок.

— И впрямь меч, — согласился дед, окончательно принимая всю ту реальность, о которой его тезисно проинформировал серокожий мужик. Пожалуй, возмись все объяснять сама Маша, старик бы долго колебался между безоговорочной верой родному человеку и сомнениями в душевном здоровье внучки. И все происходящее за фокусы мог принять, но сейчас не верить не получалось. Почему? А потому...

Возможно, на этот вопрос со смешком ответил бы Фэб. Там, где присутствовали фэйри, легко верилось в чудеса, даже если самих фэйри смертные узреть оказывались не в силах.

— Красивый меч, — признал старик. — Попусту им не машешь, паладин?

— Я не паладин, настоящий белый паладин — Фалькор. А машу только по делу. Твои слова всегда помню! — серьезно ответила девушка.

Дед довольно кивнул, припоминая их вечернюю болтовню про «плашмя и пониже спины», усмехнулся и тут же посерьезнел, опасаясь за целостность имущества:

— А где этот твой, который пестрый?

— Фэб? Тут. — Маша отозвала меч и показала рукой на листик, затерявшийся в волосах. — Он же не человек, может менять обличья.

— И каково оно все, внучка? — вернул кепку на голову дед.

— Странно, но интересно и... нужно, деда, очень нужно. Я теперь это чувствую.

— Не опасно хоть? — забеспокоился Федор.

— Нет, у меня есть защита, — спокойно улыбнулась девушка.

— Ну, коли так... — Старик замолчал, не зная, с какого бока подойти к вопросу об уходе за волосами, и решил пока вообще в эту сторону не ходить. Вот для начала побеседует с этим типом в черном, тогда и решит. — Тогда пошли окучивать картошку!

— Пошли, — бодро согласилась Маша, прыгивая с крылечка.

Много позже, когда, посадив внучку на автобус до города и закрыв теплицы, дед сидел на веранде, в дверь постучали.

Федор встал и отпер, впуская высокого мужчину с полосатой бело-черной гривой волос в странных черно-серебряных одеждах.

— Ты, что ль, Дейдриан? — справился он, выговорив странное имя с первого раза и без ошибки.

Дей с достоинством чуть заметно склонил голову.

— Тогда проходи, — разрешил дед. — Чай будешь?

— С печеньками? — невольно улыбнулся Черный Властелин сквозь несвойственную ему неловкость, сковывающую тело.

— А то ж, Маша пекла, она у меня мастерица по этой части, — согласился старик, довольно усмехаясь в ответ.

Высокий тип в чужеродной, но явно очень дорогой одежде шагнул на веранду в круг уютного света лампы, висящей над столом, накрытым пестрой клетчатой клеенкой.

Стаканы под чай дед достал сам, ухаживая за гостем, а корзиночка с печеньем уже имелаась на столе, прикрытая салфеточкой. Первые полчашки пили молча, похрустывая печеньем. В какой-то момент Дейдриан вскинул голову к абажуру, плетеному Машей, и улыбнулся. Вот только такое стылое одиночество и беспросветная тьма глянули на

деда из его полосатых черных с серебряными лучиками глаз, что тому стало не по себе.

— Ты ж куда старше моей внучки будешь? — вырвался у старика вопрос.

— Я давно не считаю свои века, — напряженно согласился Дей, ожидавший всякого, к примеру, привычных проклятий тьме, но никак не всплывшей сейчас проблемы. Проблемы возраста. Про красоту, которой он, по мнению Маши, лишен, Дейдриан уже слышал, а теперь еще и это... Он некрасив и стар для ортэс?

— Это я к тому, что Маша-то моя совсем молоденькая девочка. Зачем она тебе? Ты ж умен, сразу видно, а она хоть и молодчина у меня, но скорее старательная и домовитая, чем шибко умная...

— Дело не в уме, — чуть нахмурился Дей и выдавил из себя признание: — Ума мне хватает и своего, порой с избытком. Рядом с Марией уютно. Ее сила не свет, режущий глаза, а тепло очага в стылый день. Я устал мерзнуть... Мне нужно ее живое тепло, свет глаз, улыбка, печеньки... Понимаешь, человек Федор?

— Как не понять — когда моя Валюшка жива была, все это у меня было. И вернулось, когда Машенька появилась, огонек живой. Тяжко мужику без своей женщины. Не грелки постельной, а именно что своей. Ты не фигляр, как тот, что по стенкам плясал, а товарищ серьезный. Девочку мою не обидишь. Попробуй, может, чего и сладится. Неволить в таком — последнее дело.

Темный Властелин признательно качнул головой и уточнил:

— А родители Марии, они...

— Лидка-то с Толиком? Живы-здоровы, что им сделается. Только из них родители, как из меня балерина. Научники-бродяги, из своих экспедиций не вылезают. Денег лопатой не гребут, но на хлеб с маслом хватает. Машу-то любят, но все больше на расстоянии. Квартирку вон ей купили рядом с моей, чтоб девочка под присмотром была. Ежели ты про то, как к тебе отнесутся, то, пожалуй, только за будут, еще и изучать ринутся как иномирный феномен.

Двое еще долго беседовали под чай с печеньками в круге теплого света лампы, и уходил Дейдриан с твердым дозволением бабушки поухаживать за Марией. Напоследок Черный Властелин задал самый главный вопрос, о котором почти забыл: какой подарок порадует ортэс?

Дед призадумался и честно ответил:

— Украшений Маша не носит, они ей спортом заниматься мешают, к нарядам равнодушна. К букетам-конфетам тоже. Не знаю. Если только найдешь для нее какой-нибудь интересный живой цветок в горшке.

Утренний визит в бассейн на первую воду и пять километров кролем, брассом и баттерфляем привели Машу Сазонову в самое умиротворенное состояние духа. Девушка привычной трусцой бежала по городу в сторону дома и улыбалась не кому-нибудь, а просто так, потому что на душе хорошо. Когда каждая жилка в юном теле звенит, заряженная энергией, — это здорово!

Ортэс сама не заметила, как вбежала в возникший перед ней красно-золотой портал. Да и никто из прохожих не заметил, просто потому что не хотел или не умел верить в чудеса.

Маша не возмущалась и не удивлялась, понимала — это трудно. Она и сама, пока не проверила, вряд ли смогла бы, а сейчас уже и не представляла себе другой жизни.

Портал раскрылся на морском побережье, кажется, где-то на юге. Но синего-синего неба, жаркого солнышка и ласково шумящего прибоя с белой пеной не наблюдалось. Это место совсем не было похоже на те, где Маша любила отдыхать летом с бабушкой.

Злой, сильный ветер, пахнувший не только морем, солью, йодом, но и тухлой рыбой, бил в лицо, бросая песок, заставляя щурить глаза, пригибая к земле. Он гнул, ломал с треском пальмы, волновал море, вздымая валы. Небо клубилось багрово-серым, на горизонте сверкали молнии, мощно грохотал гром. Было красиво и страшно. За буйством стихий приятно наблюдать из безопасного далека или у экрана телевизора.

— Ух ты, — с веселым восторгом прокричал, перекрывая свист ветра и шум буйных волн, Фэб. — Давненько я гнева духа стихий не зрел! Вот оно, истинное величие! Ах, как он сердит! Как мечтает обратить в прах жалких человечков и их лачуги!

Маша уже успела привыкнуть, что «весело» для Древнего совсем не значит, будто будет весело ей и всем прочим. Чаще даже наоборот. Прямо как здесь и сейчас. Но каким бы злым временами ни был фэйри, он никогда не был глуп. Скорей уж он, представитель иного

мира, расы и обычаев, обладал своей собственной мудростью и особенным взглядом. Там, где даже Марии как ортэс приходилось напрягаться, пытаясь уловить связи и суть, Фэб просто видел, а у Древнего зачастую что было на уме, то и слетало с языка.

— Ты хочешь сказать, что эта буря — не обычная непогода, а творение кого-то разумного? — переспросила Маша, даже не пытаясь перекричать рев ветра.

— Почему хочу? Говорю! И не творение, он сам — буря! — задорно объявил Древний и издал новый ликующий крик, будто хотел присоединиться к танцу разрушения.

— Разумный ветер, — восхищенно качнула головой Маша. — Надо же, чего только в мире не бывает. А почему он на людей взъелся? Обидели? Но как можно обидеть ветер?

— Почему? — удивился странному вопросу Фэб, сородичи которого частенько обижались просто так, потому что захотелось, и веками играли в свои обиды. Однако вскинул голову к чернеющему небу, позволяя порывам ветра свободно играть своими пестрыми волосами, и завыл, захохотал, точно говорил с буйством стихий на их языке. Янтарные глаза фэйри не щурились и не слезились, словно режущий даже кожу песок им ничем не грозил.

И ветер, гроза, стихия завывала, захохотала в ответ, прокатился и жахнул совсем рядом гром, в пальму по соседству ударил ветвистый разряд молнии.

— Интере-э-эсно, — задорно улыбнулся Фэб, кажется, различив ответ в этой ярости природы.

— Рассказывай, — попросила девушка, щуя глаза, уже слезящиеся от песка, и прикрывая ладонью лицо.

— А что мне за это будет? — закапризничал Фэб.

— Печеньки, — невольно улыбнулась детскому поведению Древнего девушка.

— Мало! Хочу еще мороженое! То, с жидкими ягодами! — потребовал фэйри.

— Три порции куплю, — поторопила коммерсанта Мария, и Фэб с довольной улыбочкой на пол-лица поделился информацией.

— Сейчас люди этого мира слабы и жалки, раньше было иначе. Они видели и могли управлять стихиями. Этот ураганный ветер был молод и буен, досадил одному шаману, тот и заклил его на

многовековой сон, заточив в пещере на острове. А недавно случилось большое землетрясение, круг сна нарушился, и ветер проснулся, злой и жаждущий мести шаману. Да вот незадача — даже кости шамана успели рассыпаться в прах. Тогда ветер решил вернуться к сородичам, чтоб бушевать в поднебесье. Но нашел в небесах лишь пустоту. Среди ветров этого мира более нет разумных.

— Умерли? — ахнула Маша.

— Ветра бессмертны, человечка, почти как мы, — высокомерно вскинулся Фэб. — Но магия, что дарует стихиям разум, покидает миры, в которых иссякло волшебство. В этом пусто. Ветер здесь одиночка и бесится от тоски. Он бьется о грани миров, истекая силой, но не может улететь прочь. Я его понимаю...

— Тебе тоже плохо от того, что нельзя вернуться в Холмы? — сочувственно кивнула Мария. — Мне жаль. И его жаль. Надо что-то делать.

— Ты умеешь усмирять или заклинать ветра? — ехидно прошипел Фэб, почему-то взбешенный сочувствием человечки.

— Никогда не пробовала, — честно призналась девушка. — Но мы должны как-то с ним договориться, чтобы остановить все это безобразие.

— Мы? Человечка! — пренебрежительно фыркнул фэйри. — Ортэс из нас двоих ты, тебе и договариваться.

— Да, ты прав, — вместо того чтобы возмутиться или начать его упрасивать и умолять, согласилась Маша, потом, не оборачиваясь, принялась карабкаться на песчаную дюну.

— Я прав? — удивленно заломил темно-рыжую бровь Фэб. — Да, я прав, а ты куда? — крикнул он в спину девушки и, не дождавшись немедленного ответа, скачками устремился следом, норовя заглянуть в лицо спутницы.

— Договариваться, — спокойно ответила Маша, наконец таки взобравшись на высокую дюну.

— Ты же не знаешь языка стихий! — высокомерно вскинулся фэйри.

— Не знаю, — согласилась Маша. — Но Зэр рассказывал, что язык, на котором изъясняется ортэс, понятен любому, с кем ее сводит миссия, и речь ответная также будет ясна. Вот и проверю снова. До сих пор же срабатывало.

— Хм, — прижмурился Фэб и отступил, готовясь то ли созерцать бесплатное представление, то ли спасти непутевую ортэс, если что пойдет не так.

А Маша встала понадежнее, старательно прикрывая ладошкой глаза, в которые так и норовил попасть колючий песок, полуприкрыла наспех извлеченной из рюкзака курточкой лицо и закричала:

— Эй, ветер, чего ты хочешь больше: уйти к своим в другие миры или уничтожить этот?

Взвихрившийся песок взревел недовольно, и перед девушкой соткалось из зависшего песка и ветра лицо подростка. Очень злого, несчастного и невыразимо одинокого паренька. Ну и пусть не человеческого, а ветряного. От этого он не перестал быть ребенком. А значит, ответ на собственный заданный вопрос девушка уже знала, понимала и принимала его истинность: ребенка-ветерка нужно вернуть к родным.

В руке ее возник меч, и ортэс, чуть повернувшись вбок, чтобы ненароком не задеть ни живой ветер, ни Фэба, прорезала перед собой дверь прямо в воздухе. Контур засиял красно-золотым, а центр — голубым и белым. Этот живой свет вихрился как спираль, открывая вид на бескрайние воздушные пространства, где бушевали, танцевали, смеялись иные ветра.

— Иди к своим! — светло улыбнулась Маша.

Одиноким покинутый ветерок узрел сородичей и, не раздумывая, ринулся вперед, в открытую дверь-портал. Бушевавшая вокруг ортэс стихия, лишившись управляющей воли к тотальному разрушению, стала стихать. Песок осел на дюны и пляж внизу, меньше стали валы в море, пальмы уже не трескали под напором ветра, а лишь покачивались. Миру возвращался мир. Даже клубы туч расползались на глазах и показалось яркое жаркое южное солнце.

Глава 31

ОТКРОВЕНИЯ И ПРОГУЛКА

Мария развернулась к спутнику. Меч все еще сиял в ее руке, мощнее дневного светила в небе. Ортэс, закусив губу, прилежно очертила им контур новой двери. И открыла дорогу к двум зеленым холмам.

— Иди! Это же твои Холмы! — предложила девушка.

Но, вместо того чтобы прыгнуть с ликующим воплем в портал, подобно ветерку, Фэб отшатнулся от двери, как зачумленный. Лицо его исказилось в странной гримасе не то боли, не то ярости, смешанной с тоской.

Древний словно поедая глазами изумрудное разнотравье, грудь фэйри бурно вздымалась, но он сказал:

— Мне не должно быть там, ортэс. Узы клятвы меж нами сильнее. Условие ее разрыва не исполнено — мне еще не пора.

— Условие? — озадачилась девушка.

— Я клялся всеми стихиями хранить твоё здоровье, покуда не придет мне срок вернуться домой. Клятва эта держится, пока крепко твоё намерение меня вернуть, — как ржавая цепь, звякнул голосом Фэб.

— Но дверь раскрыта. — Маша недоуменно покосилась на окно в Холмы, перевела ищущий взгляд на фэйри. — Ты можешь идти! Или это не твои, какие-то другие Холмы?

— Мои, ортэс, но я ошибся в формулировке клятвы, — горько рассмеялся над собственной промашкой Древний, запрокидывая лицо к безмятежному небу, и пояснил: — Срок ее исполнения поставлен не мной и не тобой, а силами выше нас. Потому открытая дверь ничего не значит. Если я уйду сейчас, лишусь своего могущества, а возможно и жизни, как клятвопреступник.

— Я поняла, прости, — извинилась девушка и, бросив последний тоскливый взгляд на море (вот бы поплавать, побродить по берегу, пособирать ракушки, просто посидеть на песке и посмотреть, послушать прибой), позволила открыться привычному portalу домой.

Бег трусцой до дома помог успокоиться и привести в порядок мысли. От песка ветровку Маша вытряхнула тут же, на бегу. Правда, голову пришлось мыть уже дома. Страшно представить, что творилось в волосах, если песок скрипел даже на зубах. Наверное, если не картошку, то укроп точно можно было посеять!

— За что ты извинялась? — встретил девушку на пороге ванной требовательный вопрос Фэба. Ладно хоть не полез бесцеремонно выяснять отношения, пока Маша мылась.

— За ложную надежду. Видеть дом и не суметь вернуться — это больно, — тихо и серьезно объяснила девушка.

— О да, больно, — изогнул в усмешке яркие губы фэйри. — А ты не любишь причинять боль, ортэс. Странная. А почему тебе было больно смотреть на море?

— Я люблю море, мне бы хотелось еще немного побыть на том побережье, но портал звал уходить, — честно ответила Маша и, запахнув поплотнее халатик, пошла на кухню — доставать из морозилки обещанное мороженое, а из шкафа вазочку с печеньем — все, как договаривалась с фэйри.

Ночью Маша, чей сон обычно был крепок и безмятежен, как у каждого человека с чистой совестью и здоровой психикой, неожиданно проснулась. В первые секунды не поняла, от чего, а потом, скосив глаза, увидела неизвестно откуда взявшиеся сияющие фонарики. Ой, нет, то были вовсе не фонарики — светились глаза фэйри, сидящего на тумбочке. Поза была странной: на корточках, но не с ровно стоящими ступнями, а на носочках. Он словно даже сидя куда-то бежал или в любую секунду был готов сорваться с места и понестись. А сейчас задержался на миг, разглядывая Машу.

— Фэб? Ты чего? Бессонница или проголодался? — чуть хрипловатым со сна голосом уточнила девушка.

Вместо ответа фэйри буквально перепорхнул на ее кровать, скорчившись в той же позе у левого плеча ортэс. Еще несколько секунд разглядывал девушку и тихо шепнул:

— Мое имя Фэбалькир. Согреешь меня, ортэс?

Лицо фэйри оказалось удивительно близко, буквально в паре сантиметров от лица девушки. Глаза его действительно светились, отбрасывая янтарные блики.

— Так вот чего ты сидишь тут, как ворона на колу! Замерз! — просияла, обнаружив причину явления фэйри у себя в спальне, девушка. — Пойдем, пуховое одеяло достану! А имя у тебя очень-очень звучное, красивое.

Маша, как спала в спортивном топике и широких шортиках, подскочила с кровати и метнулась к комоду в коридоре, где хранились запасы постельного белья.

Очень скоро Фэбалькир был укутан в теплое одеяло, которое Маша сноровисто сунула в свежий пододеяльник, и уложен на диван. Ортэс еще и уголок ему заботливо подоткнула, прежде чем сладко зевнуть и удалиться спать в свою девичью спальню.

А фэйри лежал еще несколько секунд в совершенном обалдении, а потом изо всех сил стукнулся лбом о деревянный подлокотник дивана. А потом еще раз и еще...

Удары головой, вероятно, для фэйри обладали неким мистическим эффектом прояснения сознания. Иначе как объяснить его скривившуюся физиономию и шепот в ночи:

— Замерз... О да, замерз, человечка, настолько, что едва не подставился Черному... Спасибо, что согрела так, а не иначе...

Почему-то только сейчас Фэбу вспомнилась тягучая черная сила, способная вмиг поглотить его и его хваленое бессмертие. Одного движения пальца той жилистой руки было бы достаточно, чтобы его бедовая голова треснула гнилым орехом. Все было правильно и все было обидно. Фэйри еще долго лежал, глядя в ночь, а потом все-таки погрузился в пучину причудливых сновидений.

Проснулся он от энергичных движений в спальне ортэс. Та снова занималась странным ритуалом, именуемым «зарядка». Прimitивные движения, даже отдаленно не похожие на танец с оружием, человечка почему-то считала обязательными для утра.

Взъерошенный Фэб собрался высказать все о нелепостях действий ортэс в лицо, но, когда влетел в комнату, Маша прервала упражнение и улыбнулась:

— Доброе утро, Фэбалькир! Больше не мерз? Сейчас закончу, позавтракаем.

— Доброе? Возможно... — скривил губы фэйри, но запасенную колкость почему-то не выплюнул. Возможно, потому что уже очень давно никто не звал его по имени, наполняя его звуки не страстью или

жаждой обладания, а истинным теплом. Именно тяга к теплу и притянула ночью Древнего к изголовью девичьего ложа.

Звонок в дверь прозвучал не громом средь ясного неба, но все равно неожиданно. Маша никого не ждала, но щелкнула замочком и открыла. На пороге стояли не Зэр с Фалькором, а Черный Властелин Экхарда — Дейдриан. И был он странным. Волосы, обычно свободной тучей выющиеся вокруг головы, сегодня собрал и увязал в хвост, надел не вечно черные одеяния, скрытые черным плащом, а что-то серое с белыми и черными вставками. Что это за одежда, Маша, не отмечавшаяся в ролевках ни разу, не ведала. Но было интересно: практично и нарядно одновременно. В руках гость держал вазу не вазу, горшок не горшок, в общем, посудину с пышным цветущим кустом. Листья растение имело всех оттенков зелени, от нежно-салатового до темного изумруда, а небольшие очень изящные цветки переливались светом от розового до насыщенно-фиолетового. От растения веяло чем-то свежим и чуть сладковатым.

— О-о-о, — прежде Маши благоговейно выдохнул Древний. — Иалозия! Человечка, ты даже не представляешь, что тебе дарят!

— Возьми, твой дед сказал, ты любишь растущие цветы, — смущенно кашлянул Дейдриан.

— Доброе утро, люблю, спасибо! А он не очень дорогой? — чуть встревожилась Маша от слов Фэба, но все-таки приняла изящный горшок и потянула носиком нежнейший аромат, дарящий ясность мыслей и чувств.

— Нет, — отрезал Дейдриан, мысленно радуясь неточности формулировки вопроса ортэс. Иалозия «не очень дорогой» не была. Она была, пожалуй, лишь немного дешевле злополучного ведерка из мифраиля, в который ортэс ссыпала мусор. Но дарить Марии дешевку Черный Властелин никогда бы не стал. Невместно!

Совершенно очарованный иалозией Фэб вполуха слушал неожиданно робкое приглашение на прогулку, выданное Черным. И пока девушка относила цветок в комнату с зеленым уголком, торопливо выпалил:

— Зови ее к теплому морю, она туда хочет! Тосковала, когда вчера возвращались! Пусть греется, плавает, собирает ракушки, ловит пену прибоя. Ты подаришь ей глоток сбегавшей мечты — не забудет!

— Хм... Уверен? — неожиданно заговорщицким шепотом уточнил Дейдриан.

Фэб мотнул головой в знак согласия.

— С чего вдруг такая щедрость в советах? — не поверил бескорыстию неизменно-коварных фэйри черный.

— Иалозия — ее дивный аромат, — пока я храню ортэс, будет питать мои силы. Я не вкушал его века, у нас в Холмах она перестала расти... Потому должен, — поведал Древний частичную правду.

Чуя истинность слов фэйри, Дей допрос прекратил. Да и Мария вернулась из комнаты, где размещала горшок с подарком, и с чуток виноватой улыбкой предложила перенести прогулку на вечер, потому что ей скоро на практику ехать. Свободные полчаса с утра никак на достаточное время для гулянья не тянут. Только до парка пройти и обратно.

— А если время будет? Согласна? — коварно, как подобает нечеловеку его профессии, спросил Дейдриан.

— Конечно, — открыто улыбнулась Маша.

— Тогда собирайся! Мы отправимся туда, где время течет иначе, ты уложишься в полчаса, проведя там полдня, — велел собеседник.

— А как?

— Тебе поведать о прихотливости временных изгибов и о том, как ими повелевают Силы Времени? — чуть озадачился просьбой Дейдриан, не наблюдавший за ортэс тяги к погружению в глубины маго-философских вопросов.

— Н-нет, — почти испуганно, а ну как и в самом деле ей это грозит, мотнула головой Мария, отшатнувшись от источника ценных знаний. — Как одеваться? Там погода какая?

— Море, солнце, шум прибоя... — почти процитировал слова фэйри Черный Властелин, и наградой ему стал сияющий взгляд девушки.

— Ой, я сейчас! — воскликнула она и унеслась в спальню.

«Сейчас» в понимании собирающейся на свидание особы женского пола, как когда-то давно успел убедиться и почти забыть Дейдриан, совершенно не походило на мужское «сейчас» и редко когда вмещало в себя меньше часа. Но Мария воистину оказалась ортэс. Она явилась пред очи ожидающего ее кавалера через пять минут. Ровно столько ей понадобилось, чтобы натянуть купальник, набросить

поверх него легкий хлопковый сарафан, нахлобучить на голову плетеную шляпку с широкими полями, чтобы голову не напекло, и бросить в верный рюкзачок полотенце. В шлепанцы, пригодные для хождения по песку, она переобулась уже в прихожей под невыразимо удивленным взглядом Дейдриана. За всей этой суетой по-тихому исчез, обернувшись листиком, Фэб.

Миг волшебного перемещения в пространстве между мирами. И вот уже Маша скидывает шлепанцы, зарываясь ступнями в горячий, но не обжигающий белый искристый песок, смеется и ловит ладонями пену прибоя, запрокидывает голову и любит ярко-синим небом. А Дейдриан любит Машей, ее бьющей через край радостью и понимает, что фэйри был прав. Такая прогулка — именно то, что нравится девушке.

Она заливисто рассмеялась, срываясь с места, и понеслась по кромке прибоя, а потом вернулась обратно к нему, восторженно сияя, с предложением:

— Пойдем купаться?

И только услышав это в высшей степени милое и соответствующее месту предложение, Дей осознал, что Маша-то в обстановку вписывается, а он в своих мрачных одеяниях — ни капельки. И намеком на это прозвучал озадаченный вопрос девушки, разглядывающей его темные, все равно темные одеяния:

— У тебя с собой плавок нет? — видя замешательство спутника, ляпнула ортэс.

При мысли о том, что прогулка плавно перерастает в совместное омовение, в котором девица не видит ни капли романтики и намека на ухаживания, Дейдриан смутился. Потому что он-то видел, и замечать определенные моменты его откровенной заинтересованности будет наивная девушка. Впрочем, на кой ему бездна темного могущества, если его нельзя применить с практической пользой? Можно, и потому Дейдриан ответил с легкой улыбкой, что искупается чуть позже, а пока с удовольствием посмотрит, как плавает его спутница. Заодно он преобразовал свои парадно-выходные одежды в простые бриджи и белую рубашу с закатанными по локоть рукавами. Получил в награду новый сияющий взгляд, а потом Маша скинула через голову сарафан и осталась в зеленом купальнике.

И очень хорошо, что девушка смотрела только в сторону морской глади, потому что битый жизнью великий Черный Властелин почувствовал, как на скулах у него отчетливо проступает румянец. Невероятно, нелепо, невозможно... Но факт, он смутился. Кажется, пророчество токсикоманки Лохрес обретало материальность. Хорошо еще, что сейчас великого Черного Властелина всея Экхарда не сопровождал верный друг. Зэр точно не упустил бы возможности позубоскалить насчет предреченного Дею и юной прелести ортэс, пленившей черное-черное сердце.

В этом мире, на побережье теплого моря с мягким песком, Мария купалась до одурения, выложившись так, как выкладывалась не на каждом соревновании. Девушка плавала, ныряла за красивыми ракушками. Нет, не чтобы собрать их все и утащить с собой, лишь для того, чтобы потрогать и полюбоваться вблизи. Взяла она себе лишь одну маленькую нежно-золотую, размером с кулачок ребенка. Эта ракушка ужасно походила на миниатюрный замок, и ее как волшебную память девушка решила поставить на полочку в комнате.

Спутник Марии купаться так и не пошел. Впрочем, не все любят воду, как Маша. Он прогуливался по кромке берега, босые пятки лизал пенный прибой, и мужчина улыбался, поглядывая на девушку. Ветер развеивал его длинные волосы, завязанные в полосатый хвост, забавляясь им, как любимой игрушкой. Наверное, Черным Властелинам не полагается отпуск, выходные и медицинская страховка, поэтому прогулка стала отдыхом не только для Маши, а и для самого Владыки Дейдриана.

Когда Мария выбралась на сушу, враз ощутила, как тянет ее вниз потяжелевшее тело, казавшееся в воде легким и послушным. Такое чувство всегда возникало после хорошей нагрузки в воде. Плюхнувшись на песок, ногами в прибой, девушка весело улыбнулась и с чувством выдохнула:

— Здорово! Спасибо огромное! Думала, я на море только в конце лета попаду, когда мы с дедушкой урожай на даче соберем, а получилось прямо сейчас!.. Ой, какая рыбка!

Возглас Маши прервал слова благодарности. В ладони девушки буквально запрыгнула полосатая желто-зеленая рыба с переливающимися на солнце синими плавниками. Повела хвостом и уставилась на девушку большими голубыми глазами.

— Красавица! — восхищенно оценила ортэс свою неожиданную находку, а расхваленный улов, прежде чем с пальцев Черного Властелина сорвался ком пылающей черноты, подпрыгнул в ладонях девушки, коснувшись рыбьим, соленым от морской воды ртом обветренных губ Маши, и упал на кромку прибоя уже не рыбой, а парнем.

Смазливый златокудрый блондином с теми самыми голубыми рыбьими глазами и пухлыми губами, какие лучше подошли бы девушке.

— Нет, красавец, — правды ради поправилась с определением пола Мария, чуток прибалдевшая от метаморфоз.

— О, дивная! Исполнен злой наказ черной морской колдуньи, — ликующе воскликнул блондинчик, норовя ухватить Машу за руку и осыпать ее слюнявыми поцелуями. — Поцелуй невинной девы, прозревшей сквозь темные чары и восхищенной моей красотой, развеял ворожбу!

— Вообще-то я рыбкой восхищалась, — скромно поправила Маша красноречивого юношу.

А расколдованный все трубил о том, как ему повезло, еще не подозревая о тучах, сгущавшихся над его головой. Рука Черного Властелина, схватившая фанфарона за шкирку, поневоле положила конец бахвальству — с пережатым воротником горлом трудно рассыпаться в любезностях.

— Хм, кто тут у нас? О, любопытный экземпляр. Проклятый за соблазнение русалки королевских кровей. Воспользовался, отказался жениться, получил проклятье морской ворожеи — покровительницы рода, — показательно скучающим тоном протянул Черный Властелин. Хотя скрыть гнев и не прибить стервеца одним плевком Дею удалось с превеликим трудом.

— Это что же, он был наказан за дело, а я случайно все испортила? — нахмурилась Маша, испытывая неловкость. — Нехорошо получилось! Чтобы стать человеком, надо было раскаяться в том, что натворил!

— Какие глупости, дивная! Навет и грязные сплетни! — невероятным чудом извернувшись в «объятиях» Дейдриана и оставив ему воротник от рубашки, расколдованный плюхнулся одним коленом

на песок подле Маши. — Она же полурыба! Не человек! — и на лету чмокнул ортэс куда-то в районе запястья.

Зря он это сделал. Чмокал безнравственный пустоголовый фанфарон, а плюхалась в набегающую волну все та же яркая рыбка.

— Ой, — только и сказала Мария, а Дейдриан подцепил глупца ногой и небрежным пинком зашвырнул подальше в воду — метров на пятьсот как минимум.

— Чего он то так, то эдак? — Озадаченная девушка повернула голову к Черному Властелину.

— Искреннее чистое восхищение по условию, вписанному в проклятие, сняло первый рубеж чар, позволив рыбе обернуться человеком, но не развеяло заклятие окончательно. А столь же искреннее разочарование все вернуло к прежнему состоянию, — подвел научную базу Черный Властелин.

— О, ага, — согласилась с объяснением Маша.

— Не жалеешь его? Не желаешь отыскать и еще раз расколдовать красавца? — невинно уточнил Дей.

Маша мотнула головой и, задумчиво глядя на сверкающую бликами солнца морскую гладь, резюмировала:

— Он правильно наказан, я не должна вмешиваться. Ключ, врата и меч согласны...

— Хм, чутье ортэс, — покивал Дейдриан, мысленно похвалив себя за долготерпение. Удержался-таки от невероятного искушения свернуть рыбе голову, пока она бежит на двух ногах, чтобы не портила прогулку.

— Он обратно не приплывет? — поморщилась Маша.

— Нет, о повторном развеивании чар я пошутил. По условию морской ведьмы чары спадают лишь раз для одной девы. Раз в... — Дей чуть нахмурился и злорадно объявил: — В сто лет.

— Ой. — Вот теперь Маша испугалась. — Он же столько не проживет, ни рыбом, то есть рыбкой, ни человеком...

— Почему не проживет? — не понял тревоги девушки Дей. — Если только его выловят и съедят. А так... Чары, для сотворения которых использована древняя мощь океана, практически вечны. Они пластичны и стойки. Отбрось тревоги, ортэс, тем паче по столь незначительному поводу. У этого недостойного будет шанс

измениться, хотя не думаю, что он пожелает им воспользоваться. Предлагаю перекусить.

Ценное предложение Черного Властелина вызвало оживленное бурчание в животе наплававшей девушки. Спутник покосился на нее и вместо припасенного стола с пышной белизны скатертью, фарфором и хрусталем материализовал полевой вариант перекуса. Яркая скатерть с яствами в простых серебряных чашах и блюдах зависла над песком, рядом мягко спланировали подушки для сидения.

Впечатленная нехитрым фокусом ортэс восхищенно выдохнула:

— Ого! Прямо дастархан! У нас так в Азии праздничный стол называют!

Маша довольно облизнулась, не ведая о всяких заморочках магов и светлых рыцарей, строго-настрого предостерегающих от вкушения яств, предложенных Черными Властелинами и их присными. Чего ради опасаться того, кто уже ходил в гости и сказал, что в пророчестве что-то напутано и им не придется сражаться, простодушная Маша и мудрая ортэс с сияющим даром ключа-меча по совместительству не понимала и понимать не собиралась. Она с аппетитом ела вместе с Дейдрианом. Блюда большей частью были незнакомые, но на вкус бесподобные, а потому студентка поглощала их запросто, как на недавнем пикнике с группой.

Черный Властелин тоже ел, хотя больше смотрел на свою соседку по столу, который ортэс обозвала дастарханом, и улыбался. Непривычные к этой мимической гримасе губы поначалу вообще не хотели отражать душевное состояние Дейдриана, им больше пристало кривиться в саркастической или надменной усмешке, однако мало-помалу получилось. Дейдриан смотрел на девушку и думал о том, что хотел бы каждую свою трапезу делить с ней, будь то роскошный пир или кусок черствого дорожного хлеба.

Но, увы, его желания еще каким-то образом следовало совместить с правилами и обычаями темной империи Экхарда, а именно этого делать отчаянно не хотелось. Живой огонь девичьей души нельзя было присыпать пеплом навязшего на зубах даже у него этикета и задушить стеной вечной охраны за спиной.

О да, Марии пошли бы роскошные туалеты по экхардской моде и фамильные украшения рода Экхардов. Ни на ком другом эти выполненные в чуть грубоватой древней манере вещи не выглядели бы

более естественно и уместно, но... Три раза подрали бы все демоны Вселенной этот клятый этикет и опасности, исходящие от белых фанатиков...

Так ничего и не решив окончательно, Дей сосредоточился на удовольствии от прекрасного времяпрепровождения здесь и сейчас. Хотя, скажи ему кто-нибудь лет пятьсот назад, что он будет кайфовать на пляже в обществе рыжей, невозможно юной и не особенно красивой, если мерить канонами красоты многих миров, девчонки, просто деля с ней трапезу и любуясь пейзажем... Дей бы жестоко наказал идиота, чтобы неповадно было сыпать глупыми остротами. Но все изменилось. Или изменился он сам? Изменился где-то между выхваченным для сражения с рыжей девочкой мечом и хрустом печенек на ее кухне?

Глава 32

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В свой черный замок Дейдриан вернулся задумчивым и, пожалуй, непривычно тихим. Заглянувший с докладом Зэр настрой друга и Повелителя уловил безошибочно. Потому даже спрашивать ничего не стал, присел рядом, сам набулькал в две кружки нужного вина и тихо спросил о причинах странной задумчивости. И даже получил ответ.

— Ты был прав, когда ржал надо мной, — грустно усмехнулся Дей. — Эта рыжая девочка воистину моя погибель... Демонова Лохрес, и угораздило же ее напроорочить.

— Не самое плохое из пророчеств, — качнул головой Зэр. — И ты каждый раз, когда активируешь заклятие слежения в ее жилище, в этом убеждаешься.

— Пожалуй, — задумчиво пригубил из своей кружки Черный Властелин, чуть шевельнув рукой для пробуждения чар.

Мария, пакуя рюкзачок, собиралась на учебную практику. Улыбка играла на ее лице. Дейдриан полюбовался зрелищем еще минутую и вернулся к многочисленным делам и обязанностям. Быть тираном и деспотом — это не только сидеть на троне и грозно хмурить брови. Работы всегда хватает, особенно если треть дня позволил себе уделить личным делам...

Студентка Сазонова вернулась в родную квартиру уже после четырех часов дня. И тоже вовсе не для отдыха. С полевой практики с голыми руками группа никогда не возвращалась. Маша принесла домой свежие заготовки для гербария и альбом с зарисовками, который надлежало, пока свежи впечатления, привести в приемлемый для сдачи вид.

Хотя первым делом стоило все-таки немного перекусить. Чай с бутербродами — и вперед, к гербарию! Совместить не выйдет, нечаянно оставленные жирные следы на листах преподаватели не сочтут отличным дополнением к иллюстрациям.

Так что сначала бутерброды, потом трава. Сушить ее по всем правилам, если на сдачу отведено всего две недели, никак не

получится, а значит — выручай, утюг! Маша ткнула вилку в розетку и пошла к двери за рюкзачком.

Там-то ее и настигла очередная проблема или даже две, если считать по головам. Двум снежно-белым головам, к которым прилагались льдисто-голубые, пылающие ненавистью миндалевидные глаза, острые уши и обнаженные тонкие, почти как шпаги, мечи в руках.

— Ты умрешь, человечка! — мелодичным перезвоном льдинок провозгласил один из пары похожих, как двое из ларца, юношей в бело-голубых, будто покрытых эмалью, легких доспехах.

— Когда-нибудь, — спокойно согласилась Маша, с любопытством разглядывая незваных гостей. — Жить, говорят, вообще вредно, от этого умирают. А вы кто? И почему о смерти заговорили? Хотите меня убить?

— Рази их, ортэс! — обдав всех присутствующих горьковатым дымком, будто где-то горели на маленьком костерке сухие осенние листья, скомандовал фэйри с каким-то отчаянным весельем, материализуясь во плоти по правую руку Маши. — Надолго моих оков здесь не достанет, зимний хлад одолеет осень.

— Ладно, — согласилась ортэс, призывая меч, а потом поступила так, как подсказывала ей ее суть ключа.

— Ой, ой! — возмущенно заголосили остроухие вторженцы, получив по тяжелому шлепку плоской стороной клинка в место пониже спины. — Как смеешь ты, жалкая человечка, поднимать руку на...

— Руку? — очень нехорошо коротко рассмеялся Зэр, проигнорировавший всякие вежливые звонки в дверь. Он появился в прихожей подле незваных гостей. — Я бы и вовсе начал с ноги. Вы самовольно покинули почетный пост стражей и вмешались в дела Властителя Дейдриана. О, в сравнении с его гневом шлепок ортэс покажется вам нежнейшей из ласк.

— Мы лишь желали защитить Властелина! — попытался пылко оправдаться один из почти одинаковых эмалевых «солдати́ков», сверкнув в сторону ортэс ненавидящим взглядом.

— Повелитель ценит преданность, но не меньше ее он ценит ум, — отрезал Зэр. — А его вы, преисполненные дурной отвагой, применить не изволили, подобно белым идиотам, превратно

истолковав подслушанное. Прости, Мария, мы незамедлительно покинем твои покои. И поверь, эта пара получит соответствующее наказание за свой поступок. Дей в ярости. Не пришел сам лишь потому, что пришиб бы недоумков на месте, не разбираясь, а они — заложники чести правящей фамилии ледяных эльфов.

— Пришибать не надо, — серьезно подтвердила девушка. — Даже меч считает, что они заслужили лишь хорошую взбучку. И мне ничего не угрожало, Фэб — отличный защитник!

— Фэйри, Властелин тебе признателен, — коротко подтвердил дроу.

— Если даст еще глоток своей крови, будем в расчете, — облизнулся Древний, и янтарные глазищи его на миг вспыхнули.

— А этих не пришибать, а направлять дурную энергию на работу следует. Деда бы живо приставил их картошку окучивать или свеклу полоть. Три часа на солнцепеке с тяпкой — и никакого желания «вершить расправу» не останется!

— Отличная идея! — мрачным торжеством загорелись глаза дроу, кажется, что-то и где-то не поделившего, нет, не с этими конкретными ребятишками, а с представителями их расы. — Думаю, Дей одобрит предложение! Я лично обращусь с просьбой к твоему уважаемому деду Федору, ортэс!

Довольно захихикал Фэб. Ледяные эльфы, еще не уяснившие, как именно их собрались карать за очевидный проступок, разгневавший Черного Властелина, непонимающе нахмурились.

Схватив парочку грозных остроухих покусителей на Машину жизнь за шкурки, дроу умудрился вежливо поклониться Марии, перед тем как исчезнуть из квартиры вместе с живым грузом.

Маша и Фэб снова остались вдвоем. И Древний задумчиво протянул, жмуря свои невозможные янтарные очи, больше похожие на светящиеся драгоценные камни, нежели на обычные глаза:

— Знаешь, человечка, мне так весело, как у тебя, много веков не было. И сытно тоже. Клятва клятвой, но даже если она будет исполнена и я освобожусь от оков долга... Пожалуй, если Черный попросит, я останусь подолее, дабы хранить твою хрупкую жизнь.

— А как же твой дом, семья, родной мир? — широко распахнула глаза девушка.

— Сегодня, когда ты открывала ворота, я почувствовал: здесь я уже набрал достаточно силы, чтобы основать свой Двор. Мне нет нужды, как раньше, возвращаться лишь для того, чтобы выжить. Что до родных по крови, то вся моя линия была истреблена в предпоследнюю Войну Дворов.

— Ты совсем один остался? — Искреннее сочувствие в голосе Маши было почти осязаемым.

— Только жалеть меня не надо, человечка. Так живут фэйри: гибель в бою, под пыткой, на взлете лучше смерти от стариковской немощи, — яростно усмехнулся Фэб. Его мелодичный голос сейчас больше походил на рычание зверя. — Они ушли, как хотели. Я проводил достойно, отомстил каждому из виновных, их крики долго улаждали души ушедших. Я остался жить частью Двора, высоким приближенным Королевы. Холмы манящи и дивны... Но ныне сила тех миров, где мы бывали, кровь поверженных, добровольно отданная сила Черного Властелина, твоя сила — все это сделало меня равным Королеве или даже... — Древний замолчал, не договорив фразы, и начал другую: — Только сейчас понял — если я вернусь, я должен буду вызвать Мэйбэдолл на бой. Не хочу. Когда-то я почти любил ее... Потому отныне я свободный фэйри, выбирающий свой путь. И пока я останусь подле тебя во исполнение данной клятвы и по собственному желанию.

Мария только кивнула, почти придавленная коротким трагичным рассказом Фэба, всегда казавшегося таким юным и беспечно-веселым. Правда, к какого рода веселью бывает склонен ее спутник, девушка уже успела узнать. Но слишком уж внешний облик Древнего не вязался с его истинной натурой, о которой приходилось напоминать самой себе, да и сам Фэб раз за разом демонстративно тыкал ее своими словами и действиями в очевидные отличия. Он был другим, и это было безумно, но безумно красиво. Теперь Сазонова понимала лучше те легенды о Холмах и о зачарованных сидами людях, которым довелось на краткий миг увидеть Древних, побывать в их компании и на всю жизнь сохранить тоску по самому недостижимому и яркому из всего, что они видели.

Сама Маша оказалась застрахована от этой безумной тяги-тоски лишь должностью ортэс и тем, что она уже успела повидать в жизни и, так сказать, на работе много чудесного, красивого и невыразимо

притягательного. Древние из Холмов были хороши, но рядом жили и другие, не менее интересные создания, потому ортэс могла спокойно любоваться Фэбом и его выходками.

Его намерение остаться, с одной стороны, немного тяготило Машу, с другой же, когда вспоминались все те случаи, когда Фэб Кнутовище оказался бесценным помощником, радовало. Ради спасения других, ради мудрых советов, ради собственной безопасности странные выходки фэйри можно потерпеть. А уж печенок и подавно не жаль.

— Потому, ортэс, я заключаю с тобой новый договор! Отныне и впредь, покуда мне не прискучит и покуда ты нуждаешься в моей защите, я буду рядом! — торжественно провозгласил фэйри. Правда, патетику момента портила хулиганская ухмылка, кривящая яркие губы Фэба. Кнут на поясе согласно прищелкнул.

Фэйри склонился к Маше, снова пребольно тяпнул девушку за нижнюю губу и слизнул чуть-чуть выступившей крови, закрепляя устную договоренность, как повелось с давних пор.

— И я тоже буду учить тебя искусству обращения с клинком! — продолжил добровольный защитник. Любимый кнут в руке его возник сам собой и превратился в гибкий прутик. Острый кончик ткнул девушку в бедро. Только после этого Фэб задорно скомандовал: — Защищайся!

И с места в карьер началось первое из череды занятий. Хлесткий прутик в руках Древнего оказался страшным оружием. Он неумолимо колот кончиком, хлестал, вертелся и кружился вместе с хозяином вокруг Марии. Ортэс запыхтела, потеряла небольшой синяк, потеряла место удара на попе и включилась в занятие.

Никакой площадки на природе или тренировочного зала в помещении фэйри в качестве специального места для занятий не признавал в принципе. Для него все было просто: где прут в руке и ортэс — там и подходящее место. Жизнь такая насмешница, что площадку для поединка может устроить где и когда угодно, не подстраиваясь под неумеху.

С тех пор так и повелось — Фэб гонял Машу с прутиком похлеще Зэра и Фалькора с мечами. Рыцари все-таки были людьми занятыми, с грузом обязательств, и часто уделять время девушке не могли.

Зэр вернулся к Дейдриану с коварной усмешкой, блуждающей на губах, и промолвил:

— Друг мой, теперь я не столь убежден в отсутствии у милейшей ортэс толики мстительности и истинного коварства. Видел бы ты эту парочку ледяных ребятишек, тоскующих на огороде у соседей девочки! Ее дед был великолепен даже без предварительного договора. Ты был прав, одоблив мое предложение привлечь Федора к наказанию.

Мальчишки, никогда не державшие в руках человеческих инструментов, вынуждены были изнывать от зноя, переодевшись в людские лохмотья, орудовать тяпками и в перчатках прилежно рвать сорняки на огороде пары старушек. И все это под гнетом твоего гнева и унижения из-за необходимости помогать жалким человечкам!

Дей молча кивнул с нечитаемой гримасой. На что-то подобное он и рассчитывал, утверждая как план действий слова, сгоряча слетевшие с губ Маши. Кивнул и покосился на окно заклинания, отражавшее глядящую белье девушку.

— Коварство у Марии? Увы, мой друг. Если бы. Тогда она уже не была бы собой, не была бы ортэс. Она слишком чиста и невинна для Экхарда. Ее сожрут, невзирая на любую мою защиту, если... — Черный Властелин не договорил, мотнув головой. Губы скривились в горькой усмешке.

— Думаю, ты ошибаешься. Вспомни демона, — намекнул дроу.

— Что демоны? — вяло отреагировал друг, машинально вороша и сминая рукой документы на широкой столешнице. Весьма вероятно, очень важные документы.

— Дей, это рогатое воплощение коварства ест у нее из рук. Ты слышал его слова. Рядом с Марией благодаря ее дару ортэс утихает его жажда крови и смерти. Так что Мария не только для тебя, для всего Экхарда — истинное сокровище. Рядом с ней твои подданные будут забывать о прежних склоках и кровавых инстинктах, они обретут способность мыслить здраво и, следовательно, договариваться между собой и с иными, даже светлыми. У нас есть белый рыцарь не из последних, чтобы стать гарантом переговоров с той стороны.

Дей отставил кубок, к которому тянулся, аккуратно отодвинул стопу бумаг и с чувством стукнулся лбом о столешницу, резюмировав:

— Я идиот!

— Всего лишь влюбленный, — покачал головой дроу. — Случается. Но даже твоя любовь, Дей, на пользу Экхарду! Осталось завоевать Машу и уговорить ее если не переехать к тебе, то хотя бы жить на два дома. С ее дедом ты общий язык нашел, обаяешь и ортэс. У нас достанет сил защитить ее.

— Мне нравится ход твоих мыслей, друг мой, — согласился Дейдриан, отодвигая на задний план свои романтические грезы и сосредотачиваясь на практической пользе применения ортэс в быту Черной империи. Нет, речь шла не о том, чтобы использовать девушку помимо ее воли, запутав в обманных сетях, но действительно использовать так, как по сути использует ее Вселенная для своей гармонизации. В конце концов, чем отдельный кусок вселенной — империя Экхард — хуже других ее уголков, которым помогла и продолжает помогать ортэс? В предложении Зэра действительно был смысл, и оно, если удастся воплотить его в жизнь, решало и личную сердечную проблему Черного Властелина.

— Мне тоже нравится ход моих мыслей, да и печеньки у ортэс вкусные, — с легкой усмешкой согласился коварный дроу. — Так что на твоём месте я бы прекратил рвать договор с черными дварфами, взял в сокровищнице первое из родовых колец и преподнес ортэс.

От ценного договора Черный Властелин пальцы отдернул вовремя, надорвать ценный документ не успел. А вот от предложения Зэра вздрогнул почти... испуганно?

— Ну... если не хочешь, давай я на ней женюсь ради империи, — с показной беспечностью и толикой жертвенности в тоне объявил Зэр и едва успел нырнуть под стол, скрываясь от комка черного пламени, испепелившего дверь за спиной.

— Я сам, — рыкнул Дей, взметнувшись из-за стола.

— О чем я и говорю. Иди, только дверь восстанови, этого после твоего огня никто не осилит. Паника по Экхарду поползет — враги в сердце цитадели! — намекнул довольный дроу, отряхивая косу от несуществующей пыли.

Глава 33

СТРАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Маша хлопотала на кухне, когда в дверь как-то неуверенно, всего одним звонком, позвонили. Отерев руки полотенцем, девушка поспешила в коридор. На пороге стоял Дейдриан, которого ни в коем случае нельзя было именовать Андреем.

— Ой, добрый вечер, а Зэр придет? — заулыбалась девушка.

И без того хмурый Черный Властелин помрачнел от этого вопроса еще больше и процедил:

— Нет.

— Жалко, я его хотела попросить лук нарезать, пока я картошку чищу, — пояснила девушка свою мысль.

— Я помогу, — выдвинул встречное вынужденное предложение Дейдриан и, получив в ответ благодарно-задумчивый взгляд Маши (а способны ли Черные Властелины в принципе резать лук, а не толпы недовольных их политикой?), последовал за девушкой на кухню. Кольцо первой помолвки так и осталось лежать в кармане нарядного камзола.

Для защиты красивой одежды великому и ужасному воплощению зла был вручен кремовый фартук с красно-черными хохломскими узорами. Поскольку альтернативой «хохломе» было только ярко-розовое кружевное безобразие в крупный белый горох — шуточный подарок мальчиков из группы на Восьмое марта, то Дейдриан поневоле принял предложенный наряд. Правда, нож для резки лука — массивный, хватистый, с длинным лезвием — Черному Властелину пришлось по душе куда больше «спецовки».

Маша была согласна с дедушкой Федей: чем лучок злее, тем вкуснее жаренная с ним картошечка и сочнее салат. Потому крупная луковица самого лучшего качества, уже очищенная, ждала на кухне своего героя-расчленителя. И дождалась!

Хороший нож в руках профессионала — и не слишком важно, что или кого именно обладатель холодного оружия привык пластать — способен творить чудеса! Так тонко и ровно лук для салата и картошки Маша никогда не смогла бы нарезать сама, да что Маша, даже у

дедушки так здорово не получалось! Потому Черный Властелин удостоился, наверное, в первый раз за все время общения с ортэс, восторженно-благоговейного взгляда высшей степени. Именно сейчас, а вовсе не тогда, когда одним движением брови переносил свою спутницу на морское побережье или организовывал дастархан мановением руки. Возможно, все дело в том, что с невероятными чудесами всех мастей, творящимися с ней и вокруг нее, Мария-ортэс свыклась, как с реальностью, данной в ощущениях, и принимала ее всю в комплексе, не вычлняя каждого отдельного творца невероятностей. А вот умелая шинковка лука — это да, это поразило девушку просто потому, что сама она, несмотря на долгую практику, такого уровня пока не достигла. А еще... лук действительно оказался злым. Из покрасневших глаз Дейдриана поневоле полились слезы. Он попытался смахнуть их рукой, испачканной в луковом соке, и лишь усугубил ситуацию. Слезотечение усилилось в разы. Впервые за всю историю сотворения мира Земля в этом пространственно-временном континууме рыдал Черный Властелин, причем совершенно добровольно и не делая попыток пресечь своих мук и покарать виновных. Маша, занятая нарезкой картошки, искоса поглядывала на умелого помощника и умиротворенно вздыхала. А что, Черных Властелинов во вселенной, небось, пруд пруди, а вот мужчин, которые так лучок могут нарезать, — точно наперечет! Повезло, что Дейдриан в гости зашел!

Лишь когда лук был порезан и пристроен — часть на сковороду для обжарки, чтобы потом картошечку сверху положить, а часть в салат, — Маша предложила красноглазому страдальцу промыть глаза в ванной и даже выдала чистое полотенце для лица.

Впрочем, труды Черного Властелина на ниве шинковки были вознаграждены по заслугам: картошку и салат с ним честно разделили за ужином. Ел Дейдриан с аппетитом, но мысль о кольце в кармане камзола крутилась в голове и никак не желала устроиться правильно.

Проще говоря, безжалостный Владыка Черной империи неожиданно для себя самого застеснялся. Он не был готов к пылким коленопреклоненным признаниям в стиле идиотов-рыцарей. Но и цинично, в командном стиле, оповестить Машу о своих намерениях тоже оказался не в силах.

У него язык не повернулся поставить вопрос ребром: «да» или «нет», и второй вариант, ортэс, кстати, не принимается, потому какое твое «да»?

Поэтому сначала гость просто делил с Марией трапезу, а когда девушка поспешила в комнату на звонок телефона, Черного Властелина осенило: «Наденет — значит, сказала „да“, не наденет — тогда буду думать, как убедить надеть!» Дейдриан выложил черное кольцо с прозрачным камнем на кухонный стол и исчез по-английски, не прощаясь.

Когда Мария вернулась на кухню, гостя уже не было, зато у плиты с остатками картошки вертелся Фэб, который вроде как не должен был есть ничего, кроме перечисленных в первый день странных ингредиентов, а на деле совал в рот вообще все, даже листочки домашних растений, если того желала его левая пятка.

Отправив лопаткой в рот порцию картошки прямо со сковороды, фэйри закружился веселой бабочкой по комнате, узрел на столе занятную побрякушку и недолго думая, скорее даже не думая вовсе, с возгласом: «Какая мощь!» — напялил себе на средний палец. Тут же издал протяжный крик бесконечной муки и свалился у стола, сворачиваясь в клубок.

Яркие глаза запульсировали неровным светом, как перегорающие лампочки, искаженный мукой рот смог выплюнуть всего одно слово:

— Сними-и-и!

Что вопль страдальца относится именно к перстню, Маша сообразила сразу и, не раздумывая, кинулась помогать. Присела на корточки и принялась стягивать с опухающей и чернеющей на глазах руки Фэба незнакомую побрякушку. Дернула раз, другой, третий, уже собиралась намыливать палец, а не выйдет снять, так и рубить топориком для рубки капусты, но перстень все-таки поддался. Почему-то Маша с ним отлетела в один конец кухни, а фэйри откатило в другой.

Он так и остался лежать на полу, тяжело дыша и вздрагивая, но, кажется, уже не испытывая прежней дикой боли. Опухшая и изменившая цвет рука на глазах приобретала здоровый вид.

Только убедившись, что шкодник жив-здоров, Маша разжала кулак, чтобы рассмотреть вещь, снятую с пальца Фэба. Перстень

внешне очень походил на тот, что носил на левой руке Черный Властелин: тяжелый черный ободок с наливающимся темной зеленью камнем. Только это украшение, едва не лишившее Фэба загребущей лапки, было несколько меньше и изящнее. Или перстень тот самый, просто ему вздумалось измениться?

Непонятно! Девушка пожала плечами и собралась положить опасный предмет в плоскую вазочку, чтобы вручить кому-нибудь из экхардцев при следующем визите для передачи владельцу. Не тут-то было. Украшение наотрез отказалось покидать ладонь Маши. Оно словно прилипло к коже. Положить его ни в вазу, ни на стол, ни в карман не получилось. Маша озадаченно сдвинула брови, изучая приставшую к руке, как пластырь, вещь.

— Не получается, — растерянно призналась девушка.

— Проклятый перстень? — недоуменно прохрипел Фэб.

Любопытство оказалось сильнее отголосков боли, гуляющих по телу. Фэйри нашел в себе силы встать и подойти, а не подползти к Марии, чтобы повнимательнее приглядеться к коварному украшению.

Смотрел минуту, другую, третью. Маша терпеливо держала перед лицом фэйри ладонь с вещицей. Наконец Фэб мотнул своей осенней гривой и озадаченно признал:

— Нет, не проклято. Вещь с предназначением. Но каким, не разберу до конца. Узы, сила, защита, начало. Но назначено не мне, потому так среагировало. Может, Черный тебе подарок сделать хотел или снял вещицу да позабыл?

— Ладно, спросим. Только с ладони бы его снять сначала, — пожаловалась девушка, не понимая, как избавиться от драгоценной липучки.

— Хм. — Глаза Фэба мстительно блеснули. — Сделаю!

И Древний, сложив из длинных пальцев какую-то причудливую комбинацию, смачно харкнул через нее на ладонь девушки. Слюна полыхнула золотом, а фэйри торопливо скомандовал:

— Бросай подальше! Ну же!

Подальше хозяйственная Маша бросать украшение не стала, а вот в приготовленную вазочку стряхнула и вымыла руки с мылом под краном. Кто их знает, этих Древних и странные украшения заодно, а вдруг они с опасными микробами?

Фэб на вазочку, поставленную на шкаф в комнате, косился с неприязнью, но скандалить и требовать сию секунду выбросить бяку из квартиры или переплавить не стал. Если вещь оставил Черный, то с ним и разбираться надо, а выкинешь не раздумывая — объясняй потом, куда дел.

Одним словом, Древний опасную штуку, едва не стоившую ему пальца или даже руки, предпочел не замечать демонстративно и столь же демонстративно погрузился в океаны музыки. На сей раз без танцев. Слушал, тихо свернувшись в кресле в невообразимый для человека клубок, и, прикрыв глаза, восстанавливал потрепанную болевым шоком нервную систему.

Маша только пожалела, что у нее нет телефона, с которого можно позвонить в Экхард и сообщить про перстень. Может, эту важную штуку случайно Дейдриан забыл, когда на кухне помогал? Но связаться с ним и спросить никакой возможности не было.

Зато звонок деда Федора позабавил. Старик был полон искренней благодарности серенькому парню с длинной белой косой, подбросившему пару прилежных работничков. Ледяные хулиганы, вкалывая «от забора и до вечера», отбывали трудовую повинность на огородах пожилых соседей по дачному кооперативу. Работала пара очень прилежно. Чем уж там им пригрозили или что пообещали за сельскохозяйственные труды, осталось для ортэс тайной за семью печатями. Может, страшной карой Черного Властелина, если загубят хоть росток? Но факт есть факт: парочка хамов безропотно, не показав недовольства ни словом, ни взглядом, ни жестом, искупала вину в поте лица, тела и кровавых мозолей, натертых непривычными орудиями труда.

Вечер плавно перешел в ночь, и Маша спокойно уснула, не ведая о тревогах и печалях, съедающих отдельные мужские сердца и души. Черные и жестокие...

Между тем в черной-черной империи в черном-черном замке в черной-черной комнате у черного-черного камина, полыхающего алым пламенем, с кубком багряного вина сидел Черный Властелин Дейдриан в самой черной-черной меланхолии.

Настроение Властелина грозовой тучей клубилось в замке. Дей затворился ото всех, дабы не убить подданных своим хлещущим через

край гневным разочарованием. Даже дроу, ощутивший настрой друга и Повелителя, сунулся к нему лишь спустя несколько часов, когда густое марево гнева и боли уже гудело рассерженным ульем, а не рвалось уничтожить каждого приблизившегося.

— Она отказала, — тяжело уронил Дей.

Теперь просто сидел, мрачно смотрел на огонь и пил крепчайший напиток, как воду.

Зэр озадаченно изучил Дея, кубок, камин и прилегающую к этому в качестве антуража давящую чернейшую атмосферу мрачности. Придвинул к огню еще одно кресло, сел и односложно спросил:

— Уверен? У женщин «нет» — это зачастую «возможно», а «возможно» — «да».

— Она не приняла перстень.

— Чем объяснила? — помрачнел Зэр.

— Она его не надела. Я оставил его на столе.

— То есть Черный Властелин Экхарда не снизошел до объяснений с ортэс? — почти зло уточнил дроу. — Ну, раз она тебе не нужна, тогда повторяю свое предложение: я сам могу ей перевить запястья паутиной! Такую силу упускать — преступление!

Дроу едва успел скатиться с кресла, уклоняясь от удара черным мечом. Клинок, возникший из пустоты, безжалостно развалил несчастный предмет мебели надвое.

Зэр не испугался, лишь встряхнулся, подвинул к себе целое кресло и уточнил:

— Значит, нужна. Тогда почему?

— Я не смог... Приказывать не хочу, просить — не могу, — сцепив зубы и склонив голову, выдавил из себя Дейдриан. — Но она не надела перстень. Значит, все равно отказала бы. Так к чему?

— Дей, а ты не поторопился? Без ухаживаний, без признаний. Оставил перстенок и счел вопрос решенным? Женщины романтичны, они любят, чтобы было красиво, — задумчиво поиграл своей опасной косой Зэр.

— Я не умею красиво и не буду ломать себя даже ради ортэс, — мрачно качнул головой Дей и тяжело вздохнул. — Мне уютно подле нее, но...

— Я понял, наша клятая гордость, — кивнул Зэр и прямо глянул на друга. — Но, Дей, она не твоя подданная. Ты велик, но она не в

империи, даже не рядом, она вне ее. И лишь от тебя зависит, захочет ли ортэс стать ее частью. Говорить и договариваться придется лично. Послы и посредники не помогут, а молчаливое повеление может показаться Марии унижительным. Если уже не показалось. Может, тебе стоит поговорить с Древним? Один стоящий совет насчет прогулки он дал.

Дейдриан хмуро молчал, будто и не слышал друга. Или не желал слышать. Лишь пальцы с такой силой сжимали кубок, что оставляли отпечатки. Это на сильдериме-то!

Утешать, наставлять или иным образом вправлять мозги другу Зэр не стал, просто посидел чуток рядом, слушая, как яростно ревело пламя в камине. О загубленном кресле речь вообще не заходила. Сломалось, и все.

Когда дроу ушел, Черный Властелин окончательно смял в ладони драгоценный и по определению «неубиваемый» кубок. Швырнул его в камин и понаблюдал, как не от жара пламени, а под его взором плавится прочнейший драгоценный металл, уступающий лишь мифраиллю.

Потом резко встал, простер руку и получил в нее два футляра. Вынул черно-серебряный браслет и тяжелое ожерелье-гривну ему под стать, сунул в нагрудный карман и шагнул, просачиваясь черным дымом среди черных теней между мирами.

Звонить на пороге, когда обладаешь даром с легкостью преодолевать любые преграды, — есть в этом что-то странное и почти ритуальное. Так думал Дейдриан, нажимая кнопку дверного звонка поутру.

Маша, взлохмаченная, но уже не спящая, открыла дверь и распахнула в удивлении глаза:

— Ой, здрасте! А мы тут гадали, ты вчера колечко на столе забыл или не ты? Если что, оно в вазочке лежит, целое.

— Кольцо? — начал подозревать недоброе Дей.

— Ага, с камнем, оно там, на шкафу, — махнула Маша рукой в ту сторону, откуда тянуло характерным ароматом черной силы родного артефакта. — Не потерялось!

— Я его не терял, — хмуро ответил Черный Властелин, снова начиная остро чувствовать свою ненужность и неуместность подле ортэс. Где-то там, на ее кухне, певчей птичкой чирикал осенний

фэйри, звеня посудой, летнее солнце ломилось в окна, подсвечивая рыжие прядки девушки, как ореол белой святой.

— О? — Ортэс вопросительно насупила брови.

— Случилось и, скорее всего, случится много всякого. Ты нуждаешься в защите. Если ты примешь перстень, браслет и гривну, я смогу защитить тебя.

Маша продолжала стоять на пороге и озадаченно хмуриться. Смысл сказанного Черным Властелином не доходил до нее. Зачем ей принимать какие-то украшения, когда у нее есть Фэб, меч-браслет, есть сила ортэс? И вообще, носить столько украшений сразу ей просто не нравится.

Поэтому девушка вздохнула, наморщила нос и просительно уточнила:

— А это обязательно? Мне бы не хотелось...

— Нет, не обязательно, — глухо проронил Дей. Звякнул, испаряясь из вазочки, перстень.

Глава 34

ЧИСТЫЙ МИР

Гость развернулся на пятках и собрался исчезнуть. Не успел. Золотым и красным полыхнул портал, увлекая ортэс и Черного Властелина в иные миры и пространства. Каким бы крутым ты себя ни считал, каким бы могущественным ни был, всегда найдется то, тот или те, кто окажется круче, выше, сильнее.

— Где это мы? — закрутила головой Маша, машинально поправляя на плече ляпочку верного рюкзака.

Вокруг было до странности пустовато. Серая чаша неба, чернильно-серая чаша вод, обломки серых скал. Побережье. Но ничего общего с тем, где она недавно купалась, или даже с другим, грозно-штормовым, не имелось и в помине. Кроме шума вод — никакого иного. Ни плеска рыб, ни криков птиц, обыкновенно гнездящихся в скалах, — ничего.

Черный Властелин нахмурился еще сильнее и сделал какой-то хитрый жест рукой. Ничего не произошло. Дей сделал другой жест — с прежним результатом. Маша между тем сходила к воде, зачерпнула, попробовала и озадачилась:

— Соленая! Но чистая! Странно, если море, почему ни одной ракушки нет?

— Здесь ничего нет. Чистый мир, пустой, — сумрачно проронил Дей, встав рядом с ортэс. — Ни живых, ни мертвых, ни силы, разлитой в воздухе. Ничего.

— Хм, спасибо за подсказку! — призадумалась девушка. — Тогда, значит, нужно сделать так, чтобы жизнь здесь проснулась, и поскорее. Совсем не хочется миллионы лет ждать самозарождения первобытной слизи.

— Жизнь сама по себе нигде не возникает, — проронил Дейдриан. — Она всегда возгорается из искры силы. Будь то божественная воля, акт магического творения или кровавая жертва...

— Э... — снова нахмурилась Маша. — А здесь пусто, потому что ничего такого не случилось?

— Воистину, — подтвердил Дейдриан.

— А крови много нужно и как ее отдавать? — уточнила ортэс, принимаясь крутить возникший в руках клинок. Вот только смотрела при этом не на Черного Властелина, как на единственную потенциальную жертву, а на свои руки.

— Вся! Не смей, — рыкнул Дей почти торопливо, пока эта невозможная девушка не принялась кромсать саму себя ради никчемного пустого мира.

— Всю не смогу, — согласилась Маша и вслух посетовала: — Жаль, Фэб на кухне остался. Он изобретательный, непременно что-нибудь придумал бы. Больше нет вариантов?

— Если у тебя есть семена, — иронично начал Черный Властелин, — то подойдет ритуал сотворения жизни.

— Семена? — закусила губу Мария, машинально сунув руки в карман старых джинсов, и просияла: — Есть! Есть семена! Я осенью в карман головки ноготков совала и не вытрясла штаны толком! Ну-ка!

Перебросив рюкзак на другое плечо, ортэс принялась шарить в карманах и доставать, перекладывая себе на ладонь, похожие на криво остриженные коричневые ноготки кусочки. Один, два, три, четыре, пять.

— Это что? — почти брезгливо уточнил Дей, много чем интересовавшийся в жизни, но садоводством — ни разу! Это в обширную сферу его интересов и увлечений не входило.

— Ноготки! Ну... календула! Оранжево-желтые цветы, красивые и лекарственные. Семена еще точно всхожесть не потеряли. Вот! Они прошлогодние, с дачи!

— Цветы... — прикинул Черный Властелин и, не видя иного выхода, постановил: — Пробуем! Сколько у тебя всего семян?

— Сейчас! — Маша снова добросовестно пошарила по карманам, фактически выворачивая их наизнанку, и вытащила еще несколько ноготков. — Вот!

— Семь, — педантично подсчитал Дейдриан, коснувшись черным ногтем каждого семечка. — Хорошее число.

— И что с ними делать? Тут и посадить-то семена некуда. Одни камни, чуток песка и вода соленая. Пресная у меня в бутылке есть. Если только в песок подальше от воды? — Маша в ожидании ответа подняла взгляд на Дейдриана. Озадаченность мешалась в ее глазах с надеждой.

— Я начерчу нужный знак, по моим меткам посадишь семена, — приказал Черный Властелин, окинул пустой мир хозяйским взглядом и привычно скомандовал: — За мной, ортэс.

Вести, приказывать и повелевать для него было столь естественно, что выходило ничуть не обидно. И не зазорным полагала Мария следовать его словам, поскольку Дейдриан точно знал, что нужно делать.

Местечко Черный Властелин, никогда и не питавший склонности к садово-огородным работам, выбрал удачное даже с точки зрения дачной специалистки Сазоновой, обученной дедом. Под защитой нагромождения скал, но так, чтобы свет и тень в равной степени доставались будущим посадкам.

Переключившись в деятельный режим решения практической задачи, Дейдриан отложил свою мрачную обиду на отвергнувшую его девушку и целиком сосредоточился на главном: выбраться из замкнувшего их в себе мира.

Странная не то грядка, не то гептограмма — банальный семиугольник из песка, часть которого Черный Властелин измельчил до более мелкого состояния при помощи собственных пальцев, — была готова уже через десяток минут. Используя вместо палки тот же инструмент, данный от рождения, Дей тычками сделал семь отверстий под странные семена ноготков.

— Помести их сюда и полей, — последовало его очередное распоряжение после сотворения гепто-грядки.

Маша в точности исполнила требуемое и спросила:

— Все?

— Все. Пока все. Теперь только ждать, ортэс, — пояснил Дейдриан и, видя, что девушка ничего не поняла, расширил рамки объяснений: — Сила в пустом мире, где вовсе нет магии, неспособна пробудиться. Ей не от чего оттолкнуться, не на что опереться: ни жизни, ни смерти, ни энергии сознающих себя стихий, ни богов, ни демонов, ни иных сущностей. Придется ждать искры проявления жизни. Ее я смогу использовать для творения магии.

Разумеется, оттолкнуться можно было бы не только от жизни, но и от мучений или смерти, но этот путь Черный Властелин отмел сразу как опасный. Задвигая подальше само осознание того, что ему противно причинение боли этой рыжей девочке, Дей упирал на то, что

пытка или убийство ортэс не пройдет безнаказанно даже ему, а потому выход с семенами рассматривал как единственно возможный. По крайней мере пока.

— Может, тебя искать будут и найдут быстрее, чем семена прорастут? — задумалась Маша. — Меня-то Фэб вряд ли сможет выручить.

— Я бы на это не рассчитывал, — качнул головой Дейдриан. — Лишь твой портал открылся в чистый мир, ортэс. Для иных он неприступен.

— Жаль, — вздохнула Маша и вытащила из рюкзака два протеиновых батончика. Один отдала собрату по несчастью. — Я еды с собой много не ношу, только кое-что по мелочи. Еще шоколадка есть, но от сладкого пить хочется, а у нас пресной воды пока нет.

— И ты, не зная, сколько нам здесь ждать спасения, делишься последней едой? — невольно, хотя, казалось бы, уже пора привыкнуть к закидонам ортэс, удивился Дей.

— Одна я все равно ничего не смогу, — пожала плечами Маша. — Я ничего не понимаю в такой магии. Меч здесь... я чувствую, что могу его снова вызвать, но он будет только мечом, для портала не время. И сила леса спит, наверное, она не проявится, пока нет ни одного растения, нет, как ты сказал, жизни.

— Что ж, пока не действует магия, но действует твой меч, ортэс, нет желания решить проблему Черного Властелина? — криво усмехнулся Дей, провоцируя собеседницу. — Я меча призвать не могу.

— Как решить? — озадачилась Маша, хмуря пшеничные брови. — Тебе тоже нужно сейчас помочь? Но я ничего не ощущаю. Или это из-за того, что колдовать не умею?

— Магии нет, и ты ничего не ощущаешь, — горько согласился Дей и с каким-то отчаянным весельем провозгласил: — Тогда давай свои яства.

Дей решительно вынул батончик из пальцев девушки и, перехватив ее опускающуюся руку, запечатлел на тыльной стороне ладони поцелуй. Развернул лапку ортэс другой стороной и снова поцеловал крепкую руку с нежной, уже тронутой загаром кожей и аккуратными, коротко обстриженными розовыми ноготками. Никакого лака или причудливой краски с узорами. И эта естественная прелесть показалась Дею столь притягательной, что он не удержался и

продолжил поцелуи. Маша вздрогнула было и чуть дернулась, не понимая, что происходит, а потом ее осенило:

— А-а-а! Это тоже для магии надо?

— Воистину, — с энтузиазмом согласился Дейдриан и продолжил начатое, украдкой любуясь широко распахнутыми озадаченными глазами с карими и зелеными лучиками.

Дей так увлекся, что почти пропустил изумленный вздох. Но лишь почти. Черный Властелин резко выпрямился, загоразживая собой девушку, и обернулся на странный звук, показавшийся ему смешением всхлипов, скрежета и свиста, растянутого во времени.

Перед единственными садоводами пустого мира ввысь возносились, увеличиваясь, утолщаясь, переплетаясь между собой, заслоняя небо, семь здоровенных стволов, на которых покачивались гигантские ярко-оранжевые головки цветов с темными, почти черными, такой густоты была их зелень, листьями. А еще, кажется, на стеблях толщиной с молодую березу имелись шипы.

— Ну и клумба! Или теперь будет правильнее сказать — роща?! — выдохнула изумленная девушка.

Озадаченному Дею оставалось только проглотить вопрос о стандартных размерах ногтей. И так понятно: если девушка удивилась, то цветы несколько превзошли ее ожидания. К счастью любопытного Властелина, ортэс раскололась сама, пробормотав:

— Из таких цветочков букет не нарвешь, — а потом добавила, когда от головок с треском сорвалась россыпь разноцветных искр: — Зато магия в них точно есть.

— Есть, — стараясь выглядеть невозмутимым, согласился Дейдриан, пытаясь просчитать, какая бездна силы открылась ему в нескольких невинных поцелуях руки ортэс. Пустой, лишенный сил мир теперь гудел от наполняющей, ширившейся и питающей саму себя мощи. Неужели такова сила живого гармонизатора? Сила, власть, могущество... Он не запускал чар преумножения силы, не раздувал их сознательно и кропотливо из единой искры растительной жизни. Все случилось само, когда первый признак жизни невинных цветов смешался с неконтролируемым жаром его разочарованного отказом сердца. Все-таки в магии эмоций есть определенные достоинства, проистекающие из ее же недостатка — сложности контроля и невозможности регулировки интенсивности воздействия. О, Дей не

отказался бы изучить эти аспекты вместе с ортэс, жаль, что она пока была не склонна принимать его ухаживания. Но, взвесив, как Мария реагировала на поцелуи руки, Черный Властелин уже не видел реальность в кардинально черном цвете.

Он заставит ортэс увидеть в нем не только очень умного знакомого, заходящего порой на чай, а мужчину. Хотя нет, слово «заставит» по отношению к Маше царапнуло душу. Пожалуй, он покажет, а ортэс увидит. Она нужна империи, она нужна ему, а значит, будет так, как он захочет! Рано или поздно, но скорее рано, потому что ждать он не желает и отдавать ее всяким соплякам, да даже Зэру, демонам и пронырливому фэйри, не намерен!

Утвердившись в этой мысли, Дей снова переключился в режим анализа магического роста ноготков, сейчас соревнующихся размерами с деревьями, и уточнил:

— Скажи, какого цвета эти растения обычно?

— Сами цветки почти такого же, чуть менее яркого, а листья обычно нежно-зеленого цвета, и колючек на стебельках никогда не бывает, они же не роза и не шиповник, — добросовестно отчиталась Маша.

— Хм, и посеять такие цветки не составит труда. — Недобрая улыбка скользнула по губам Дейдриана, уже мысленно проектирующего такие заросли на границах своей обширной империи. «Ограда ортэс», пожалуй, такое название им вполне подойдет.

— Теперь здесь будет магия, — констатировала Мария, продолжая глазеть на удивительные, мощные и грозные, кажется, полные статического электричества цветы. Они были грозными и в то же время изящными.

— Будет, — согласился Черный Властелин и, присев на корточки, зачерпнул горсть мелких камней, которые превращал в песок для посадки ноготков. Переключившись на привычное магическое зрение, без которого он ощущал себя слепым котенком, Дей пропустил в пальцах песок и удивленно хмыкнул. — Минерал — естественный катализатор роста, кто бы мог подумать! — И Черный Властелин снова довольно улыбнулся тому, какие перспективы открывает его империи этот, казалось бы, пустой и совершенно бесполезный мир.

Когда засиял портал ортэс, на доли секунды опережая аналогичное готовое к активации творение Дейдриана, он испытал

даже толику досады на столь быстро подошедшее к финалу приключение.

И не надо думать, что Черный Властелин размышлял лишь о том, чтобы при помощи чудодейственного минерала подрастить до устрашающих размеров чудовищных монстров своей армии. Нет, о чудовищах он, конечно, тоже думал, но гораздо больше о сельском хозяйстве. Потому как даже самую черную империю, вернее, ее многочисленных подданных, требуется регулярно и сытно кормить. Так что отныне мир получал название и по праву собственности первооткрывателя присоединялся к Экхарду.

Глава 35

ВМЕСТО ЧАЯ

Портал увлек Машу и ее спутника назад, на Землю. Дей шагнул вместе с девушкой, чтобы убедиться в ее возвращении домой, а не в иные, более опасные края.

Рыжий вихрь встретил их у порога. Фэйри был отчаянно зол. Сузив янтарные глаза, он зашипел разъяренным кошкой, ухватив девушку за грудки:

— Никогда более так не делай! У нас договор, скрепленный словом и кровью, ортэс!

— Прости, Фэб, портал слишком быстро открылся, — повинулась Маша и сочувственно погладила Древнего, злобно сверкавшего глазами, по голове. — Я не успела! Тебе очень плохо было?

— Ортэс, ты воистину дура! Я более не зависим от силы. К тому же что мне сделается в твоём жилище под сенью иалозии? Сюда теперь никому, злой умысел в душе таящему, пути нет. Но ты исчезла, почти оборвала нити, — тряхнул головой, сбрасывая ее руку, Древний.

— Чистый, пустой мир без жизни, — проронил Дейдриан, начиная раздражаться то ли от воплей фэйри, то ли от того, в какой близости к ортэс тот находился и как панибратски с ней обращался.

— Ты сокрушил его, Черный? — почти уверенно спросил Фэб, не подозревая о реакции Дея на свои почти невинные действия.

— Нет, мы его изменили, дав искру жизни и магии, — проронил Черный Властелин.

— Сколько же вам там довелось провести? — почти ужаснулся фэйри, отбрасывая свои капризы и скандальное настроение. Теперь на Машу он смотрел в большей степени для того, чтобы определить, насколько пострадала девушка. Люди же столь невыносимо хрупки!

— Четверть свечи, — прикинул Дейдриан, и наградой ему стали удивленно расширившиеся очи Древнего. Выбраться оттуда, куда в незапамятные времена фэйри порой ссылали на верную и мучительную смерть без магии, составлявшей саму суть их бытия, было практически нереально. Во всяком случае, с точки зрения Фэба. Сказал бы совершенно невозможно, но, поскольку во Вселенной

возможно все, фэйри принял как должное и ничтожную вероятность возможности выйти из мира-пустышки, лишенного магии и жизни.

— Ты воистину обладаешь неизъяснимым могуществом, — склонил голову Фэбалькир перед, пожалуй, единственным, что уважал безоговорочно, — перед силой.

— На стороне ортэс играет Вселенная, — пожал плечами Дей, не принимая незаслуженной похвалы. — Ее не послали бы туда, не дав в руки орудия для решения проблемы.

— И ты исполнил роль этого орудия, — заключил фэйри, тогда как Черный Властелин вообще-то имел в виду лишь семена цветов. Но, признаться честно, невольно Древний ляпнул чистую правду. Его, Властелина Экхарда, по-видимому, действительно использовали некие высшие силы как средство оживления нового мира. Что ему оставалось? Негодовать на такого рода подневольную благотворительность или радоваться тому, что решили использовать его, а не подвергнувшегося под руку Фэба? Скорее все-таки радоваться, потому что способ, каким мог оживить мир фэйри, имея в заглавнике неистощимую фантазию, невинную девушку и семена, Черному Властелину вряд ли пришелся бы по нраву. Пожалуй, этого проныру стоило бы устранить, если бы он не был столь полезен ортэс. Сжать шею до хруста и...

Вместо этого Дейдриан сделал над собой усилие и притушил нарастающую волну ревнивого гнева. В обществе ортэс, верный друг Зэр не ошибся в выводах, это было возможно.

— Мария, — обратился Дей к девушке. — Я желал бы нанести тебе визит завтра.

— Хорошо, приходите вечером! Когда я с практики вернусь, печенья испеку и шарлотку. И Зэра зовите! Надо еще Фалькору весточку отправить! — рассиялась Маша, не замечая, как мрачнеет Черный Властелин.

Планы на романтический вечер летели в бездну, свидание тет-а-тет стремительно перерастало в обычные приятельские посиделки. Но унявшееся раздражение заодно подарило и способность мыслить ясно. Приглядеться к тому, как Мария реагирует на других мужчин, нет ли у нее сердечной склонности к кому-то из... хм... друзей, пожалуй, стоило. Ни белому идеалисту, ни лучшему другу Дей уступать не собирался, потому что изучить поведение ортэс несомненно стоило.

Полосатая голова склонилась в легком согласном кивке, и Черный даже снизошел до подсказки:

— Врученный тебе рыцарем знак может передавать послания. Не более нескольких слов.

— Да? Как? — наивно распахнула глаза ортэс, готовая следовать инструкциям.

— Положи руку на знак и четко представь, что хотела бы сказать рыцарю.

— О, как эсэмэска или ватсап! — снова заулыбалась Маша. — Я попробую, спасибо!

— Не стоит благодарности, — почти отмахнулся Дей, мстительно подумав, что белому рыцарю его общество доставит куда большее неудобство, чем самому Черному Властелину компания нового главы Белого ордена. Это будет, пожалуй, даже забавно: разделить с ним трапезу, а не убить, как многих иных белых предводителей, с которыми сталкивала Дейдриана бесконечно долгая жизнь. Пожалуй, его личное кладбище белых было куда крупнее стандартного погоста близ иной столицы.

На этом общение с иномирными гостями (не считая иномирного постояльца фэйри) для Марии завершилось. Черный Властелин удалился по своим черным или не очень черным властелинским делам, предоставив ортэс возможность заняться учебой. Практики никто не отменял и академического отпуска предоставлять не собирался. Маша и не требовала: слишком прочно в голове у нее сидела мысль о важности образования и необходимости завершать начатые дела.

Приглашение на вечернее чаепитие через почетный значок Сазонова отправила первым делом, правда, не была до конца уверена, что Фалькор ее услышал, понял и так далее. Но, кажется, медалька, пока она отбивала эсэмэс, потеплела, и отклик-согласие пришел. Не сама же она у себя в голове громогласно трубила о радости узреть Солнечную Деву? Саму себя она вообще предпочитала именовать Машей и зреть, если уж приспичило, исключительно в зеркале.

Потому печенья Маша после практики напекла с запасом и шарлотку приготовила в самой большой форме, да еще и литровый чайник с заваркой сделала, чтобы всем хватило. Лучше пусть останется лишнее, чем не хватит! Фэбу сразу выделила тарелку для его

доли и легонько нашлепала по загребушим рукам, тянущимся за добавкой.

Когда на улице стало смеркаться, девушка зажгла лампу на кухне, и, словно сочтя это сигналом-приглашением, в дверь позвонили. Маша щелкнула кнопку чайника на кипячение и поскакала к двери, гадая, кто именно ждет за порогом. И не угадала! Потому что явились все трое званых гостей.

То ли встретились перед дверью, то ли Зэр с Фалькором сговорились заранее. Докапываться до таких мелочей Мария не стала.

— Добрый вечер, проходите! — заулыбалась девушка, ей невольно улыбнулись в ответ все, даже Дей, пусть и одним уголком губ.

Так же дружно все шагнули вперед и прошли сквозь красно-золотой портал, вспыхнувший столь рьяно, что на сей раз едва не ослепил девушку. Когда она проморгалась и огляделась, поняла: вечернее чаепитие накрылось медным тазом.

Они все оказались неизвестно где. И в этом «неизвестно где» было темно, тянуло сыростью и камнем, слышалось, как капает вода. Словно в гигантском подвале, где случилась авария. Над головами довлело нечто незримое, но ощущаемое как многие тонны скал.

Первые мгновения незапланированного перемещения мужчины все вели себя на удивление тихо. Лучший способ прожить подольше — не привлечь к себе внимания неизвестного врага до того, как станет известно, против кого придется биться, где и на каких условиях. В этом и черные, и белые были солидарны. Что удивительно, точно так же вел себя даже фэйри, которого в монохромной гамме идентифицировать не получалось. Он был разноцветным! Но все, сместившись совершенно неслышно, постарались прикрыть собой ортэс как наиболее слабую из компании.

Даже дыхание в первые секунды Маша слышала только свое. Потом раздался низкий голос Дейдриана, разбивший тишину:

— Здесь нет живых и мертвых. Заклятий-сторожей тоже нет. Некое древнее плетение чувствуется на грани восприятия, но оно погружено в глубокий сон.

— Значит, это не пустой мир? — полюбопытствовала ортэс.

— Нет, — проронил Дей, зажигая на ладони сгусток совсем не черного, а бледно-голубого пламени, сходного с горящим газом, и

подкидывая его вверх. Там сгусток будто сам по себе рассыпался на несколько шаров, осветивших гигантскую пещеру, лишенную иных источников света. Зато серых, фиолетовых и густо-синих сталактитов и сталагмитов, подтверждающих факт нахождения именно в иномирной пещере, тут было в избытке, счастье еще, что ни один из невольных гостей ни на что не напоролся. — Это мир — точка отсчета.

— А? — не поняла слов девушка, машинально поправляя рюкзачок, где теперь в дополнение к общему набору лежал и пакетик с семенами. И батончиков снова было два. Врученный ему Черный Властелин не вернул, хоть и не съел при ней. Требовать по возвращении неиспользованную еду назад Маша, понятное дело, не стала.

— Точка конечного отсчета? — уточнил напрягшийся Фалькор, а Фэб рассмеялся задорным звенящим смехом маньяка-оптимиста, подлетая к потолку:

— Гибель миров мне еще устраивать не приходилось!

— Я не уверен, что нас переместили именно для этого, — хмуро заключил Дейдриан.

То, что его слишком часто стали использовать без его ведома, бесило невероятно, не утешала даже мысль, что этим занялись некие столь непостижимые создания, что он не ощущал проявления их могущественной воли ни в чем, кроме самого действия.

Шутки Творца! Они с Зэром думали о том, как ортэс пригодится Экхарду, а пока сами пригождались ортэс в ее миссиях. Похоже, сейчас случилась очередная, и, коли под сводом древней пещеры стоят пятеро, нужен каждый.

— Свет, тьма, сила извне, сила, лишенная красок, и сила гармонии в смешенье дадут ключ, что крушение отменит и к жизни ведет, — провозгласил Фэб, в очередной раз решивший прогуляться по стенам и потолку, как по полу.

Волосы, кстати, у него не свисали вниз, а кружились облаком вокруг головы, словно фэйри не бродил вверх тормашками, а плыл. Правда, Маша давно уже привыкла к тому, что у ее постояльца своеобразные отношения с гравитацией. И вообще физические законы, кажется, на фэйри не всегда действовали или действовали иначе. Или работали лишь тогда, когда ему этого хотелось. Особенно в последнее

время. Наверное, и в самом деле он обрел некое могущество, равное Королеве Двора.

— Ты чего? — удивился Фалькор, нервно дернувшись от рифмованного объявления. После посещения водопада и речей лопухого монаха белый рыцарь всегда дергался, заслышав стихи. Даже простую лирику, даже белые стихи.

— Я читаю, на полу написано, — ответил Фэб, ткнув пальцем вниз.

— На каком наречии? — тут же уточнил Дей.

— На... — начал было уверенно отвечать фэйри и заткнулся, а потом растерянно ответил: — Секунду назад, пока ты не спросил, был уверен, что на древнефэйринском, а теперь скажу, что на любом. Надо только сверху смотреть и желать прочесть. Как так?

— Обычная издевка черных, — почти скупающе пожал плечами Дейдриан. — Шанс предотвратить неотвратимое должен быть предоставлен, явный шанс, но кто сказал, что черные будут играть по правилам? Никому и в голову не пришло бы читать письма с потолка. Никому, кроме тебя, Древний.

— Да, я замечательный! — с апломбом согласился Фэб.

— Нам всем надо что-то сделать здесь, чтобы вернуться, — сообразила-таки Маша насчет миссии.

— Именно, ортэс, — хмыкнул Зэр. — Повелитель, не объяснишь ли?

— Хм... — Вместо ответа Черный Властелин повторил трюк Фэба с прогулкой на потолке, присоединившись к фэйри среди относительно пустого участка без сталактитов. Его волосы, кстати, как лежали ровной волной на плечах, так и остались лежать.

Все, застывшие на полу пещеры, не без зависти покосились на поправшую законы гравитации парочку. Дейдриан постоял на потолке, изучая пол и стены, подсветил пещеру еще несколькими дюжинами шаров и присвистнул.

— О, картинки! — продолжил веселиться Фэб, обнаружив новый источник зрелищ.

— Это карта нашего региона миров, — мрачно поправил фэйри Черный Властелин. — Магический механизм, встроенный в эти скалы, должен запустить процесс уничтожения многих десятков из них. Моя империя туда входит, твой белый клочок, кстати, тоже, рыцарь.

— Отсюда механизм не только включается, но и выключается? — с надеждой предположила Мария.

— Воистину. И как именно, фэйри уже прочел, — согласился Дей. — Мы все — носители нужной для отключения заклинания силы.

— То есть мы его уже отключили? — с надеждой выпалил Фалькор.

— Нет, отключение запускается при одномоментном проявлении нужных сил в нужных точках пещеры. Тебе, белый, то есть олицетворению света, надо будет пройти левее на три шага и встать у того сталагмита, похожего на лиловую скошенную шляпу. Свое место я вижу, Мария, сила гармонии, сразу заняла нужное при перемещении. Зэр, подайся на пять шагов назад и направо к черно-серому сталагмиту-клинку.

— Я, стало быть, сила, лишенная красок? — хмыкнул воин, в точности следуя распоряжению Властелина. Хорошо хоть Фалькор не стал возмущенно вопрошать, почему черный идет к камню-клинку, а на его долю выпала скала-шляпа.

— Дроу серы, — проронил, напоминая, Дей.

— А я — сила извне! — ликующе воскликнул Фэб и приземлился куда-то в гущу сталагмитов левее Марии.

— Силу нужно будет обозначить одновременно, — тем временем продолжил рассуждать Дей. — Кровь? Нет, если кровь, то это и жизнь, и смерть, может сработать обратная активация — запустится механизм уничтожения...

— Тогда надо плюнуть! — звонко подал идею фэйри.

— Вода... Да, подойдет. Вода и токи естества, она сама возьмет нужную долю силы, — после недолгих прикидок и мысленных расчетов согласился Черный Властелин.

Пятеро заняли свои места в нужных точках пробуждения спящего заклинания, способного стереть с лица вселенной миры. И заняв, дружно, по хлопку ладоней ортэс, сплюнули. Миг-другой тишины, когда слышна лишь капель, сменился далеким гулом и скрежетом, переросшим в оглушительный грохот. Потом смолк и он.

— Получилось? — уточнил Фалькор, утирая пот, выступивший на лбу, и приваливаясь спиной к сталагмиту. Ноги не держали.

— Да, спящее не пробудилось, а развеялось, — констатировал Дейдриан.

— Хорошо, — довольно улыбнулась Маша и мягко осела на камни.

— Человечка! — первым к ней прыгнул Фэб, завопив негодуяще, почти в панике. — Ты чего, человечка? Не смей! Не гасни! На, пей!

Древний рванул острыми зубами свое запястье и прижал ко рту ортэс. Маша невольно глотнула и закашлялась, ресницы затрепетали. Закатившиеся было глаза с трудом открылись.

— Пей, человечка, по доброй воле делюсь с тобой силой и жизнью! — сурово велел Фэб.

— Твоя кровь — она и в самом деле на вкус как сок, вишневый... — прошептала девушка. — Но я не хочу ее пить!

Пальцы Маши коснулись запястья фэйри, залечивая нанесенную им самим рану.

— Тогда надень, — сурово велел Дейдриан, в свою очередь склоняясь над девушкой и протягивая ей перстень с черным камнем, от которого инстинктивно отшатнулся Фэб. — Тебе нужна сила, ты слишком много отдала для развеивания заклятия крушения миров. Каждый из нас отдал. Моя вина, заклятие вбирало в себя силу, равняясь по самому могущественному из пятерых.

— То-то я чувствую себя новорожденным щенком — мокрый и ноги подгибаются, — хрипло каркнул дроу. Правда, на двух ногах он все-таки стоял сам, не пользуясь подпоркой-сталагмитом.

Бодрым, как обычно, выглядел лишь фэйри, но тот, кажется, и помирая, не стал бы стонать и показывать слабость. Вот для игры на публику — всегда пожалуйста, но не иначе.

— Перстень, ортэс, я хочу защитить тебя и разделить силу. Прими его по доброй воле и с открытым сердцем!

— Солнечная Дева! Остерегись! — нашел в себе силы встрять Фалькор, чем заслужил пару убийственных взглядов. — Черные дары ловушки в себе таят!

— В том, что зла даром своим не несу, готов клятву любую принести, — в пику отчаянному воплю рыцаря продолжил Дейдриан.

— Дей... — Зэр лишь качнул головой, не пытаясь вмешиваться.

— Это помолвочный перстень, — между тем все-таки продолжил Дейдриан.

— Но тогда зачем? — все еще очень вяло, пусть сила фэйри частично и наплатила ее, спросила Маша.

— Зачем мужчина предлагает женщине свою силу? Потому что желает разделить с ней судьбу, — промолвил Дей, не так и не в таком месте представлявший себе объяснение с девушкой. До недавнего времени он вообще не предполагал, что захочет соединить свою судьбу с иной и будет готов произнести слова признания, однако же все изменилось.

Ортэс изумленно распахнула свои невозможные глаза.

— Это лишь перстень — воплощенное доказательство моих намерений, ты примешь его для размышления над моим предложением. Лишь принятие всех иных артефактов подтвердит твое согласие. Возьми перстень, ортэс, его сила поможет тебе исцелиться.

Черный Властелин с истинно властелинским коварством воспользовался слабостью девушки и надел фамильный перстень ей на пальчик. В отличие от Фэба ортэс вовсе не стала кричать от дикой боли и пытаться содрать украшение. Она все еще тонула в ощущении величайшего изумления. А потом наивную девушку осенило.

— Это чтобы я скорее поправилась?! — «угадала» Маша.

— То — одна из причин, — дипломатично согласился Дейдриан, разумеется, желавший избраннице поскорее оправиться после столь значительной жертвы сил. На остальных ему было почти плевать — белый выносливый, фэйри вообще создание фактически бессмертное, а личное могущество дроу таково, что хоть и уступает силе Властелина, но не настолько, чтобы нанести существенный урон здоровью. Через клятву сюзерена Дей это ощущал явственно и готов был помочь, коли возникнет нужда.

— Ой, спасибо, — польщенно улыбнулась Маша.

И Дей сразу заподозрил, что девушка опять как-то не так, как надо, его поняла, но прямо здесь и сейчас учинять допрос не стал. Самое главное случилось — она оставила перстень на пальце, и если не снимет его хотя бы луну по своему времени, тогда и без явного предложения он сможет надеть ей на руку браслет.

Фалькор набрал было воздуха в легкие, чтобы вострубить о подлости черных, но от Зэра получил тычок под ребра и ехидный шепот на ухо:

— Промолчи, белый, если желаешь счастья ортэс. Я тебе все объясню. Так надо!

— Клянешься, что не злоумышляете? — тоже практически шепотом рыкнул рыцарь.

— В том, что ортэс касается, — да. И подумай, белый, именно ваши ей зло пытались причинить. Так пусть Властелин защиту даст. Дорога ему Мария.

— Воистину лишь истинный свет любви способен мрак рассеять, — пришел к странному выводу Фалькор и, оставив попытки вывести Дейдриана на чистую воду, довольно улыбнулся.

Зэр лишь передернул плечами. Почему у белого рыцаря любовь должна враз перекрасить Черного Властелина в какой-то иной цвет, дроу не понимал. Это же не краска в палитре очередного мазилки. Но переубеждать белого не рвался. Хочет так думать, пусть думает, лишь бы скандалов не затевал и планов не срывал. А то несчастный в любви Черный Властелин — это худшее, что может случиться с мирами, не считая, конечно, того самого заклятия, которое они только что развеяли.

Едва Маша пришла в себя, как в пещере начал разгораться красно-золотой портал, за которым в бликах света гостеприимно подмигивала гостям желтая кухонная лампа ортэс.

— Возвращаемся, — скомандовал Дей, прибавив для особо неторопливых или не желавших тут же повиноваться его речам: — Пока нас еще куда-нибудь не отправили.

На ноги подскочили все и мигом оказались рядом с Марией, будто телепортом воспользовались. Маша улыбнулась и шагнула домой, на ходу проговаривая:

— Интересно, чай успел остыть? Ой, горячий совсем, будто мы и не уходили.

— Время — самая причудливая и самая неумолимая из величин, ортэс. В разных мирах оно различно. Порой различно даже в пределах одного мира.

— Надо же, — искренне удивилась девушка. — А у нас только для разного возраста ощущения разнятся. Детям медленно, взрослым куда быстрее. Дедушка шутит: лег, встал, лег, встал, с новым годом.

— Для того чтобы ощущать время в полной мере, его надлежит использовать, наполняя смыслом, а не трата бездумно. Дети этого не понимают, но чувствуют инстинктивно. Пусть их наполнение соответствует возрасту и уровню их разума. Взрослые же либо

понимают и принимают, либо лишаются возможности в полной мере ощущать жизнь и течение времени, — отрешенно промолвил Дейдриан.

— Это потому ты про область знания и незнания говорил? — вспомнила Маша слова Черного Властелина.

Тот, кто наполнял смыслом каждый миг своего бытия, согласно кивнул и неожиданно улыбнулся, Возможно, немного посмеиваясь над собой и тем, как ортэс, ее речи, улыбка, общение с ней успели стать весомой частью его жизни, наполняя и расцвечивая ее новыми красками вместо сухой логики или прихотливых философских учений.

Глава 36

ЧАЕПИТИЕ И ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Эй, человечка, давай печенья есть! — нарушил торжественность момента Фэб, приплясывая рядом со столом. Не будь здесь Черного, фэйри бы уже точно ополовинил общее блюдо, но сейчас не рискнул. Смерть за печеньки — может, и смешно так, что животик надорвешь, но только если это не твоя собственная смерть. Над этим смеяться не хотелось совершенно и смешить подобной участью публику тоже. Хватит, шутом он когда-то давно служил при Благом Дворе, наигрался.

— Печенье и пирог, — потянул носом вечно голодный Фалькор. — Воистину яства, достойные богов, Солнечная Дева!

— Но съедим мы их сами, — улыбнулся дроу, присаживаясь за стол.

Маша захлопотала, разливая чай и разрезая шарлотку на куски. После того странного «наплевательского» ритуала хотелось есть, и причем не мяса, а именно сладкого. Наверное, и мужчинам тоже. Какой-то странный эффект от пребывания в том мире. Потому девушка слазила в холодильник и высыпала в вазочку шоколадных конфет. «Кара-Кум», любимые дедовы конфеты, был куплен с хорошей скидкой, но какая разница, если вкус от акции в магазине не зависит?

И точно, мужчины потянулись к вазочке.

— Славны деяния наши во имя Света и жизни в мирах! — между тем продолжил громогласно радоваться рыцарь, любуясь коричнево-золотым фантиком лакомства.

— Эй, белый, при чем здесь свет? — искренне удивился Зэр, отреагировав на недобро изогнувшуюся бровь Черного Властелина. — Мы участвовали в миссии ортэс, стало быть, несли в миры не свет, а гармонию. И спасенные миры, судя по карте в той пещере, были различны. Да, Дейдриан?

— Темных там хватало, — спокойно согласился Дей, смакуя конфету и запивая ее чаем.

Фэб же пока к жидкости не тянулся, сосредоточился на знакомстве с новым лакомством и изучении вкусовых сочетаний известного и неизвестного.

Разобиженный Фалькор поднял чашку, не успела Маша возразить, одним махом осушил половину и тут же, засипев, выронил ее. Из глаз полились слезы. В невинной с виду чашке оказался крутой кипяток.

Фэб успел подхватить расписанную под гжель кружку в воздухе и возмущенно заверещал на одной ноте.

— Фалькор, очень больно? Это Фэбова чашка, он только крутой кипяток или ледяную воду пьет, — ахнула Мария.

— Да, я пью воду, бьющую ключом! — надменно подтвердил фэйри. — И это моя чаша!

Может, Древний хотел еще добавить что-нибудь про осквернение посуды чурбаном-рыцарем. Но вид белого бедолаги ясно свидетельствовал: он и без того наказан за неосмотрительность.

Дроу открыто ухмылялся, не видя в случившемся особой трагедии. Подумаешь, рыцарь кипяточку хлебнул. Не помрет. Белые вообще такие создания, живучие, как мокрицы в подземельях — ничем их не проймешь! Дави не дави, чуть все подуспокоится, из-под любого камня выползут.

Черному же Властелину на страдания полуэльфа и вовсе было наплевать ровно до того мига, пока Мария не кинулась лечить этого недотепу, призывая свет эльфийских древ. Вот тут Дейдриан даже пожалел, что ошибся с чашками не он. Хотя ему бы от кипятка ничего не было, впрочем, как и от большинства самых смертоносных ядов. Высокая резистентность являлась одним из залогов выживаемости Черных Властелинов во Вселенной. Работа тяжелая, конкуренция высокая, пока свое место займешь, очень многие тебе с тренировками на выживаемость помогут, да и на вершине бдительность терять не след.

Фалькор блаженно откинул золотоволосую голову на спинку диванчика. Прохладные ладони ортэс, сияющие золотым светом, лежали на его гладких щеках. Лился свет вечных древ, уходила боль. Исцелялись раны. Так мирно и радостно, невзирая на соседство за одним столом с черными, рыцарю не было уже очень давно, разве что в детстве в лесах матери.

— Благодарю, милосердная Солнечная Дева! — выдохнул исцеленный.

— Пожалуйста, больше кружки не путай, — попросила Маша, кивком указывая на расписанную оранжевыми и красными цветами бадейку, в которой плескался чай рыцаря.

— Приложу все силы, — пообещал Фалькор, не без содрогания следя за тем, как хлещет кипяток из милой сине-белой кружки безумный фэйри. Кажется, он еще и чары какие-то свои на посуду наложил, чтобы вода не остывала.

Про странный поступок Черного Властелина — вручение кольца невесты — рыцарь просто... забыл. Или не просто? Таков был сложный комплекс чар, наложенных на украшение ради безопасности носительницы. Не дело всяким белым помнить о сердечных избранницах черных. Потому как если о них помнят те, кому не след, то такие «счастливицы» долго не живут.

Сметя со стола все угощения, славно поработавшие и немного перекусившие гости разных политических взглядов, но одинаково отменного аппетита, засобирались по домам. Как ни крути, а за окном уже зажглись первые звезды. В такой час приличным визитерам следовало покинуть гостеприимный дом. Это только плюющий на все нормы и правила фэйри взял да и связал себя с ортэс словом и кровью. Но даже он не собирался торчать на кухне, а косился в сторону удобного диванчика, где ему стелила Мария. Почему-то это убогое ложе оказалось для Древнего уютнее самых роскошных кроватей любого из Дворов.

— Спокойной ночи, Фэбалькир! — пожелала постояльцу Маша и собралась было уйти в спальню, когда фэйри требовательно спросил:

— Ортэс, я не заметил чар принуждения, но скажи, сама ли ты приняла кольцо Черного, по доброй воле и в здравом рассудке?

Он-то сам про колечко помнил лишь потому, что примерял вчера.

— Конечно, ой, я же совсем забыла! — удивленно хлопнула ресницами Маша, покосившись на ободок с черно-зеленым камнем на указательном пальце. — Надо будет вернуть! Хорошо, что у Дейдриана нашлась такая полезная штукавина. Мне надо было побыстрее поправиться. Я сильно ослабела после ритуала и задерживала всех остальных. А кольцо я обязательно верну, мне чужого не надо...

Девушка взялась за ценный артефакт, повысивший жизненный тонус, и потянула, желая снять и положить в вазочку на сервант. Не тут-то было. Перстень проворачивался, свободно ходил по пальцу вверх-вниз, но сниматься не собирался. Маша, успевшая привыкнуть ко всевозможным магическим выкрутасам, только вздохнула. Очевидно, снять волшебное украшение можно было только с разрешения Дейдриана, так же как и надеть. Вот Фэб без разрешения вчера нацепил и чуть руки не лишился. А ей сегодня надеть разрешили, а вот снять — нет. Скорее всего, замотавшийся Черный Властелин банально забыл об одолженной вещице. Ладно, придется вернуть, когда в следующий раз Дейдриана увидит.

Больше переживать о всяких странностях Маша не стала. Причинять ей боль или неприятности намеренно Дей точно не стал бы, убить мог, наверное, если очень надо для империи, но заниматься всякими садистскими глупостями — вряд ли. У него и без возни с ортэс хватало дел.

Успокоенная собственными разумными объяснениями девушка ушла, оставив Фэбалькира в глубочайшей задумчивости: то ли ортэс все-таки непроходимая дура, то ли (и неизвестно, что опаснее) наивна до изумления. Так и не придя к окончательному выводу, Фэб решил последовать примеру Маши и лечь спать. Все равно сдернуть с нее перстень он не мог, не мог и отправиться к Черному, чтобы уточнить, что тот имел в виду. Да и не рвался фэйри общаться с Черным Властелином, если только крови его в прямом смысле этого слова еще попить, но не личные или, упаси Ушедшие Первопредки, душевные разговоры вести.

Фэйри частенько принимают за безумных и бездумных, но собственной соображалки у Фэба доставало, чтобы не искать нарочно встреч с Опасным типом. Особенно после того, как едва не отдал концы, примерив симпатичную побрякушку. Если бы ортэс ее с руки не стянула, точно подошел бы к порогу развоплощения.

Да, он ей должен, но именно сейчас ввязываться в историю с перстнем Черного Властелина Фэб не считал нужным. Слух у него всегда был превосходным, и слова «перстень помолвки» он в той пещере уловил. А если до ортэс смысл не дошел, то кто ей целитель? Пусть Дейдриан сам объясняет или не объясняет. В сердечные дела черных, особенно могущественных черных, полезет разве что тот, что

окончательно решил свести счеты с жизнью самым быстрым и, почти наверняка, самым жестоким образом.

Между прочим, вопрос перстня, помолвки и откровений занимал не только фэйри, но и Зэра. После возвращения в замок Экхарда дроу уточнил:

— Значит, перстень надел без признаний и объяснений, браслет и гривну так же намерен вручить?

Дейдриан поморщился с мучительной досадой. Пожалуй, он бы не отказался проверить все ритуалы помолвки-женитьбы на ортэс таким образом, без размазывания слезливых объяснений, без глупых признаний. Жаль, не получится. Не все во Вселенной подчинялось желаниям Черного Властелина, особенно не высказанным вслух — ибо не пристало. А жаль!

— Зэр...

— А что? Ты — великий Владыка, тебе не пристало, — продолжил дроу, вроде бы повторяя мысленные рассуждения друга и Повелителя, но таким издевательским тоном, что тошно становилось.

— Зэр, — вздохнул Дейдриан, устало помассировав виски, — перестань, я переговорю с ортэс, но наедине, а не при куче свидетелей от всех сил вселенной.

— Ты сказал, — мигом успокоился дроу. Уж если Дей что-то обещал, даже не давая клятвы, просто в разговоре подтверждал свое намерение, то всегда исполнял.

Пойманный на слове великий Властелин только склонил голову в знак согласия.

Глава 37

СОН ПРО «НЕ СОН»

Маша же Сазонова спала. И сон видела, к своему удивлению, странный и скверный. Обычно кошмары ей не снились. Здоровая психика и умеренные физические нагрузки немало тому способствовали. Практичность натуры, не склонной к романтическим бредням, — тоже.

Но не в этот раз. Ее сон больше был похож на кино. Причем не на любимые старые фильмы вроде «Семнадцати мгновений весны» или «Шерлока Холмса», а на какой-то дурной ужастик.

Она видела мрачное здание. Вроде светлый камень, пусть не белый мрамор, а какой-то серый монолит. Но эта блеклая серость выглядела, как плесень на хлебе, и пробуждала брезгливость. В большом зале имелаась такая же серая гигантская статуя в широком плаще с глубоко надвинутым на лицо капюшоном. Настолько глубоко надвинутым, что черт лица было не различить. Лишь красивые губы, изогнутые в какой-то безразлично-формальной улыбке. Близ статуи особенно густо, но и вдоль стен, и у колонн горели факелы, свечи и чаши на высоких подставках. Как они назывались, Маша не знала. Свет был разным, но нигде — домашним уютно-желтым, а красноватым или белым с голубизной, таким, какой способен и живые лица превратить в отливающую трупной синевой нежить.

Но этот пустой без наполнения антураж не произвел бы на Сазонову, чего только не навидавшуюся на миссиях ортэс, никакого воздействия, если бы не те, кто был внутри помещения. Несколько не то гуляющих по странной траектории, не то танцующих людей в серых, как камень стен и цвет гигантской статуи, плащах. Заунывный, протяжный, торжественный вой, зовущийся песней, издаваемый «танцорами», навевал мысль о некоем ритуале. На него уже не намекали, а прямо указывали: а) запертый в пентаграмме и клетке разом здоровенный беснующийся демон, б) несколько связанных ребятишек, размещенных в той же клетке у самой границы пентаграммы. Речь явно не шла об утреннике и подарках.

«Приносить в жертву собрались?» — насупилась Маша еще сильнее, потому что узнала демона во сне. Это был ее знакомец, пару раз говоривший, что вдали от ортэс здраво мыслить не может, ярость и жажда разрушений бушуют в сердце, как свойственно каждому демону.

«Деток жалко», — пожалела во сне девушка заплаканных ребятишек с кляпами во рту.

— Помоги, ортэс, верни мне разум! — каким-то чудом услышал и ответил демон. — Я не трону детей!

— Как? — мгновенно уточнила Сазонова.

— Приди и сотри хоть малую часть круга, — прозвучали четкие инструкции, и Маша пожелала оказаться там, чтобы помочь.

В тот же миг недобрый сон в собственной кровати под негодующий вопль опоздавшего фэйри: «Ортэс, куда без меня!» — сменился стылым и впрямь пахнущим плесенью натуральным храмом из сна.

Не мешкая и вообще не думая о том, что словам демона вообще-то никогда и нигде — будь то сон или реальность — доверять не стоит, Маша торопливо стерла босой пяткой одну из жирных «запятых» в уголке картинки.

Демон торжествующе взревел и, прежде чем кинуться вершить справедливость и причинять добро всем тем, кто имел наглость его призвать и пленить, признательно склонил рогатую голову перед ортэс и дал совет:

— Уведи детенышей, им тут не место!

Потом махнул когтистой лапой, и с ребятишек, всех разом, спали путы. На миг Маше показалось, что губы статуи дрогнули и улыбка из надменной стала довольно-предвкушающей. Или это была галлюцинация из-за насыщенного курениями воздуха? Но голова заболеть у Маши не успела. После жеста демона она вместе с компанией ребят оказалась не у пентаграммы в замкнутом здании, а в лесных сумерках. Крыша храма виднелась из-за деревьев.

Перенос прошел мягко, правда, спасенные дети на ногах удержались не все. Впрочем, они тут же подскочили с травы, настороженно оглядываясь и ожидая худшего. Но Маша первым делом отвязала от экстренного рюкзака кроссовки, обула босые ноги и только потом энергично спросила:

— Все целы? Кого нужно полечить?

Вопрос удивил детей, и уровень страха чуть-чуть снизился, перейдя с уровня «откровенная паника» на уровень «крайняя степень опасения». А тут еще и земля задрожала так, будто неподалеку разверзлись недра, и раздался торжествующий рык не зверя, но неизмеримо более опасного создания. Опасного не только и не столько силой, сколько разумом, к этой силе приложенным.

— Ты ведьма? — первым делом спросил самый высокий и худощавый, но гибкий, как прут, мальчишка. Он в упор хмуро разглядывал Машу.

— Нет, я вообще колдовать не умею, — помотала та головой.

— Как же ты собралась врачевать? — нашел нестыковку парнишка.

— Это не магия, вернее, не моя магия, а подарок леса, — отмахнулась ортэс без всякого лицемерия.

— Отсюда бежать надо, демон с призывателями закончит, за нас примется, — косясь на содрогающееся здание, где была пленницей, подрагивающим голосом поторопила толпу белокурая девочка-подросток.

— Далеко ли мы пешком по лесу уйдем? — пробормотал с безнадежной тоской пухлый парень. — Так ли, эдак, конец нас ждет неминуемый.

— Жить вообще вредно, от этого в конце концов умирают, — парировала Маша старым присловьем и поспешила успокоить детей насчет конкретной смерти в ближайшей перспективе: — Демона не бойтесь, его сюда насильно вызвали, он только с теми посчитается, кто виновен, сейчас как раз их к себе в гости отправляет. Вас не тронет.

— Откуда знаешь? — не поверил худой пацан.

— Они его, а он меня вызвал, чтобы ритуал нарушить.

— Демонам нельзя верить! Лишь кровь, плоть и наша сила им потребны!!! — скороговоркой протараторила блондиночка, видимо, зазубренный урок и наставила на Сазонову какую-то фигуру из сложно переплетенных пальцев. Может, ждала, что Маша взвоет или рассыплется в прах, но случилось другое: вокруг ортэс полыхнул ореол красного и золотого.

— О-о-о! Прости, Вечный, мы не узнали одного из спутников Ангела Рассвета в этом обличье! — первым покался за всех

худенький высокий пацан. Остальные тоже подключились к извинениям с самым искренним видом, будто секунду назад и не подозревали девушку в пособничестве демону. Кстати сказать, обоснованно подозревали.

— Так мы и не встречались раньше, чтобы вам меня узнавать, — пожала плечами Маша и продолжила разговор: — Демоны опасны. Только они еще и очень не любят принуждения. Потому вам повезло. Рогатого не опасайтесь, желай он вашей смерти здесь и сейчас, не отпустил бы. Лучше давайте пойдем направо.

— Зачем? — сразу набылчился толстячок, очевидно, очень не любящий передвигаться на своих двоих по пересеченной местности. Или же... Маша потянула носом. От мальчика чуток пахиваю мочой. Похоже, парнишка описался от страха и ходить мокрому ему было жуть как неудобно.

— Там лошади ржут, — пожала плечами девушка. — Вам ведь отсюда, наверное, надо по домам.

— Нам в кольжер надо, оттуда нас похитили, големов на крови заменю сотворив, — поправил Машу старший, тот самый высокий паренек.

И только теперь девушка подметила сходство одежды горстки детей. Она явно была форменной, но разных цветов. Зеленой у самых мелких, желтой у тех, кто чуть постарше, и синей у белокурой красавицы и тощего парня.

— В кольжер так в кольжер, лошади все равно пригодятся, — постановила ортэс. И первой пошла на поиски. Дети тронулись следом, как утята за уткой.

— Позволено ли нам будет узнать твое имя, спутник Рассветного ангела? — вежливо спросила белокурая девочка.

— Я Маша, Мария, — ответила девушка. Но имен в ответ не услышала. Кажется, дети, приняв ее за некое сверхъестественное создание, посчитали ненужным представляться, полагая, что их имена-пароли-явки и так известны Вечному.

— Лерда Маша-Мария, ты спрашивала про раны. Наши тела похитители хранили в целости для демона, но недужная среди нас есть. — Собеседница подбородком указала на сосредоточенно переставляющую ноги мелкую пигалицу радикально-рыжего цвета. — Агни все понимает, но ни целители, ни маги не могут даровать ей

голос, она родилась немой. Ты исцелишь ее или сей недуг ниспослан как испытание духа?

— Попробую, — коротко пообещала ортэс и, приблизившись к девочке-огоньку, положила руку ей на макушку. Малышка подняла на ортэс доверчивые и яркие, как небо весной, глаза. Бело-золотое сияние дара леса охватило больную и пропало. Блондинка-заступница подавила разочарованный вздох и тут же им подавилась, когда Агни звонко рассмеялась и выпалила пулеметной очередью: «Спасибо-благодарю-славься Вечный!» Весь недолгий путь до лошадей Агни не умолкала ни на секунду. Слова сыпались, лились, извергались из нее водопадом. Словно ребенок пожелал компенсировать годы молчания за несколько минут. Толстячок даже крикнул и пробормотал себе под нос:

— Поспешила ты, вечная спутница, явить чудо исцеления, чуток поспешила. Как бы тебе нас всех врачевать не пришлось от головной боли.

Впрочем, бормотал парень вполне добродушно. Рыжая пигалица настолько заражала всех своей бьющей ключом радостью, что отступал даже недавний кошмар похищения и явления демона.

Под шумок Маша тихо спросила у шагнувшего рядом с ней тощего парня:

— Зачем хоть демона вызывали, не знаешь?

— Это был серый отряд из Нифдергала. Если бы им удалось принести нас в жертву демону в старом храме Ангела Рассвета, скверна пала бы на весь Рештарт. Ангел и его вечные спутники, скорее всего, лишили бы нашу страну своего покровительства.

— Пакостили чужие, а все беды вам? — неодобрительно покачала головой Маша.

— Наши допустили, — поправил с недетской серьезностью паренек. — Но катастрофы не случилось, теперь храм будет очищен. И... о, магрибцы!

Возглас этот не относился к рассказу паренька. Так тощенький поименовал могучих коней, без привязи стоящих на поляне близ вполне заурядной телеги, в которую все еще были впряжены две самые обычные лошади.

— Поедете на этих красавцах? — с некоторой задумчивой неуверенностью уточнила Маша, сопоставляя габариты коней и

щупленьких школьников. Как-то они не вязались друг с другом, не желая вписываться в одну картину.

— Это же магрибцы, — удивленно фыркнул-повторил толстячок. — Они на кровь хозяина закляты, лишь ему одному служат. Вздумай кто иной хоть повод тронуть, сожрут и останки копытами истопчут. Их касаться нельзя, лерда. Черные они твари. Не скверни себя ради нашего удобства чарами усмирения.

— Значит, телега, — сделала закономерный вывод Маша. Впряженные в нее коники, смирные даже на вид, точно к магрибцам отношения не имели. И, судя по индифферентному виду, с каким жевали травку в опасной близости от кровожадных лошадок-мутантов, плевать на них хотели с высокой башни жеваным сеном.

— Нас на ней связанными везли, — пояснил тощий шкет. — Под сеном и иллюзией мешков с товаром. Никто и не проверил на дорогах!

— Дорогу назад отыщете? — уточнила Сазонова, соображая, провожать ли ей детишек.

— Да, лерда, я родовую нить-путь кинул, отыщу, — уверенно объявил паренек. — И Гиана, — показал парень кивком головы на блондиночку, — клубок поиска всегда отправить сможет.

Уяснив для себя, что эти дети в пику земным подросткам вполне самостоятельны, в пространстве ориентируются и в медицинской помощи и ежесекундном подтирании соплей не нуждаются, Маша успокоилась.

Она помогла ребятам разместиться на сене. За руль, то есть вожжи, сел тот самый толстячок. Он оказался большим докой по части обращения с животными. Пацан был, может, и не самым храбрым, но полезным несомненно. Недаром его спутники не опустили до издевок, и ни один насчет характерного запашка от одежд не прошелся даже вскользь.

Не успели стихнуть горячие прощания, шум и поскрипывание отъезжающей телеги, вырulingающей из укромных кустов на полузаросший тракт, как из тени деревьев выступил Машин знакомец демон. Покосился на неправильных коней, плотоядно улыбнулся. Кажется, бесхозным животным-людоедам в скором будущем найдется гастрономическое применение. Марии их жаль не было. Если они какие-то заколдованные и недобрые, то в желудке рогатого им самое место.

— Ортэс, — чуть склонил голову демон, снова приветствуя Машу.

— А почему земля дрожала? — с ходу полубопытствовала девушка.

— Я забрал дом скверны вместе с осквернителями в свой домен, — острозубо улыбнулся собеседник.

— И статую?

— Нет, Рассветного не тронул, на поляне оставил. Зачем мне в домене белый крылатый? Сплю я без подушек.

— О? — недоуменно уставилась на рогатого Маша.

— Неужто не разгадала, ортэс? — недоверчиво раздул ноздри демон. — Серой молитвой сковали крылатого, плоть в камень обратив, когда он на земле силы свои истратил. А как мощь, для черного ритуала собранная, рассеялась, так и оковы с крылатого спали, силой для него обращаясь.

— Этот их Ангел Рассвета настоящий? — все еще не до конца веря своей догадке, уточнила Сазонова.

Демон есть демон, так что он просто расхохотался, оценив иронию ситуации: его вызов послужил освобождению ангела из заточения. Потом хохот резко оборвался, и рогатый заметно помрачнел.

— У тебя неприятности? — участливо уточнила Маша.

— Нет, ортэс, все как обычно, за исключением наших встреч. И это меня ярит пуще всего!

Видя непонимание девушки, демон терпеливо пояснил:

— Ныне, научившись ценить усмиренную разумом дикую ярость, я не желаю раз за разом терять ясность рассудка, уподобляясь неразумной стихии разрушения.

— Жаль, что ты не можешь оставаться таким, каким хочешь, — посочувствовала Маша.

— Через десятки тысяч лет, вероятно, смогу. Но не ранее. Если только ты поделишься со мной кровью своего сердца.

Демон не то оскалился, не то ухмыльнулся, показывая собственное отношение к невероятному предложению, и выдул из ноздрей несколько клубов алого дыма.

— Это как? — уточнила Маша.

— Кровь сердца, ортэс, суть самой силы и суть жизни, — прорычал демон, яростно сверкнув густо-лиловыми глазами.

— О, если я тебе помогу, то умру? — заключила девушка.

— Нет, ты — нет, — энергично мотнул рогатой башкой демон. — Но это больно. Очень больно, ортэс.

— Я поняла и готова помочь, — серьезно согласилась Маша и вскинула голову.

В тени деревьев, опираясь о ствол и одновременно пытаюсь стоять прямо, появился свидетель беседы. Серый плащ скрывал фигуру незнакомца. Но тонкое одухотворенное лицо его показалось девушке смутно знакомым.

— Отпрянь от девы, порождение тьмы, — сурово велел чужак с удивительными прозрачно-голубыми, сияющими собственным светом глазами. Его длинные волосы казались жидким серебром, припорошенным пылью. В руке призывателя сам собой, как обычно случалось у Маши, возник меч, блистающий невыносимым белым золотом с алыми всполохами по кромке лезвия.

— О, не успел очнуться и уже лезет в драку, — глумливо оскалился демон. — Крылатый, что с него взять!

Прозвучало это почти оскорбительно, как старая поговорка: «Что с дурака взять, кроме анализов, да и те плохие!»

— Не надо драться, он же вас освободил! Пусть и случайно, — справедливости ради добавила Маша, загораживая демона от ангела, таящего свои крылья под плащом иллюзий.

— Человеческая дева, ты одурманена сладкими посулами тьмы! — попытался воззвать к разуму Сазоновой собеседник.

— Кто, ортэс? Ни твоих, ни моих сил не достанет ей предназначение сменить, — гулко рассмеялся демон. — Разуй глаза, крылатый!

— Одурманена? Как бы нет, — призадумавшись и хорошенько все проанализировав, решительно отмела предположение нового знакомого и Маша, ничуть не удивляясь тому, с кем на сей раз свела ее работа. После зомби, фэйри, разумного ветра и демонов ангел выглядел почти обычным типом в коллекции уникальных персонажей. — А вам сейчас не ссориться с гостями надо, а отдохнуть и в своих делах разобраться. Шутка ли, детей чуть в жертву демону не принесли в вашем же присутствии!

— Это был бы позор и падение, после которого не встать с белыми крылами, — сумрачно согласился Рассветный ангел. При

объявлении о «профессии» девушки он убрал меч. Возможно, пробуждение здравомыслия в присутствии истинного гармонизатора оказалось свойственно не только демону, но и крылатому созданию. — И то, что я скован, мне тоже поставили бы в вину, а не в оправдание.

— Белокрылые, — хекнул демон.

— Закатный ангел Нифдергала оказался бы прав в нашем споре, — с горькой задумчивостью подвел итог белокрылый, встряхнувшись так, что с его плеч слетели клубы каменной пыли, маскирующие белизну одежд и крыльев, а волосы засияли текущим серебром еще живее. — Я не смог стать защитой Рештарта.

— Ловко он тебя подставил, — хохотнул рогатый. — Ангельский гнев и гнев бессилия порой рядом стоят и крылья покрасить могут.

— Закатный не стал бы... — с привкусом горького сомнения в мелодичном голосе начал Ангел Рассвета.

— Если сам уже, подведя тебя под заключение в камень, крылышки не подкрасил, — даже не намекнул, а прямым текстом в лоб рубанул демон. Ему доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие макать крылатого конкурента в грязь реальности.

— Я не... — трепетнул крылами собеседник, оставивший мысль о немедленной драке с идейным противником. И печально оборвал сам себя: — Я должен проверить. И если мой брат пал, то вернуть его к Свету или вернуть в свет.

— А в чем разница? — не поняла Мария последнего суждения.

— Убьет он его, если белый себя осквернил не только простенькими интригами, но и умыслом о жертвоприношениях, — цинично пояснил демон.

— Воистину, — скорбно подтвердил ангел. — Да пребудет с тобой Изначальный Свет Творца, ортэс. В нужный час ты явилась на наши земли. Но теперь все в дланях хранителей мира. Я созову братьев своих и поведаю им о сути сомнений.

Глава 38

ДАР СЕРДЦА

Маша только кивнула и почувствовала: вот теперь ей пора! Эти крылатые губернаторы, получив чувствительную оплеуху — как же так, их собрата в статую законопатили, а они ни сном ни духом, — действительно станут разбираться. А уж чем у них там все закончится — сменой «правительства» или отдельных «чиновников», — их дело. Главное, чтобы детей больше в жертву приносить не вздумали. Но ортэс почему-то была твердо уверена: чего-чего, а уж этого больше не случится!

Пламя портала не замедлило явиться, отвечая ее мыслям. Оно охватило девушку и почему-то демона заодно.

— Ну и куда ты опять без меня моталась, да еще и рогатого с собой притащила? — Возмущенный вопль Фэбалькира снова встретил Машу на пороге квартиры. Фэйри, уперев руки в боки, распекал ортэс, как супруга загулявшего муженька, заявившегося под утро домой в подпитии.

— Было нужно, — просто ответила девушка, переобуваясь и приводя расческой в порядок растрепавшиеся волосы. — Ты волновался?

— Вот еще! — фыркнул Древний, потряхнув алой гривой, как норовистый жеребец, и раздул ноздри тонкого носа. — Чтобы фэйри переживал за человека? Не мое дело, с какими ты ангелами и демонами гуляешь! Но я клялся на крови, ортэс, что буду рядом!

Демон в пылкое выступление Древнего о вопиющей безответственности ортэс не вмешивался, но косился на оратора с таким скепсисом на большой морде, что личное мнение рогатого читалось и без слов даже самым хреновым физиономистом.

От этого Фэб ярился еще больше, но в открытую драку с демоном лезть не решался. Древний-то он, может, и Древний и силой с Мэйбэдолл теперь сравнялся, но кровь у него все равно красная и пустить ее длинными когтями недолго. Случалось, фэйри бились с выходцами из пламени. Неприятные то были противники.

Но обидней всего было то, что, не успевши к переносу ортэс, Фэб не смог лично последовать за ней, открыв портал на зов крови и клятвы. Его не пустило! Нет, сил на поддержание окна между мирами у Древнего теперь хватало, но ему не позволили пройти. Кто? В том-то и дело, что не кто, а та самая пресловутая гармония с большой буквы. Будто он не нужен был ортэс или, более того, мог ей помешать в новом деянии. И это после того, как уже помогал, и не раз! Короче, фэйри оставался верным себе: он ярился в первую очередь из-за клятвы — раз, из-за того, что его лишили возможности поразвлечься, — два, и, в-третьих (ну ладно, ладно, это все-таки во-первых), из-за того, что ортэс могла влипнуть в неприятности, а его рядом не оказалось.

— Спасибо, Фэб, — растрогалась Маша, увидев беспокойство своего яркого соседа, к которому успела сердечно привязаться. — Я стараюсь брать тебя с собой, когда портал открывается. Но ты же знаешь, я не всегда успеваю сориентироваться.

Фэб еще пофыркал, объявил, что с ортэс причитается печенье, и убрался в гостиную нюхать для успокоения нервов дивный цветок — подарок Черного Властелина.

Демон остался наедине с ортэс. Он всматривался в нее, будто пытался прочесть зашифрованную рукопись. И наконец гулко рыкнул:

— Назови свои условия дара, ортэс!

— Условия? — нахмурилась Маша.

— Я прошу в дар крови твоего сердца, потому клятвы призыва в нужде недостаточно. Ты должна поставить условие дара, иначе он не обретет силу, — глухо пояснил демон.

— Мм... а давай ты пообещаешь не убивать детей, — осенило Машу после нескольких минут размышлений. Ей ведь совершенно ничего от демона не было нужно, но раз положено, то девушка как добросовестная студентка приложила все силы, чтобы изобрести необходимое правило.

— Я принесу клятву не брать в жертву плоть, жизнь, силу, магию и души детенышей иных рас, — согласился демон, принимая условие как достаточно веское бремя. Силы с мелких обычно капало чуть, но именно ими любили расплачиваться во многих мирах, как темных, так и светлых. Наверное, такого бросового товара взывающим было не

жаль. Что ж, теперь призывающим придется постараться, чтобы поискать жертвы под его условия.

— Ага, — довольно выдохнула ортэс. — Годится!

— Теперь пройди и ляг, будет проще, — предложил демон, поведя когтистой лапой в сторону кровати.

Маша послушно скинула тапочки и легла. А демон подошел ближе и, не размахиваясь, не предупреждая, всадил один из длинных когтей в грудь девушки.

Закричать Маша сначала не успела, потом не смогла, лишь широко распахнула глаза и мучительно изогнула рот в беззвучном крике. А демон уже достал коготь из груди, в которой не оказалось раны, да даже дырки на рубашке и той не было. Но коготь густо блестел ярко-алым. И эту «краску» рогатый слизнул одним движением длинного языка.

В следующий миг в спальне стало тесно из-за двух мужчин и их мечей, со звоном стукнувшихся о полыхнувший золотом с лиловыми прожилками купол, возникший лишь при ударе. Маша и демон оказались заключены в него, как сувенирные фигурки в шар.

Сюда, сквозь барьер, установленный на время заключения и воплощения договора, пытались прорубиться взъерошенный фэйри — раз и разъяренный Черный Властелин с черным мечом наперевес — два. Спустя доли секунды барьер с тихим хлопком испарился.

И оба спасителя снова вознамерились кинуться на бедного демона, который от такого напора лишь отшатнулся и рыкнул:

— Договор! Ортэс скрепила словом!

Два меча замерли в миллиметре от шеи демона. Пронзить сердце — в деле демоноубийства не самый лучший вариант для мгновенного упокоения, потому как сердце у выходцев из жарких краев насчитывается от трех до пяти, а дар регенерации зашкаливает. Пока будешь вырезать одно, остальные вырастут заново. Потому и идут на демонов либо с магами, которые способны удержать врага, либо хорошо сработавшейся группой, где каждый знает, куда бить и что где резать. Вот и целили фэйри и Черный Властелин, не сговариваясь, в шею. Без головы лишь малая часть тварей выжить способна, и сила у них уже не та. А смерть демона в большинстве случаев развеивает весь свеженанесенный ущерб. Ежели, конечно, он не физического толка. Порванных в клочья не исцеляют, как ни старайся.

Ярость мужчин была велика, но слова о договоре остановили мечи. Если не знать условий сделки, то ущерб, нанесенный заключившему, после гибели демона может превысить весь профит.

— Зачем, ортэс? — взвыл не хуже пса Дейдриан, никак не числивший у девушки страсти к самоубийству.

— Детишек жалко, — едва слышно, но с уверенностью в своей правоте шепнула Маша и постаралась улыбнуться, чтобы успокоить спасателей с мечами наперевес. — Все в порядке, уже ничего не болит. Я еще чуток полежу и встану.

— Сила восстановится, — утешающе рыкнул демон не столько ради заботы об ортэс, сколько ради острых мечей, все еще грозящих его башке.

— Условия сделки? — резко потребовал ответа Черный Властелин.

— Кровь сердца в обмен на неизменное условие в выборе жертв, — рыкнул демон.

Горько качнув головой, Дей снял с руки второй из ритуальных предметов, предназначенных для избранницы, и, опустившись на одно колено у ложа безрассудной девушки, мягко попросил:

— Разреши надеть тебе браслет, Мария. Это ускорит исцеление! Ты добровольно поделилась частью сердца с тем, кто всегда и все берет силой. Это противоречие сейчас бьет болью по тебе и по нему, пытаясь вписаться в реальность и стать гармонией. Моего перстня для помощи не останется.

Пусть Маша не любила украшений, но мучиться ей тоже не хотелось. Еще и стыдно было, что опять с ней, как с малым ребенком, возится занятой мужчина. У него такая империя, столько дел, а он с девчонкой нянчится. Наверное, из принципа. Что-то вроде старой истины в действии: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Так и Дейдриан: один раз от приступа болезненного смеха избавил и с тех пор то и дело от чего-то спасает, помогает. А она ему даже ничем, кроме печенья, отплатить не может.

Потому противиться вручению украшения девушка не стала.

И тяжелый черный браслет с крупными камнями опустился на ее запястье. В первый миг он показался обжигающе-ледяным, но мгновенно согрелся. Мало того, обдал все тело от макушки до кончиков пальцев родным теплом и взбодрил. Теперь украшение вовсе

не казалось тяжелее чугунного ядра, оно почти не ощущалось на руке, вернее, ощущалось как ее часть. «Даже жаль возвращать будет», — мелькнула у Маши непривычная мысль.

Фэйри же глазел на все, происходящее вокруг ортэс, с совершенно нечитаемым выражением на подвижном лице. Там смешалось слишком много всякого, чтобы истолковать однозначно: удивление, граничащее с изумлением, толика ревности и почти шок. Черный не должен был так себя вести. Вообще не должен! С другой стороны, Черные вообще никому и ничего не должны. И порой вольны в своих деяниях более фэйри, подчиняющих жизнь и смерть Холму.

— Спасибо, мне гораздо лучше! Ваши волшебные украшения помогли! — добросовестно и очень благодарно отчиталась Мария.

— Я рад, — коротко кивнул Дей и, сузив глаза, прошипел демону: — Если ты причинишь ей боль намеренно или случайно, я тебя уничтожу.

— Я сам уничтожу любого, кто попыбует обидеть ортэс, — рыкнул в ответ рогатый, не чувствуя к великому Черному Властелину особенного пиетета. Владения демонов и личный домен этого конкретного рогатого к Экхарду не принадлежали.

— Все в порядке, спасибо, — вмешалась в обмен угрозами Маша, сядься на кровати и честно пытаюсь стянуть с запястья браслет, чтобы вернуть бесценное украшение законному владельцу. Не получилось.

— Ой, не снимается, — огорчилась она и подняла на Дейдриана виноватый взгляд. — И перстень тоже.

— Оставь себе, я наста... — начал Дей, осекся и исправился: — Я прошу.

— Но... — подняла брови девушка.

— Если не снимается, я рад, — закончил мужчина и, более ничего не объясняя, исчез из комнаты.

Фэб совершенно неожиданно тихонько хихикнул, оценивая поведение великого, безжалостного и неумолимого. Озадаченно выдул синий клуб не то дыма, не то пара из ноздрей демон и шаркнул копытом. Ему почему-то казалось, что у людей другие брачные ритуалы, более длительные и полные лишних разговоров. Ошибся.

— Ладно, оставлю пока, они не мешают, — согласилась Маша с пустым местом, где секундой ранее стоял Дейдриан.

А Черный Властелин появился за столом заседаний в зале совещаний так же неожиданно, как исчез, бросившись на помощь к ортэс. И уставился на делающего доклад подданного так хмуро, что тот мысленно простился с жизнью, душой и нажитым непосильным трудом имуществом. Спустя три минуты бедолага окончательно сравнялся цветом с мелом. По челу его неустанно катился ледяной пот.

Эти изменения заставили Дейдриана сосредоточиться на говорившем и уточнить:

— Леро Певе, у тебя есть заместитель?

— Д-да, — протянул бедняга.

— Он достаточно компетентен и владеет темой? — продолжил допрос Черный Властелин в звенящей тишине зала.

— Д-да, Властелин, — окончательно упал духом и попрощался с жизнью и, возможно, посмертием несчастный.

— В таком случае, полагаю, тебе стоит вызвать его для доклада, а самому обратиться к лекарю. Ты дурно выглядишь, — пояснил свою мысль Дейдриан.

— Нет-нет, я в порядке, — поспешно заверил причину своего дурного самочувствия Леро и, по-плебейски утерев лоб рукавом, сосредоточился на докладе.

— Как знаешь, — хмыкнул Дей и вновь вернулся к состоянию молчаливого мрачного созерцания, вогнавшему общество в почти гипнотический транс тихого ужаса. До самого конца заседания его настроение не изменилось, потому все прочие докладчики переживания коллеги разделили в полной мере. Километры погибших нервных клеток, литры пота, а кое у кого в силу расовых особенностей и иные специфические выделения были обеспечены всем.

Исключение составил лишь Зэр. Впрочем, дроу тоже чуток напрягся, не зная причин состояния друга. Потому и задержался, когда по окончании заседания все присутствующие испарились из зала.

— Зэр, я отдал ей браслет, — выпалил Дей.

— Но? — продолжил за Властелина вся Экхарда пронизательный дроу. Если бы никакого «но» не было, Дейдриану стоило радоваться, а не психовать, распространяя флюиды черного настроения.

— Фэйри, демон... Я отдал браслет как целительный артефакт, без заявления о намерениях, — раскололся Дей и впился пальцами в

полосатые волосы, с чувством дернув за пряди.

— И она его приняла? — первым делом уточнил Зэр.

— Эта безумная ортэс ритуалом заклала демона на условие жертвы кровью сердца, — рыкнул Дей.

Зэр невольно присвистнул, оценивая степень взаимного безусловного доверия обоих участников ритуала. Стоило усомниться хоть на миг одному в другом, и ритуал провалился бы, хлестнув по обоим. Но иметь в должниках демона — это дорогого стоит! Ортэс неплохо потрудилась. И раз Дей сорвался к ней, наплевав на все, значит, девчушка надорвалась. Помощь ей требовалась немедленно! Браслет помог, передав избраннице Властелина частицу его силы.

Скверно, конечно, что друг опять не объяснился с ортэс, но поскольку браслет остался у Марии, значит, и Дей по-настоящему желал этого, и Маша не противилась дару. Плохо, что вручить как должно не получилось, но еще имеется гривна — окончательное подтверждение намерений. И тут уж Властелину, как ни крути, объяснять придется все, и объясняться тоже. Просто сунуть в руки и небрежно велеть «Примерь!» — не получится.

Желания связать свои жизни у Маши и у Дея должны совпасть. Этот ритуал древнее и помогущественнее того, что сотворили (или вытворили) ортэс с демоном. Дроу задумчиво усмехнулся, вспоминая истории о легендарных родовых реликвиях Дейдриана.

Поговаривали, что они порой лучше хозяина ведали, какая пара ему подходит. И уж точно никогда не подпустили бы к своему владельцу ту (или того), что без зова сердца, ради выгоды, пожелала бы надеть брачные украшения.

Одной примерки порой оказывалось достаточно, чтобы списать интригана со счетов. А родственникам и «безутешному» возлюбленному, не успевшему стать вдовцом на законных основаниях, оставалось лишь пожимать плечами. А на публике можно было показательно сетовать и метать громы и молнии в могущественных недругов, подло ударивших по самому дорогому. Под этим лозунгом законные недруги, ни сном ни духом не злоумышлявшие в этом конкретном случае, вполне успешно ликвидировались. Выгода получалась всесторонняя: фальшивый спутник жизни карался смертью, враги тоже.

Именно поэтому сам факт того, что Маша спокойно надела браслет, Зэр считал хорошим знаком и постарался подбодрить мрачного друга.

— Дей, ты, когда гривну соберешься вручать, уводи ее куда-нибудь из дома, — посоветовал Зэр. — А то опять признаться толком не сможешь.

— Ее куда ни уведи, везде найдет работу и приключения, — мрачновато усмехнулся Дейдриан. — Уже пробовал. А клятый фэйри после вызова на ритуал демонического жертвоприношения от нее теперь не отлипнет.

— Ты не рассказывал, — озадачился дроу.

— Сегодня ринулась своего демона и заодно детей спасать, — мрачновато пояснил собеседник. — Не знаю уж, к кому больше спешила. Вдобавок ангела вызволила из заточения.

— Ортэс, — хмыкнул дроу, блеснув темными глазами. Более ничем жажды услышать подробности он не выдал.

Но Дейдриан достаточно знал друга, чтобы понять: тому безумно интересна очередная выходка странной девушки. Что греха таить, не переживай он так за Машу, и сам бы воспринимал все истории, в которые лихо вляпывалась ортэс в силу дара гармонизатора, как презанятные анекдотичные приключения. Увы, из-за личных тревог в полной мере развлекаться не удавалось.

Они все: полный эгоист фэйри, белый рыцарь и двое черных привязались к наивной девчонке. Чем она их притянула? Не иначе как волшебными печеньками. Может, прав фэйри, что-то в этих неказистых кусочках выпечки было невыразимо притягательное — сладость сдобы и сила гармонии ортэс придавали яству ни с чем не сравнимый вкус.

Или ни мистические силы, ни кулинарные таланты девочки не имели никакого значения? Причина заключалась лишь в том, что на крохотной кухоньке неприятного мира техники каждый из них был не рыцарем — носителем Благосвета, не фэйри из Холма с древними обязательствами, не черным ужасом окрестных земель, а просто гостем, которому искренне рады и от которого не ждут ни выгоды, ни опасностей, потому что дар ортэс выводит из вечного круговорота противостояний. И какой бы статус ни обрела в будущем Мария, этого у нее не отнимешь!

Знать, что ортэс скоро будет сокровищем Экхарда, было приятно. Зэр слушал рассказ друга, неустанно отслеживающего все действия девушки, и едва заметно улыбался.

Глава 39

ОТКРОВЕНИЯ, ПРИЗНАНИЯ, УМЫСЛЫ

Минули дни, заполненные у студентки Марии университетской практикой и усердными тренировками с оружием в руках, направленным против Фалькора, Зэра и Фэба. Последний никогда меча в руки не брал, ему для ученья хватало хлесткого прутика, в который обращался кнут. И прутик этот без всякой жалости стегал неповоротливую ортэс по рукам, ногам и порой по ягодицам. Фэйри при этом необидно переливчато смеялся и учил с удивительным для столь непостоянного создания терпением. Приняв необходимость уроков для ортэс, он взялся за них с полной ответственностью.

Уже стали почти традиционными уютные посиделки на кухне у девушки под печеньки и крепкий чай. Теперь, прежде чем схватиться за кружку, белый рыцарь всегда проверял, свою ли он взял. Систематически хлебать крутой кипяток он категорически не желал. Хватило одного раза.

А еще Маша не только тренировалась, плавала, училась и выполняла миссии ортэс. Обычными, но неизменно удивительно приятными для нее стали вечерние прогулки с Деем. Черным Властелином Дейдрианом. Удивительный мужчина с полосатыми волосами и странными глазами часто заходил, чтобы прихватить ее с собой в очередной удивительный мир, богатый странными явлениями, природой или созданиями.

Где только не доводилось побывать ортэс, чего только она не повидала. Неизменным оставалось лишь одно: скучно с Деем на прогулках не было никогда. Он знал и видел невероятно много. И его почти азартные слова об области незнания открывались Марии более полно, как и сам Дейдриан. Прогулок с ним, его рассказов и бесед Маша стала ждать.

Но жизнь не стоит на месте, и разнообразные события и сюрпризы не являлись исключительной прерогативой ортэс. В жизни

некоего белого паладина, вынужденно занявшего высокий пост, тоже хватало всякого. И вот пришел день, когда Фалькору, с недавних пор взвалившему на себя административные обязанности по управлению Белым орденом, стало не до смеха, даже не до улыбок. С утра пораньше в кабинете, куда он прибыл, жертвуя завтраком и сном, на рабочем столе среди груд документации, требующей подвига посерьезнее ратного, Фалькор обнаружил ларец, а в нем — эмалированный медальон с кристаллом и свиток-поздравление.

Отдернув пальцы от бумаги, словно она была пропитана ядом, бедный паладин до крови прикусил губу и обреченно вздохнул. Он не мог надеть медальон и развернуть послание без опаски. Слишком свежи были в памяти безумие Серо и веер водных искр из целительного водопада, развеявший дурман, сковывающий сознание рыцарей. Белый паладин боялся. Не за себя, конечно, нет. За других, и только поэтому не мог решиться. Действовать быстро и без сомнений, как привык, он не мог и медлил, не в силах мгновенно принять подобающее чести и совести решение.

Сомнения и уныние есть неприемлемое для истинного паладина света состояние, потому Фалькор по уставу ордена должен был бороться с подобными явлениями всеми силами. Точно по уставу бедняга-рыцарь, даже не рассчитывающий на совет, лишь на тепло очага, разгоняющего уныние, решился на визит.

Он не собирался поверять Солнечной Деве свои огорчения, хотел лишь погреться в тепле ее улыбки. Но таково свойство реальности: рассчитываешь на одно, а получаешь совсем иное. К добру или к худу — с первого взгляда даже не разберешь. Истинное видение бывает присуще далеко не каждому богу. Что уж о рыцаре-паладине говорить?

В мире ортэс стоял вечер, и она оказалась дома. Но, увы, не одна. Черного Властелина в ее покоях не было — уже плюс, но зато трескал на кухне печеньки гадский дроу, да с таким видом, будто это был его дом!

— О, паладин, соскучился? Или тренировку с мечом провести зашел вместо фэйри? — не без ехидства поздоровался Зэр с белым рыцарем.

Фалькор вежливо приветствовал Солнечную Деву, а потом, пока Маша наливала чай гостю, выставил на стол предмет, лишивший его покоя, и попросил дроу:

— Посмотри. Вы, черные, горазды на всякие уловки и чужие зрите преискусно. Мыслю, может ловушки предмет сей таить.

— Ни один черный с белым в том не сравнится, — огрызнулся Зэр почти машинально. — А уж маскировать свои интрижки под флером ложного света мы и вовсе не такие великие мастаки. Больше по теням специалисты.

Обмен «комплиментами» прервался на самой звонкой ноте. В кухню впорхнул Фэб и азартно воскликнул, протянув к шкатулке свои загребушие лапки:

— Какая монетка-марионетка. Красиво! Хочу понюхать!

— Эй, стоп. — Зэр ухитрился одновременно шлепнуть по руке фэйри и отодвинуть от него приоткрытую шкатулку. А Фалькор напряженно выпалил:

— Какая марионетка?

— Забавная, — переливчато рассмеялся Фэб, склонив голову набок. — Наденешь на шею, протянешь нити кукловоду. И еще несколько ниточек от бумажки приклеятся. Паутинка блестит!

— Я бы желал уничтожить сей сомнительный дар, но... — Фалькора передернуло. — Если я это сделаю, они поймут...

— Смени название вашего пансиона, — лениво посоветовал Зэр. — А бляшка у тебя и своя есть, эту отошли назад, искупав в водичке. Остался же запасец с водопада? Вы, белые, формалисты. Поблагодари в самых высокопарных выражениях своих «друзей», понадейся на сотрудничество. Но намекни, что в этих пещерах грибы собираешь лишь ты. Такое они поймут.

Тяжкий вздох стал ответом на ехидный спич Зэра. Умом Фалькор понимал, что дроу прав, сердце же обливалось кровью: черный рыцарь вел с белым более честную игру, чем те, кто по совести должны были стоять рядом с ним плечом к плечу.

Простой в общем-то и изящный совет дроу рыцарь вынужденно принял. Белые больше черных любили субординацию, правила и четкое разграничение сфер влияния. Потому смена названия, к примеру, на Орден Света, как выход, не приходивший ему в голову, действительно могла сработать. Напрямую его подчинять тогда не рискнут, но могут прислать эмиссара для знакомства и налаживания связей. Что ж, пусть присылают — чудесная водица, как сказал Зэр, у него в запасе имеется, на всех хватит.

Фалькор поднял голову от шкатулки и честно поблагодарил:

— Спасибо вам, Фэб, Зэр. Я не могу признать долга, как паладин света, но вы всегда, если в том возникнет нужда и сие не будет противоречить кодексу паладина, можете рассчитывать на мою помощь. Благодарю, Солнечная Дева!

— А мне-то за что? — искренне удивилась Маша.

— Если бы не ты, меня, обладающего свободой воли и возможностью защищать свои идеалы, не было бы, — уверенно пояснил Фалькор.

— Я рада, что получилось помочь! То, что хотят с тобой сделать, неправильно! — уверенно тряхнула челкой Сазонова. — Это та же самая диктатура, только навязанная обманом. Хорошо, что у тебя есть чудесная вода.

— Не думал, что когда-нибудь такое скажу, но вы, черные, порой честнее, — мрачно констатировал Фалькор.

— И с нами проще, — ехидно согласился дроу. — Враг — убей. Ладно, не ершись, паладин, ты таков, каков есть, я тоже. Каждому свое, и встретиться без мечей в дланях мы можем лишь при посредничестве ортэс. В иных случаях место нам на ристалище или на поле боя по разные его стороны.

Светловолосый рыцарь согласно кивнул и потянулся к блюду с печеньками. Теперь, когда вариант решения, казалось бы, неразрешимой проблемы был изобретен, Фалькор лишь диву давался, почему он сам до такого не додумался. Все-таки у темных головы странно устроены, и хорошо, что хитроумие одного такого сыграло на стороне света. На его стороне. И хорошо, что черные взяли Солнечную Деву под защиту. Если о ней проведают не слишком чистоплотные светлые коллеги паладина, то жди беды.

Фалькор ушел претворять в жизнь выработанный под печеньки план в куда более добром расположении духа, нежели явился в гости к ортэс. Так и не получивший в игрушки чары марионетки Фэб отправился в гостиную слушать земную музыку и нюхать неземной аромат цветка иалозии, подаренного ортэс.

Стал прощаться и Зэр. При этом вид дроу имел не встревоженный, но несколько озабоченный. Уходя, он промолвил в пространство:

— Белые в покое нас не оставят. Хуже пиявок и клещей. Если вцепились, не отдерешь... Пора Властелину обзаводиться супругой по

полному ритуалу. Это надежно защитит его и империю. Как думаешь, ортэс?

— Я не знаю, — растерялась Маша столь странному вопросу из области внешней и внутренней политики Экхарда. При мысли о необходимости для Дея жениться что-то странно кольнуло в груди. Стало неприятно холодно и одиноко. Однако, справившись с собой, она постаралась ответить честно: — Если ты так думаешь, наверное, так оно и есть.

— Думаю, ортэс, — почему-то неожиданно довольно усмехнулся дроу, пряданув ушами с пирсингом. И исчез с площадки, бросив всего одно загадочное слово: — Жди!

Чего ей нужно ждать, Маша не поняла, тяжело вздохнула, встряхнулась и решила поджарить картошечки с луком, выбрав лучок посвежее и позлее. Такой, чтобы глаза до слез разъедало. Когда слезы капаят от лука, это совсем не то же самое, как если они сами собой наворачиваются на глаза неизвестно отчего.

Чистка картошки прошла штатно, а что посолила водицу Маша не только обычной солью, а и несколькими случайно упавшими слезинками, так никто не видел. А уж когда взялась за лук, с хрустом разрезав самую большую головку, то красные глаза, хлюпающий нос и все прочее получило совершенно очевидное объяснение.

Какие огорчения? Все ерунда, она просто лук чистит! Вот!

Фэб лишь покосился на чуждающую ортэс и вернулся к медитативному вдыханию аромата чудесного цветка, проясняющего сознание и дарующего душевный подъем. Предложить понюхать бесценное растение Маше беспечному фэйри не пришло в голову. Хочется человечке поплакать, издеваясь над собой в процессе готовки, — пусть. Каждый имеет право на небольшое сумасшествие! Все фэйри такие, так чем ортэс хуже?

Звонок в дверь застал Сазонову за шинковкой первой половины луковицы. Вытерев мокрое от слез лицо рукавом, девушка поспешила к двери.

На пороге стоял очень сурово хмурающийся Черный Властелин Дейдриан, наряженный в черные-пречерные одежды разных оттенков. Что с черным цветом может быть так, Маша никогда прежде и не догадывалась. Но факт!

Краешек рта Дейдриана чуть подергивался, полосатые волосы, вроде как уложенные в прическу, почему-то производили впечатление стоящих дыбом. Странные глаза его светились и, кажется, пульсировали.

— Мария, я хочу жениться! — прямо с порога выпалил Черный Властелин, запустив руку себе за пазуху, что неожиданно сделало его похожим на Сталина в фэнтези-версии.

— Поздравляю, желаю счастья в личной жизни, — выпалила Маша, отшатнувшись от двери, будто ее ударили. И захлопнула створку прямо перед носом Черного Властелина. А потом, сгорбившись, отправилась на кухню дорезать лук.

Оказавшись перед запертой дверью, Дей запустил пальцы свободной руки в волосы и яростно почесал голову. Вытащил таки застрявший в пространственном кармане парадной одежды со стоячим воротником футляр с гривной и шагнул сквозь дверь. В конце концов, злодей он или не злодей? К демонам людские приличия! Отвергли его, согласились или вообще не поняли? Надо во всем разобраться до конца!

Явился Дейдриан под ожесточенный стук в кухне. Маша ожидаемо нашлась там. Стояла у разделочной доски, лук кромсала. Слезы от злого овоща градом катились по щекам девушки.

Черный Властелин молча встал рядом, призвал себе жестом еще одну доску, клинок собственный в руку взял, тот мигом размер и форму сменил, чтобы Повелителю угодить. Луковицу Дей из кучки позаимствовал, стал помогать.

Резал молча, глаза красные от едкого сока не утирая, чтобы хуже не защипало, а как ко второй луковичке перешел, откашлялся и прошептал:

— Маша, я на тебе жениться хочу! Выходи за меня, любимая! Выйдешь?

И положил рядом с миской лука гривну в открытом футляре. Маша растерялась и от неожиданности потеряла глаза пальцами, испачканными в луковом соке. Слезы градом покатались из раздраженных глаз, их немилосердно защипало. Маша бросила все и ринулась к раковине, глаза промывать холодной водой. Заодно и голову остудить следовало, а то, кажется, у нее галлюцинации начались слуховые и эти, как их, зрительные.

Как только Маша глаза промыла, крепко зажмурилась, поморгала и снова поглядела на Дейдриана. Нет, все-таки у нее не галлюцинация была! Черный Властелин взаправду стоял перед ней, черный (ну а какой еще-то?) футляр с ожерельем держал и терпеливо ждал ответа. А волосы у него уже не просто дыбом стояли, а ореолом струились, как протуберанцы у черного солнца. Может, Дейдриан так нервничал?

— Станешь моей супругой? — повторил свои слова Дей и в глаза так проникновенно глянул, будто душу хотел высмотреть заодно с ответом.

— Я не знаю, — растерялась Маша. — Мне надо с дедушкой посоветоваться.

— Он мои ухаживания дозволил и одобрил, — поспешил уведомить о поддержке старика Черный Властелин и снова уставился на девушку в ожидании.

— Тогда да, я согласна, — решительно кивнула ортэс, убежденная в том, что дед Федор плохого не посоветует.

А потом... ну что потом. Потом на Машу надели гривну и занялись жаркой картошки с профессионально нашинкованным лучком. Девушка сидела за столом и под шкварчание картошки мечтательно думала: «Черных Властелинов в мире, небось, пруд пруди, а вот мужчин, которые так лук шинкуют и от работы не бегают, точно наперечет. Повезло мне с женихом!»

Глава 40

РЕШАЮЩАЯ БИТВА

После отправки наверх письма с медальоном-марионеткой, ставшим после купания в благословенной воде Уррадаррира заурядной яркой пустышкой, минуло несколько лун. Жизнь в свежепереименованном Ордене Света мало-помалу налаживалась, входя в привычную колею: подвиги, благородные деяния, призрение сирых и убогих. Правда, с финансами пришлось долго разбираться. В суете последних дней бесследно исчез казначей ордена. Но поскольку сундуки с орденой казной остались там, где были, и стояли с ненарушенными печатями, пропавшего искать не стали. Случается всякое. Устал человек от обетов, счел их непомерными и тихо исчез, чтобы начать иную жизнь. А что открыто о своем желании братьям не объявил, так стыдно ведь. Не посмел, уходя, прямо глянуть в глаза остающимся. Пускай. Пусть Свет воздаст ушедшему по заслугам!

Рыцарь-паладин, глава Ордена Света, был искренен в своих пожеланиях, пусть и молвил их лишь в сердце своем, возложив длань на медальон — чудесный дар искристого водопада.

Фалькор ничуть не удивился, когда в ответ на его пожелание от живого медальона отделились несколько искорок и устремились куда-то ввысь. Ведь истинный Свет вездесущ! О том, куда именно направились эти огоньки, чтобы воссиять там, где должно, Фалькор не знал, а иначе не был бы столь спокоен. Зато благородный рыцарь в очередной раз с благодарностью вспомнил горный монастырь, пару тамошних братьев и решил непременно проведать их, чтобы принести слова признательности и пару ковриков из шерсти горных пампи. Постигать суть гармонии все-таки уютнее, сидя на коврике, а не на голых камнях, какими бы священными они ни были. По личному опыту Фалькор с уверенностью мог констатировать: жесткость камня не заметна лишь в первые час-полтора молитвенного экстаза, а вот потом тело живо напоминает о том, что оно живое и так варварски с ним обращаться не следует.

В запасниках-хранилищах ордена коврики нашлись в избытке. Хватило и на дар монахам, и распределить в кельи братьям. Фалькор

мысленно укорил себя за то, что сразу не устроил ревизию и не помог рыцарям. Утешало лишь то, что по летнему времени в крепости и без того было тепло.

Визит к водопаду Фалькор решил не откладывать. Пока не явился с очередной грудой бумаг брат-письмоводитель, чтобы запереть несчастного руководителя на весь день и добрую половину ночи в кабинете.

Чудесный медальон снова не подвел, Фалькору стоило лишь положить на него руку и пожелать. И вот он уже с двумя скатками ковриков под мышкой перенесся на скалы у священного Уррадаррира.

Два брата в светлых одеяниях будто и не покидали своего места для медитации. Сидели, полуприкрыв веки, смотрели на водопад и едва заметно дышали. Гроыхать приветствия рыцарь не стал, лишь тихо опустил скатки дара рядом и развернулся, чтобы исчезнуть с глаз святых монахов.

Через три и три луны всех собратьев своих собери.

Сюда ты их приведи, чтоб ортэс и честь спасти! — ударило в спину рыцарю очередное пророчество. Фалькор резко развернулся и уже открыл было рот, чтобы задать уточняющий вопрос, но наткнулся на острый, запрещающий взгляд второго монаха.

Мало того, тот еще и рукой повел в жесте молчаливого отрицания.

Дескать, все, что нужно, ты услышал, рыцарь, иного сказано не будет. Не надейся. Тебе преподнесли ответный дар, используй его с умом.

Фалькор отдал братьям-монахам салют и исчез, дабы не мешать медитативному познанию мира святыми людьми.

А Мария была счастлива. Сессия сдана на хорошо и отлично, практика завершена, у нее есть интересная работа и даже, вот странно, жених. Работа, конечно, специфическая, сплошь чудеса и приключения, а жених — Черный Властелин, так это разве плохо? У всех есть недостатки, понятное дело, но тут еще разобраться надо, недостатки или достоинства. Пока Маша склонялась к последнему. Дейдриан был надежным, спокойным, очень воспитанным и эрудированным. Еще бы таким не стать за века жизни, если считаешь познание одним из главных удовольствий и целей!

Правда, в голове у Марии никак не уместился тот факт, что при всех своих достоинствах Дей пожелал жениться именно на ней, совершенно обычной девчонке. Но чего только в жизни не случается! Последние месяцы жизни говорили, что случается все, а значит, могло произойти и такое.

Когда Маша мимоходом высказала свое удивление пришедшему с поздравлениями Зэру, дроу только улыбнулся и заверил:

— Воистину, ты, ортэс, избранница моего друга и повелителя. Достойная сердцем, силой и честью. Иной он не примет. Что смущает тебя?

— Не уверена. Все так быстро... — Маша смущенно улыбнулась и пожала плечами.

— Ортэс, живя века, приучаешься видеть четче истинно необходимое. А обретя — стремишься сохранить всеми силами. Тот, кто попробует отнять тебя у Дея соблазном, силой или смертью, совершит последнюю ошибку в своей жизни. Таковы нравом черные. — Зэр печально усмехнулся, вспоминая, видимо, нечто свое. — Да, ты невообразимо юна по нашим меркам, но поверь, это не изъян, а, скорее, достоинство. Краски жизни под гнетом лет порой тускнеют. Ты же видишь ярко и будто сияешь сама, но не слепишь белизной. Твое сияние не изгоняет нашу тьму, оно будто резонирует с ней. Это притягивает. Верь Дею, он выбрал тебя. Да и печеньки у тебя вкусные.

Последней фразой дроу словно перевел свою речь в шутку, только даже такая простодушная девушка, как Маша, не поверила, что все, сказанное Зэром, обычная болтовня.

Дейдриан не торопил невесту. Уверившись в том, что она носит его дары обручения, Черный Властелин почти успокоился. И ухаживал за девушкой не торопясь, будто хотел прочувствовать каждый этап нового для себя положения.

Когда-то давно он, разумеется, был женат и вроде как имел детей, но даже память о тех, чей прах тысячи лет назад стал ветром, не сохранилась в легендах. Так что, можно сказать, Дей сейчас все познавал заново.

В свою резиденцию для официального приема и представления знати империи Черный Властелин Марию звать не спешил. Ему не хотелось отягощать ортэс, загоняя ее в рамки традиций. Пожалуй, для

начала следовало эти традиции подправить и кое-что оформить законодательно. Над этим Дейдриан планомерно работал. Ибо порядок он уважал столь же глубоко, как и непрерывный процесс познания.

Но самые разные места своих владений невесте Черный Властелин показывал с удовольствием и законной гордостью. Экхардом он заслуженно гордился! Каждым уголком своей огромной империи.

В этот вечер Дейдриан решил совместить приятное с полезным — прогулку с невестой и знакомство оной с частью обширной империи. Черный Властелин собирался показать Маше ее вклад в охрану просторов Экхарда. Речь шла о пограничных с эльфийским лесом землях, на которые порой случались набеги светлых воинов, жаждущих сразиться с тьмой. Нет, договор о нейтралитете с Эльвилэром существовал, и даже не всегда на бумаге. Но горячие остроухие головы молодых эльфов полнились великими бреднями о превосходстве их первородной расы и сражении с вековой тьмой. Потому, пока не возвели несколько крепостей и не пустили дополнительные дозоры помимо пограничной стражи, особо рьяные «боруны» то и дело совалились на просторы империи. А что они пытались разграбить мирное поселение оборотней или деревеньку вампиров, так старшие за такие шалости ретивую молодежь, коли набег удавался, могли лишь пожурить. А если светлых воинов отлавливали на границе, то старшие под предлогом «они же дети» рьяно вступались за обормотов, и дабы мирный договор не был порван в клочья, Дею приходилось изобретать наказания для «детешек», чтобы мозги им вправить, а не повесить на каком-нибудь особо священном дереве. У эльфов же, куда ни ткни, каждое дерево чем-нибудь да священное.

Но после чистого мира, в котором Дейдриан и ортэс Мария дали жизнь удивительным цветам, вопрос с границей решился кардинально. За одну ночь там были посеяны и удобрены активатором роста семена удивительного растения календулы. И теперь заросли могучих гроздовых цветов стояли на страже империи, одаривая нарушителей электрическими разрядами. А что эти самые разряды норовили угодить в мягкие места ретивой молодежи, так это чистая случайность и не колдовал над ними Дей. Если только самую малость...

Мария и Дейдриан с одинаково довольным видом обзоредали со стены грозную полосу темно-зеленых стеблей с ярко-оранжевыми головками. Правда, первая радовалась, что цветкам нашлось применение, а второй — практической пользе ногтей, решивших проблему. Если какую иную преграду эльфы могли и подпортить из вредности, то на живую у свихнутых на почитании биомассы остроухих рука не поднималась.

Вызов Зэра для Дейдриана прозвучал неожиданно:

— Мой Повелитель, стражи доложили, на берегу залива Карима в полудне перехода от столицы Экхарда неладно. Там распахнулся портал. Чуждая энергия не нашего Уровня. Белые, много. Связь с дозорными прервалась. Я не могу туда отправиться через Залу Врат. Путь блокирован. Ни один из порталов не открывается. Выдвигаюсь на вивернах.

— Скверно, — отреагировал Дей. — Подожди, я сейчас буду. Попробую продавить врата портала властью императора. Мария, тебе лучше вернуться в свой мир.

— Нет, — спокойно ответила девушка и, увидев сведенные брови жениха, пояснила: — Мне нужно быть здесь. Давай отправимся к Зэру вдвоем. Мне кажется, я должна открыть вам проход.

— Я не хочу подвергать тебя опасности. Одно дело миссии ортэс, другое — проблемы империи.

— Дело империи стало миссией ортэс, — чуть виновато пожала плечами девушка. — Я не могу уйти. И не хочу, прости.

— Ортэс... — то ли выругался, то ли восхищенно выдохнул Дейдриан.

Он уже успел проверить утверждение Зэра, что неведомый противник блокировал возможность порталных перемещений по всему Экхарду, используя, по-видимому, некий артефакт божественного уровня. Потому и сам Черный Властелин был не в силах открыть банальный проход к маршалу в столицу империи. Да, враг блокировал все, но не учел одного — ортэс, сегодня игравшую на стороне империи Экхарда.

Перед Марией привычно разгоралось красно-золотое пламя портала. И никто этому помешать был не в силах. Несколько мгновений позже Дейдриан и Маша стояли перед сборным отрядом маршала Зэра.

— Мария, ты сможешь открыть портал для моих войск на берег Карима? — уточнил Дей.

— Да, так надо, — твердо ответила девушка, решительно тряхнув челкой.

И машина войны заработала. Высочайшая дисциплина войск Экхарда себя оправдала. Отряды, собранные дроу, строились и готовились проследовать к непривычно пылающему красным и золотым контуру перехода. Никаких выпренных речей или призывов задавить гниду света Дейдриан не произнес. Его людям и нелюдям было достаточно понимания: в их общий дом пришел враг, и по собственной воле он не уйдет, а значит, его нужно заставить уйти, а лучше уничтожить. Чтобы иным было неповадно и чтобы недобитые не смогли прийти вновь. Милосердие — штука красивая лишь в легендах и на белых не работает в принципе. Те видят лишь слабость врага. Так было, есть и так будет.

Тем временем в крепости Ордена Света Фалькор, как и было назначено братьями-монахами, собирал своих рыцарей, чтобы вместе ступить на берег водопада в далеких горах. Для чего горные братья положили ему такой обет, потомок эльфов не ведал, но до сей поры любой из советов обитателей горной обители шел на пользу ему и обновленному ордену. А потому Фалькор исполнил все в точности.

Заодно и проверил рисунок на теле, которым наградил его причудник Фэб Кнутовище. Странные все-таки создания фэйри. Порой Древний вел себя как сущее дитя, веселился, чудил и лопал сласти, а порой из его озорных ярких очей проглядывала такая лютая седая Бездна, что мороз продирал. Однако Солнечная Дева приняла фэйри, и тот берег ее, потому принял Древнего и Фалькор, оставив в душе опасливое восхищение тем, кто покинул Холмы.

Картинка на груди, повинувшись желанию рыцаря, обернулась порталом, в который шагнули стройные ряды паладинов света. Шагнули и замерли, вдыхая чистейший горный воздух, невольно ежась от свежего ветра и долетающих брызг, слушая шум водопада.

Фалькор привычно поискал взглядом медитирующих монахов и в этот раз нашел их сразу. Или по ярким коврикам, на которых сидели братья, или потому, что они здесь и сейчас не прикидывались парой валунов. Оба с удивительной синхронностью указали простертыми

ладонями в чашу вод Уррадаррир. Удивительно спокойную в пик излияющемуся в нее шумливому водопаду. Только сейчас Фалькор обратил внимание на это несоответствие. Волн и ряби по глади озера не шло. Оно было гладким, будто зеркало, и в единый миг всякое «будто» исчезло.

Вода обернулась экраном, отразившим не горы, но панораму войск, приготовившихся к битве. Сияющие рыцари и светлое воинство под белыми стягами против порождений тьмы с их черно-багровыми штандартами. Свет против Тьмы, вековечный бой.

Вот только там, среди черных, рядом с Властелином Дейдрианом стояла ортэс, и красно-золотой клинок в ее руке и теплый, спокойно-доверчивый взор, устремленный на Черного Владыку, никак не желали вписываться в монохромную картину противостояния.

А спустя миг-другой пришло понимание: не все верно в этой традиционной картине. Чем больше пришедшие рыцари смотрели в воды Уррадаррира, тем более странным виделось им зрелище. По белому воинству, и более всего по самым великолепным его рыцарям и командирам, как плесень, расплзались серо-зеленые болотные пятна, мешая свет с грязью и искажая горящие благородным огнем негодования лица. Они словно кривились в алчных, кровожадных гримасах.

Черные же воины... Они сияли своим собственным светом, не истовой белизной, но пламенем, вмещавшим иные краски. Среди них не встречалось непорочно-благородных, но жаркая ненависть к тем, кто пришел с оружием в их дом, была куда честнее и чище.

И медальоны-кристаллы поверх белых одежд пришедших рыцарей были в точности подобны той мерзости, какую совсем недавно прислали самому Фалькору. Той самой, послужившей поводом к смене названия ордена. Они являлись частью той самой паутины, из которой белый паладин вырвал своих друзей благодаря удивительным водам Уррадаррира. Попасть вновь в эти силки Фалькор не желал сам и никому из братьев не хотел подобной участи.

Да, благородный рыцарь узнал злополучные украшения. Впрочем, их узнал каждый из его спутников, которым Фалькор честно поведал о причинах переименования. Но сметливый Серо углядел и кое-что другое, ускользнувшее от внимания главы:

— Эй, а у палатки-то наш бывший казначей топчется! Вот куда он сдернул! И на пальце у него перстень паладина Димара. И та святыня, что якобы пропала у рыцаря Тибула!

— А наруч командора Браова! — подхватил другой глазастый рыцарь. — Гнида!

— Мы все дивились, что он исчез, а казна орденовая цела. Зачем ему казна, ежели он светлыми артефактами мощну набил! Но даром ему не прошла та кража, ой, не прошла, гляньте, братья, и впрямь гнида — он весь в язвах, будто заживо гниет!

«Так вот как мое пожелание аукнулось», — мимолетно подумал Фалькор, рассматривая не своих бывших собратьев по Делу Света, а черную армию Черного Властелина Дейдриана. И все более убеждаясь в том, что черной по сути она не была...

«Разве радуга белая?» — почему-то забрела в голову благородного рыцаря нелепая мысль-вопрос. А потом он принял решение. Опустив ладонь на рукоять меча, мужчина свободной рукой попытался снять с груди чудесный медальон:

— Я слагаю полномочия главы Ордена Света и иду туда, братья. Мое место подле ортэс. Поднявшие на нее оружие не могут быть белыми воинами.

— Не спеши, командир, не твое — наше место. Мы тоже видим, каково это светлое воинство. Белые там лишь одежды. Они такие же иль похуже тех, кто нас в магических оковах держал, к непотребному принуждая! И если бы против них истинно черные шли, ортэс бы подле них не стояла. Сдается мне, что не свет с тьмой тут битву затеяли, а враги всех наших миров сопредельных, вырядившись в белые одежды, явились. Черные-то главная сила — сомни их и твори, чего пожелаешь. Не выйдет! Пока я жив, не выйдет! Я иду с тобой! — Серо шагнул к Фалькору. — Разобьем вторженцев, а между собой потом разберемся.

Серо, будто родившийся заново после освобождения от оков принуждения и истового покаяния, глубоко вдохнул кристально чистый горный воздух, тряхнул головой и встал по правую руку от Фалькора. Следом за ним, как единый человек, сделали шаг вперед все рыцари обновленного Ордена Света, считая этот путь путем искупления.

— Мы идем с тобой, води нас!

«Идти? Но как?» — озадачился Фалькор, и братья из горного монастыря подсказали:

— Твое тело по шалости Древнего отныне портал, рыцарь! Помни! Шагнуть и провести с собою ты можешь не только в те края, что начертаны, но и из них — в любые.

Фалькор приободрился и громогласно объявил:

— Да будет так, братья! Последуем немедля, чтобы плечом к плечу встать с ортэс против тех, кто снова облачился в ложно-белые одежды!

И, положив руку на свой медальон, он передал Марии решение Ордена Света, чтобы та перемолвилась словом с Черным Властелином.

А то ведь у черных, как и у белых, порой разговор недолог: решат, что новая порция врагов на голову свалилась, и в бой ринутся.

— Ой, Фалькор говорит, что сейчас придет и приведет своих рыцарей, чтобы на нашей стороне биться. Придет через портал, который ему Фэб на груди нарисовал, — растерянно и радостно выпалила Маша, получив волшебную эсэмэску.

— Да, ортэс, ты в свои печеньки точно что-то добавила, чтобы белый, да против своих же пошел... — Зэр мотнул головой так, что тяжелая коса взвилась змеей.

— Уловка? — чуть свел брови Дейдриан.

— Нет, этот не умеет, — почти небрежно отмахнулся дроу. — Что ж, пусть приходят, займут место по левому флангу.

— Пусть, — согласился Черный Властелин принять подмогу, тем более ту, которая способна вывести противника из равновесия. Он все еще пытался придумать, как половчее спровадить Марию домой до начала битвы, в которой не место юной деве, совсем не место. Хватит и того, что ее портал распахнулся, переноса на поле битвы не только явившееся по кличу Зэра войско, но и ко всем тем, с кем дроу успел связаться и предупредить о вторжении. Собирающиеся выдвигаться на подмогу Черному Властелину отряды вместо долгой дороги по необъятной империи с легкой руки ортэс шагнули прямо к Владыке Дейдриану.

Секунду-другую Дей надеялся, что сможет убедить фэйри увести девушку прочь. Но хватило взгляда на буквально светящегося жаждой битвы Древнего, чтобы пустые мечты испарились росой под солнцем

полудня. Фэйри не уйдет, пока вдоволь не напьется крови врагов. Да, он даже в горячке битвы, верный клятве, будет прикрывать ортэс, но от случайной стрелы и заклятия с гарантией не убережешься. Вдобавок Дею не хотелось, чтобы Мария видела всю истинную мерзость войны. Увы, увести ортэс можно было, лишь усыпив, но в таком случае некому было бы открыть заблокированные врагом порталы.

Тем временем, как и было обещано монахами, врата на груди белого рыцаря, сотворенные фэйри, открылись, пропуская на поле битвы рыцарей Ордена Света. Только белые плащи их при переходе через врата Древнего меняли свой цвет с кипенно-белого на переливающийся радужный. Пожалуй, к лучшему — чтобы черным случайно не спутать своих белых с чужими, белыми лишь условно.

Фэб проказливо заухмылялся, оценивая новый прикид, и аж засветился, когда догадливый Зэр жестом показал ему, что восхищен фантазией.

Зычный голос Черного Властелина уже летел над сводной армией, почти повторяя речь Серо о том, что когда в дом приходит общая беда, всякие разногласия надо оставить, как пустые игрушки. А с цветом плащей они разберутся потом, когда полнубудутся цветом крови врагов. На их стороне ортэс, невеста Владыки Дейдриана, а значит, и гармония миров, которая вмещает в себя все цвета.

Поддерживая жениха, Маша подняла вверх свой призванный меч. Клинок откликнулся более чем охотно, засияв красно-золотым и разлив над войском широкую радугу ярких цветов. Дружный рев воодушевленных бойцов: «С нами Черный Властелин и ортэс!» — стал ответом войска Дейдриана.

Ропот сомнений, пока еще легчайшим ветерком загулявший по условно-белому воинству, присоединился к ликующему ору войск Дея. Можно было сколько угодно вещать о том, что ортэс одурманена черными посулами или вовсе ортэс не является, но радуга цвета сияла, утверждая иное. И тогда «белые» захватчики решили сразу пойти с козырей.

В самом центре белого войска на холме был материализован походный алтарь Света. Из роскошного ларца извлекли сияющую ослепительной белизной друзу. Нет, вряд ли из хрусталя, скорее алмазную. Возложив огромный кристалл на алтарь, ровно семижды

семь рыцарей-паладинов самых высоких чинов затащили призыв-литанию:

— Приди же к нам, сияющий! Мечом возмездия сияй, крыла защиты распахни! Стопами чернейшее из зол повергни в прах!

— Вот и все, ортэс, прощай, — светло улыбнулся Зэр, проверяя остроту сабель и надежность крепления легких доспехов. — Рад был встретить тебя на своей дороге! Но сейчас уходи, нам с Деем предстоит последняя битва!

Маша недоуменно нахмурилась.

— Эти твари призывают Карающего ангела, жизнь моя, — пояснил Дей. — Убить такую тварь почти невозможно. Он есть неуязвимая квинтэссенция Божественного Света, столь же пустого, сколь чистого. Сокрушает без жалости все, на что указали как на несущее тьму.

— Я не уйду, — снова покачала головой Маша. — Попробуем договориться и объяснить. Если не поможет, проверим неуязвимость этого создания перед мечом ортэс.

— Ты не понимаешь, Мария, — тряхнул льняными кудрями посуровевший Фалькор, чьи губы машинально шептали молитву о стойкости в последней битве. — Карающий ангел не ведет речей, он лишь блистающий меч творения. Я сам никогда не рискнул бы призвать такого, если только как единственный шанс перед лицом абсолютной тьмы, грозящей уничтожить миры. Но не так, не так...

К чести нового Ордена Света, его рыцари не дрогнули, не потребовали от Фалькора увести их и не предложили сменить сторону. Хватит, отбегались. Они просто готовились к смерти, как, пожалуй, любой в армии Дейдриана, до кого дошел смысл затеянного врагом.

— Я не понимаю, — согласилась Маша и, улыбнувшись, виновато пожала плечами: — Я не хочу понимать такого. Это неправильно!

Эти слова совпали с окончанием литании на холме вокруг блистающего кристалла. Ослепительная вспышка раскидала призывателей, когда в сиянии, до боли режущем глаза, возник ОН. Как и было сказано — сама квинтэссенция неумолимого Света. Огромный, почти в два человеческих роста, обряженный в белые доспехи, сияющий широко распахнутыми крылами, сверкающий очами,

похожими на осколки сапфира. Обнаженный меч в его руке тоже сверкал ослепительным светом, который словно стекал с лезвия.

— Тьма там! — возопил один из призывателей, неловко поднимаясь на ноги и простирая дрожащую руку в направлении ставки Дейдриана.

Ангел взмахнул гигантскими крылами, снова повергая все окружение наземь, и взлетел. В три взмаха блистающих величественных крыл он преодолел расстояние до холма ставки Черного Властелина. Словно не летел, а смещался в пространстве. Застывшая бесстрастная и прекрасная марионетка, цепной пес, получивший команду «Фас!». Дейдриан, Зэр, Фалькор, Фэбалькир синхронно выдвинулись вперед, заслоняя ортэс своими телами и мечами.

— Ты не там ищешь настоящую тьму! — раздался из-за спин мужчин голос девушки. — Очнись!

Бесстрастное создание, небрежным взмахом руки уничтожившее все смертоносные подарки, какими его угостили лучшие чародеи, шаманы и меткие лучники армии Дейдриана, медленно моргнуло. Кукольное выражение безразличия сменилось легкой озадаченностью. Ангел сейчас выглядел так, словно только что пробудился от странного глубокого сна или гипноза. Он опустил вздетый меч, уперев его кончик в землю, и чуть склонил прекрасную голову с белоснежными кудрями, приветствуя девушку:

— Ортэс!

— Пустите меня! Это как с тем рогатым! — Маша ломилась сквозь строй озадаченных защитников, готовившихся к быстрой смерти в безнадежном бою и не понимающих, почему она, эта самая смерть, медлит и какого демона — Всеблаготворца — Священной Паутины Великих Подземелий — Благодати Холмов (нужное — подчеркнуть!!!) не осознает опасности дурная ортэс.

— Хочешь сказать, он тоже одержим яростью? — удивился и первым догадался Дей, у которого страсть к познанию в любой ситуации оставалась основой личности. — И ты можешь привести его в чувство?

— Ага, — энергично кивнула Мария и все-таки сумела преодолеть заслон защитников, уступивших напору убежденности

ортэс и тому, что крылатая тварь опустила оружие и, по-видимому, намерена говорить с носительницей дара гармонизации миров.

— Я грезил о единении с Создателем, пробудили ради сражения с Тьмой. Почему ты здесь, ортэс? — Мелодичный голос пронесся над полем, становясь слышимым всем и каждому.

— Я тут, потому что тут мой жених и мои друзья. А почему ты здесь, ангел? — склонила голову набок Маша. Говорила она совсем не так мелодично и значительно тише небесного создания, но голос девушки, попавшей в зону интереса Карающего ангела, слышали все.

— Я призван уничтожить Тьму. Будучи призван, я не могу опустить клинок, не сразивши Мрак, — просто, без патетики, повторил слова о своем предназначении ангел. Затем он протянул руку и погладил девушку по голове, осторожно, словно был убежден в ее невероятной хрупкости. Потoki света, изливающиеся от крылатого собеседника, смешались с рыжими волосами Маши и породили радугу, омывшую тела девушки и ангела.

— Тогда почему ты тут, а не там? — Маша указала подбородком в сторону ставки белых вторженцев.

— Почему? — Ангел задумался, сапфировый взор его затуманился, потом прояснился, вероятно, живой компьютер завершил анализ данных о сути вопроса и перешел к сбору визуальной информации. Сапфировые очи просканировали ближайшее окружение, губы разомкнулись, проводя гласный подсчет: — Ортэс, — взгляд ангела вновь словно погладил Машу. — Серый, — безразлично скользнул по Зэру. — Чистый темно-серый. — Очи смерили Дейдриана с толикой удивления. — Истинно белый. — Паладин Фалькор был взвешен и измерен почти благосклонно, — Цветной, — идентифицировали Фэбалькира.

Потом ангел развернулся к ставке белых организаторов призыва:

— Грязно-серый, черный, черный, черный, грязно-серый... — пошел методичный пересчет верхушки призывателей.

На третьем десятке исчислений, в котором преобладало слово «черный», ангел прекратил анализ и, поцеловав ортэс в лоб, констатировал:

— Цель найдена.

Снова махнули гигантские крыла, кипенно-белые, лишь на самых кончиках отливающие радугой, снова воссиял громадный меч.

Сменивший точку наведения на цель ангел взмывал все выше и выше. Он притормозил лишь на миг, когда в его волосах проскользнула какая-то синеватая искра. Ангел резко мотнул головой и щелкнул зубами, скусывая искру света, как пес блоху. «У него что, светозарные вши?» — как-то отстраненно удивилась Маша, но не успела закончить шокирующие размышления. Величественный полет над полем несостоявшейся битвы возобновился. Там, в сияющей голубизне, Воин Света махнул клинком, не то рассекая реальность, не то очерчивая некую фигуру. Трубный глас разнесся над войсками:

— Принуждение к СВЕТУ!!!

Затем последовал слаженный крик боли шайки агрессоров — всех, кто пришел с мечом на земли Экхарда, окружил режущий глаза белый свет, словно впечатывая в сияние, и они просто исчезли. Раз — и нет!

— А я не верил легендам, будто против призывателей неправых, замаравших честь, Карающий ангел свой меч обратить может, — выдохнул Фалькор, отирая рукавом бисер пота со лба.

— Рядом с ортэс легенды оживают, — брякнул Зэр, передернув плечами. Не хотел бы он вот так насильно перекраситься, растворяясь в Свете Изначальном.

— О-о-о, — восхищенно и чуточку завистливо протянул Фэб, фанатично созерцавший белое деяние. — Какое масштабное изменение структур... Я так не могу.

— Ну так ты и не ангел. К счастью, — хмыкнул Зэр, затрудняясь представить, что именно способен натворить Древний, получи он еще и эту силу.

Фэбалькир, соблазненный силой, как конфеткой в яркой обертке, разочарованно вздохнул.

В войске же Черного Властелина, оставшегося без противника и неизбежной безнадёжной битвы, звучали восхищенные волны голосов, обсуждавших случившееся. Ортэс, невеста Владыки Дейдриана, всего несколькими словами изменила цель удара неумолимого ангела.

— Чистый темно-серый, — мотнул головой Дей, попутно готовя вновь заработавшие порталы для отправки своих соединений по местам дислокации и торжественную речь на прощанье. — Какой позор, обозвал, словно сукно в мастерской...

— Да ладно тебе, — небрежно хмыкнул Зэр, качнув головой так, что тяжелая коса полного воинского убора чуть слышно звякнула. — Красиво назвал. Этим вот, принужденным, куда меньше повезло, каждого первого грязным поименовали.

— Хм. — Дей неопределенно хмыкнул, признавая логику дроу и все равно недоумевая, когда же он успел из черного стать темно-серым и почему. Неужели и в этом стоит винить ортэс. Или благодарить? Распознай в нем ангел Черного Властелина, все могло повернуться совсем по-другому.

Глава 41

МАША!

В первую же пятницу после окончания практики и, следовательно, всего курса группа собралась в «Елках». Так именовался вовсе не участок хвойного леса, а небольшое кафе неподалеку от университета с тремя пушистыми елями, высаженными перед зданием. Цены там были демократичными, вполне прилично готовили салатики, пиццу, пирожки, мясо с картошкой, а выпивку разрешали приносить с собой при условии покупки в кафешке хотя бы бокала пива. Что еще надо компашке студиязов? Да ничего!

Так что в пятницу народ вознамерился чуток расслабиться и отметить окончание сессии. Пришла и Маша. Посиделки в кафе она не слишком любила, но компанию одноклассников поддерживала, поэтому на все сборища ходила. Правда, не зависала надолго: и самой надоедало, и дедушку не хотелось беспокоить.

Когда Лешка и Лидка собрались по домам (мама у старосты была еще более строгой фанаткой режима, чем Машин дед), Сазонова тоже попрощалась с ребятами.

— О, Маха, тоже отчаливаешь? Айда с нами на остановку! — без задней мысли позвал Лешка в компанию приятельницу, сияя чуть пьяненькой белозубой улыбкой.

Лидка, давно уже прекратившая дуться на парня из-за лучшей оценки, кивнула и улыбнулась. Все равно на разных маршрутках ехать. А пятюк минут она даже ревновать не будет. Маша, не ведая о мыслях старосты, спокойно присоединилась к парочке.

Поблизости от университета кафешек было достаточно. Два корпуса студенческой столовой удовлетворить все запросы голодной молодежи никак не могли, да и не продавали по особому распоряжению ректора в столовках даже безалкогольное пиво.

Так что многочисленные чебуречные, пиццерии, пельменные и прочие заведения общепита росли вокруг студгородка, как грибы после дождя. И цены в условиях жесткой конкуренции были умеренными. Правда, пользовались этим не только студиязы, но и все проживающие

поблизости горожане, чей кошелек не отличался непомерными объемами.

Потому оживленный народ, пребывающий в шумном состоянии легкого (или сильного) подпития, на остановках вечером встречался частенько. Маша от таких компаний старалась держаться подальше. Ей были неприятны фальшивое веселье и мощный запах спиртного.

Но на этот раз Лешка как нарочно пристроился на остановке рядом с шумной компашкой парней, о чем-то громко рассуждавших и гоготавших, словно гуси. По-видимому, нужный этой кучке людей транспорт запаздывал, и они начали искать развлечений.

— Девушки! А как вас зовут? А давайте познакомимся! — подвалила к Лидке и Маше парочка то ли самых обделенных женским вниманием, то ли самых пьяных, то ли более всех желающих почесать кулаки парней. В пользу последнего говорило то, что рассерженного Лешку, парня хоть и улыбчивого, но крупного, они в упор не замечали.

— Спасибо, не надо, у меня жених есть, — отказалась от высокой чести Маша и хотела отвернуться. Не тут-то было! Пьяный-то пьяный, но добычу парень отпускать не пожелал.

— У-у-у, какая цепочка красивая! Дай заценить! — потянул свои грабки к витому плетению, украшавшему шейку Марии по случаю праздника. Предупредить нахала девушка не успела.

Хам заорал от боли и затряс рукой. На пальцах багровел стремительно опухающий на глазах ожог.

— Вау, цепочка-электрошокер! Круто! Маха, респект!

— Ах ты!.. — выругался второй и попытался ухватить девушку на запястье. Лидка завизжала, включая звуковое сопровождение процесса, и зажмурилась.

Ну что сказать, задуманное у грубияна получилось, вот только запястье Сазоновой украшал браслетик из комплекта к цепочке — брачный артефакт Властителя Дейдриана. Прикосновение к нему вызвало обиженный вопль боли уже из глотки второго хама, заполучившего ожог на свою грабку. Третий кадр из компашки оказался то ли более трезвым, то ли обремененным большим интеллектом — он сообразил, что дело пахнет керосином. Здоровенная деваха еще даже не начала ломаться, а двое его приятелей уже орут от ожогов, да и народ на остановке оглядывается на происходящее. Женщины поглядывают одобрительно, мужики

опасливо. В общем, ну его в баню, эдакое проблемное развлечение. Подхватив подвывающих и матерящихся друганов едва ли не за шкирдоны, он поволок их прочь. Под хоровое обещание Маше различных страшных кар пьяные ухажеры убрались с остановки в ближайшую подворотню.

— Маха, ты ваааще! Электрошокер в браслете и цепочке! — Лешка был в восторге.

— Маш, ты говорила, не лжешь никогда, а этому придурку про жениха лягнула. Жаль, не сработало, — встряла Лидка, перебивая слишком уж восторгающегося приятельницей пария.

— Я не лгу, у меня есть жених, — пожалала плечами девушка.

— А мы его знаем?! — тут же загорелись новым интересом глазки Лидки.

— Леша его разок видел, когда из кино меня провожал, но не думаю, что запомнил, — честно ответила Сазонова.

— Это такой высокий и жут... э... внушительный? — исправился Лешка, может, и забывший что-то, но на подсознательном уровне сохранивший память об опасной встрече и совершенно не желавший ее повторения и продолжения чудесного знакомства.

— Ага, — счастливо улыбнулась Маша.

— Ой, а он мне такой браслетик не сделает? — уточнила Лидка. — Я заплачу!

— Прости, Лида, вряд ли, украшения — подарок к свадьбе, — вздохнула Маша, не зная, как еще объяснить старосте, что Черный Властелин точно не будет мастерить для студентки цепочку-электрошокер. Кстати, и сама Сазонова об электрических свойствах украшений не знала и не ведала, пока в лоб с ними не столкнулась. Уже собиралась, защищая Лидку, драться, если пьяные ребята продолжат приставать, но все даже лучше получилось.

Не любила Маша махать кулаками, умела, но не любила. Если человек не понимает слова, то тратить на него свое время и свои силы, нанося удары, жаль. Любой спортивный бой — это упражнение, а драка — по большей части пустая трата ресурсов.

Для кого-то другого очень может быть — тут Сазонова допускала, что это не так. Читала, что с хорошей драки порой настоящая мужская дружба начинается. Но сама бы так не смогла. Так что убравшихся прочь пьянчужек она проводила с легким сердцем.

— Жаль, — сморщила носик староста в ответ на отказ изготовить опасную побрякушку, но сильно переживать не стала, переключившись на другое: — Маш, а ты не боишься, что эти тебя подкараулят?

— Нет, собака лает — ветер носит, — со спокойным достоинством ответила ортэс.

— Да наша Маха, небось, вообще ничего не боится! — приобняв Лидку, выпалил Лешка, гордый за факультетское или даже университетское, если не за в целом городское, достояние. — Скажи, Мах!

— За себя не боюсь, я умею защищаться, — коротко улыбнулась девушка и серьезно ответила: — За других — бывает. Тут я большая трусиха.

— Блин, Маха, ты такая умная порой, тебе череп не жмет? — попытался перевести приятель в шутку серьезный ответ.

— Нет. — Маша вроде как задумалась над вопросом, хотя на самом деле думала не о своем интеллекте, а о Дейдриане.

Вот уж кому череп временами точно жмет, потому он так и морщится. И как полезно ему, невероятно умному, время от времени просто отдыхать на природе или у Маши на кухоньке. Там, где нет всего того, что заставляет Черного Властелина размышлять над серьезными проблемами.

— Маш, а когда свадьба? — бросив лукавый взгляд на Лешку, продолжила треп Лидка.

— После окончания универа, — ответила Сазонова.

Тут уж девушка проявила упорство. Выскакивать замуж до получения образования она считала неверным, да и дедушка об этом не раз говорил.

— У-у-у, — разочарованно протянула Лидка. — А чего так долго? Чувства проверяете и все такое?

— Нет, — твердо ответила Маша. — В чувствах мы уверены. Но разрываться между семьей и учебой я не хочу.

— А Верка вышла... — не то в качестве довода, не то просто чтобы что-то сказать, брякнула Лидка, снова надув губки.

— Так она по залету выскочила, — хохотнул Лешка.

И никто из девушек не возразил: пузо троечницы Верочки было более чем весомым аргументом в пользу циничной версии. По залету

Лида не хотела, она хотела по любви, как и любая нормальная девчонка.

Конец дальнейшим расспросам о личности таинственного Машиного избранника положила приехавшая маршрутка. Попрощавшись с ребятами, Сазонова ввинтилась в распахнувшиеся двери, попутно одной рукой подхватив под локоток и практически внеся на себе какую-то оступившуюся бабульку, а второй — одно из двух чад молодой женщины, у которой конечностей на вертявых карапузов не хватило. И плевать ей было на пыльный отпечаток маленькой кроссовки на изумрудно-зеленой юбке праздничного платья. Пыль ототрется, а нет, так и постирать недолго.

Лидка с Лешкой, ставшие свидетелями очередного благотворительного аттракциона с применением суперсилы, только переглянулись и привычно констатировали:

— Маша!

Глава 42

КАКОЙ БУКЕТ!

Ортэс тем временем, не икнув и не почесавшись от сплетен за спиной, спокойно добралась до дома и почти не удивилась чаевничающему там на диванчике Черному Властелину. Или теперь, по словам ангела, его стоило именовать Темно-серый Властелин?

Внезапно озадачившись этим вопросом, Маша решила уточнить детали титулования. Отобрав у Дейдриана пустую чашку, девушка налила ему хорошо заваренного чая и добавила на стол вазочку смородинового варенья. Туда немедленно нырнула очередная печенька, прежде чем отправиться в рот сладкоежки, каковым оказался Дей.

— Тебя это заботит? — чуть нахмурил смоляные брови жених, вроде как не наблюдавший за невестой-ортэс фанатичного стремления к белизне.

— Конечно, — согласилась Маша, наливая чайку и себе, перед тем как присесть рядом с избранником. — Черный Властелин — это же вроде официальный титул, он в документах должен проходить. У нас, когда одну улицу переименовали, люди замучились бумаги переделывать. А тут целая империя!

Честно говоря, Маша так до конца и не поняла, почему в ответ на это Дей рассмеялся столь заразительно и чмокнул невесту в нос, прежде чем сказать:

— Ты удивительна, любимая! Не тревожься, во всех документах Экхарда я по-прежнему именуюсь Черным Властелином! Нашим подданным не придется страдать от бумажной волокиты!

— Это хорошо, — умиротворенно улыбнулась Сазонова и склонила голову на плечо довольного жениха. Невеста в очередной раз изумила его своим взглядом на мир, обрушив старые установки.

Умиротворенная тишина присела рядышком с двумя столь разными, но нашедшими друг друга среди множества миров и пожелавшими связать судьбы созданиями.

Сбежала она лишь от разгорающегося света очередного красно-золотого портала. Личное время плавно перетекало в новую миссию

ортэс. И миссиям было совершенно наплевать, что день клонится к закату. Машу снова звали на подвиги!

Без вдоха и ропота Мария прихватила рюкзачок, привычно притулившись у ножки диванчика, и шагнула к portalу.

— Я с тобой, — спокойно промолвил Дейдриан, вставая бок о бок с избранницей.

Портал свободно пропустил обоих. А значит, помехой в предстоящей миссии присутствие Дейдриана не будет. За прошедшие дни Маша уж успела неоднократно проверить разумную избирательность действия странного портала. Он мог пропустить только ее одну, а мог и самовольно захватить даже тех, кто следовать за ней не собирался. И каждый из следовавших через портал вместе с ортэс исполнял свое предназначение. Будь то деятельная помощь, совет или просто молчаливое присутствие.

Сейчас Маша и Темно-серый Властелин очутились в лесу. Это не были идиллические кущи эльфийского леса, где каждая травинка и лист уместны и вносят свою ноту в симфонию изящной гармонии, это не было и захламленной людьми лесополосой.

Сазонова стояла среди буйства красок, форм и ароматов. Зеленое, красное, голубое, фиолетовое, малиновое, оранжевое... В этом лесу смешались все оттенки, существующие в природе, и даже пара-тройка таких, о наличии которых Маша не подозревала.

Пахло терпко, сладко, свежо, вкусно. А еще лес не стоял в тишине, он позванивал, шуршал, шелестел, потрескивал, щелкал и высвистывал. Жизнь била в нем через край и прямо по голове неподготовленного визитера.

В первый момент Маша застыла столбом, привыкая к этому сумасшедшему буйству, рядом потряс головой Дейдриан, предпочитавший реву толп спокойную тишину рабочего кабинета, весело и открыто рассмеялся Фэб. Неугомонный фэйри принял гуманоидный облик и повалился на траву, привольно раскинув руки.

Спустя пару-тройку секунд, прошедших с момента появления гостей, явились и местные обитатели. Не пришли чинно и невозмутимо, не устроили засаду или торжественную встречу с фанфарами. Они налетели еще более пестрым, чем все растительное окружение, роем. Закружились яркой метелью вокруг ортэс, рассыпая искристую пыльцу с крыльев.

Маленькие крылатые человечки дергали Машу за одежду, гладили маленькими ладошками лицо, перебирали волосы, звенели-звенели-звенели голосками и куда-то ее тянули. Что-то настойчиво пытались втолковать своей гостье.

Девушка осознала, что должна куда-то пойти, но ни словечка в звенящем хоре высоких голосов новых знакомых разобрать оказалась не в силах. Слишком много их было, и говорили они вразнобой.

— Они куда-то тебя зовут, — озадаченно предположил Дей.

— Ага. — Ортэс уже и сама сообразила, что мелкие летающие человечки желают отвести ее куда-то, и зашагала к неизвестной цели. Дейдриан и подлетевший с земли Фэб, которому досталась личная порция искрящихся, как неисправная проводка и фейерверк, летунов, буквально облепивших фэйри, двинулись вслед за девушкой.

Далеко идти не пришлось. Путь окончился на склоне большого лесного озера. Мелкие создания устроили тревожный писк, намекая, что это и есть конечная цель путешествия.

— Я все еще не понимаю этих крылатых, — нахмурилась Маша.

— Это сильфы, волшебные создания, суть магии которых в самой их крови и в бесценной пылице на крыльях. Там, где они живут, живет волшебство, — промолвил Дей, пытаясь разобрать суть тревог мелкоты.

— Вы чего? — не понял сути затруднений обоих спутников Фэб. — Они говорят, после землетрясения вода вымыла злые камни со звезд, убивающие силу, и принесла их в озеро, отравляя все живое.

— Злые камни? — переспросила Маша.

— Хладное железо, скорее всего, — пожал плечами фэйри, подскочил к воде и зачерпнул ладонью, отпил пару глотков. Скривился. — Оно самое. Мне-то неприятно, а таким мелким и вовсе смерть, если пролежит подольше.

— Бедняжки, надо убрать отраву! — пожалела сильфов Мария, вытаскивая из рюкзака купальник и очки для подводного плавания.

— Если в этих землях нет иного хладного железа, я попробую чары призыва металла, — предложил Дейдриан невесте с легкой неохотой. Помочь олицетворению самой магии он был совсем не против, хотя и не отказался бы вместо колдовства полюбоваться полуобнаженной невестой в купальном наряде. Бесспорно, душевная чистота девушки влекла его к себе, но и перспектива единения тел

будила отнюдь не целомудренные стремления. Далеко не мальчик, Дей держал себя в узде и ждал почти спокойно, находя и в этом своеобразное удовольствие, к тому же период ожидания в несколько лет не казался прожившему тысячелетия долгим. Вроде бы не должен был казаться.

— Спасибо! — Маша благодарно улыбнулась.

— Не стоит, метеоритное железо отличный материал для артефактов и оружия, — дернул уголок рта жених и встряхнул руками, как пианист, собирающийся сесть за рояль. — Я буду в выигрыше.

Больше никаких видимых Маше действий или загадочных слов-заклинаний не последовало. Да что ортэс, даже Фэб не смог уловить плетений Владыки Дейдриана. Однако эффект был!

Из озера, заставив пестрый крылатый хоровод панически брызнуть врассыпную, вылетело несколько матово поблескивающих камней размером побольше футбольного мяча. Они даже не были покрыты налетом водорослей. Мир магической флоры и фауны отвергал чуждый его природе металл.

Довольно хмыкнув, Дей раскрыл кармашек кошелья на поясе, и каким-то образом камни, не меняя размера, исчезли в его недрах. В этот миг были, а в следующий — уже нет. Через секунду мир вокруг буквально взорвался ликующим звоном, салютом красок, звуков и ароматов.

«Это они прежде были напуганы и вели себя тихо», — смиренно констатировала ортэс, принимая очередную порцию сильфовых восторгов.

На счастье девушки, примерно половина радости досталась Дейдриану. Нет, Темно-серый Властелин, конечно, сделал гораздо больше девушки. Вся заслуга ортэс заключалась лишь в том, что она его сюда привела. Но Дей, несмотря на то что стал по колеру сути темно-серым, а не черным, был и оставался очень опасным типом, которого мелкота инстинктивно старалась избегать даже в буре бешеных восторгов.

Ему всего-то выпала тройная порция пыльцы с крылышек. Вот Фэбу всю его пышную эффектную шевелюру не только осыпали разноцветными искрами, но и заплели с невероятной быстротой в невообразимую сеть косиц.

А Маше крылатая мелочь притащила букет из трех больших — с ладонь размером — цветков, двух ярко-синих и одного алого. Формой бутона они напоминали розу, но пахли совершенно иначе, и стебли шипов не имели.

— Спасибо! — поблагодарила ортэс, принимая подарок. — Поставлю в вазу дома. Еще бы парочку таких цветков... — Маша огляделась вокруг. — А то горловина широковата, побольше будет лучше смотреться...

Веселый гомон, каким взорвался после ее нехитрых слов рой сильфов, чуть-чуть озадачил девушку. Но лишь на секунду, потому что в следующий миг вихрь крылатых малышей буквально впихнул ей в руки еще два цветка. Один красный и один синий.

Дейдриан не то подавился, не то закашлялся, а Фэб звонко расхохотался и буквально рухнул на траву, суча ногами. Выдавить из себя фэйри не мог ни словечка, лишь стонал от смеха:

— О-о-о...

Портал полыхнул красным золотом и перенес всех троих на Машину кухню без предупреждения. Фэб как лежал, так и продолжал валяться на полу, постанывая от смеха, а Дей все никак не мог справиться с кашлем. Маша уже и цветочки в вазу сходила поставила, и букетом полюбовалась, и налила жениху стакан теплой воды.

Дей принял воду безропотно, заглотнул одним махом и, зыркнув на Фэба, почти прошипел:

— Весело тебе, Древний?

— Весело, Властелин, — покаянно, с улыбкой от уха до уха, согласился Фэбалькир. — Не каждый день девушка себе пятерых детей вместо трех просит!

Теперь настал черед кашлять Маше. А Дейдриан осторожно, не зная, как воспримет его слова избранница, пояснил:

— Сильфы — сама суть магии, изменяющей реальность. Магии животворящей. Три цветка, преподнесенные тебе в дар, означали потомство. А когда ты попросила еще два цветка, реальность изменилась.

— Это у нас с тобой пять детишек будет? — переспросила ортэс.

Дей осторожно кивнул, ожидая реакции невесты.

— Здорово, я деток люблю, — в итоге разулыбалась Мария, переварив сногшибательную новость. — Пятеро, конечно, у нас в

семьях сейчас не часто случается, но бывает.

— А ты не смейся, фэйри, нянькой при них тебе быть, — коварно намекнул Дейдриан, и улыбочка как-то сразу слиняла со смазливой мордахи Фэба. Правда, возражать тот не посмел, лишь протянул жалобно, на грани слышимости: «За что караешь, Черный Властелин?!»

ЭПИЛОГ

Замуж за Черного Властелина (в Темно-серого его официально так и не переименовали, чтобы враги не расслаблялись!) Маша вышла после окончания университета. Никаких масштабных народных гуляний по этому поводу не было, лишь оглашение великой чести, что оказала ортэс Мария Властителю Экхарда, через магических вестников прозвучало по всем городам и весям необъятной империи. И картинку Черного Властелина рука об руку со статной рыжеволосой девой в фамильных регалиях подданным явили.

В том, что Маше этот наряд и украшения пойдут, Дейдриан не ошибся. Как-то разом, примерив их, внешне простоватая девочка-студентка превратилась в деву-воительницу, на которую косо посмотришь — глаз и всех зубов разом лишишься. Пример парочки глупцов, которые хотели супругу Властелина на слабо попробовать, оказался более чем показательным. Брачные артефакты, носимые Марией, превратили их в горстки пепла прежде, чем ортэс вообще поняла, что на нее кто-то покушался. Зато понял Дей и под это дело устранил еще десяток потенциальных живых проблем. Даже самые непонятливые «намек» поняли правильно, и защитные родовые артефакты остались без возможности действовать по профилю.

Маша же продолжила работать по призванию, то есть регулярно исполняла миссии ортэс без отрыва от должности императрицы Экхарда. С новыми обязанностями, к ней прилагающимися, Сазонова освоилась вполне успешно. А почему бы и нет, если Черный Властелин, читай полноправный диктатор, по законам империи всегда прав и жизнь любимой молодой супруге постарался максимально облегчить.

Как? Отменив пару-тройку (на самом деле пару десятков) навязших на зубах бесполезных и нудных ритуально-этикетных «плясок». Заодно и сам свободнее вздохнул. Ну а все прочее обязательное Маша прилежно изучила, благо учителей ей подобрали наилучших, а учиться после универа мозг привык. Хитро вывернутые экхардские обычаи оказались ничуть не сложнее той же анатомии.

Обещанные детки в жизни удивительной пары появились с феноменальной кучностью — точно, как предсказали мелкие крылатые создания. Сначала Мария подарила супругу тройню, потом наградила близнецами. Дедушка Федор после нескольких проникновенных бесед с мужем внучки переехал в империю заодно с родителями девушки, широко развернувшимися с исследованиями на новых просторах. Так что старик, чье здоровье основательно подправила магия Экхарда, теперь энергично помогал воспитывать ораву правнуков правильными людьми.

Фалькор, собиравшийся посвятить всего себя служению Свету с мига посвящения в паладины до самой смерти, неожиданно женился на сестре своего заклятого друга Зэра и продолжил служение уже в женатом состоянии. Кстати, получившееся потомство с удивительным цветом кожи молочного шоколада по стопам родителя не пошло, предпочтя мир искусства.

А вот ярмо главы Ордена Света после великой несостоявшейся битвы с Черным Властелином и явления ангела славному рыцарю сбросить с себя не удалось. Мешал слишком большой авторитет, и никакие стенания из раздела «Я устал, я ухожу!» не помогали. Братья по ордену ничего и слышать не желали об отставке. И на статус женатика, дозволенный в иных светлых орденах лишь низшим чинам, им было совершенно плевать. Ты наш бессменный рулевой — и точка! А устав и поменять недолго.

Зато друу Зэр ни в какие ордена любого цвета вступать не рвался и, вдоволь настрадавшись от матриархата в пору отрочества, предпочел стезю холостяка. Это, впрочем, не мешало ему наплодить и признать парочку бастардов посметливее и натаскивать как своих заместителей. Все во благо Экхарда!

Дейдриану с наследниками повезло несколько меньше. Желание принять бразды правления над необъятной империей изъявил лишь четвертый сын из второй партии отпрысков. Первая тройка ничего с политикой и наукой управления иметь не желала. Им больше по душе были чистые науки и магия.

Фэбалькир (сбылось зловещее обещание Дейдриана) стал воспитателем при ораве отпрысков Марии и Дея. И неясно, кто получал большее удовольствие от проказ: дети или сам фэйри, веселившийся с ребятней, как мальчишка.

Но Черному Властелину Фэб Кнутовище все-таки отомстил. Он женился на младшей дочери ортэс. И именно своему внуку Маша смогла со временем передать суть ключа гармонизатора. Да, из полукровки-фэйри ортэс вышла своеобразная. Но со своим шутовским хаосом гармонию в миры, как это ни странно, она приносила ничуть не хуже прославленной, обожающей порядок бабушки.

notes

Примечания

Слова поэтических текстов в книге принадлежит автору. —
Примеч. автора.